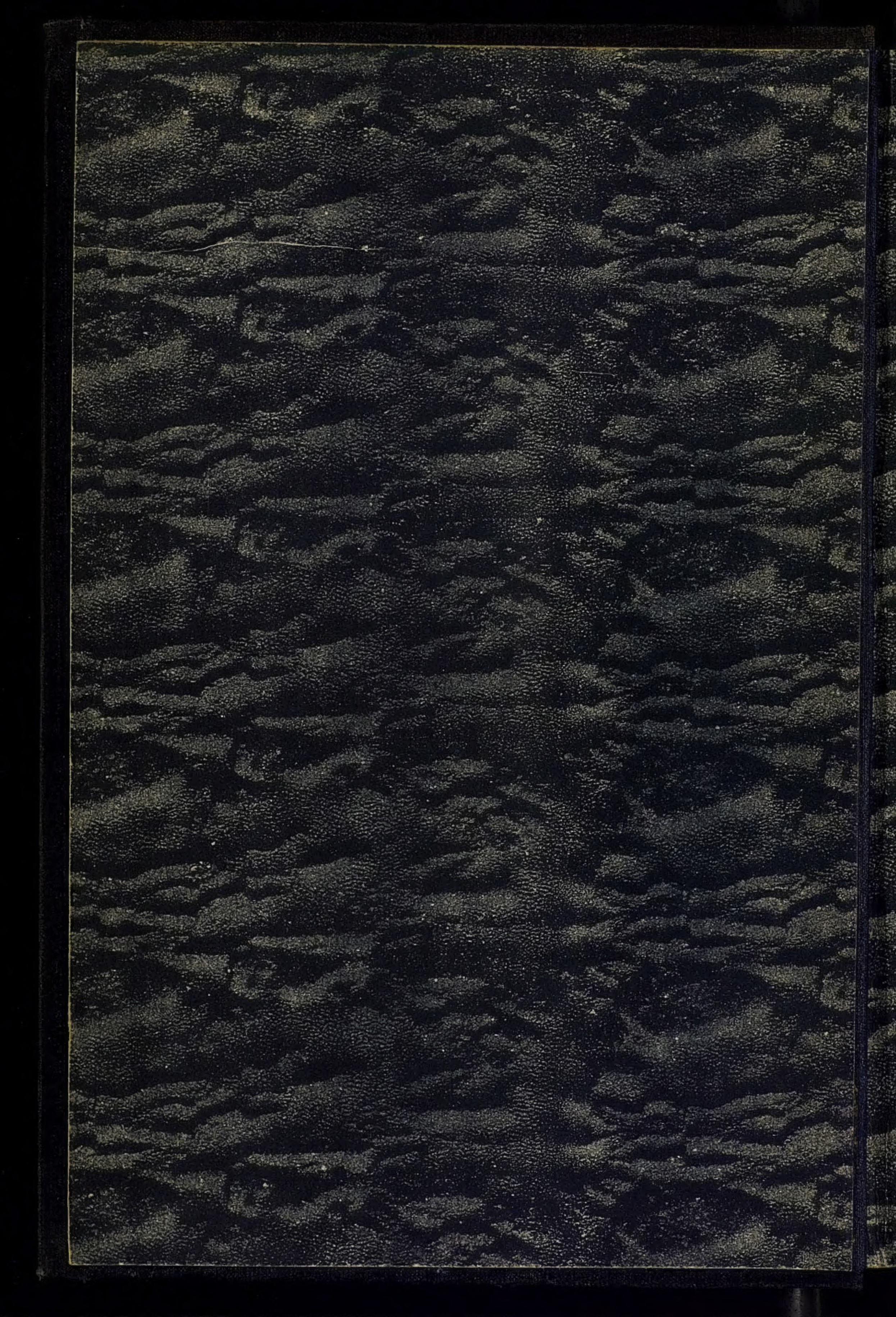
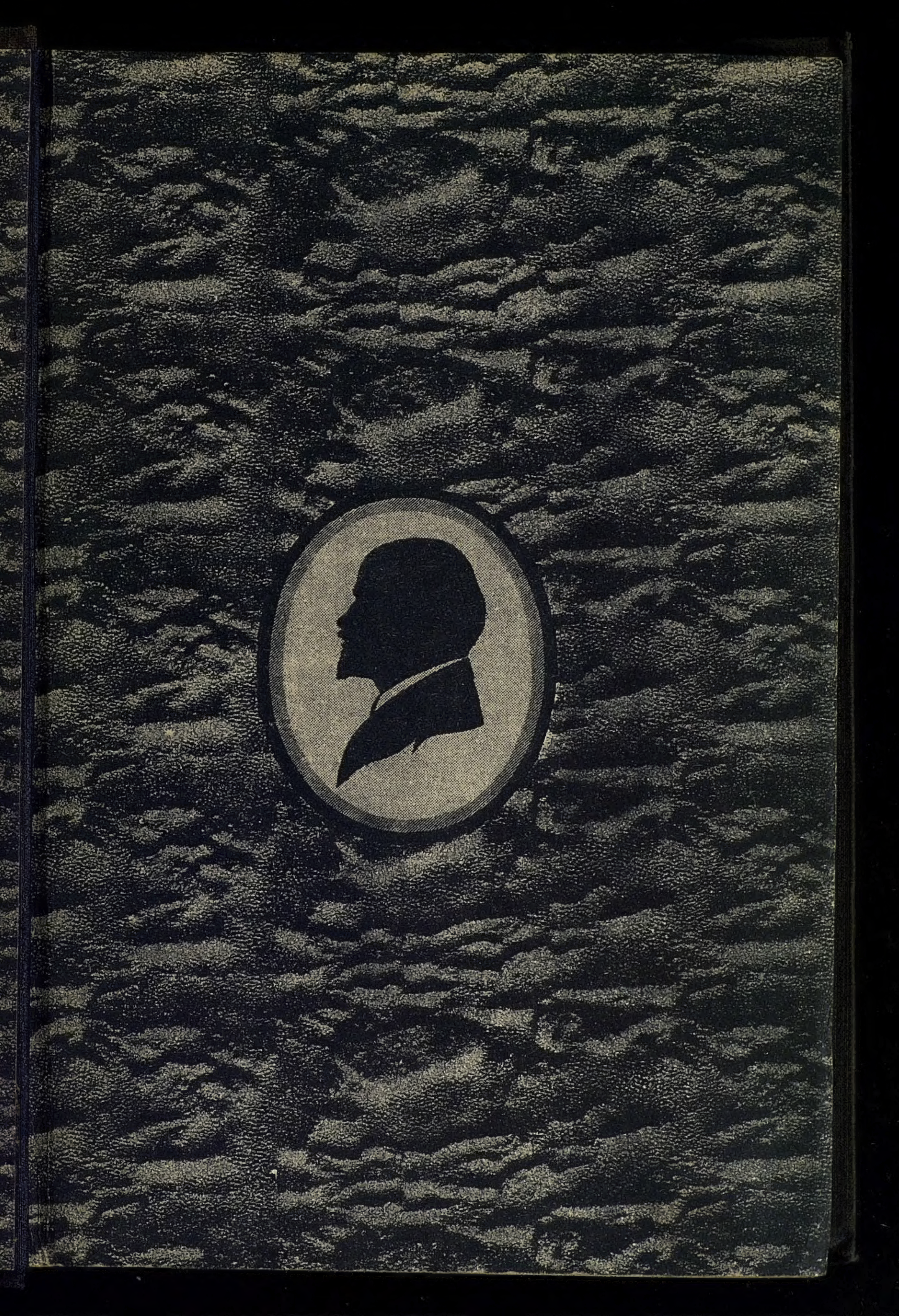
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

V





ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ V

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р.К.П.(Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С.С.С.Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·8 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ

V

1902—1903

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том так же, как и предыдущий, относится к эпохе «Искры» — «Зари» и охватывает период деятельности Ленина с начала 1902 г. по июль 1903 г. (до II съезда РСДРП).

Основные темы, которые служили для Ленина предметом изучения и разработки в брошюрах, статьях и заметках, отчасти письмах данного периода, и которые получили свое отражение в настоящем томе, это, прежде всего, программа партии, в особенности ее аграрная часть, обоснованию, защите и популяризации которой Ленин посвятил ряд работ; затем борьба с либералами («Освобождение» П. Струве) и социалистами-революционерами; национальный вопрос в программе социал-демократии (полемика с Бундом) и, наконец, организационно-партийные вопросы, связанные с реорганизацией партии на «искровских» началах и подготовкой II съезда партии.

При печатании «Материалов к выработке программы РСДРП» редакция Сочинений сочла необходимым отступить от проводимого ею принципа расположения произведений Ленина в порядке их хронологической последовательности. Объясняется это тем, что некоторые программные материалы писались Лениным одновременно с «Что делать?» в январе-феврале 1902 г. и должны были бы войти в IV том, другие, написанные позднее, следовало отнести к V тому. Но в таком случае программные материалы, размещенные вперемежку со статьями «Искры» и другими произведениями Ленина, оказались бы разорванными и утратили бы свою цельность, что, конечно, затруднило бы пользование ими, так как все программные документы по своему содержанию тесно связаны один с другим и должны быть сведены воедино для лучшей ориентировки в них. Редакция выделила поэтому программные материалы в самостоятельный отдел и отнесла их к настоящему тому.

Сохранилась довольно обширная переписка Ленина с русскими организациями «Искры», дающая богатый материал для характеристики внутрипартийных отношений, позиции, занимаемой

в них Лениным, и проводимой им организационной политики. Вся эта переписка, согласно плана издания, войдет в XXVIII том Сочинений. Чтобы не оставить, однако, без освещения и эту сторону деятельности Ленина, редакция включила в том 5 его писем к русским организациям.

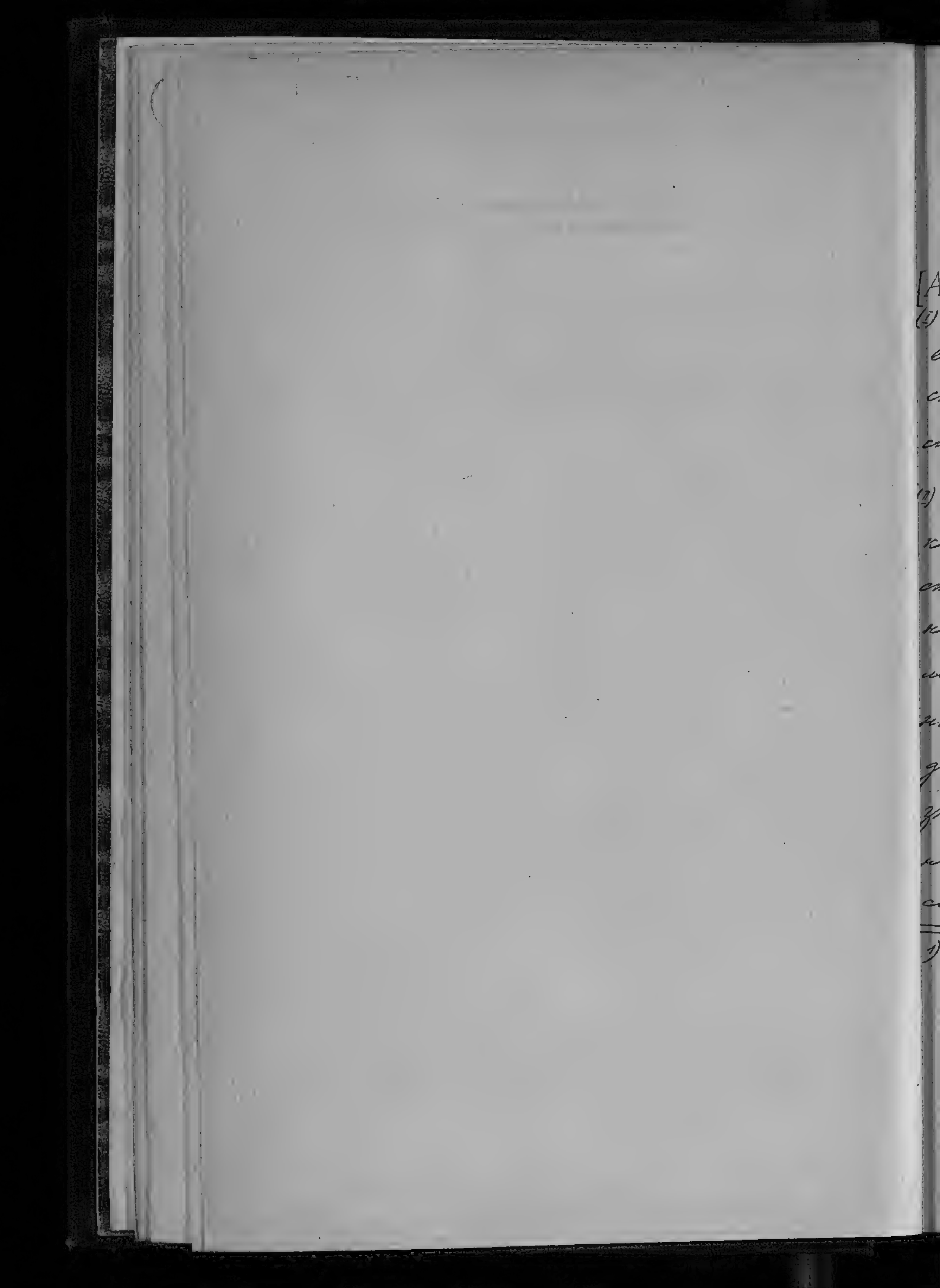
Статьи из «Искры»: «К вопросу о программе» и «Мобилизация реакционных сил и наши задачи», напечатанные в первом издании Сочинений, исключены из настоящего издания, как не принадлежащие Ленину.

IV и V тома Сочинений Ленина посвящены одной эпохе — эпохе «Искры» и «Зари». Поэтому научный аппарат IV тома почти полностью сохраняет свое значение и для настоящего тома.

МАТЕРИАЛЫ К ВЫРАБОТКЕ ПРОГРАММЫ Р.С.-Д.Р.П. [1])

Написано в январе—апреле 1902 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» II

Печатается по рукописи



Проектъ программы
Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи. 1)

[A] (I) Все быстрѣе развивается товарное производство въ Россіи, все большее господство пріобрѣтаетъ въ ней капиталистическій способъ производства.

(II) Непрерывное усовершенствованіе техники ведетъ къ тому, что мелкое производство все больше вытѣсняется крупнымъ. Важнѣйшая часть средствъ производства (земли и фабрики, орудія и машины, желѣзныя дороги и иные средства сообщенія) сосредоточивается въ рукахъ сравнительно незначительнаго числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ ихъ частная собственность. Мелкіе самостоятельные

1) Примѣчаніе см. на оборотѣ

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Проект программы Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии» — 1902 г.
Уменьшено

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ ПЛЕХАНОВА.

ТЕКСТ ПЛЕХАНОВА.	ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА.
I. Главную экономическую особенность современного общества составляет господство в нем капиталистических производственных отношений,	№ 1 — капитализм не «особенность» современного общества, а его экономический *строй, уклад* и т. п.
т. е. принадлежность средств производства и обращения товаров очень небольшому по своей численности классу капиталистов,	№ 2 — средства производства принадлежат не только капиталистам, но и землевладельцам и мелким производителям.
между тем как большинство населения состоит из пролетариев,	№ 3 — Пролетариат не большинство населения во многих странах.
не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы, и не могущих существовать иначе, как путем ее продажи.	№ 4 — Пролетариат имеет некоторые предметы потребления (а частью и средства производства).
Вследствие этого оно попадает в зависимое положение наемников, создавших своим трудом доход капиталистов.	Страница 2. № 5 + землевладельцев.
II. Область господства капиталистических производственных отношений все более расширяется по мере того как непрерывное усовершенствование техники увеличивает хозяйственное значение крупных предприятий и тем	№ 6 — «и тем»?? Сам по себе рост техники не может увеличить хозяйственное значение крупных предприятий. Рост техники (+ ряд экономических преобразований вроде условий сбыта etc.) ведет к вытеснению мелкого производства — крупным.

уменьшает число мелких самостоятельных производителей, суживает их роль в экономической жизни общества,

№ 6 — 7: Капитализм не всегда *«уменьшает* ч и с л о мелких производителей» (относительное, а не обязательно абсолютное, особенно в России).

(Экспроприирует и ведет его к его приниженню, обнищанию... капитализм — мелкого производителя).

Страница 2. № 7. Суживает роль мелких = увеличивает хозяйственное значение крупных (одно и то же).

Страница 2. Не усовершенствование техники, а частная собственность экспроприирует и verelendet *) мелкого производителя.

а местами и прямо обращает их в вассалов и данников крупных предпринимателей.

№ 8 — прямо — вычеркнуть.... Процесс отделения производителя от средств производства не указан.

III. Капиталистические отношения производства все сильнее и

Страница 3 первоначального проекта.

сильнее давят на рабочий класс по мере того как технический прогресс, увеличивая производительность труда, не только дает капиталистам материальную возможность повышать уровень эксплуатации рабочих, но и превращает эту возможность в действительность, причиняя относительное уменьшение спроса на рабочую силу одновременно с относительным и абсолютным ростом ее предложения.

№ 9 + и на мелких производителей (крестьяне вообще должны быть особо упомянуты).

№ 10 — вызывая или порождая.

Страница 3 — выражена весьма непопулярно, абстрактно. Гораздо лучше в «Эрфуртской программе»... «растет армия избыточных рабочих», — «растет необеспеченность существования» [2]).

IV. Развитие производительности труда не только не повышает цены рабочей силы, но, напротив, очень

Страница 4 — «цена рабочей силы» очень часто понижает (тоже очень абстрактно выра-

*) — ведет к обнищанию. *Ред.*

часто является непосредственной причиной ее понижения. Таким образом технический прогресс, означающий увеличение общественного богатства, вызывает в капиталистическом обществе рост общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими, усиление экономической зависимости рабочих от капиталистов.

жено; = рост эксплуатации, гнета, нищеты, принижения). «Таким образом» вызывает рост неравенства. Выходит, будто рост неравенства порождается только ростом (повышением) эксплуатации наемного рабочего, тогда как он порождается:

1) экспроприацией мелкого производителя + 2) обнищанием мелкого производителя + 3) ростом эксплуатации + 4) ростом резервной армии.

V. При таком положении дел в капиталистическом обществе и при постоянно растущем взаимном соперничестве капиталистических стран на всемирном рынке, сбыт товаров по необходимости отстает от их производства, а это периодически причиняет более или менее острые промышленные кризисы, сопровождаемые более или менее продолжительными периодами промышленного застоя, еще более

Страница 5. Нужно ли в программе указывать *причины* кризисов? Если да, то недостаток тот, что указаны 2 причины: 1) рост общественного неравенства («при таком положении дел») + 2) рост соперничества. Не указана основная причина кризисов = Planlosigkeit *), частное присвоение при общественном производстве.

уменьшающим число и экономическое значение мелких производителей,

Страницы 5—6: уменьшение «*экономического значения* мелких производителей» слишком абстрактный термин. Экспроприирует (= уменьшает число?) и verelendet.

еще более увеличивающим зависимость наемного труда от капитала

Страница 6 — наемного «*труда*»? Не лучше ли *рабочих?*

и еще быстрее ведущим к относительному, а местами и к абсолютному ухудшению положения пролетариата и мелких производителей.

Страница 6 — последствия кризиса — *относительное* и *абсолютное ухудшение положения*. Не лучше ли указать прямо: безработица, нищета рабочих и мелких производителей.

VI. Но в то же самое время, как растут и развиваются эти неизбежные противоречия капитализма, растет также и недовольство рабочего

Страница 7 — вместо недовольство — *возмущение*.

*) — отсутствие планомерности. *Ред.*

класса существующим порядком вещей, обостряется его борьба с классом капиталистов, и в его среде

все шире и все быстрее распространяется сознание того,

Страница 7 — распространение сознания (— γ) поставлено *на ряду* с ростом возмущения (— α) и обострения борьбы (— β). Но α и β — стихийно, а γ — должны вносить *мы.*

что только своими собственными усилиями может он свергнуть лежащее на его плечах иго экономической зависимости и что для свержения этого ига необходима

Страница 7 — «только своими собственными усилиями». Лучше выразиться общее: *может быть только делом рабочего класса* и т. п.

социальная революция, т. е. уничтожение капиталистических производственных отношений, переход средств производства и обращения продуктов в общественную собственность.

Страницы 7 — 8. 1) уничтожение капиталистических производственных отношений? — *З а м е н а* *) товарного производства социалистическим **), 2) экспроприация эксплуататоров, 3) переход средств производства в *общественную собственность?* превращение частной собственности в общественную.

VII. Эта революция пролетариата будет освобождением всего угнетенного и страдающего теперь человечества, так как она положит конец всем видам притеснения и эксплуатации человека — человеком.

VIII. Чтобы заменить капиталистическое производство товаров социалистической организацией производства продуктов для удовлетворения нужд общества и для обеспечения благосостояния всех его членов, чтобы совершить свою революцию,

Страница 9 — «для удовлетворения (неясно) нужд общества и обеспечения благосостояния всех его членов». *Этого мало:* (сравни «Эрфуртскую программу»: «высшее благосостояние» и всестороннее гармоническое «усовершенствование»).

пролетариат должен иметь в своих руках политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему беспощадно раздавить все те препятствия, кото-

Страница 9. «Господин положения», «беспощадно раздавить», «диктатура»??? (Довольно с нас социальной революции.)

*) Как и сказано страница 8 — 9.
**) Надо пояснить, какое *это* социалистическое производство.

рые встретятся ему на пути к его великой цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции.

IX. Но развитие международного обмена и всемирного рынка установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что эта великая цель может быть достигнута лишь путем соединенных усилий пролетариев всех стран. Поэтому современное рабочее движение должно было стать и давно уже стало международным.

X. Русская социал-демократия смотрит на себя, как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии.

XI. Она преследует ту же конечную цель, какую ставят себе социал-демократы всех других стран.

Она обнаруживает перед рабочими непримиримую противоположность их интересов с интересами капиталистов, выясняет их историческое значение, характер и условия той социальной революции, которую предстоит совершить пролетариату, и организует их силы для непрерывной борьбы с их эксплуататорами.

Страница 10

Страница 11. — «Ту же Endziel» *). К чему повторение? Как бы не смешали?

Страница 11. — «Та же Endziel» — и тут же рядом *задача* социал-демократической партии: 1) обнаруживать *перед* (?) рабочими непримиримую противоположность их интересов и интересов капиталистов. 2) Выяснять им значение, характер и условия социальной революции (+ необходимость революции?).

У немцев сильнее: weisen naturnothwendiges Ziel **). 3) Организовать их силы для непрерывной борьбы с *их эксплуататорами* (NB + с правительством?) + ? *руководить* борьбой пролетариата.

1) входит в 2). 1) — слишком узко. Надо бы α указать конечную цель, β создать организацию революционеров для *руководства* борьбой пролетариата.

*) — «конечную цель»? *Ред.*
**) — указывать естественно необходимую цель. *Ред.*

XII. Но ее ближайшие цели значительно видоизменяются тем, что многочисленные у нас остатки до-капиталистического — крепостного — общественного порядка страшным гнетом лежат на всем трудящемся населении и составляют самое сильное из всех препятствий, тормозящих успехи русского рабочего движения.

Страница 12. «Остатки крепостного порядка... страшным гнетом лежат на всем трудящемся населении» (+ задержка развития производительных сил; + ухудшение жизненного положения + держат в темноте и придавленности весь народ) — самое сильное препятствие (= остатки)? (Что есть эти остатки? Самодержавие + все прочее? Это *ниже* сказано).

Русским социал-демократам приходится еще только добиваться таких юридических учреждений, которые, составляя естественное правовое дополнение к капиталистическим отношениям производства, уже существуют в передовых капиталистических странах

12 — 13: необходимо добиваться таких (?) юридических учреждений, как *уже есть* (?) в передовых странах. (Надо назвать прямее. Непопулярно.)

и необходимы для полного и всестороннего развития классовой борьбы наемного труда с капиталом.

Страница 13 — наемного труда — ? рабочих, борьбы рабочего класса с классом капиталистов за свое полное освобождение.

А так как царское самодержавие, которое представляет собою самый значительный и самый вредный для дальнейшего общественного развития остаток старого крепостного порядка, совершенно несовместимо с этими юридическими учреждениями, и так как оно, по самой своей природе, не может не быть злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариев,

Страница 13. Самодержавие несовместимо с этими юридическими учреждениями (с полной свободой??).

то русские социал-демократы ставят своей ближайшей политической задачей низвержение монархии.

Страница 14. Так как самодержавие несовместимо — низвержение *монархии* (несоответствие).

Написано в первой половине января 1902 г.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ *).

[А]

I. Все быстрее развивается товарное производство в России, все более полное господство приобретает в ней капиталистический способ производства.

II. Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным. Важнейшая часть средств производства (земли и фабрик, орудий и машин, железных дорог и иных средств сообщения) сосредоточивается в руках сравнительно незначительного числа капиталистов и крупных землевладельцев, как их частная собственность. Мелкие самостоятельные производители (крестьяне, кустари, ремесленники) все более разоряются, теряя средства производства и превращаясь таким образом в пролетариев, или же становясь слугами и данниками капитала. Все большее число работников вынуждается прибегать к продаже своей рабочей силы, становиться наемными рабочими, которые находятся в зависимости от собственников, создавая своим трудом их богатства.

III. Чем дальше идет вперед технический прогресс, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее предложения, тем больше возможности имеют капиталисты повышать уровень эксплуатации рабочих. Необеспеченность существования и безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом все более и более широких слоев трудящегося населения.

IV. Еще более обостряют этот процесс промышленные кризисы, которые неизбежно вызываются основными противоречиями капитализма. Бедность и нищета масс совмещается с рас-

---

*) Принципиальная часть этого проекта представляет из себя проект, предлагаемый одним членом редакции, Фреем (и составленный им на основании первоначального проекта Г. В. Плеханова). Практическая же часть (с указанного ниже места и до конца) предлагается всей комиссией, т.-е. пятью членами редакции.

точением общественного богатства вследствие невозможности найти сбыт для произведенных товаров.

V. Таким, образом гигантское развитие производительных сил общественного и все более обобществляемого труда сопровождается тем, что все главные выгоды этого развития монополизирует ничтожное меньшинство населения. На-ряду с ростом общественного богатства растет общественное неравенство, углубляется и расширяется пропасть между классом собственников (буржуазией) и классом пролетариата.

[Б]

VI. Но в то же самое время, как растут и развиваются все эти неизбежные противоречия капитализма, растет число и сплоченность, недовольство и возмущение пролетариев, обостряется борьба рабочего класса с классом капиталистов, растет стремление освободиться от невыносимого ига капитализма.

VII. Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса. Все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя. Для действительного освобождения рабочего класса необходима подготовляемая всем развитием капитализма социальная революция, т.-е. уничтожение частной собственности на средства производства, переход их в общественную собственность и замена капиталистического производства товаров социалистической организацией производства продуктов за счет всего общества, для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех его членов.

VIII. Эта революция пролетариата совершенно уничтожит деление общества на классы, а следовательно, и всякое социальное и политическое неравенство, вытекающее из этого деления.

IX. Чтобы совершить эту социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть, которая сделает его господином положения и позволит ему устранить все препятствия, стоящие на пути к его великой цели. В этом смысле диктатура пролетариата составляет необходимое политическое условие социальной революции.

X. Русская социал-демократия ставит своей задачей — обнаруживать перед рабочими непримиримую противоположность их интересов интересам капиталистов,— выяснять пролетариату историческое значение, характер и условия той социальной революции, которую предстоит ему совершить, — организовывать революционную классовую партию, способную руководить всеми проявлениями борьбы пролетариата.

XI. Но развитие международного обмена и производства на всемирный рынок создало такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что современное рабочее движе-

ние должно было стать и давно уже стало международным. И русская социал-демократия смотрит на себя как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии.

XII. Ближайшие цели русской социал-демократии значительно видоизменяются однако тем, что многочисленные у нас остатки до-капиталистического, крепостного, общественного порядка задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, делают невозможным полное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства, держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.

XIII. Самый значительный из этих остатков крепостного порядка, самый могучий оплот всего этого варварства есть царское самодержавие. Оно является самым злейшим и опаснейшим врагом освободительного движения пролетариата и культурного развития всего народа.

[В]

Поэтому *) российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его *республикой* на основе демократической конституции, обеспечивающей

1) самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

2) всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 21 года; тайную подачу голосов при всех выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалованье народным представителям;

3) неприкосновенность личности и жилища граждан;

4) неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

5) свободу передвижения и промыслов;

6) уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии и расы;

7) признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8) предоставление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству;

9) замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

---

*) Начиная отсюда — принято всей комиссией.

10) отделение церкви от государства и школы от церкви;

11) всеобщее даровое и обязательное до 16 лет образование; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

[Г]

В интересах ограждения рабочего класса и повышения его боевой способности *) российская социал-демократическая рабочая партия требует:

1) ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих;

2) установления законом еженедельного отдыха, продолжающегося непрерывно не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) полного запрещения сверхурочных работ;

4) воспрещения ночного труда (от 9 час. вечера до 5 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям;

5) воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 15-тилетнего возраста;

6) воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден специально для женского организма;

7) установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, — потерю, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства; освобождения рабочего от обязательства доказывать, что указанная потеря произошла по вине нанимателя;

8) запрещения выдачи заработной платы товарами **);

9) выдачи государственных пенсий престарелым рабочим, лишившимся способности к труду;

10) увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; учреждения надзора за исполнением фабричных законов чрез посредство выбранных рабочими и оплачиваемых государством представителей, а также надзора выборных от рабочих за составлением расценков и браковкой товаров;

11) учреждения надзора органов местного самоуправления с участием выборных от рабочих за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно

*) Предложение Фрея: изменить начало этого абзаца таким образом: «В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение»...

**) Предложение Фрея: вставить сюда (в этот же пункт): «установления законом еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих».

как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями сдачи — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) учреждения правильно организованного всестороннего санитарного надзора за условиями труда во всех предприятиях, употребляющих наемный труд;

13) распространения надзора фабричной инспекции на ремесленную, домашнюю и кустарную промышленность и на казенные предприятия;

14) установления уголовной ответственности за нарушение законов об охране труда;

15) запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

16) учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства из представителей от рабочих и предпринимателей поровну.

[Д]

Кроме того, в целях демократизации русского государственного хозяйства, российская социал-демократическая рабочая партия требует: отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивно-подоходного налога.

В целях же устранения остатков старого крепостного порядка она будет добиваться *):

1) отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2) отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) возвращения народу взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей денежных сумм; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных дворян-землевладельцев, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) учреждения крестьянских комитетов

а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук

*) Предложение Фрея: вставить сюда слова: «и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне», так чтобы весь абзац гласил: «В целях же устранения остатков старого крепостного порядка и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, российская социал-демократическая рабочая партия будет добиваться:»

в руки,— выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

6) для устранения остатков крепостного строя, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

5) предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

[Е]

Стремясь к достижению ближайших своих политических и экономических целей *), российская социал-демократическая рабочая партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая все те реформаторские проекты, в которых каждое расширение полицейской опеки над трудящимися массами изображают, как шаг к решению социального вопроса **).

С своей стороны, российская социал-демократическая рабочая партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом.

Написано в конце января —
начале февраля 1902 г.

---

*) Предложение Фрея: изменить начало абзаца таким образом: «Борясь за указанные требования, российская социал-демократическая рабочая партия» и т. д.

**) Предложение Фрея: изменить конец этого абзаца таким образом: ...«проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися массами».

ТРИ ПОПРАВКИ К ПРОЕКТУ ПРОГРАММЫ.

№ 1. В абзаце (А) II вместо слов: «Непрерывное усовершенствование техники ведет к тому, что мелкое производство все более вытесняется крупным»

поставить следующее предложение:

«Непрерывно идет вперед усовершенствование техники, все сильнее развивается крупное производство, все более вытесняется или приходит в упадок мелкое».

№ 2. В абзаце (Б) VII после слов: «Все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя»

вставить слова:

«и мелкий производитель, гибнущий под гнетом капитализма, становится действительно революционным лишь постольку, поскольку он сознает безвыходность своего положения и переходит на точку зрения пролетариата» —

а дальнейшее начать с новой красной строки.

№ 3. В абзаце (Б) XII вместо слов: «обусловливают азиатски-варварские формы вымирания многомиллионного крестьянства»

поставить слова:

«обусловливают азиатски-варварские формы эксплуатации и мучительное вымирание многомиллионного крестьянства».

Написано в начале февраля 1902 г.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПЛЕХАНОВА.

Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю *весь тип* программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а Prinzipienerklärung *), это скорее программа *для учащихся* (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме. Этот основной недостаток вызывает также массу повторений, при чем *программа* сбивается на *комментарий*. Постараюсь доказать это разбором пункта за пунктом и затем подвести общий итог.

«Развитие международного обмена» и т. д. до слов: «давно уже стало международным» (§ *I* — для удобства цитат я буду называть каждый абзац, т.-е. начинающийся с красной строки passus — параграфом, с нумерацией по порядку).

По существу ничего нельзя возразить. Только слова «великое освободительное движение нашего времени» излишни, ибо об освободительном характере рабочего движения много и конкретно говорится ниже.

Затем, абзац этот, по моему, не на месте. Программа русской социал-демократической партии должна начинаться характеристикой (и обвинением) русского капитализма, — и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей — говоря словами Коммунистического Манифеста — необходимо является сначала национальным.

§ II. «*Подобно социал-демократам всех других стран, русские социал-демократы стоят на международной почве.* Они смотрят на свою партию, как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии».

Подчеркнутые мною слова излишни, ибо они не прибавляют ровно ничего к тому, что сказано перед этим и после этого.

---

*) — провозглашение принципов. *Ред.*

Эти излишние слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли в словах «отряд» и «часть».

§ III. «Они преследуют ту же конечную цель, как и социал-демократы всех других стран».

Тоже излишние слова, повторенные *два раза* ниже в §§ XIII («конечная цель всех усилий международной социал-демократии» и т. д.) и XVII («единство общей конечной цели»). «Отряд» армии потому и есть отряд, что преследует ту же цель.

§ IV. «Эта общая социал-демократам всех стран» (опять излишнее повторение) «конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества».

Тоже излишние слова, ибо дальше именно и показано, *kak* характер и ход развития буржуазного общества «определяют» эту конечную цель. Этот § — что-то вроде заголовка, названия отдела. Но заголовки, необходимые в учебнике или в статье, совершенно не нужны в программе. Alles, was im Programm überflüssig, schwächt es *) (Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы) [3]).

§§ V и VI (а также начало VII-ого) вызывают, помимо формальных замечаний, одно общее и основное возражение, направляющееся против всего типа программы, намечаемого проектом.

Я изложу сначала это общее возражение (для чего необходимо будет отчасти защищать контр-проект), а потом перейду к формальным замечаниям.

§ V дает *дефиницию* «развитого» капитализма вообще; § VI говорит о «расширении» капиталистических производственных отношений по мере прогресса техники и роста крупных предприятий в ущерб мелким (или на счет мелких), т.-е. по мере вытеснения мелкого производства крупным.

Такой прием изложения нелогичен и неправилен. Неправилен — потому, что борющийся пролетариат учится тому, что̀ такое капитализм, не из дефиниции (как учатся по учебникам), а из практического ознакомления с *противоречиями* капитализма, с *развитием* общества и его последствиями. И мы должны в своей программе *определить* это развитие, сказать — возможно короче и рельефнее,—что *дело идет так-то.* Всякие же объяснения того, почему это именно так, а не иначе, всякие подробности о формах проявления основных тенденций мы должны предоставить комментариям. Что̀ такое капитализм,— это уже само собою будет вытекать из нашей характеристики того, что дело обстоит (resp. **) идет) так-то.

Нелогичен — потому что процесс вытеснения мелкого производства крупным (§ VI) и процесс распадения общества на

*) — все, что в программе лишнее, ослабляет ее. *Ред.*

**) respective — то-есть, или. *Ред.*

собственников и пролетариев (§ V) есть *один и тот же процесс.* А это не выражается формулировкой проекта. По проекту выходит так: *Первое положение.* Развитой капитализм состоит в том, что мелкое самостоятельное производство в значительнейшей своей части вытеснено крупным с наемными рабочими. *Второе положение.* Господство капитализма расширяется по мере вытеснения мелкого производства крупным . . .

Я думаю, что оба эти абзаца следовало бы слить, по указанной причине, в один и выразить в нем процесс таким образом: рост техники — вытеснение мелкого производства крупным — сосредоточение средств производства в руках капиталистов и землевладельцев — разорение мелких самостоятельных производителей: обращение их в пролетариев или в зависимых от капитала.

Против такой формулировки (попытка которой дана в контрпроекте) возражают:

(1) Она изображает дело так, будто разорение русского крестьянства (resp. образование крупной поземельной собственности в России и т. п.) зависит *только* от роста капитализма.

Возражение это мне кажется неосновательным. В соответствующем месте (именно в конце программы) совершенно ясно сказано, что у нас тьма остатков крепостного права и что эти остатки «варваризируют» процесс развития. Но раз мы считаем процесс развития капитализма *основным* процессом в общественно-экономической эволюции России, мы должны именно вначале охарактеризовать *этот* процесс и *его* противоречия и последствия. Только так мы можем рельефно выразить нашу мысль, что процесс развития капитализма, вытеснения мелкого производства, концентрации собственности и пр. идет и пойдет *несмотря* на все остатки крепостного права и *через* все эти остатки.

(2) Говорят, что положение «мелкое производство все более вытесняется крупным» «слишком категорично», «шаблонно» и т. п.

Я должен объяснить поэтому, на основании каких соображений я считаю эту формулировку *не менее правильной* и *гораздо более удобной,* чем формулировку разбираемого проекта: «увеличение хозяйственного значения крупных предприятий, уменьшение относительного числа мелких, сужение их роли в общественно-экономической жизни страны».

С чисто-теоретической стороны, обе эти формулировки *совершенно равнозначущи,* и всякие попытки конструировать между ними *различие по существу* совершенно произвольны *). «Увеличение значения крупных и сужение роли мелких» — это и есть *вытеснение.*

*) Кто не согласен с этим, тому мы предложили бы привести или даже придумать хотя один единственный пример *такого* «увеличения хозяйственного значения крупных и сужения роли мелких предприятий», которое *не было бы* ясным для всех *вытеснением* последних первыми.

Ни в чем ином вытеснение и не может состоять. И сложность, запутанность вопроса о вытеснении мелкого производства крупным зависит *вовсе не от того*, чтобы кто-либо мог (добросовестно мог) не понять, что вытеснение означает «увеличение значения крупных и сужение роли мелких»,— а *всецело и исключительно* от того, что трудно согласиться о *выборе показателей и признаков* вытеснения, resp. увеличения значения, resp. сужения роли.

В самой общей форме, процесс развития капитализма в этом отношении можно выразить так:

Исходный период:

Все производство = *100*.
Крупное = *a*. Мелкое = *100 — a*.

Следующий период. Все производство = *200*.
Крупное = **2a + b**. Мелкое = 200 — **2a — b**.

Можно смело ручаться, что все и всякие данные о соотношении крупного и мелкого производства подойдут под эту схему. И ни единый человек, желающий понять процесс, не может усомниться, что это есть именно *вытеснение*. Будет ли *200 — 2a — 2b*, по своей величине, больше чем *100 — a* (относительное вытеснение) или меньше (абсолютное вытеснение),— *во всяком случае* это есть *вытеснение*. «Не понять» этого сможет только такой «критик», который не хочет понимать, — а на сих людей не наздравствуешься. Да и в комментарии против них прямые будут приняты меры.

Вся трудность вопроса состоит вовсе не в том, чтобы понять, что указанное видоизменение есть «вытеснение», а в том, *как именно* определить эти величины: *100*, *a* и т. д. А это есть конкретный вопрос, вопрос факта, и разрешение этого вопроса ни на йоту не подвигается от постановки слов: «увеличение значения и сужение роли».

Напр., вся европейская промышленная статистика определяет, *в громадном большинстве случаев*, это «значение» и эту «роль» *числом* рабочих (а аграрная — *количеством земли*). И никто еще не покушался усомниться, что *уменьшение доли* рабочих (resp. земли) есть именно *вытеснение*. Но все затруднение состоит в том, что *очень часто* такие признаки, как число рабочих (resp. количество земли), *недостаточны*. Возможно *вытеснение* мелких предприятий и на-ряду с *увеличением* доли рабочих (земли) у них — если, напр., эти рабочие обрабатывают уже *чужой* матерьял, если эта земля обрабатывается худшим скотом, хуже содержимым работником, хуже обрабатывается, хуже удобряется и проч. и т. п. Всякий знает, что именно *такими* «недоразу-

мениями» кишат «*критические*» *доводы* против «марксовой догмы», *а эти «недоразумения» ни на йоту не устраняются* заменой «вытеснения» «увеличением значения и сужением роли», ибо «общепринято» выражать «значение» и «роль» — числом рабочих и количеством земли просто-на-просто.

Никто не усомнится в том, что именно *вытеснением* мелкого производства крупным являются (в области земледелия) такие процессы, как разложение крестьянства, развитие употребления машин в особенности у крупных хозяев, улучшение состава рабочего скота у крупных и ухудшение его (замена лошадей коровами и т. п.) у мелких, растущая «требовательность» наемника в крупном предприятии и удлинение рабочего дня, resp. сокращение потребления мелким крестьянином, улучшение ухода за землей и удобрения ее у крупного и ухудшение у мелкого хозяина, опережение последнего первым в области кредита и ассоциаций и т. п. и проч. Вовсе не трудно доказать (да нечего даже и доказывать), что все эти процессы означают «вытеснение»,— трудно доказать, что *именно* на эти процессы надо обратить внимание, что эти процессы действительно *происходят*. Облегчению этой трудности ни капельку не служат слова «увеличение значения и сужение роли»: облегчить ее может *только* комментарий, *только* примеры того, как люди *не умеют определять* (не хотят определять) истинное выражение процесса вытеснения (= увеличение значения и сужение роли).

Это — чистейшая иллюзия, будто слова: «увеличение значения и сужение роли» *более глубоки*, содержательны, широки, чем «узкое» и «шаблонное» слово: «вытеснение». Ни самомалейшего углубления в понимании процесса эти слова не выражают, — они выражают только этот процесс *более туманно и более расплывчато*. И я спорю так энергично против этих слов не за их теоретическую неверность, а именно за то, что они придают вид глубины *простой туманности*.

Человек, «учившийся в семинарии» и знающий, что вытеснением является уже уменьшение доли (а вовсе не непременно абсолютное уменьшение), увидит в этой туманности желание прикрыть наготу скомпрометированной критиками «марксовой догмы»*). Человек, в семинарии не учившийся, только вздохнет по поводу непостижимой «бездны премудрости», — тогда как слово «вытеснение» каждому мастеровому и каждому крестьянину приведет на мысль десятки и сотни знакомых ему примеров. Не

*) Такое *толкование* туманности тем более неизбежно, чем шире известна определенная формулировка, напр., Эрфуртской программы: ... «geht die Verdrängung der zersplitterten Kleinbetriebe durch kolossale Grossbetriebe» («идет вытеснение распыленных мелких предприятий колоссальными крупными предприятиями». *Ред.*).

беда, если он сразу далеко не поймет этого выражения во всей его широте: selbst wenn einmal ein Fremdwort oder ein nicht auf den ersten Blick in seiner ganzen Tragweite zu erffassender Satz vorkommt, schadet das nichts. Der mündliche Vortrag in den Versammlungen, die schriftliche Erklärung in der Presse tut da alles Nötige, und der kurze, prägnante Satz befestigt sich dann, einmal verstanden, im Gedächtniss, wird Schlagwort, und das passiert der breiteren Auseinandersetzung nie *). (Энгельс в критике Эрфуртского проекта.)

И с точки зрения стиля нежелательны эти слова «увеличения значения и сужение роли» вместо вытеснения. Это — не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей»[4]). Это — не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова точно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризуемый процесс есть процесс не резкий, *не заканчивающийся ничем определенным,* процесс безболезненный. А так как в действительности все это обстоит как раз наоборот, то *постольку* эти слова являются прямо неверными. Мы не можем и не должны выбирать наиболее *абстрактные* формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян. Обращаясь к ним, мы должны сказать klipp und klar **), что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать *неизбежно* вывод: единственное спасение для вас — примкнуть к партии пролетариата.

Переходя к формальным замечаниям против § V и VI, я замечу следующее.

§ V говорит о буржуазном обществе «в развитом виде» и в то же время говорит, что в нем уцелели и «слой ремесленников», и «мелкое крестьянство». Выходит неточность. Если понимать слова «развитой вид» *в строго теоретическом смысле,* то в таком обществе *не будет* ни ремесленников, ни мелких крестьян. И даже если понимать эти слова в ходячем смысле: *наиболее* развитые страны, — и тогда окажется, что, напр., в Англии «мелкого крестьянства», как особого социального слоя, в сущности почти уже не существует.

---

*) — «не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или непонятная на первый взгляд во всей ее широте фраза. Устный доклад на собраниях и письменное разъяснение в печати сделают тут все необходимое, и краткое, но многозначительное выражение, будучи понятым, запечатлевается в сознании и становится лозунгом. А этого никогда не случается при более расплывчатом изложении». *Ред.*

**) — ясно и отчетливо. *Ред.*

«Господство товарного производства *на основе* капиталистических производственных отношений». Как-то неловко выходит. Конечно, *вполне* развитое товарное производство возможно только в капиталистическом обществе, но «товарное производство» вообще есть и логически, и исторически prius *) по отношению к капитализму.

Термин «капиталистические производственные отношения» в проекте не выдержан. Иногда его заменяет термин: «капиталистический способ производства» (§ XI). По-моему, в интересах уменьшения трудностей понимания программы надо было бы держаться одного термина и именно последнего, ибо первый более теоретичен и без добавления слов «система» и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное.

«Феодально-ремесленный период»... Тут чуть ли не нарочно выбрано такое выражение, которое наименее приложимо к России, ибо применимость к нашим средним векам термина «феодализм» оспаривается. Между тем *по существу* характеристика «развитого» буржуазного общества дана как раз такая, которая приложима и к России («уцелели» мелкие самостоятельные производители и мелкое крестьянство, продают — «периодически или постоянно свою рабочую силу» и т. п.). Таким образом проект уже самой своей формулировкой опровергает то мнение, что нельзя написать характеристику развития капитализма, имея в виду прямо и определенно Россию.

«Мелкие производители-ремесленники, работающие по заказу»... По заказу потребителей или по заказу купцов-давальцев? Вероятно, первое. Но как раз в России большинство мелких производителей в промышленности работает не по заказу, а на рынок.

...«Самая важная часть предметов потребления»... (почему также и не «средств производства»?) ...«производится для сбыта *на внутреннем или на международном рынке*»... Подчеркнутые слова — излишнее повторение, ибо на рост международного обмена указано в § 1.

...«Средства производства *и обращения*» товаров. Я думаю, подчеркнутые слова следовало бы перенести из программы в комментарий, ибо принадлежность капиталистам *средств обращения* можно *вывести* из принадлежности им средств производства в обществе товарного хозяйства.

...«Из таких лиц, которые не имеют никаких средств производства и обращения *кроме своей рабочей силы*».... Так нельзя сказать.

Указание на «постоянную или периодическую — в течение целого года или нескольких месяцев» — продажу рабочей силы

*) — раньше, прежде. *Ред.*

есть излишняя подробность, которую следовало бы перенести в комментарий.

(§ VI) ...«Увеличивая хозяйственное значение крупных *промышленных* предприятий», — а ниже: сужение роли мелких самостоятельных производителей вообще. Пропущены ли *земледельческие* крупные предприятия случайно? или имелось в виду сказать, что растет хозяйственное значение крупных предприятий *только* в промышленности, а суживается роль мелких *и* в промышленности и в земледелии? Если второе, — то это было бы *совершенно неверно*. И в земледелии растет «хозяйственное значение крупных предприятий» (достаточно в виде одного примера указать на машины, — а выше приведены и другие примеры). Разумеется, процесс здесь *неизмеримо сложнее*, но об этом сказать (и с конкретными пояснениями сказать) надо уже в комментарии.

...Зависимость «более или менее полная, более или менее явная, более или менее тяжелая»... — это, по-моему, излишние и *ослабляющие* смысл слова. Выражение первоначального проекта: «слуги и данники» сильнее и рельефнее.

§ VII вначале дает лишнее повторение, указывая еще раз на «превращение мелких производителей в пролетариев», хотя это уже отмечено в §§ V и VI.

§ VII дает распространенное объяснение того, что увеличение спроса на рабочую силу отстает от увеличения ее предложения. Вряд ли от «распространенности» выигрывает в этом случае изложение. Полного *объяснения процесса* все равно не удается, конечно, дать (напр., упомянуто о растущем употреблении женского и детского труда, а не упомянуто о росте интенсивности труда и т. п.). Правильнее поэтому *все* объяснения (с конкретными примерами) отнести к комментариям, а в программе только формулировать, *в чем* состоит противоречие капитализма, *какова* его тенденция.

Возражают, что если сказать: «чем дальше идет вперед технический прогресс, тем больше отстает увеличение спроса на рабочую силу от увеличения ее предложения», — то дело принимает неправильный вид; «увеличение предложения» зависит, де, далеко не от одного «технического прогресса». Но это возражение не основательно, ибо слова «чем дальше, — тем больше» совершенно не равнозначущи со словами «так как — вследствие этого». *Чем* вызывается «увеличение предложения», это изложено в предыдущем абзаце («разорение», «вытеснение» etc.), и конкретнее будет объясняемо комментариями.

...«Доля рабочего класса в общей массе материального богатства, создаваемого его трудом, постоянно уменьшается»... Эти слова стоят в том абзаце, где говорится о повышении уровня эксплуатации (сравни непосредственно предшествующие цитированному). Можно подумать поэтому, что под «долей» имеется

в виду отношение v к $v+m$. Но тогда это излишне и не соответствует словам «общая масса богатства».

Если же общая масса $= c+v+m$, то тогда, во-первых, несовсем удобно называть «долей» $c+m$ (против v), ибо под «долей» разумеется то, что собственно делится, т.-е. предметы потребления. Затем тогда это положение по содержанию относится к следующему §-фу, говорящему о росте общественного богатства (c+v+m) и общественного неравенства. В виду этого цитированные слова лучше опустить, как излишнее повторение.

Кроме того, эти слова предполагают своей формулировкой такое *развитое* общество, в котором есть *только* наемные рабочие и капиталисты (ибо и доля мелких производителей тоже *уменьшается*, а это не соответствует абзацу V, оставившему мелких производителей и в «развитом» обществе).

§ VIII должен был бы стоять *после* §§ IX и X: эти последние трактуют о кризисах, т.-е. об *одном* из противоречий капитализма, а § VIII подводит итог *всем* противоречиям капитализма и всем тенденциям его развития.

К словам: «увеличение производительности труда» следовало бы добавить: «общественного и все более обобществляемого труда». Проект указывает на процесс обобществления труда не на месте (§ XI) и в слишком узкой форме («процесс усовершенствования техники все более объединяет труд рабочих»). Обобществление труда капитализмом состоит не только в «объединении труда рабочих».

Слова: «увеличение расстояния между имущими и неимущими» после слов «рост общественного неравенства» представляют из себя излишнее повторение. А указание на «углубление пропасти» между пролетариатом и буржуазией необходимо следовало бы добавить для характеристики главного социального последствия всех отмеченных противоречий капитализма и для перехода к классовой борьбе.

Кстати. По поводу характеристики социальных последствий капитализма надо сказать, что проект тут в особенности страдает *абстрактностью*, ограничиваясь совершенно недостаточным положением: «умножение трудностей борьбы за существование и всех связанных с нею лишений и страданий». Указать *более определенно* именно на те социальные последствия, которые особенно тяжело ложатся и на рабочий класс и на мелких производителей, представляется мне безусловно необходимым.

Против формулировки этих последствий в контр-проекте возражают, что, напр., слова «всяческое унижение» неверны. Я думаю, они верны, обнимая собой такие явления, как *проституцию*, превращение «интеллигенции» в простых наймитов, превращение рабочего в продавца жены и детей, подчинение железной дисциплине капитала, пользование экономической силой для

политического гнета, для давления на свободу мнений и т. п., и проч. Точно так же мне представляется совершенно необходимым указать на «бедность и нищету масс» при капитализме. Я не предлагаю говорить об абсолютном росте бедности и нищеты, но я вполне разделяю мнение Каутского, что ein ausführliches s.-d. Programm, welches nicht erkennen lässt, dass der Kapitalismus naturnothwendig Massenarmut und Massenelend erzeugt, das nicht als den Inhalt des Strebens der Sd-tie den Kampf gegen diese Armut und dieses Elend bezeichnet, verschweigt die entscheidende Seite unserer Bewegung und enthält also eine empfindliche Lücke *) (против австрийского проекта)[5].

Точно так же необходимо, на мой взгляд, и указание на то, что «все главные» (значит, не все абсолютно) «выгоды процесса развития производительных сил монополизирует ничтожное меньшинство населения».

§§ IX и X говорят о кризисах. По существу, здесь возразить нечего в виду измененной формулировки. Но по форме эти §§ страдают повторениями (опять «всемирный рынок», опять «капиталистические производственные отношения»). Гораздо бы лучше совершенно удалить из программы попытку *объяснить* кризисы, ограничившись *констатированием* неизбежности их, и предоставить объяснения и развития комментариям. А то, напр., указывается и на кризис и на «периоды застоя», а в общем и целом весь цикл капиталистической промышленности все равно не удается охватить.

Социальные последствия кризисов указаны опять с повторениями (достаточно сказать об «обострении» процесса и т. п.) и опять слишком слабо: кризисы не только делают затруднительным положение мелких производителей, не только ведут к относительному и абсолютному ухудшению их положения, а прямо разоряют их и вытесняют в ряды пролетариата.

Против §§ XI и XII я имею крайне важное принципиальное возражение: они *в совершенно односторонней и неправильной форме* изображают отношение пролетариата к мелким производителям (ибо «трудящаяся и эксплуатируемая масса» состоит именно из пролетариата и мелких производителей). Они прямо противоречат основным положениям и Коммунистического Манифеста и Статутов Интернационала и большинства современных программ социал-демократии и открывают настежь двери для народнических, «критических» и всяких мелкобуржуазных недоразумений.

---

*) — «обстоятельная социал-демократическая программа, из которой не видно, что капитализм с естественной необходимостью порождает обеднение и обнищание масс, — которая не рассматривает борьбу против этого обеднения и обнищания как содержание требований социал-демократии, — такая программа замалчивает о самом решающем в нашем движении и содержит в себе, таким образом, чувствительный пробел». *Ред.*

...«Растет недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы» — это верно, но недовольство пролетариата и недовольство мелкого производителя совершенно неправильно отождествлять и сливать, как это здесь сделано. Недовольство мелкого производителя очень часто порождает (и неизбежно должно в нем или в значительной части его порождать) стремление *отстоять свое существование как мелкого собственника,* т.-е. отстоять основы современного порядка и даже повернуть его назад.

...«Обостряется ее борьба и прежде всего борьба ее передового представителя — пролетариата»... Обострение борьбы, конечно, идет и у мелкого производителя. Но его «борьба» *очень часто* направляется *против* пролетариата, ибо самое положение мелкого производителя очень во многом *резко противополагает* его интересы интересам пролетариата. «Передовым представителем» мелкой буржуазии пролетариат *вовсе не является,* вообще говоря. Если это и бывает, то лишь тогда, когда мелкий производитель сознает неизбежность своей гибели, когда он «*покидает* свою точку зрения и переходит на точку зрения пролетариата». Передовым же представителем *современного* мелкого производителя, еще не покинувшего «своей точки зрения», является очень часто антисемит и аграрий, националист и народник, социал-реформатор и «критик марксизма». И именно теперь, когда «обострение борьбы» мелких производителей сопровождается «обострением борьбы» «социалистической Жиронды» против «Горы» — всего менее уместно сливать все и всякое обострение воедино.

...«Международная социал-демократия стоит во главе освободительного движения *трудящейся и эксплуатируемой массы*»... Вовсе нет. Она стоит во главе *только рабочего класса,* только *рабочего движения,* и если к этому классу примыкают другие элементы, то это именно элементы, а не классы. И примыкают они вполне и всецело *только* тогда, когда они «покидают свою собственную точку зрения».

...«Она организует *ее* боевые силы»... И это неверно. Социал-демократия нигде не организует «боевых сил» мелких производителей. Она организует только боевые силы рабочего *класса.* Выбранная в проекте формулировка тем менее удачна, *чем меньше* имеется в виду Россия, чем больше *ограничено изложение* (ср. § V) «*развитым*» буржуазным обществом.

Summa summarum *). Проект говорит в *положительной* форме о революционности мелкой буржуазии (если она «поддерживает» пролетариат, разве это не значит, что она революционна?) и ни слова не говорит о ее консервативности (и даже реакционности). Это совершенно одностороннее и неправильно.

*) — общий итог. *Ред.*

В положительной форме мы можем (и обязаны) указать на *консервативность* мелкой буржуазии. *И лишь в условной форме* мы должны указать *на ее революционность.* Только такая формулировка будет в точности соответствовать всему духу учения Маркса. Например, Коммунистический Манифест прямо заявляет, что «из всех классов, противостоящих буржуазии, только пролетариат есть действительно революционный класс... Мелкий промышленник, ремесленник, крестьянин... *не революционны, а консервативны.* Более того: они реакционны... Если они революционны («если»!), то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, ...поскольку они *покидают* свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата».

И пусть не говорят, что за полвека, прошедшие со времени Коммунистического Манифеста, дело существенно изменилось. Именно в этом отношении ничего не изменилось: и теоретики признавали это положение всегда и постоянно (напр. Энгельс в 1894 г. именно с этой точки зрения опроверг французскую аграрную программу [6]). Он рассуждал прямо, что *покуда* мелкий крестьянин не *покинет* свою точку зрения, — он не наш, его место у антисемитов, пускай те его обтешут, и он тогда тем вернее придет к нам, чем больше его будут надувать буржуазные партии), — да и фактические подтверждения этой теории массами даются историей вплоть до последних дней, вплоть до nos chers amis *), гг. «критики».

Кстати. В проекте опущено указание на *диктатуру пролетариата,* бывшее первоначально. Если это и случайно сделано, по недосмотру, — все-таки остается несомненным, что понятие «диктатуры» несовместимо с *положительным* признанием чужой поддержки пролетариату. Если бы мы действительно *положительно* знали, что мелкая буржуазия поддержит пролетариат при совершении им его, пролетариатской, революции, тогда не к чему бы и говорить о «диктатуре», ибо тогда вполне обеспечено было бы нам такое подавляющее большинство, что и без диктатуры прекрасно обошлись бы (как и хотят уверить «критики»). Признание необходимости *диктатуры* пролетариата *самым тесным и неразрывным образом* связано с положением Коммунистического Манифеста, что пролетариат *один только* есть действительно революционный класс.

(В скобках сказать, — до какой степени «ревнив» был по этой части Энгельс, видно из такого пассуса его критики Эрфуртского проекта. «Der Ruin weiter Volksschichten» **) — цитирует Энгельс проект — и замечает: «statt dieser deklamatorischen Phrase, die aussieht als täte uns der Ruin von Bourgeois und Kleinbürgern noch leid (!!), würde ich die einfache Tatsache erzählen: die durch

---

*) — наших дорогих друзей. *Ред.*
**) — разорение широких народных масс. *Ред.*

den Ruin der städtischen und ländlichen Mittelstände, der Kleinbürger und Kleinbauern, den Abgrund zwischen Besitzenden und Besitzlosen erweitern oder vertiefen» *).

Мне возразят, что в контр-проекте консервативность мелкого производителя положительно выражена («все остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя»), а революционность *даже и условно не выражена.*

Это возражение совершенно неосновательно. Условная революционность мелкого производителя выражена в контр-проекте именно так, как ее только и можно выразить, т.-е. *формулировкой обвинения против капитализма.* Условная революционность мелкого производителя выражена:

(1) в словах о *вытеснении, разорении* его капитализмом. Мы, пролетариат, обвиняем капитализм за то, что он ведет к крупному производству чрез *разорение* крестьянина. Отсюда прямой вывод, что *если* крестьянин поймет неизбежность этого процесса, то он «покинет свою точку зрения и примет нашу».

(2) — в словах, что «необеспеченность существования и безработица, гнет эксплуатации и всяческое унижение становятся уделом» (не только пролетариата, а) «все более и более широких слоев трудящегося населения». Вот этой уже формулировкой и выражается *представительство* пролетариатом всего трудящегося населения и именно такое представительство, при котором мы всех приглашаем (и *заставляем*) покинуть *их* точку зрения и встать на нашу, а не наоборот, не покидаем своей точки зрения, не сливаем своей классовой борьбы со всякими переметными сумами.

---

*) (— «вместо этой декламационной фразы, которая звучит так, как если бы мы еще сожалели о разорении буржуев и мещан (!!) — я бы сказал об одном простом факте: что через разорение городского и сельского среднего сословия — мещан и крестьян — расширяется или углубляется пропасть между имущими и неимущими». *Ред.)* В проекте Эрфуртской программы был такой пассус: «In diesem Befreiungskampf verficht die Sozial-demokratie als die Verfechterin (или Vertreterin — «Neue Zeit», IX, 2,789) nicht bloss der Lohnarbeiter, sondern der Ausgebeuteten und Unterdrückten insgesamt, alle Forderungen, Massregeln und Einrichtungen, welche die Lage des Volkes im allgemeinen und der Arbeiterklasse im besondern zu verbessern geeignet sind [— «В этой освободительной борьбе социал-демократия борется как защитница (или представительница) не только наемных рабочих, но и эксплуатируемых и угнетенных вообще, отстаивая все требования, мероприятия и учреждения, способные улучшить положение народа вообще и рабочего класса в особенности». *Ред.*]» И Энгельс *положительно* посоветовал весь этот пассус *вычеркнуть,* не преминув посмеяться: «des Volkes im allgemeinen (wer ist das?)» [— «народа вообще (кто же это?)». *Ред.*] И, согласно совету Энгельса, этот пассус выкинут *вовсе прочь;* параграф о том, что «освобождение рабочего класса может быть только делом рабочего класса, ибо *все остальные* классы стоят на почве частной собственности на средства производства и имеют общей целью сохранение основ современного общества» — параграф этот принят в *более резкой форме,* чем первоначальный проект, *под прямым влиянием Энгельса* [7]).

И точно также выражена идея представительства

(3) — в словах о бедности и нищете *масс* (масс вообще, а не рабочих только).

Партия революционного класса *только в той форме* и может выразить условную революционность других классов, чтобы изложить перед ними *свое* понимание их бедствий и средств исцеления от их бедствий, чтобы выступить, в *своем* объявлении войны капитализму, не только от своего имени, но и от имени всех «бедствующих и нищенствующих» масс. Отсюда уже само собой следует, что кто примет это учение, тот должен будет придти к нам. Было бы просто смешно, если бы мы вздумали еще особо указать это в программе и заявить, что вот *если* такие-то ненадежные элементы перейдут к нашей точке зрения, то и они будут революционны! Это было бы лучшим средством разрушить веру в нас как раз у тех половинчатых и дряблых союзников, которым и без того не хватает веры в нас *).

Кроме этого принципиального возражения против XI и XII §§ я имею еще лишь небольшое формальное замечание против § XI. Говорить в нем о «*материальной* возможности устранения капитализма» неуместно: как раз в этом абзаце речь идет *не* о материальных, *а* об идейных предпосылках устранения капитализма. Если упоминать о материальных, то надо добавить и идейные (нравственные etc.) предпосылки. Но гораздо правильнее отнести эту «материальную возможность» к тому абзацу, который говорит не о классовой борьбе, а об эволюции и тенденции капитализма.

Нелогично в § XII говорить о предстоящей социальной революции, — и только в § XV — о самой этой революции и ее необходимости. Должен быть «обратный порядок».

В XIII § мне кажется неудачной замена слов: «уничтожение (или отмена) частной собственности» выражением «экспроприация эксплуататоров». Это менее ясно и точно. Неудачен и конец §-фа: «планомерная организация общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как всего общества, так и отдельных его членов». Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет *всего* общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности) и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества.

*) Чем больше в практической части нашей программы проявляем мы «доброты» к мелкому производителю (напр., к крестьянину), тем «строже» должны быть к этим ненадежным и двуличным социальным элементам в *принципиальной* части программы, ни на ноту не поступаясь *своей* точкой зрения. Вот, дескать, ежели примешь эту, нашу, точку зрения, — тогда тебе и «доброта» всякая будет, а не примешь, — ну, тогда уже не прогневайся! Тогда мы при «диктатуре» скажем про тебя: там нечего слов тратить по пустому, где надо власть употребить...

§ XIV, по-моему, неопределенен («все» угнетенное «человечество» еще не знаю, освободим ли мы: напр., угнетение тех, кто слаб характером, теми, кто зело тверд характером). Лучше бы взять формулу, предложенную Марксом в критике Готской программы: уничтожение деления на классы и вытекающего из него неравенства. И Энгельс в критике Эрфуртской программы настаивал, что die Abschaffung der Klassen ist unsere Grundforderung *), и только *точным и прямым указанием* этого «основного требования» мы придаем *вполне определенный* (и не преувеличенный) смысл нашим обещаниям всех освободить и всех от всех зол избавить.

§ XV — насчет «поддержки пролетариата другими слоями населения» и насчет пропуска «диктатуры пролетариата» сказано уже выше.

§ XVI — совершенно странен и неуместен. «Политическое воспитание» пролетариата в том и состоит, что мы его просвещаем, организуем, руководим его борьбой, — а об этом речь уже была в XII § (где следовало бы лишь добавить о «руководстве его борьбой»).

§ XVII тоже представляется мне излишним многословием. К чему говорить вообще о зависимости ближайших задач от различия социально-политической обстановки? Пускай об этом в трактатах пишут, а нам прямо надо заявить, что вот такие-то особенности (остатки крепостного права, самодержавие и проч.) видоизменяют нашу ближайшую задачу так-то.

§ XVIII: «В России капитализм все более и более *становится* преобладающим способом производства»... Этого безусловно мало. Он уже *стал* преобладающим (если я говорю, что 60 уже стало преобладающим над 40, это вовсе не значит, что 40 не существует или сводится к неважной мелочи). У нас еще такая масса народников, народничествующих либералов и быстро пятящихся к народничеству «критиков», что тут ни малейшей неопределенности оставлять невозможно. И если капитализм еще даже не стал «преобладающим», тогда, пожалуй, и с социал-демократией бы погодить.

....«выдвигая социал-демократию *на самое первое место*»... Только еще *становится* преобладающим капитализм, а мы уже на «самом первом» месте... Я думаю, о самом первом месте вовсе говорить не след: это само собой видно из всей программы. Это пускай уже не мы про себя, а история про нас скажет.

Проект, видимо, отвергает выражение: старый *крепостной* общественный порядок, считая выражение «крепостничество» применимым только к *правовому* строю. Я думаю, что это различение неосновательно: «крепостное право», конечно, было учре-

---

*) — уничтожение классов — наше основное требование. *Ред.*

ждением юридическим, но оно соответствовало и особой системе помещичьего (и крестьянского) *хозяйства,* оно проявлялось и в массе не оформленных «правом» бытовых отношений. Поэтому вряд ли следует избегать выражения: «до-капиталистический, крепостной общественный порядок».

«Описание» крепостного права (были-де массы крещеной собственностью) в нашей программе совершенно неуместно и излишне.

О влиянии же остатков крепостного строя недостаточно сказать, что они тяжелым гнетом лежат на трудящейся массе. Необходимо указать и на задержку развития производительных сил страны и на другие социальные последствия крепостничества *).

§ XIX. По-моему, совершенно излишне указание, что для нас демократия (resp. политическая свобода) есть «переходная ступень» (к чему переход? о республике ведь мы прямо ниже сказали, как о *ближайшем* практическом требовании), — и что конституция есть «естественное правовое дополнение («достояние», очевидно, ошибка переписчика) к капиталистическим отношениям производства». Это в программе совсем не у места. Вполне достаточно, если мы говорим, что самодержавие задерживает или стесняет «*все* общественное развитие»: значит, и развитие капитализма не мирится с ним. Подробности на этот счет должны отойти в комментарий, а то они даже ослабляют в программе наше объявление войны самодержавию, придают программе характер чего-то книжного, абстрактного.

Да и к чему эти общие места о правовых дополнениях к капитализму и о «правовом порядке» (§ XX), — когда мы ниже гораздо прямее и определеннее говорим о республике? (Кстати, в § XX стоит выражение «старый крепостной строй», т.-е. здесь и сам проект придает слову «крепостничество» более широкий, чем только юридический смысл).

О несовместимости самодержавия с правовым порядком тоже нечего говорить, раз сейчас же стоит требование его низвержения и замены республикой. Лучше выразиться более определенно о «бесправии» народа при самодержавии и т. под.

...«Самодержавие — злейший враг освободительных стремлений рабочего класса»... следовало бы добавить: «и культурного развития всего народа» или в этом роде. Вот этим мы и выразим (а не словами о «представительстве»), что социал-демократия представляет интересы не только рабочего класса, а *всего* общественного развития.

---

*) Между прочим. В контр-проекте неудачно выражение: «азиатски-варварские *формы вымирания* крестьянства». Можно сказать: формы исчезновения или что-либо в этом роде.

Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основные недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым:

1) крайняя *абстрактность* многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;

2) отстранение и затемнение вопроса о специально-*русском капитализме* — особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму;

3) совершенно одностороннее и неправильное изображение *отношения пролетариата к мелким производителям*, отнимающее у нас базис в войне и с «критиками» и с многими другими;

4) стремление постоянно дать в программе *объяснение* процесса. Объяснения дать все равно не удается, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий.

Написано в феврале — марте 1902 г.

ОТЗЫВ О ВТОРОМ ПРОЕКТЕ ПЛЕХАНОВА.

Четыре основных недостатка проникают собою весь проект и делают его, на мой взгляд, совершенно неприемлемым:

1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, *борющегося* против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического *учебника,* посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии *русского* пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими: эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии, и к Германии и т. п., ибо это подразумевается само собою. По отношению к России этого подразумевать нельзя.

Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается *вообще* такими-то свойствами, — а в России капитализм «становится преобладающим», значит *уклониться* от того конкретного обвинения и объявления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма.

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую

*

борьбу и пропаганду. Так, напр., рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельско-хозяйственного капитализма не то затенена, не то вовсе обойдена. Затем, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы». Такая формулировка противоречит основному принципу «Интернационала»: «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса». Помимо пролетариата, другая часть «трудящейся и эксплуатируемой массы» (т.-е. главным образом мелкие производители) *лишь отчасти* революционна в своей борьбе с буржуазией. Именно, она революционна лишь тогда, когда она, «имея в виду переход в пролетариат», «*становится на точку зрения пролетариата*» (Коммунистический Манифест). Реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте, так что *в общем и целом* отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» изображено *неправильно*. Напр., проект гласит: «обостряется ее (трудящейся и эксплуатируемой массы) борьба и прежде всего борьба ее передового представителя: пролетариата». «Обострение борьбы» мелких производителей выражается и в антисемитизме, и в цезаризме, и в крестьянских союзах против батраков, и даже в борьбе социальной Жиронды с Горой. Представительство пролетариатом всей трудящейся и эксплуатируемой массы должно выразиться в программе тем, что мы *обвиняем* капитализм в нищете *масс* (а не только нищете рабочего класса), в безработице «все более широких слоев трудящегося населения» (а не рабочего класса).

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на *комментарий*. Программа должна давать *краткие*, ни одного лишнего слова не содержащие, *положения*, предоставляя *объяснение* комментариям, брошюрам, агитации и пр. Поэтому Энгельс совершенно справедливо и обвинял Эрфуртскую программу в том, что она своей длиной, обстоятельностью и повторениями сбивается на комментарий.

В проекте же этот недостаток еще сильнее, повторений страшно много, попытки внести в программу *объяснение* процесса (вместо одной *характеристики* процесса) цели все равно не достигают, а растягивают программу до невозможности.

Написано в феврале — марте 1902 г.

ЗАМЕЧАНИЯ НА КОМИССИОННЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ.

ТЕКСТ МАРТОВА. — ЗАМЕЧАНИЯ ЛЕНИНА.

1. Развитие международного обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

2. Поэтому русские социал-демократы смотрят на свою партию как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии, и преследуют ту же конечную цель, как социал-демократы всех других стран.

Почистить бы слог: «смотрят»? *).

Это «как» не по русски. Неловко стилистически. «Они преследуют ту же самую конечную цель, какую поставили себе и социал-демократы всех других стран» или т. под.

3. Эта конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества.

«Характером» — советую выкинуть, *как* излишние слова. *Конечная цель* определяется *ходом*, а не теми разновидностями этого всеобщего «хода», каковые объясняются понятием: «характер развития». Следовательно, это лишние слова и не совсем точны.

Общество это характеризуется господством товарного производства при капиталистических производственных отношениях, т.-е. тем, что

*) Знак вопроса означает желание стилистических улучшений.

самая важная и значительная часть предметов потребления произво-

Почему только «предметов потребления»? А средств производства? Лучше бы «продуктов» и т. п.

дится для сбыта на внутреннем или международном рынке, а самая важная и значительная часть средств

Эти слова «на внутреннем или международном рынке», по моему, следует вычеркнуть. Излишнее повторение.

производства и обращения этих предметов потребления — товаров

Эти слова («этих предметов потребления») надо бы вычеркнуть. Товарами являются не только предметы потребления.

принадлежит относительно небольшому по своей численности классу

(Вместо «относительно небольшому», *может быть ничтожному*, ибо достаточным ограничением являются слова: «*самая* важная и значительная часть». Но это не важно).

лиц, огромное же большинство населения состоит частью из лиц, не имеющих никаких средств производства и обращения (пролетарии), частью из таких, в распоряжении которых находятся лишь очень не-

Надо бы добавить (после «классу лиц»): «капиталистам и землевладельцам». Иначе получается *абстрактность*, особенно *неуместная* в сопоставлении с дальнейшим: «крестьяне и кустари».

«И обращения» следует выкинуть: пролетарий чистой воды может иметь и имеет те «средства обращения», которые обмениваются на *предметы потребления*.

значительные средства производства, не обеспечивающие их существования (некоторые слои мелких производителей, например, мелкие крестьяне и кустари).

Пообчистить бы слог! «Средства производства» *обеспечивают* (?) существование.

Все эти лица вынуждены своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к обладателям средств производства и обращения товаров и своим трудом создавать их доход.

4. Господство капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по

мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, вытесняет мелких самостоятельных производителей, то-есть вызывает относительное уменьшение их числа, превращая часть их в пролетариев, суживает роль остальных в общественно-экономической жизни, а местами ставит их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от крупных предпринимателей.

? («Превращая»).

«От капитала» — не только крупного.

5. Превращая часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев, то же усовершенствование техники ведет к еще большему увеличению предложения рабочей силы, давая предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как с другой стороны тот же самый процесс усовершенствования техники (машины) приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации капиталом. Доля рабочего класса в общей сумме общественного дохода, создаваемого его трудом, постоянно уменьшается.

Эти слова следовало бы выкинуть, как излишнее повторение мысли, высказанной уже в предыдущем положении.

Вообще § 5 особенно рельефно показывает общий недостаток проекта: *длиннόты* и нежелательную *тягучесть* изложения. Между прочим: это вызывает то, что Энгельс назвал в критике Эрфуртского проекта «schiefe Nebenbedeutung» *). Например, выходит, будто рост применения женского и детского труда обусловлен *только* «превращением» мелких самостоятельных производителей в пролетариев,

*) — возможность кривотолкований. *Ред.*

а это не так, это бывает и *до* подобного «*превращения*». Начало §-фа 5-го — излишнее повторение.

6. Такое положение дел внутри буржуазного об —

Пропуск.

Перепроизводство, причиняющее более или менее острые промышленные кризисы, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, является неизбежным следствием роста производительных сил при отсутствии планомерности, характеризующем собой товарное производство и при свойственных нынешнему обществу капиталистических производственных отношениях. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, делают еще более затруднительным положение мелких самостоятельных производителей, еще быстрее ведут к относительному, а в некоторых местностях и к абсолютному ухудшению положения пролетариев.

Опять повторение!!

Этого мало. Не только «делают затруднительным их положение», но прямо *разоряют* массами.

Первая часть § 6-ого много выиграла бы от сокращения.

7. Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собой в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими, рост необеспеченности существования, безработицы и всяческой нищеты.

«*Рост* всяческой нищеты» — это позаимствование из моего проекта не совсем удачно. О *росте* нищеты я не говорил. «Всяческий» обнимает и «*абсолютный*». Упоминание о *нищете масс* следовало бы сделать поэтому несколько иначе.

8. Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные капиталистическому способу производства, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей и обостряется борьба ее передового представителя пролетариата с защитниками этого порядка.

§ 8-ой показывает *упорное нежелание* комиссии соблюсти точное и недвусмысленное *условие* поставленное ей при самом ее «рождении». *На основании этого условия* должна быть сделана вставка (которую комиссия и сделала в § *10*), *причем* до

вставки речь должна идти только о классовой борьбе *одного* пролетариата. Последнего требования, ясно выраженного в примирительном договоре, комиссия *не исполнила*, и я считаю себя в праве настаивать на его исполнении.

До того, что сказано в конце § 10, *неправильно* говорить о недовольстве всей трудящейся массы вообще и называть пролетариат ее «передовым представителем», ибо это верно *лишь под тем условием*, которое выражено в § 10 в конце. Условное комиссия выдает за безусловное. Половинчатость мелкого производителя, его *полу-реакционность* комиссия *ничем не выразила*: это совершенно недопустимо. Получилась такая вещь, что *возможность* нахождения этого мелкого производителя (или *части* этого слоя) в числе *принципиальных* «защитников этого порядка» (та же фраза в § 8!!) совершенно *забыта!!* А между тем эта возможность *очень* часто переходит в действительность у нас на глазах.

Чтобы иметь право говорить о движении пролетариата, о классовой его борьбе и даже о *классовой диктатуре*, — обязательно *сначала выделить* этот *один* класс, а потом уже сделать добавление о его роли представителя. А то в проекте получается несвязность; § 8 *не сцеплен* строго логически ни *с продолжением* (отчего же не «диктатура трудящейся массы»??), *ни с началом* (если обостряются

все общественные противоречия, то *значит* все более обостряется борьба *двух классов*, а это комиссия забыла сказать!!). Концы не сведены с концами.

В то же время усовершенствование техники, обобществляя процесс труда внутри мастерской и концентрируя производство, все быстрее и быстрее создает возможность той социальной революции, которая составляет конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Обобществление труда далеко не ограничивается тем, что происходит внутри мастерской: это место необходимо исправить.

+ «*и необходимость*» (социальной революции).

Для сопоставления «классового движения пролетариата» см. § 13.

9. Эта социальная революция будет состоять в устранении капиталистических производственных отношений и замене их социалистическими, то-есть, в экспроприации эксплуататоров для передачи средств производства и обращения продуктов в общественную собственность, и в планомерной организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как целого общества, так и отдельных его членов. Осуществление этой цели освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

?? («устранении»).

Не точно. *Такое* «удовлетворение» «дает» и капитализм, но *не всем* членам общества и *не одинаковое*.

Возражения свои я уже излагал против § 8.

10. Чтобы совершить свою социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть (классовая диктатура), которая сделает его господином положения и позволит побороть все препятствия. Организуясь для этой цели в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям пролетариат призывает в свои ряды все другие

? («классовая диктатура»).

? («побороть»).

«Противостоящую *всем* буржуазным партиям», — значит, и *мелкобуржуазным* партиям, не так ли?? А ведь из мелких буржуа *большинство* суть «трудящиеся и эксплуатируемые». Не сцеплено.

Социал-демократия организует и призывает. «Пролета-

слои страждущего от капиталистической эксплуатации населения, рассчитывая на их поддержку, поскольку они сознают безнадежность своего положения в современном обществе и становятся на точку зрения пролетариата.

риат... призывает в *свои* (!) слои» — ganz unmöglich! *).

Слова «рассчитывая на их поддержку» следует выкинуть. Они *излишни* (если призывает, то значит рассчитывает) и имеют schiefe Nebenbedeutung. Призывает тех, кто сознает, — поскольку сознает, das genügt **).

11. Партия борющегося пролетариата, социал-демократия, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед всей трудящейся и эксплуатируемой массой непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ей историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции.

«Непримиримость их (ее) интересов с самым существованием капитализма» или т. п. исправление. Не все трудящиеся находятся в таком положении, чтобы их «интересы» были «непримеримо» противоположны интересам эксплуататоров. У трудящегося крестьянина есть *н е ч т о*, кое-что, $\frac{a}{n}$, общее с аграрием. Надо выразиться *общее*, шире, а то получается неверность и сбивается на *фразу*.

12. Но, несмотря на единство их общей конечной цели, обусловленное господством одинакового способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран ставят перед собой неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

? Слог («этот способ»)!!

§ 12 — конец. Надо бы попытать сократить. Было бы зело полезно похудеть этому §-фу. Нельзя ли посредством: «национальные особенности» или что-либо т. п. сжать десять слов в два?

*) — совершенно невозможно! *Ред.*
**) — этого достаточно. *Ред.*

13. В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся все более и более преобладающим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, до-капиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству, или главе государства. Эти остатки задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обусловливают азиатски-варварские формы разорения и упадка многомиллионного крестьянства и держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.

§ 13 начало. Кланяюсь и благодарю за малосенький шажок ко мне. Но «станов*ящимся*, преоблад*ающим*»...щи....щи—фи, фи!

Для сопоставления «классовой борьбы пролетариата» см. § 8.

? Слог («азиатски-варварские формы разорения»)!

§ 13 конец. Желательно подправить: я уже предлагал — *kak* (мои поправки к моему проекту *), а то... «варварская форма разорения и упадка».....?

14. Являясь самым значительным из всех пережитков нашего крепостного строя и самым могучим оплотом всего этого варварства, царское самодержавие совершенно несовместимо с политической и гражданской свободой, давно уже существующей в передовых странах капиталистического производства, как его естественное правовое дополнение. По самой природе своей оно должно давить всякое общественное движение и не может не быть злейшим врагом всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому русская социал-демократия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей

и т. д.

? Слог («производства»).

? Слог («оно»).

Не годится («всякое общественное движение»). *Не* всякое: биметаллизм и прерафаэлитизм есть тоже «общественное движение». Надо подправить.

«*Естественное* правовое дополнение» — очень неудачное выражение верной мысли. «Естественность» свободы для капитализма усложняется 1001 социально-историческим фактором, чего слово естественный не вы-

*) См. настоящий том, стр. 17. *Ред.*

ражает. И пахнет, воняет оно либерализмом каким-то. Сказать бы как-нибудь, вроде того, что самодержавие *неизбежно* осуждено на смерть *всем* развитием капитализма, необходимо требующим гражданской и политической свободы для выражения усложняющих интересов или т. п., одним словом, идею *неизбежности* выразить, не порождая недоразумений причислением этой неизбежности к числу «естественных».

В общем и целом, чем больше вчитываешься в проект комиссии, тем больше убеждаешься в его так сказать *непереваренности.* Я берусь предсказать, что это качество проекта навлечет на нас много нареканий и справедливых, если мы в *подобном* виде его опубликуем. *Все* увидят, что это внешняя «склейка».

Если уж господь бог за грехи наши покарал нас необходимостью выступить с «ублюдочным» проектом, то надо хотя бы приложить *все* усилия, чтобы *уменьшить* печальные от сего последствия. Совершенно неправы поэтому те, кто *больше всего* руководится желанием «скорее кончить»: можно ручаться, что *теперь,* при такой констелляции, от торопливости кроме худа ничего не будет, и наш редакционный проект будет неудовлетворителен. Неважно, чтобы непременно в № 4 «Зари»[8]) печатать: напечатаем в № 5 и выпустим отдельным оттиском *до* выхода № 5. При таком приеме запоздание на какой-нибудь месяц не будет ни малей-

шим партийным ущербом. И ей-ей лучше бы было, если бы высокая комиссия еще хорошенько поработала, пообдумала, переварила и дала нам *свой* несклеенный, а цельный проект. Повторяю еще раз: если эта задача неосуществимая, тогда гораздо полезнее для дела будет вернуться к плану 2-х проектов (и мы вполне сумеем осуществить этот план без *всякой* «неловкости»: Плеханов печатает за своей подписью в «Заре», а *я* — «на стороне», в Женеве, как x, y, z). Почтительнейше ходатайствую перед высочайшей коллегией о *внимательном* соображении «*всех обстоятельств дела*»... 12 IV 02, в вагоне: извиняюсь за мазню. Если успею, напишу еще и яснее.

Написано 12 апреля 1902 г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ НА КОМИССИОННЫЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ.

В добавление к замечаниям на самом проекте отмечу еще:

§ 3. «Общество (буржуазное) характеризуется господством товарного производства *при* капиталистических производственных отношениях, *т.-е.*».... и дальше описываются основные черты капитализма. Получается несоответствие: посредством «*т.-е.*» соединены неоднородные, неравные понятия, именно 1) *видоизменение* товарного производства в том его виде, какой обусловлен господством капиталистических производственных отношений, и 2) сбыт продуктов на рынке и продажа массой населения своей рабочей силы.

Это несоответствие, это приравнение *основных* и самых общих черт товарного производства вообще и капитализма вообще — и видоизменения товарного производства на основе капиталистических производственных отношений (тогда товары обмениваются уже не *просто* по стоимости) наглядно показывает неудачность формулировки Г. В. Плеханова (а комиссия приняла и только перефразировала эту формулировку). В программе, излагающей только самые общие и основные черты капитализма, *не излагающей даже теории прибавочной стоимости,* — мы вдруг будем давать «кивок» на Бем-Баверка, напоминая, что «товарное производство на основе капитализма» есть не совсем то, что простое товарное производство! Если так, то отчего же не прибавить в программе и специальных кивков на Михайловского, Бердяева и т. п.? С одной стороны, даже всему учению Маркса об эксплуатации труда капиталом уделено лишь одно самое обще-социалистическое выражение: «создают своим трудом их доходы» (§ 3 в конце), — а с другой стороны отмечается специальное преобразование прибавочной стоимости в прибыль при «товарном производстве на базисе капиталистических производственных отношений».

Г. В. Плеханов совершенно прав, что слова: «товарное производство на основе капиталистических производственных отно-

шений» выражают основную мысль III-го тома. Но только. Не при чем эта мысль в программе, — как не при чем в ней и описание механизма реализации, составляющее основную мысль II-го тома,— как не при чем в ней описание преобразования избыточной прибыли в поземельную ренту. В программе достаточно *отметить* эксплуатацию труда капиталом = образование прибавочной стоимости, а говорить о всяческих видах *преобразования* и видоизменения форм этой прибавочной стоимости неуместно (и невозможно в паре кратких положений).

Я вполне разделяю мысль В. Засулич, что у нас возможно привлечение в ряды социал-демократии гораздо большей доли мелких производителей и гораздо раньше (чем на Западе),— что для осуществления этого мы должны сделать *все* от нас зависящее, — что это «пожелание» надо выразить в программе «против» Мартыновых и К°.

Со всем этим вполне согласен. Добавку того, что выражено в конце § 10, *приветствую* — подчеркиваю это во избежание недоразумений.

Но не надо же перегибать лук в другую сторону, как делает В. Засулич! Не надо же «пожелание» смешивать с *действительностью* и притом с той имманентно-необходимой действительностью, которой только и посвящена наша Prinzipienerklärung. Желательно привлечь *всех* мелких производителей,— конечно. Но мы знаем, что это — особый класс, хотя и связанный с пролетариатом тысячей нитей и переходных ступеней, но все же особый класс.

Обязательно *сначала отгородить* себя от всех, выделить один только, *единственно и исключительно,* пролетариат, — а *потом* уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает.

Я согласен на это «потом», но я требую раньше этого «сначала»!

У нас в России дьявольские муки «трудящейся и эксплуатируемой массы» не вызывали никакого *народного* движения, пока «горстка» фабрично-заводских рабочих не начала борьбу, классовую борьбу. И *только* эта «горстка» гарантирует ее ведение, продолжение, *расширение.* Именно в России, где и критики (Булгаков) обвиняют социал-демократов в «крестьянофобстве», и социалисты-революционеры кричат о необходимости *заменить* понятие классовой борьбы понятием «борьбы *всех* трудящихся и эксплуатируемых» (Вестник Русской Революции № 2) [9], — именно в России мы должны *сначала* самым резким определением одной только классовой борьбы одного *только* пролетариата *отгородить* себя от всей этой швали, — а потом уже

заявлять, что мы *всех зовем*, все возьмем, все сделаем, на все расширим.

А комиссия «расширяет», позабывши отгородить!! И обвиняют меня в узости за то, что я требую *предпослать* расширению эту «отгородку»?! Ведь это — подтасовка, господа!!

Неизбежно предстоящая нам завтра борьба с объединенными критиками + господами полевей из «Русских Ведомостей» и «Русского Богатства» [10]) + социалистами-революционерами непременно потребует от нас именно *отмежевания классовой борьбы* пролетариата от «борьбы» (борьбы ли?) «трудящейся и эксплуатируемой массы». Фразы об этой массе — главный козырь в руках всех unsicheren Kantonisten *), а комиссия играет им на руку и отнимает у нас оружие для борьбы с половинчатостью ради того, чтобы подчеркнуть одну половину! Не забывайте же и о другой половине!

Написано 6 апреле 1902 г.

---

*) — ненадежных кантонистов. *Ред.*

ПОПРАВКА К АГРАРНОЙ ЧАСТИ ПРОГРАММЫ.

В четвертом пункте нашей аграрной программы я предлагаю сделать следующее изменение: вместо слов: «учреждения крестьянских комитетов (а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации *или в том случае, если земли переходили из рук в руки, выкупа и т. п.)* тех земель» и т. д., сказать: «учреждения крестьянских комитетов (а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации) тех земель, которые»... и т. д.,

т.-е. *выкинуть подчеркнутые слова.*

Я полагаю, что эту поправку следует сделать на основании следующих соображений:

1. В аграрной программе мы выставляем наш «максимум», наши «социально-революционные требования» (см. мой комментарий) [11]). Допущение же выкупа противоречит социально-революционному характеру всего требования.

2. «Выкуп» и по исторической традиции (выкуп 61 г.), и по своему содержанию (ср. знаменитое: «выкуп — та же покупка») [12]) носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры. Ухватившись за *допущение* нами выкупа, не невозможно испакостить всю суть нашего требования (а пакостников для этой операции найдется более чем довольно) *).

3. Бояться «несправедливости» того, что отрезки отнимут у людей, заплативших за них денежки, — нет оснований. Мы и без того обставили эту меру возвращения отрезков двумя узкими условиями (1) — «земли которые отрезаны в 61 г.» и (2) — «которые *теперь* служат для закабаления». Собственность, служащую для *крепостнической* эксплуатации, вполне справедливо конфисковать и без вознаграждения. (А там пускай покупщик отрезков *судится с продавцом,* — это не наше дело.)

*) Возвращение отрезков, как экстренную революционную меру, мы *деградируем* допущением выкупа до самой дюжинной «реформы».

4. Допуская «выкуп», мы возлагаем *денежные* платежи на крестьян, которые именно в силу отработок всего глубже стояли в натуральном хозяйстве: резкость перехода *к денежным платежам* может *особенно быстро* разорить крестьян, а это противоречило бы всему духу нашей программы.

5. Если *в виде исключения* и стоит «вознаградить» покупщика отрезков, то никоим образом не на счет крестьян, имеющих нравственное и историческое право на эти отрезки. «Вознаградить» можно предоставлением соответствующего куска где-нибудь на окраине, и т. п.; это уже нас не касается.

Прошу всех дать свой голос: *за* = значит за устранение слов о выкупе, за вычеркнутие отмеченных мной слов.

Написано в апреле 1902 г.

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА.

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств,— после всего этого правительство «сердечного попечения» опубликовывает задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т.-е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали

либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организаций, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?»

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято, определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо, похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, *легально* созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, напр., что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть *максимум* того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом или усилить *политический, революцион-*

ный характер своего протеста,—вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об *его* протестах, об *его* активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» не двусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, не взирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, не смотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы *своевременно* оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия

ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в *этом* направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А, ведь, кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того неразрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20 слишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к впрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его *экономической* политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации

крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается»[13]). Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменились и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить изо дня в день, заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило *политическую мобилизацию* тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

«Искра» № 17, 15 февраля 1902 г.

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ[14]).

Под этим общим заглавием мы намерены периодически помещать, по мере накопления материала, статьи и заметки, посвященные характеристике, с марксистской точки зрения, всех сторон экономической жизни и экономического развития России. Теперь, когда «Искра» начала выходить два раза в месяц, недостаток такого отдела чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этом обратить серьезнейшее внимание всех товарищей и сочувствующих нашим изданиям лиц на то, что ведение (сколько-нибудь правильное) этого отдела требует особенно богатого материала, а редакция наша поставлена в этом отношении в исключительно-неблагоприятные условия. Легальный писатель и представить себе не может, о какие иногда элементарнейшие препятствия разбиваются намерения и стремления писателя «подпольного». Не забывайте же, господа, что мы не можем отправиться в императорскую Публичную Библиотеку, где к услугам журналиста имеются десятки и сотни специальных изданий и местных газет. А ведь материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т.-е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя, — такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям, из которых большая часть либо недоступна по цене, либо вовсе не поступает в продажу (издания правительственные, земские, медицинские и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономического отдела возможна *исключительно* при том условии, если *все читатели* нелегальной газеты будут поступать сообразно правилу: «с миру по нитке — голому рубашка». И, преодолевая ложный стыд, редакция «Искры» должна сознаться, что она в этом отношении ходит почти-что совсем голая. Мы уверены, что масса наших читателей имеет возможность следить и на самом деле следит «для себя» за самыми разнообразными специальными и местными изданиями. Только тогда, когда *каждый* такой читатель *каждый раз*, когда он встретит интересный материал, будет задавать себе вопрос: а есть ли этот

материал в редакции *нашей* газеты? что я сделал для того, чтобы ознакомить ее с этим материалом? — только тогда мы добьемся того, чтобы все выдающиеся явления в экономической жизни России оценивались не только с точки зрения казенного, нововременского, виттевского славословия, не только ради традиционного либерально-народнического нытья, а и с точки зрения революционной социал-демократии.

Ну, а теперь, — после этого нелиберального нытья, — теперь перейдем к делу.

1. СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ.

Сберегательные кассы — один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одно виттевское, а также и «критическое» славословие. Давиды и Герцы, Черновы и Булгаковы, Прокоповичи и Тотомианцы, одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах, Каблуковых и Карышевых) на разные лады и голоса взывают: «толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! — Да вот одни уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты! А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах в 1899 году и присмотримся к ним поближе [15]). Всего в России было в 1899 г. 4.781 государственная сберегательная касса, в том числе 3.718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских кассы. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1.189, т.-е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1.664 тыс. до 3.145 т., т.-е. на полтора почти милл. (на 89%), сумма денежных вкладов с 330 милл. р. до 608 м. р., т.-е. на 278 м. р. или на 84%. Итак, повидимому, гигантский рост «народных сбережений»?

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-ые годы и начало 90-х *всего быстрее* шло возрастание суммы вкладов *в голодные годы,* 1891 и 1892. Это с одной стороны. А с другой — мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-ые и 90-ые годы вместе взятые, на-ряду с ростом «народных сбережений» шел поразительно-быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет *рост денежного хозяйства.* Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще,

а лишь на рост (иногда даже только на стягиванье в центральные учреждения) *денежных* «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно *увеличение* денежных сбережений *при уменьшении* всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большей частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных, ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеющих крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом, вполне объясним на-ряду с ростом голодовок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного, крестьянина новой сельской буржуазией, т.-е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3 милл. (2.942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 милл. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб. — как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа, «счастливцев», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — *духовенство:* 46 м. р. по 137 т. книжек, т.-е. по **333** р. на книжку. Попечение о спасении души паствы — дело, должно быть, небезвыгодное... Затем — *землевладельцы:* 9 м. р. на 36 т. кн., т.-е. по 268 р. на кн.; далее — *торговцы:* 59 м. р. на 268 т. кн., т.-е. по 222 р. на кн.; потом офицера — по 219 р. на кн., гражданские чиновники — по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т.-е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; «прочие занятия» — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 р.; *работа на фабриках и заводах* — по 136 р., и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 р.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, *последнее* место по размеру сбережения (не считая солдат, содержимых казной)! Даже прислуга имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 р. на кн. против 136 р.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 тыс. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводских рабочих — 157 т. кн. на сумму 21 милл. руб. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поставлен в худшие условия, чем их личная прислуга! Из всего числа русских фабрично-заводских

рабочих (не менее двух милл. чел.) только *шестая* приблизительно часть имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, — и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный, и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, *отложенные* до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главным образом объемлется рубрикой «земледелие и сельские промыслы», — то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т.-е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 милл. дворов или семей) с 126 м. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к *крестьянской буржуазии*. К этим и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п., — данные, которые выдвигают против социалистов гг. Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния», гг. либералы (и «критики»), — чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии. Эти господа не замечают (или притворяются не замечающими) того, что упадок мелкого производства как раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеющих на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах, это распределение таково: из трех миллионов вкладчиков один миллион имеет вклады *до* **25** *руб.* У них всего 7 м. р. (из 545 м. р., т.-е. всего 12 коп. из каждых 10 р. общей суммы вкладов!). Средний размер их вкладов — *семь рублей.* Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя *треть* общего числа, обладают лишь $^1/_{83}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 м. руб., — в среднем по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаем, что *больше половины* вкладчиков (1,6 милл. из 3 милл.) имеют лишь 42 милл. руб. из 545, т.-е. $^1/_{12}$. Из остальных, состоятельных вкладчиков, один миллион имеет от 100 до 500 р. — у них всего 209 милл. руб., по 223 руб. на вкладчика. 400 т. вкладчиков имеют каждый свыше 500 р.; всего у них 293 м. р. — по 762 руб. на вкладчика. След., эти, очевидно уже богатые,

люди, составляя *менее* $^{1}/_{7}$ всего числа вкладчиков, обладают *больше чем половиной* (54%) всего капитала.

Таким образом, *концентрация капитала* в современном обществе, обездоление массы населения, сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшого брата», для мало-зажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее в передовых странах, несмотря на большую «демократизацию» в них сберегательных касс. Напр., во Франции к 31 дек. 1899 г. было $10^{1}/_{2}$ м. кн. в сберегательных кассах на сумму 4.337 милл. франков (франк немного менее 40 коп.). В среднем на одну книжку это дает 412 франков или около 160 р., *т.-е. менее* среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков ($3^{1}/_{3}$ милл.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 милл. фр. из общей суммы 4.337 милл., т.-е. $^{1}/_{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют немного более половины общего числа (5,3 милл.), а имеют они всего 143 м. фр., т.-е. $^{1}/_{3}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1000 и более франк. (400 и более рублей), составляя *менее пятой доли* (18,5%) общего числа вкладчиков, сосредоточивают *более двух третей* (68,7%) общей суммы вкладов, именно 2.979 м. фр. из 4.337 милл.

Таким образом, читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным образом. «Критик марксизма» говорит: растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала. Социалист говорит: происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, выталкиваемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережение в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа?

Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усиливают могущество воен-

ного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры») *) распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов сотни миллионов на оплату своих китайских экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и проч. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 милл. руб. в сберегательных кассах 613 милл. руб. находились в процентных бумагах, а именно: **230** милл. в *государственных займах,* 215 милл. в закладных листах земельных банков и 168 милл. в жел.-дорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обращавшуюся в запасный капитал сберегательных касс); во-вторых, она *заставляет* вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства (заставляет их давать казне деньги взаймы). Средним числом с 1894 по 1899 гг. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 м. р. в год, а выдачи по 200 м. р. По *пятидесяти миллионов* получается, след., ежегодно на заштопыванье путем займов дыр в мошне государственной казны, которой только разве ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасыванья денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму!

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает, и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 году процент по денежным вкладам равнялся 4,12%, по бумагам—4,34%; в 1899 г.—3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление—общее всем капиталистическим странам и доказывающее наиболее наглядным и рельефным образом рост крупного капитала и *крупного производства на счет мелкого,* ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно так же нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4.781 кассы — 3.718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня,—вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым

*) См. IV том Сочинений, стр. 348. *Ред.*

низшим начинающим служащим платятся буквально *голодные* платы, и затем установлена бесконечная градация степеней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, при чем перспектива грошевой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще покрепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 м. р. кассы вкладывают (по воле российского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 м. р. в жел.-дорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного... то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности, ведь,—говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные,—этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся *собственниками железных дорог, владельцами закладных* на землю. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально-крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п., на самом деле растет число имущих, число собственников,—а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, напр., русские фабрично-заводские рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 милл. руб., то около 5 милл. руб. из этой суммы вложено в железнодорожные займы, около 8 м. р. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять милл. рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов землевладельцами. Вот и толкуйте тут о пролетариате! Значит, рабочие эксплуатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку ренты, т.-е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таков ход рассуждений у новейших критиков марксизма... И—знаете ли что?—я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветствовать, ибо она внесла движение в застоявшееся, якобы, учение,—готов вот на каком условии. Французские социалисты изощряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа, немецкие—на распутывании софизмов Шульце-Деличча, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю *пока* только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика!»—*под условием,* чтобы мы, социалисты, *как можно шире* вносили в свою пропаганду и *агитацию среди масс* разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие?—так по рукам! Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту

царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1.618 тыс. с капиталом в 42 милл. руб., т.-е. по 26 руб. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, руб. на 6 «владеет» железными дорогами, рублей на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т.-е. идти в рабство к собственникам средств производства. «Участие» же его в «железнодорожном и банковом» деле доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества и отдельные классы. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве; теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее «частными», оставаясь все же *почти всецело* в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик, несомненно, *сплетается* с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? — Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и будучи *тем более независим* от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики *мельче* и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил? Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в *новую зависимость* от крупного капитала. О распоряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по 4% = 1 рубль в год!). А вот зато в случае краха он теряет целиком даже и жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а *усиление могущества* крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а *более зависимым* лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных,

об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства.

«Искра» № 17, 15 февраля 1902 г.

ДОКЛАД РЕДАКЦИИ «ИСКРЫ» СОВЕЩАНИЮ (КОНФЕРЕНЦИИ) КОМИТЕТОВ Р.С.-Д.Р.П. [16]).

5 марта 1902 г.

Товарищи! Мы получили только третьего дня извещение о созыве совещания на 21-ое марта вместе с совершенно неожиданным сообщением, что первоначальный план устроить конференцию заменен планом устроить партийный съезд. Кем совершена эта внезапная и немотивированная замена, мы не знаем. С своей стороны, мы находим ее крайне неудачной, мы протестуем против таких быстрых перерешений, необыкновенно сложных и важных в партийном отношении шагов, мы усиленно советуем возвратиться к первоначальному плану устройства конференции.

Чтобы убедиться в необходимости этого, достаточно, по нашему мнению всмотреться внимательнее в список вопросов (Tagesordnung) съезда, сообщенный нам тоже только третьего дня, при чем мы не знаем, есть ли это только проект Tagesordnung'а, предлагаемый одной организацией или несколькими. Список намечает девять вопросов, подлежащих обсуждению съезда, в следующем порядке (излагаю содержание вопросов сокращенно): A) Экономическая борьба; B) Политическая борьба; C) Политическая агитация; D) 1 мая; E) Отношение к оппозиционным элементам; F) Отношение к революционным группам, не входящим в партию; G) Организация партии; H) Центральный орган и I) Заграничное представительство и заграничные партийные организации.

Во-первых, этот список своей архитектурой и редакцией отдельных вопросов неотразимо производит впечатление «экономизма». Мы не думаем, конечно, чтобы организация, предлагающая этот список, держалась и по сю пору «экономических» воззрений (хотя *до некоторой степени* это и не совсем невозможно), но мы просим товарищей не забывать, что надо считаться и с общественным мнением международной революционной социал-демократии и с распространенными еще у нас остатками «эконо-

мизма». Подумайте только: передовая партия политической борьбы собирает съезд в момент величайшего напряжения всех революционных и оппозиционных сил страны, начавших прямой натиск на самодержавие, — и вдруг во главу угла мы ставим «экономическую борьбу», за которой только *следует* «политика»!! Разве это не копирует то традиционное заблуждение наших экономистов, будто политическая агитация (resp.: борьба) должна следовать за экономической? Разве можно себе представить, чтобы какая-либо европейская социал-демократическая партия в революционный момент вздумала выдвинуть на первое место среди всех вопросов вопрос о профессиональном движении? Или возьмите это отделение вопроса о политической агитации от вопроса о политической борьбе! Разве не сквозит тут обычное заблуждение, противополагавшее политическую агитацию политической борьбе, как нечто принципиально отличное, нечто принадлежащее к иной стадии? Или, наконец, как объяснить себе, что демонстрации *прежде всего* фигурируют в списке вопросов, как *средство экономической борьбы!??* Нельзя же забывать в самом деле, что в настоящее время *целый ряд* чужих по отношению к социал-демократии элементов обвиняет всю социал-демократию в «экономизме»: обвиняет и «Накануне» [17], и «Вестник Русской Революции», и «Свобода» [18], обвиняет даже (даже!) «Русское Богатство». Нельзя забывать, что, каковы бы ни были резолюции конференции, самый уже список вопросов останется историческим документом, на основании которого будут судить о высоте политического развития всей нашей партии.

Во-вторых, список поражает тем, что выдвигает (за несколько дней до съезда!) такие вопросы, которые надо обсуждать только при полной подготовке их, при возможности принять действительно определенные, действительно понятные решения, — иначе лучше вовсе не обсуждать их пока. Напр., пункты E и F: отношение к оппозиционным и другим революционным направлениям. Необходимо заранее всесторонне обсудить эти вопросы, составить доклады по ним, выяснить различие имеющихся оттенков — и только тогда принимать резолюции, которые бы давали на самом деле нечто новое, которые бы могли служить реальным *руководством* для всей партии, а не только повторяли какое-нибудь традиционное «общее место». Подумайте в самом деле: можем ли мы в несколько дней выработать обстоятельное, мотивированное и считающееся со всеми практическими надобностями движения решение вопросов об отношении к «революционно-социалистической группе Свобода» или к новоявленной «партии социалистов-революционеров» [19]? Мы уже не говорим о том, какое, по меньшей степени, странное впечатление произведет на всех упоминание о революционных группах, не входящих в партию, на-ряду с умолчанием о таком важном вопросе, как отношение

к Бунду и пересмотр трактующих о нем параграфов решений 1-ого съезда партии?

В-третьих, — и это главное — список вопросов страдает непростительным пробелом: совершенно обойдена молчанием *принципиальная позиция* современной русской революционной социал-демократии и ее *партийная программа*. В такой момент, когда весь мир кричит о «кризисе марксизма», а вся русская либеральная публицистика даже о распадении *и исчезновении* его, когда вопрос о «двух течениях в русской социал-демократии» не только поставлен на очередь, но и успел даже войти во всякие программы систематического чтения, в программы лекций пропагандистов и занятий кружков самообразования, — в такой момент обходить молчанием названные вопросы совершенно невозможно. Над нами, товарищи, и то уже *печатно* иронизируют наши противники (см. Надеждина «Канун революции»), что мы привыкли «рапортом рапортовать: все обстоит благополучно»!..

Все указанные недостатки списка вопросов убедительно доказывают, по нашему мнению, нерациональность плана превратить созванную уже конференцию в съезд. Мы понимаем, разумеется, как сильно чувствуется всеми отсутствие партийных съездов, начиная уже с 1898 года, как соблазнительна мысль воспользоваться затраченными на организацию конференции усилиями, чтобы положить конец этому существованию «партии без партийных учреждений». Но было бы величайшей ошибкой — ради этих практических соображений забыть о том, что от съезда Росс. С.-Д. Р. Партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте *всех* революционных задач современности, что если мы спасуем *теперь*, в такой поистине критический момент, — то мы можем похоронить все надежды социал-демократии на гегемонию в политической борьбе, что лучше не жалеть затраты нескольких тысяч рублей денег и нескольких месяцев подготовительной организационной работы и воспользоваться настоящей конференцией для подготовки к лету действительно *общепартийного* съезда, способного окончательно вырешить все очередные вопросы и в области теории (принципиальная программа) и в области политической борьбы.

Посмотрите на социалистов-революционеров, которые все более и более умело пользуются нашими недочетами и двигаются вперед в ущерб социал-демократии. Они только что образовали «партию», учредили *теоретический* орган, постановили создать *ежемесячную* политическую газету. Что же скажут про социал-демократов, если они *после* такого события не сумеют на своем съезде достигнуть *даже таких только* результатов? Не рискуем ли мы вызвать такое впечатление, что в смысле программной определенности и революционной организации социал-демократы не ушли вперед от этой «партии», заведомо группирующей вокруг

себя всякие неопределенные, неопределившиеся и даже неопределимые элементы?

Ввиду всего этого мы думаем, что настоящий съезд представителей от комитетов следует объявить не вторым очередным съездом Росс. С.-Д. Р. П., а *частной конференцией* и установить *главной и непосредственной задачей* этой конференции сорганизовать и подготовить к лету действительно *общепартийный съезд*, который был бы в состоянии и утвердить программу партии, и окончательно наладить еженедельный политический орган партии, и вообще достигнуть полного и фактического объединения всех комитетов и даже всех групп (типографских и пр.) социал-демократов на почве принципиальной выдержанности, верности принципам революционной социал-демократии и действительной боевой готовности к *наступательным* политическим действиям.

Исходя из этой основной мысли, мы позволим себе предложить на усмотрение товарищей следующий Tagesordnung нашей конференции:

1. *Принципиальная резолюция.* В этой резолюции необходимо высказаться с полной определенностью против тех прискорбных попыток сужения нашей теории и наших задач, которые были достаточно широко распространены в ближайшем прошлом. Отвергнув в решительных выражениях всякое такое сужение, партийная конференция сделает важное дело для принципиального объединения всех социал-демократов и поднимет пошатнувшийся престиж революционного марксизма. Может быть, некоторые товарищи выскажут опасение, что обсуждение принципиальной резолюции отнимет массу времени и нанесет ущерб занятию практическими вопросами? Мы совершенно не разделяем этих опасений, полагая, что продолжительные дебаты в нелегальной печати настолько разъяснили вопрос, что мы очень быстро и легко сойдемся на принципах революционной социал-демократии. Обойтись же без принципиальной резолюции никак невозможно.

Кроме того, устранение этого вопроса с Tagesordnung'а конференции все равно не достигло бы цели, ибо при обсуждении резолюции об экономической борьбе, политической борьбе и пр. неизбежно встал бы тот же самый вопрос, но в более отрывочном виде. Гораздо целесообразнее будет поэтому сначала покончить с этим и не дробить наших резолюций о политической агитации, стачках и проч., а изложить в связном виде взгляд на наши основные задачи.

С своей стороны, мы попытаемся набросать проект такой резолюции и поместить ее в приложении к этому докладу (если успеем сделать это).

2. *Второй очередной съезд Росс. С.-Д. Р. П.* Мы имеем в виду здесь предварительное (и, конечно, до известной степени предположительное) решение вопроса о времени съезда (лето или

самое позднее осень, ибо желательно покончить к началу будущего «сезона»), о месте его (при чем надо тщательно взвесить конспиративные условия), о необходимых средствах на устройство его («Искра», с своей стороны, готова была бы сейчас же ассигновать на эту цель 500 р. из одного специального, полученного ею, пожертвования; возможно, что вскоре мы нашли бы и еще столько же или даже больше. Надо обсудить, сколько тысяч рублей будет это примерно стоить и как именно собирать недостающее), — наконец, об общих основаниях и возможной полноте представительства (т.-е. чтобы были представлены определенно намеченные наперед комитеты и известные группы, может быть, и кружки русских социал-демократов, не говоря о сравнительно легкой задаче представить обе заграничные с.-д. организации; надо установить и порядок обсуждения вопроса о призыве на съезд организаций, имеющих возникнуть за промежуток времени между конференцией и съездом, и пр. и пр.).

3. *Выбор Организационного Комитета.* Задачей этого О. К. было бы, вообще говоря, приведение в исполнение решений конференции, подготовка и устройство съезда, окончательное определение его времени и места, его практическая организация, подготовка таких функций, как транспорт, постановка партийных типографий в России (при содействии «Искры» в России возникло две, сочувствующие нашим изданиям, местные типографские группы, успевшие в своих двух типографиях издать №№ 10 и 11 «Искры», брошюры: «Что же дальше?», «10-тилетие Морозовской стачки», «Речь Петра Алексеева», «Обвинительный акт по обуховскому делу» и мн. др., вместе с рядом листков. Мы надеемся, что представителям этих местных групп удастся участвовать в занятиях конференции и что они окажут всякое содействие осуществлению общепартийных задач) — затем содействие всяким местным, профессиональным (рабочим), студенческим и т. п. организациям и пр. и пр. За три-четыре месяца этот О. К., поддержанный всеми организациями, мог бы вполне подготовить почву для образования настоящего Ц. К., способного de facto *) руководить всей политической борьбой нашей партии.

В виду сложности и разносторонности задач О. К. его следовало бы, по нашему мнению, составить не из очень малого числа лиц (5 — 7 человек), предложив им выбрать бюро, распределить функции и съезжаться несколько раз до съезда.

4. *Выбор комиссии для выработки проекта партийной программы.* Так как редакция «Искры» (а в том числе и Группа «Осв. Труда») уже долго работает над этим трудным делом, то мы позволили бы себе предложить товарищам такой план. У нас уже закончен весь проект практической части программы,

*) — на деле. *Ред.*

в том числе и проект аграрной программы, а кроме того составлены *два* варианта принципиальной части программы. Наш представитель ознакомит конференцию с этими проектами, если это будет найдено нужным и если он, с своей стороны, не встретит препятствий к этому. Из этих двух вариантов мы составляем теперь один общий проект, при чем опубликовывать его в черновом виде, т.-е. до окончания этой работы, мы, разумеется, не желали бы. Если бы конференция выбрала несколько человек для присоединения к нашей редакции на предмет выработки программы, то это было бы, может быть, наиболее практичным решением вопроса.

С своей стороны, мы во всяком случае можем теперь же взять на себя формальное обязательство перед товарищами представить через несколько недель окончательный проект партийной программы, который мы хотели заранее напечатать в «Искре» для ознакомления *всех* товарищей и получения их замечаний.

5. *Центральный орган.* Ввиду громадных трудностей дела постановки правильно выходящего и достаточно оборудованного с литературной и технической стороны периодического органа, — конференция, по примеру 1-ого съезда партии, вероятно, остановилась бы на одном из существующих органов. Будет ли этот вопрос решен таким образом, или будет намечена постановка совершенно нового органа, во всяком случае надо будет поручить особой комиссии, или еще лучше тому же Орг. Комитету, подготовку этого дела и всестороннее обсуждение его сообща с имеющейся на-лицо или с ново-выбранной редакцией.

К этим обсуждениям необходимо было бы, по нашему мнению, привлечь Группу «Освоб. Труда», без участия и руководства которой мы не можем представить себе правильной постановки принципиально выдержанного и удовлетворяющего вообще всем нуждам движения политического журнала.

Так как уже до конференции имелись попытки поставить 2-х-недельный орган, то партии следовало бы наметить ближайшей задачей постановку *еженедельной газеты:* это было бы вполне возможно при условии действительно *общей* работы *всех* русских социал-демократов над таким органом.

6. *Подготовка списка вопросов для партийного съезда и докладов по ним.* Конференции следовало бы отчасти наметить самой, отчасти поручить Орг. Комитету составить этот список и *непременно* назначить (resp.: подыскать) докладчиков по каждому вопросу. Только при условии предварительного назначения докладчиков можно обеспечить действительно всестороннее обсуждение вопросов — (некоторые доклады в полном виде или отчасти могли бы быть напечатаны заранее и подвергнуться обсуждению в прессе: напр., мы надеемся вскоре напечатать почти законченный уже реферат одного из членов редакции об аграрной программе

русской социал-демократии [20]) и т. п.) — и правильное решение их на съезде.

7. *Текущие практические вопросы движения,*— напр., (а) обсуждение и принятие майского листка (resp. обсуждение проектов листка, представленного «Искрой» и другими организациями),

(б) майская демонстрация — время и способы ее устройства,

(в) поручение Орг. Комитету содействовать устройству бойкотов, демонстраций и т. п., а равно и постепенное подготовление умов членов партии и сил и средств партии к всенародному восстанию,

(г) разные финансовые вопросы о расходах на Орг. Комитет *и т. п.*

Заканчивая этим свой доклад по вопросам о задачах и Tagesordnung'е нашего съезда, мы заметим только, что составить подробный доклад о деятельности «Искры» для нас совершенно невозможно, вследствие крайнего недостатка времени. Мы вынуждены ограничиться поэтому нижеприлагаемым кратким наброском.

ЧЕРНЯК РЕЗОЛЮЦИИ.

1. Конференция решительно отвергает все и всяческие попытки внесения оппортунизма в революционное классовое движение пролетариата,— попытки, выразившиеся в так называемой «критике марксизма», бернштейнианстве и экономизме. В то время, как буржуазия всех стран ликует по поводу пресловутого «кризиса в социализме», конференция от имени Росс. С.-Д. Р. П. заявляет свою солидарность с революционной международной социал-демократией и свое твердое убеждение, что из этого кризиса социал-демократия выйдет еще более окрепшей и готовой на беспощадную борьбу за осуществление ее великих идеалов.

2. Конференция заявляет свою солидарность с Манифестом Росс. С.-Д. Р. П. и подтверждает, что ближайшей политической задачей партии она считает низвержение самодержавия. Конференция заявляет, что во главу угла своей деятельности, направленной к осуществлению этой ближайшей задачи, а равно и своей конечной цели, социал-демократия ставит всестороннюю и всенародную политическую агитацию, призывающую пролетариат на борьбу против всех проявлений экономического, политического, национального и социального угнетения, на какую бы часть населения этот гнет ни направлялся. Конференция заявляет, что партия будет поддерживать всякое революционное и прогрессивно-оппозиционное движение против существующего политического и общественного строя. Как практическое средство борьбы,

конференция особенно рекомендует устройство бойкотов, манифестаций в театрах и т. п., а равно организованные массовые демонстрации. Конференция советует всем комитетам и группам партии обратить внимание на необходимость подготовительных мероприятий к общенародному вооруженному восстанию против царского самодержавия.

3. Конференция заявляет, что русская социал-демократия по-прежнему будет руководить экономической борьбой пролетариата, будет заботиться о расширении ее и развитии вглубь, об укреплении идейной и организационной связи ее с социал-демократическим рабочим движением, будет стремиться использовать всякое проявление этой борьбы для развития политического сознания пролетариата и вовлечения его в политическую борьбу. Конференция заявляет, что нет никакой необходимости вести сначала агитацию только на экономической почве или считать вообще экономическую агитацию наиболее широко применимым средством для вовлечения масс в политическую борьбу.

(NB: очень важно *поймать* и тут «*Раб. Дело*» еще раз!!)

4. (Может быть насчет крестьянства в духе нашей аграрной программы?

Постараюсь составить и послать вслед).

Впервые напечатано в 1923 г., в Берлинской «Летописи Революции», № 1.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО К ЗЕМЦАМ[21]).

Приводим полностью гектографированное письмо к земским деятелям, которое ходило по рукам во время последней сессии земских собраний (в наши руки оно попало, *к сожалению*, только в самое последнее время):

«Милостивый Государь!

«Тяжкие условия, в которые поставлена в настоящее время Россия, русский народ и русское земство, побуждают обратиться к Вам, милостивый государь, с настоящим письмом в предположении встретить с Вашей стороны сочувствие высказанным здесь мыслям и намерениям.

Длинный ряд печальных и возмутительных фактов, молчаливыми свидетелями которых мы были за последнее время, мрачной тучей тяготеет над общественной совестью, и перед каждым интеллигентным человеком ребром ставится роковой вопрос: возможно ли далее политически бездействовать и пассивно участвовать в прогрессирующем обнищании и развращении родины?

Хронические неурожаи и непосильное податное бремя в виде выкупных платежей и неокладных сборов буквально разорили народ, вырождая его физически.

Фактическое же лишение крестьянства всякого признака самоуправления, мелочная опека официальных и добровольных представителей «твердой власти» и искусственная умственная голодовка, в которой держат народ непрошенные блюстители «самобытных и законных начал», ослабляют его духовную мощь, его самодеятельность и энергию.

Производительные силы страны нагло расхищаются отечественными и иноземными деятелями при милостивом содействии играющих судьбами родины авантюристов. Тщетно «благодетельное правительство» рядом одно другому противоречащих и наскоро придуманных мероприятий силится заменить живую и планомерную борьбу экономических групп страны. Попечительное «содействие» и «усмотрение» бессильны перед зловещими предтечами хозяйственного и финансового банкротства России: земледельческим, промышленным и денежным кризисами — блестящими результатами политики случая и авантюры. Печать задушена и лишена возможности пролить свет хотя бы на часть преступлений, ежечасно совершаемых защитниками порядка над свободой и честью русских граждан. Один произвол, бессмысленный и жестокий, властно возвышает свой голос и царит на всем необъятном пространстве разоренной, униженной и оскорбленной родной земли, не встречая нигде должного отпора.

При таком положении вещей вполне естественно систематическое недоверие правительства к малейшим проявлениям частной и обществен-

ной инициативы, к деятельности всякого рода общественных союзов и в частности к земским учреждениям, — этому камню, на котором Россия 60-х г.г. чаяла видеть утверждение нового царства. Торжествующей бюрократией земские учреждения осуждены на медленную смерть, и каждый год несет новый удар их жизнедеятельности, их значению и авторитету в глазах общества и народа, который почти не отличает земства от чиновной администрации. Земские собрания превращены в сословно-бюрократические совещания, вопреки ясно выраженному протесту всех прогрессивных групп страны, и потеряли всякую связь с массою русского народа. Земские управы становятся придатками губернаторских канцелярий и, теряя в самостоятельности, постепенно приобретают все недостатки присутственного места. Земские избирательные собрания низведены до какой-то комедии. Малочисленность избирателей и деление последних на сословные группы, не давая собраниям возможности служить средством для выражения, в лице избранных гласных, различных общественных интересов, превращают их в арену борьбы мелких и личных самолюбий.

Пределы ведения земских учреждений ограничиваются постепенно, но неуклонно. Продовольственное дело из компетенции земства изъято. В деле оценки земство превращено в исполнителя чиновных распоряжений. В области народного образования роль земства сведена почти к нулю. Выработанный министерством Горемыкина врачебный устав формально не отменен и, словно Дамоклов меч, висит над земской медициной. Черный призрак наказа училищным советам, повидимому, рассеялся. Но земство ничем не гарантировано от нового появления этого призрака, по уже воплощенного в форму закона, и связанной с ним окончательной гибели земской народной школы. Взаимные сношения земских учреждений разных губерний, необходимость которых стала избитым общим местом, встречают новые затруднения в последнем циркуляре министерства внутренних дел по этому предмету. Каждый шаг земства, как общественного учреждения, связан сложной паутиной многочисленных циркуляров различных министров, и земскому деятелю при проведении в жизнь той или другой меры приходится затрачивать не мало времени, энергии и остроумия на неблагодарный труд распутывания этой паутины. Пресловутая 87 ст. Земск. Полож., и особенно ее второй пункт, отдает всю деятельность земства на усмотрение губернатора. Губернаторские ревизии земских управ все учащаются; в лице непременных членов губернского по земским делам присутствия правительство бесцеремонно учреждает гласный надзор за земством. Изданием закона о предельности земского обложения правительство открыто признается в своем крайнем недоверии к основному праву земства — праву самообложения. Благодаря вмешательству департамента полиции, от земской деятельности насильно отрываются лучшие земские работники, выборные и наемные. В недалеком будущем, вероятно, получат силу закона министерские проекты о контролировании денежных операций земства чинами Государственного Контроля и об упорядочении деятельности земских совещательных комиссий.

Земские ходатайства не только не удовлетворяются, но даже не рассматриваются установленным для того порядком и небрежно отклоняются единоличною властью министров. Работать при таких условиях в земстве с серьезной верой в плодотворность этой работы представляется невозможным. И на наших глазах происходит процесс все увеличивающегося оскудения земской среды и в особенности земских исполнительных органов — управ. Уходят из земства люди, горячо преданные земскому делу, но утратившие веру в плодотворность работы при нынешних условиях. И на смену им идет земец новой формации, идет оппортунист, трусливо дрожащий за имя, за форму земских учреждений и окончательно унижающий их достоинство уродливым пресмыканием перед администрацией. В результате получается то внутреннее разложение земства, которое гораздо хуже формального уничтожения самоуправления. Открытый поход прави-

тельства против самой идеи земства мог бы привести к широкому общественному возбуждению, которого так боится бюрократия. Но на наших глазах происходит замаскированное умерщвление принципа самоуправления и, к несчастью, не находит организованного отпора.

При таком положении вещей сравнительная ничтожность материальных итогов земской деятельности нисколько не восполняется ее воспитательным значением, и почти сорокалетняя работа земских учреждений в смысле развития гражданственности, общественного самосознания и самодеятельности может пропасть бесследно для ближайшего будущего. С этой точки зрения, спокойное, покорное ожидание оппортунистов-земцев только содействует бесславной и бесполезной смерти великой идеи земских учреждений. Вывести земства из того тупика, куда привела их система опеки, возможно лишь энергично борясь против нелепой мысли, что обсуждение вопросов, выходящих за пределы мелочей местной жизни, грозит народными бедствиями. Бороться с этим жупелом, страшным, конечно, не для народа и государственной безопасности, с этой мыслью, нелепость которой цинично признается самими ее защитниками (см. конфиденциальную записку Витте «Самодержавие и Земство») — земству надлежит путем открытого и смелого обсуждения в земских собраниях вопросов общегосударственного значения, тесно связанных с нуждами и пользами местного населения. И чем разностороннее, полнее и энергичнее будут земские собрания обсуждать подобного рода вопросы, тем с большей ясностью обнаружится, что публичное обсуждение народных зол не грозит народными бедствиями, а, наоборот, предупреждает их, что тот гнет, под которым находится в настоящее время печать, полезен лишь врагам народа, что господствующей полицией мысли и слова нельзя создать честных граждан, что законность и свобода не находятся в противоречии друг с другом. Публичное выяснение всех подобных вопросов одновременно в нескольких губернских земских собраниях встретит, несомненно, сильнейшее сочувствие всех слоев народа и вызовет энергичную работу общественной совести. Если же земство ничем не реагирует на современное критическое состояние России, то, конечно, гг. Сипягины и Витте, отняв у него роль представителя интересов труда, не задумаются привести его в окончательное «соответствие» с общим строем учреждений империи. Какие формы примет это «соответствие», мы, принимая во внимание глубокомыслие и изобретательность теперешних правителей страны, положительно затрудняемся себе представить. Ведь хватило же наглости у г. мин. вн. дел и удивительного презрения к «первенствующему» сословию империи, чтобы возложить на его избранников — предводителей дворянства — гнусную роль шпионов по надзору за чтецами и существом народных чтений.

По изложенным соображениям мы полагаем, что наше бездействие и дальнейшее смиренное подчинение всем экспериментам, которым бюрократия подвергает земство и всю Россию, представляется не только своего рода самоубийством, но и тяжелым преступлением перед родной страной. Неосновательность, безумие тактики оппортунизма — эта продажа «первородства» за «чечевичную похлебку» — достаточно доказаны нам жизнью: самодержавная бюрократия, присвоив сначала право первородства, отняла теперь у нас и «чечевичную похлебку». Шаг за шагом у нас отняты почти все наши гражданские права, и сорокалетие, протекшее со времени начала «великих реформ», привело нас к тому же пункту, из которого мы вышли 40 лет тому назад, приступая к этим реформам. Много ли осталось нам терять и чем может быть оправдано наше дальнейшее молчание, чем может быть объяснено оно, кроме позорной трусости и полного отсутствия сознания своих гражданских обязанностей?

Как русские граждане, и притом «на верху» стоящие, мы обязаны отстаивать права русского народа, обязаны дать надлежащий ответ самодержавной бюрократии, стремящейся задавить малейшее проявление сво-

боды и самостоятельности в народной жизни и обратить весь русский народ в покорного раба. Как земцы, мы в особенности обязаны отстаивать права земских учреждений, защищать их от произвола и гнета бюрократии, отстаивать их право на самостоятельность и широкое удовлетворение потребностей всех слоев народа.

Перестанем же молчать, подобно провинившемуся школьнику; докажем, наконец, что мы взрослые граждане, и будем требовать того, что нам принадлежит по праву — нашего права «первородства», наших гражданских прав.

Самодержавная бюрократия никогда ничего не дает добровольно, а дает только то, что у нее вынудят, хотя и старается притом сделать такой вид, будто она поступается своими «правами» единственно из великодушия. Если же и случится ей дать более того, что у ней было вынуждено, то она немедленно отнимает все излишние уступки, как и случилось с нашими «великими реформами». Правительство не позаботилось о рабочих до тех пор, пока перед ним не встало серьезное «рабочее движение» в форме демонстраций многотысячных рабочих масс; тогда оно спешно приступило к «рабочему законодательству», хотя и достаточно лицемерному, но все-таки рассчитанному на то, чтобы удовлетворить хотя кое-какие требования рабочих и успокоить эти грозные массы. Правительство в течение десятков лет калечило нашу учащуюся молодежь, наших сестер, братьев и детей, не допуская ни малейшей критики придуманной им «учебной системы» и свирепо подавляя студенческие «беспорядки».

Но вот эти «беспорядки» превратились в массовую забастовку, академическая машина остановилась, и бюрократия прониклась вдруг горячим чувством «сердечного попечения» об учащейся молодежи, и те самые требования, на которые вчера еще единственным ответом был свист казацкой нагайки, сегодня провозглашаются правительственной программой «реформы учебного дела».

Конечно, и в этой метаморфозе есть не малая доля лицемерия, а все-таки... Все-таки не подлежит сомнению тот факт, что «бюрократия» вынуждена открыто признать и сделать довольно существенную уступку общественному мнению. И мы, как и все русское общество, весь русский народ, мы можем рассчитывать на признание и осуществление наших прав только в том случае, если будем смело, открыто, дружно и настойчиво требовать этих прав.

Ввиду всех этих соображений, мы решили обратиться с настоящим письмом к Вам, милостивый государь, и ко многим другим земским деятелям всех губернских земств — с просьбой оказать содействие в настоящую сессию губернских земских собраний возбуждению, обсуждению и принятию соответственных постановлений по нижеследующим вопросам:

I. О пересмотре Положения о земских учреждениях и об изменении его в смысле:

а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий при условии значительного понижения имущественного избирательного ценза; б) устранения из состава земства сословных представителей, как таковых; в) освобождения земства во всех его действиях от опеки администрации, предоставления земству полной самостоятельности во всех местных делах, при условии подчинения его законам страны на общих основаниях со всеми прочими лицами и учреждениями; г) расширения компетенции земства предоставлением ему полной самостоятельности в заботах о всех местных пользах и нуждах, поскольку они не нарушают интересов всего государства; д) отмены закона о предельности земского обложения; е) предоставления земству самых широких прав в деле распространения всеми способами народного образования, при чем, кроме хозяйственных забот, земству должно быть предоставлено и право наблюдения и улучшения учебной части; ж) отмены вышеупомянутого врачебного устава, угрожающего земской медицине;

з) возвращения в руки земства продовольственного дела, а равно и предоставления ему полной самостоятельности в организации и ведении земско-статистического оценочного дела; и) ведения всего земского дела исключительно через выборных земских людей, которые не должны подлежать утверждению администрации, а тем более не должны быть назначаемы помимо воли земских собраний; і) предоставления права земству приглашать земских служащих исключительно по своему усмотрению без утверждения администрации; к) предоставления земству права свободно обсуждать все обще-государственные вопросы, имеющие отношение к местным пользам и нуждам, при чем возбуждаемые земством ходатайства обязательно должны быть рассматриваемы высшими правительственными учреждениями в течение определенного срока; л) предоставления всем земствам права сноситься между собой, а равно устраивать съезды земских представителей для обсуждения вопросов, касающихся всех или нескольких земств.

II. О пересмотре и изменении Положения о крестьянах в смысле полного уравнения их прав с правами прочих сословий.

III. Об изменении податной системы в смысле уравнения податного бремени посредством прогрессивного обложения доходности имуществ и при условии освобождения от обложения известных минимальных доходов.

Крайне желательно также, чтобы в земских собраниях были подняты и обсуждены вопросы:

IV. О восстановлении повсеместно мировых судебных учреждений, а равно и об отмене всех законов, ограничивающих компетенцию суда присяжных.

V. О предоставлении большей свободы печати, о необходимости уничтожения предварительной цензуры, об изменении цензурного устава в смысле определенного и точного указания того, что дозволено и чего нельзя печатать, об уничтожении административного произвола в цензурной практике и о передаче всех дел о преступлениях в печати исключительно ведению гласного суда общих судебных установлений.

VI. О пересмотре существующих законов и министерских распоряжений относительно мер охранения государственной безопасности, об устранении в этой области тайного административного «усмотрения» и о гласном рассмотрении всех дел подобного рода в общих судебных учреждениях.

Полагая, что Вы не откажетесь содействовать в Вашем губернском собрании возбуждению указанных общих вопросов, мы имеем честь выразить Вам нашу просьбу о сообщении могущего быть постановления земского собрания по возможности во все земства через знакомых или известных Вам гласных. Мы надеемся также, что в большей части земств найдется достаточное количество смелых и энергичных людей, которые сумеют провести эти требования через земские собрания. И если мы все единодушно, открыто и в категорической форме предъявим наши справедливые требования, то бюрократия вынуждена будет уступить, как уступает она всегда, когда встречается со сплоченною сознательною силою.

Старые земцы».

Это очень поучительное письмо. Оно показывает, как даже людей, мало способных к борьбе и всего более поглощенных мелкой практической работой, сама жизнь заставляет выступать *против* самодержавного правительства. И, если сравнить это письмо с таким, напр., произведением, как предисловие г. Р. Н. С. к записке Витте, то первое, на мой взгляд, производит лучшее впечатление.

В письме нет, правда, сколько-нибудь «широких» политических обобщений,—но ведь авторы его и выступают не «с программными» заявлениями, а с скромным советом, как *практически* начать агитацию. Нет у них «полета мысли» даже настолько, чтобы прямо сказать о политической свободе, но зато нет и фраз о близких к престолу лицах, которые могли бы, пожалуй, повлиять на царя. Зато нет у них и фальшивого превознесения «деяний» Александра II, а, напротив, сквозит насмешка над «великими реформами» (в кавычках). Зато они находят в себе прямоту и мужество, чтобы решительно восстать против «земцев-оппортунистов», не боясь объявить войну «позорной трусости», не подделываясь к особенно отсталым либералам.

Мы не знаем пока, какой успех имело воззвание старых земцев, но почин их кажется нам во всяком случае заслуживающим полной поддержки. Оживление земского движения в последнее время представляет из себя вообще чрезвычайно интересное явление. Авторы письма сами указывают, как расширялось движение, начатое рабочими, распространившееся на студентов, подхватываемое теперь земцами. Все эти три общественные элемента располагаются таким образом в правильном порядке по мере уменьшения их численной силы, их общественной подвижности, их социально-политического радикализма, их революционной решимости.

Тем хуже для нашего врага. Чем менее революционные элементы восстают против него,—тем лучше для нас, безусловных противников самодержавия и всего современного экономического строя.

Пошлем же привет новым протестантам,—а следовательно, и новым нашим союзникам. Поможем им.

Вы видите: они бедны; они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы богаты. Опубликуем его печатно. Огласим новую пощечину царям-Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие.

Вы видите: они слабы; у них так мало связей в народе, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы—сильны, мы можем и должны пустить это письмо «в народ» и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начавшего уже борьбу за свободу всего народа.

Вы видите: они робки, они только еще начинают расширять свою профессионально-земскую агитацию. Мы смелее их, наши рабочие уже пережили «стадию» (навязанную им стадию) одной только профессионально-экономической агитации. Покажем же им пример борьбы. Ведь если рабочие боролись за такое требование, как отмена «Временных правил»,—чтобы выразить протест против самодержавия,—то не менее значительным пово-

дом может явиться и надругательство администрации над какими-на-есть, а все же: «*самоуправлением*»!

Но тут останавливают нас всякие, явные и тайные, сознательные и бессознательные, сторонники «экономизма». — Для кого нужна поддержка рабочими земцев? спрашивают они нас. Не для земцев ли только? Не для людей ли, которые недовольны, быть может, лишь тем, что правительство больше ласкает промышленных, чем сельских предпринимателей? Не для одной ли буржуазии, пожелания которой не идут дальше «живой борьбы экономических групп страны»?

Для кого? Да прежде всего и больше всего *для самого рабочего класса*. Этот «единственный действительно революционный класс» современного общества не был бы на деле революционным, если бы он не пользовался *всяким* поводом для нанесения нового удара своему злейшему врагу. И слова о политической агитации и политической борьбе в наших заявлениях и программах были бы пустым звуком, если бы мы упускали те благоприятные случаи для борьбы, когда с этим врагом начинают ссориться даже его вчерашние (60-е годы), а отчасти и нынешние (оппортунисты-земцы и крепостники-помещики) союзники.

Давайте же внимательно следить за земской жизнью, за ростом и расширением (или упадком и сужением) новой волны протеста. Постараемся давать рабочему классу побольше знакомства с историей земства, с уступкой правительства обществу в 60-х годах, с лживыми речами царей и их тактикой: сначала давать «похлебку» вместо «права первородства», — а потом (опираясь на это сохраненное ими «право первородства») отнимать и самоё похлебку. Пусть рабочие учатся распознавать эту исконную полицейскую тактику во всех ее проявлениях. Это распознавание необходимо и для нашей борьбы за *наше* «право первородства», за свободу для борьбы пролетариата против *всякого* экономического и социального угнетения. Будемте читать рабочим на кружковых собраниях о земстве и его отношениях к правительству, будемте пускать листки по поводу земских протестов, будем готовиться к тому, чтобы на всякое поругание сколько-нибудь честной земщины царским правительством пролетариат мог ответить демонстрациями против помпадуров-губернаторов, башибузуков-жандармов и иезуитов-цензоров. Партия пролетариата должна научиться преследовать и травить *всякого* слугу самодержавия за *всякое* насилие и бесчинство против какого бы то ни было общественного слоя, какой бы то ни было нации или расы.

«Искра» № 18, 10 марта 1902 г.

О ГРУППЕ «БОРЬБА» [22]).

К. Н. Вы спрашиваете, что это за группа «Борьба»? Мы знали из нее нескольких сотрудников «Зари» (две статьи) и «Искры» (3 корреспонденции, 2 статьи и 1 заметка). Несколько присланных ими статей не было помещено. Теперь они выступили с печатным «объявлением», жалуясь на наш «недемократизм» и ратуя даже... против Personencultus*)! Как опытный человек, вы уже из одного этого, бесподобного и несравненного, словечка, поймете, в чем тут суть. А когда «Борьба» напечатает свою статью против «С чего начать», о непринятии которой они тоже говорят в объявлении,—тогда и совсем неопытные в партийных делах товарищи поймут, почему мы не встретили этих сотрудников с распростертыми объятиями.

На счет «демократизма» см. «Что делать», IV, д **): сказанное там о «Рабочем Деле» относится и к «Борьбе».

«Искра», № 18, 10 марта 1902 г.

---

*) — культ личностей. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 464. *Ред.*

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ [23]

Написано в феврале — начале марта 1902 года

Впервые напечатано в августе 1902 г., в журнале «Заря», № 4. Подпись: Н. Ленин

Печатается по рукописи с вариантами текста «Зари»

*

Abth. II der № 4 der Заря.

Borgis. Аграрная программа русской соціалдемократіи. №42.

I

Врядъ ли есть надобность подробно доказывать необходимость аграрной программы для русской с.-д. партіи. Подъ аграрной программой мы разумѣемъ опредѣленіе руководящихъ началъ соціалдемократической политики въ аграрномъ вопросѣ т. е. по отношенію къ сельскому хозяйству къ различнымъ классамъ, слоямъ, группамъ сельскаго населенія. Въ такой „крестьянской" странѣ, какъ Россія, аграрная программа соціалистовъ естественно является главнымъ, если не исключительно главнымъ, образомъ „крестьянской программой", программой, опредѣляющей отношеніе къ крестьянскому вопросу. Крупные землевладѣльцы, сельскохозяйственные наемные рабочіе и крестьяне — таковы три главныя составныя

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА:
«АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ» — 1902 г.
Уменьшено

I.

Вряд ли есть надобность подробно доказывать необходимость «аграрной программы» для русской социал-демократической партии. Под аграрной программой мы разумеем определение руководящих начал социал-демократической политики в аграрном вопросе, т.-е. по отношению к сельскому хозяйству, к различным классам, слоям, группам сельского населения. В такой «крестьянской» стране, как Россия, аграрная программа социалистов естественно является главным, если не исключительным, образом «крестьянской программой», программой, определяющей отношение к крестьянскому вопросу. Крупные землевладельцы, сельско-хозяйственные наемные рабочие и «крестьяне»—таковы три главные составные части сельского населения во всякой капиталистической стране, в том числе и в России. И насколько определенно и ясно уже само собою отношение социал-демократов к первым двум из указанных трех составных частей (землевладельцам и рабочим), настолько неопределенно самое даже понятие «крестьянства», а тем более наша политика по отношению к коренным вопросам его быта и его эволюции. Если на Западе весь гвоздь аграрной программы социал-демократов составляет именно «крестьянский вопрос», то в России это должно быть в еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное определение своей политики в крестьянском вопросе тем более необходимо для нас, русских социал-демократов, что наше направление еще совсем молодо в России, что весь старый русский социализм был, в последнем счете, «крестьянским» социализмом. Правда, у той массы русских «радикалов», которая мнит себя хранителем *) наследства, оставленного нашими социалистами-народниками всяческих оттенков, социалистического почти-что совсем ничего уже не осталось. Но все они тем охотнее выдвигают на первый план свои разногласия с нами по «крестьянскому» вопросу, чем приятнее для них затушевать тот факт, что на авансцену общественно-политической жизни России выдвинулся уже

*) В печатном тексте: «хранительницей». *Ред.*

«рабочий» вопрос, что по этому вопросу они не имеют никаких прочных устоев, а девять десятых из них являются здесь, в сущности, самыми дюжинными буржуазными социал-реформаторами. Наконец, многочисленные «критики марксизма», почти совсем слившиеся в этом последнем отношении с русскими радикалами (или либералами?), тоже стараются напирать именно на крестьянский вопрос, по которому будто бы «ортодоксальный марксизм» всего более посрамлен «новейшими трудами» Бернштейнов, Булгаковых, Давидов, Герцев и даже... Черновых!

Далее, помимо теоретических недоумений и войны «передовых» направлений, чисто-практические запросы самого движения выдвигают в последнее время задачу пропаганды и агитации в деревне. А сколько-нибудь серьезная и широкая постановка этого дела невозможна без принципиально выдержанной и политически целесообразной программы. И русские социал-демократы признавали всю важность «крестьянского вопроса» с самого уже своего появления на свет в качестве особого направления. Напомним, что в проекте программы русских социал-демократов, составленном Группой «Освобождение Труда» и изданном в 1885 году, стоит требование «радикального пересмотра аграрных отношений (условий выкупа и наделения крестьян землей)» *). В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» (1892 г.) Г. В. Плеханов тоже говорил о социал-демократической политике в крестьянском вопросе.

Вполне естественно поэтому, что и «Искра» в одном из первых своих номеров (апрель 1901 г., № 3) выступила с наброском аграрной программы, определяя в статье «Рабочая партия и крестьянство» **) свое отношение к основам аграрной политики русских социал-демократов. Статья эта вызвала недоумение у весьма многих русских социал-демократов; мы получили ряд замечаний и писем в редакцию по поводу нее. Главные возражения вызвал пункт о возвращении отрезков, и мы предполагали уже открыть дискуссию в «Заре» по этому вопросу, когда появился № 10 «Раб. Дела» со статьей Мартынова, разбиравшей, между прочим, и аграрную программу «Искры»[24]). В виду того, что «Раб. Дело» сделало свод многим из ходячих возражений, — мы надеемся, что наши корреспонденты не посетуют на нас за то, что мы ограничимся *пока* ответом одному Мартынову.

Я подчеркиваю *пока* в виду вот каких обстоятельств. Статья в «Искре» писана была одним из членов редакции, и остальные члены ее, будучи солидарны с автором относительно общей постановки вопроса, могли быть, разумеется, различных мнений относительно частностей, относительно отдельных пунктов. Между тем

*) См. приложение к брошюре П. Б. Аксельрода: «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева 1898.

**) См. IV том Сочинений, стр. 100. *Ред.*

вся наша редакционная коллегия (т.-е. и Группа «Освобождение Труда» в том числе) была занята выработкой коллективного, редакционного проекта программы нашей партии. Выработка эта затянулась (отчасти вследствие разных партийных дел и некоторых конспиративных обстоятельств, отчасти вследствие необходимости особого съезда для всестороннего обсуждения программы) и закончена только в самое последнее время. Покуда пункт насчет возвращения отрезков оставался моим личным мнением, я не спешил защищать его, ибо для меня гораздо важнее была общая постановка вопроса о нашей аграрной политике, чем этот отдельный пункт, который мог еще быть отвергнутым или существенно видоизмененным в нашем общем проекте. В настоящее время я буду защищать уже этот общий проект. А «читателя-друга», который не поленился поделиться с нами критикой нашей аграрной программы, мы попросим теперь заняться критикой нашего общего проекта.

II.

Приведем полностью «аграрную» часть этого проекта.

«В целях устранения остатков старого крепостного порядка *) и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия будет добиваться:

«1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

«2. отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

«3. возвращения народу взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей денежных сумм; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных дворян-землевладельцев **), воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

«4. учреждения крестьянских комитетов

«а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа и т. п.) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления;

«б) для устранения остатков крепостного права, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и в других областях государства;

*) В печатном тексте дальше добавлено: «тяжелым гнетом лежащих на крестьянстве». *Ред.*

**) В печатном тексте: «землевладельцев-дворян». *Ред.*

«5. предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер».

Читатель удивится, может быть, отсутствию в «аграрной программе» каких бы то ни было требований в пользу сельских наемных рабочих. Мы заметим по поводу этого, что такие требования вошли в предыдущий отдел программы, содержащий требования, предъявляемые нашей партией «в интересах охраны *рабочего класса* от физического и нравственного вырождения, а также в интересах повышения его способности к борьбе за свое освобождение». Подчеркнутые нами слова объемлют *всех* наемных рабочих, в том числе и сельских, и *все 16**) *пунктов* этого отдела программы относятся *и к сельским рабочим.*

Это объединение промышленных и сельских рабочих в один отдел с оставлением в «аграрной» части программы только «крестьянских» требований имеет, правда, то неудобство, что требования в пользу сельских рабочих не бросаются в глаза, не заметны с первого взгляда. При поверхностном ознакомлении с программой может получиться даже совершенно неправильное представление, что мы намеренно затеняли требования в пользу наемных сельских рабочих. Нечего и говорить, что это представление было бы в корне ошибочно. Указанное же неудобство,—в сущности, чисто-внешнего характера. Оно легко устранимо и более внимательным ознакомлением с программой и комментарием к ней (а наша партийная программа «пойдет в народ», разумеется, не иначе, как в сопровождении не только печатных, но и — что гораздо важнее — устных комментариев). Если какая-нибудь группа захочет обратиться специально к сельским рабочим,— она должна будет только выделить из всех требований в пользу рабочих именно те, которые наиболее важны для батраков, поденщиков и т. п., и изложить их в особой брошюре, листке или ряде устных сообщений.

В принципиальном отношении *единственно правильным* редактированием разбираемых отделов программы является именно такое, которое бы соединяло вместе все требования в пользу наемных рабочих *во всех отраслях* народного хозяйства и строго отделяло в особый отдел требования в пользу «крестьян», ибо основной критерий того, что мы можем и должны требовать в первом и во втором случае, *совершенно не одинаков.* Принципиальное отличие двух рассматриваемых отделов программы выражено, по проекту, во вступительных словах к каждому отделу.

В пользу наемных рабочих **) мы требуем таких *реформ*, которые «ограждают их от физического и нравственного вы-

*) В печатном тексте: 17. *Ред.*

**) В печатном тексте дальше добавлено: «от современного общества». *Ред.*

рождения и повышают их способность к борьбе»; в пользу же крестьян мы добиваемся только *) таких *преобразований* **), которые содействуют «устранению остатков старого крепостного порядка и свободному развитию классовой борьбы в деревне». Отсюда видно, что наши требования в пользу крестьян гораздо у́же, что они обставлены гораздо более скромными условиями, заключены в более тесные рамки ***). По отношению к наемным рабочим мы берем на себя защиту их интересов, *как класса в современном обществе;* мы делаем это, ибо считаем их классовое движение единственным *действительно* революционным движением (сравни в принципиальной части программы слова об отношении рабочего класса к другим классам) ****) и стремимся именно это движение сорганизовать, направлять и просвещать светом социалистического сознания. Между тем по отношению к крестьянству *мы вовсе не берем на себя* защиты его интересов, *как класса мелких землевладельцев и земледельцев в современном обществе.* Ничего подобного. «Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», и потому социал-демократия—*непосредственно* и *всецело* — представляет интересы только одного пролетариата, только с его классовым движением стремится слиться в одно неразрывное целое. Все же остальные классы современного общества стоят за сохранение основ существующего экономического строя, и потому защиту интересов этих классов социал-демократия может брать на себя лишь при известных обстоятельствах и на известных, точно определенных, условиях. Напр., класс мелких производителей, и мелких земледельцев в том числе, в своей борьбе против буржуазии является *реакционным* классом, и потому «пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного и при капитализме благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение насчет большинства» («Искра» № 3). Вот почему выставление «крестьянских» требований в нашем проекте программы обставлено *двумя* весьма узкими *****) *условиями.* Мы подчиняем законность «крестьянских требований» в социал-демократической программе, во-первых, тому условию,

---

*) В печатном тексте «только» опущено. *Ред.*

**) В печатном тексте: «требований». *Ред.*

***) В печатном тексте: «в пользу крестьян носят совершенно иной характер, что в рабочем отделе мы стоим на почве современного буржуазного общества, а в «крестьянском» — требуем введения деревни в такие условия жизни, какие свойственны буржуазному обществу». *Ред.*

****) В печатном тексте слова, стоящие в скобках, опущены. *Ред.*

*****) В печатном тексте слова «весьма узкими» опущены. *Ред.*

чтобы они вели к устранению остатков крепостного порядка, и *) во-вторых, чтобы они содействовали свободному развитию классовой борьбы в деревне.

Остановимся подробнее на разборе каждого из этих условий, которые были вкратце очерчены уже в № 3 «Искры».

«Остатки старого крепостного порядка» страшно еще велики в нашей деревне. Это факт общеизвестный. Отработки и кабала, сословная и гражданская неполноправность крестьянина, его подчинение вооруженному розгой привилегированному землевладельцу, бытовая приниженность, делающая крестьянина настоящим варваром, — все это не исключение, а правило в русской деревне и все это является, в последнем счете, прямым переживанием крепостного порядка. В тех случаях и отношениях, где еще царит этот порядок и поскольку он еще царит, — врагом его является *все крестьянство как целое.* Против крепостничества, против крепостников-помещиков и служащего им государства крестьянство продолжает еще оставаться *классом,* именно классом не капиталистического, а крепостного общества, т.-е. классом-сословием **). И поскольку сохраняется еще в нашей деревне этот свойственный крепостному обществу классовый антагонизм «крестьянства» и привилегированных землевладельцев, *постольку* рабочая партия, несомненно, должна быть на стороне «крестьянства», должна поддерживать его борьбу и *подталкивать его на борьбу* против всех остатков крепостничества.

Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это — противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой ***) жизни. Это — не сочиненное, а живое диалектическое противоречие. *Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *постольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку*

*) В печатном тексте «а». *Ред.*

**) Известно, что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в сословном делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому и феодальному и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные.

***) В печатном тексте дальше добавлено: «русской». *Ред.*

сохраняются еще крепостные отношения, — *постольку* «крестьянство» продолжает еще быть классом, т.-е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это «поскольку—постольку» существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне. Говоря терминами Маркса, отработочная, натуральная, денежная и капиталистическая ренты переплетаются у нас самым причудливым образом. Мы подчеркиваем это, всеми экономическими исследованиями России установленное, обстоятельство в особенности потому, что оно по необходимости, неизбежно является источником той сложности, запутанности, если хотите искусственности, некоторых наших «аграрных» требований, которая сильно поражает многих с первого взгляда. Кто ограничивается в своих возражениях *общим* недовольством по поводу этой сложности и «хитрости» предлагаемых решений, тот забывает, что простого решения столь запутанных вопросов *и быть не может*. Мы обязаны бороться против всех остатков крепостнических отношений, — это не может подлежать для социал-демократа никакому сомнению, а так как эти отношения самым сложным образом переплетаются с буржуазными, то нам *приходится* забираться *) в самую, с позволения сказать, сердцевину этой путаницы, не пугаясь сложностью задачи. «Простое» решение ее могло бы быть *лишь одно:* отстраниться, пройти мимо, предоставить «стихийному элементу» всю эту кашу расхлебывать. Но такая «простота», излюбленная всеми и всяческими, буржуазными и «экономическими», поклонниками стихийности, недостойна социал-демократа. Партия пролетариата должна не только поддерживать, но и подталкивать вперед крестьянство в его борьбе со всеми остатками крепостничества, а чтобы подталкивать вперед, недостаточно ограничиваться общим пожеланием, — надо дать определенную революционную директиву, надо суметь *помочь разобраться* в путанице аграрных отношений.

III.

Чтобы читатель нагляднее представил себе неизбежность сложного решения аграрного вопроса, мы попросим его сравнить в этом отношении рабочий и крестьянский отделы программы. В первом из них все решения чрезвычайно просты, понятны даже совсем мало посвященному и совсем мало думавшему человеку, «естественны», близки, легко осуществимы. Во втором, наоборот, большинство решений чрезвычайно сложны, «непонятны» с первого взгляда, искусственны, маловероятны,

*) В печатном тексте «забраться». *Ред.*

трудно осуществимы. Чем объяснить это различие? Не тем ли, что составители программы в первом случае трезвенно и деловито размышляли, а во втором сбились и запутались, впали в романтизм и фразеологию? Такое объяснение, надо правду сказать, было бы чрезвычайно «просто», детски-просто, и мы не удивляемся, что Мартынов за него ухватился. Он не подумал, что практическое решение мелких рабочих вопросов облегчило и упростило до последней степени само экономическое развитие *). Общественно-экономические отношения в области крупного капиталистического производства стали (и все более становятся) до такой степени прозрачными, ясными, упрощенными, что ближайшие шаги вперед намечаются сами собой, напрашиваются сразу и с первого взгляда. Наоборот, вытеснение крепостничества капитализмом в деревне до такой степени запутало и усложнило общественно-экономические отношения, что над решением ближайших практических вопросов (в духе революционной социал-демократии) надо очень подумать, и «простого» решения — можно заранее с полной уверенностью сказать — выдумать не удастся.

Кстати. Раз уже мы начали сравнивать рабочий и крестьянский отделы программы, то отметим еще одно принципиальное различие между ними. Коротко говоря, это различие можно бы формулировать следующим образом: в рабочем отделе мы не вправе выходить за пределы социально-реформаторских требований, в крестьянском отделе мы не должны останавливаться и перед социально-революционными требованиями. Или иначе: в рабочем отделе мы безусловно ограничены рамками программы-минимум, в крестьянском отделе мы можем и должны дать программу-максимум **). Объяснимся.

В обоих отделах мы излагаем не нашу конечную цель, а наши ближайшие требования. В обоих мы должны поэтому оставаться на почве современного (=буржуазного) общества. В этом состоит сходство обоих отделов. Но их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против *буржуазии*, а крестьянский — требования, направленные против *крепостников-помещиков* (против феодалов, ска-

---

*) В печатном тексте: «облегчено и упрощено до последней степени самим экономическим развитием». *Ред.*

**) То возражение, что требование вернуть отрезки далеко не есть еще максимум наших ближайших требований в пользу крестьянства (resp. наших аграрных требований вообще) и что оно поэтому не последовательно, будет разобрано ниже, когда мы будем уже говорить о конкретных пунктах защищаемой программы. Мы утверждаем, и постараемся доказать это, что требование «вернуть отрезки» есть максимум того, что мы можем выставить *теперь же* в нашей аграрной программе. (В печатном тексте конец примечания от слов: «когда мы будем» опущен. *Ред.*)

зал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом *). В рабочем отделе мы должны ограничиться *частичными* **) улучшениями данного, буржуазного, порядка. В крестьянском — мы должны стремиться к *полному* очищению этого данного порядка от всех остатков крепостничества. В рабочем отделе мы не можем ставить таких требований, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство буржуазии: когда мы достигнем этой нашей конечной цели, достаточно подчеркнутой в другом месте программы и «ни на минуту» не упускаемой нами из виду при борьбе за ближайшие требования, тогда мы, партия пролетариата, не ограничимся уже вопросами о какой-нибудь ответственности предпринимателей или о каких-нибудь фабричных квартирах, а возьмем в свои руки *все* заведыванье и распоряжение всем общественным производством, а следовательно, и распределением. Наоборот, в крестьянском отделе мы можем и должны выставить такие требования, значение которых было бы равносильно тому, чтобы окончательно сломить господство крепостников-помещиков, чтобы совершенно очистить нашу деревню от всех следов крепостничества. В рабочем отделе ближайших требований мы не можем ставить социально-революционных требований, ибо социальная революция, ниспровергающая господство буржуазии, есть уже революция пролетариата, осуществляющая нашу *конечную* цель. В крестьянском отделе мы ставим и социально-революционные требования, ибо социальная революция, ниспровергающая господство крепостников-помещиков (т.-е. такая же социальная революция буржуазии, каковой была великая французская революция), возможна и на базисе данного, буржуазного порядка. В рабочем отделе мы остаемся (пока и условно, с своими самостоятельными видами и намерениями, но все же таки остаемся) на почве социальной реформы, ибо мы требуем здесь только того, что буржуазия может (в принципе) отдать нам, не теряя еще своего господства (и что поэтому наперед советуют ей благоразумно и честь-честью отдать гг. Зомбарты, Булгаковы, Струве, Прокоповичи и К⁰). В крестьянском же отделе мы должны, *в отличие от социал-реформаторов,* требовать и того, что никогда нам (или крестьянам) не дадут и не могут дать крепостники-помещики, — требовать и того, что в состоянии только силою взять себе революционное движение крестьянства.

---

*) Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о защите коллективного, общередакционного проекта аграрной программы.

**) В печатном тексте: «частными». *Ред.*

IV.

Вот почему недостаточен и негоден тот «простой» критерий «осуществимости», посредством которого Мартынов так «легко» «разносил» нашу аграрную программу. Этот критерий непосредственной и ближайшей «осуществимости» приложим вообще только к заведомо реформаторским отделам и пунктам нашей программы, отнюдь не к программе революционной партии вообще. Другими словами, этот критерий приложим к нашей программе только в виде исключения, отнюдь не в виде общего правила. Наша программа должна быть осуществима только в том широком, философском смысле этого слова, чтобы ни единая буква ее не противоречила направлению всей общественно-экономической эволюции. А раз мы верно определили (в общем и в частностях) это направление, мы должны—во имя своих революционных принципов и своего революционного долга должны — бороться *всеми силами* всегда и непременно за *максимум* наших требований. Пытаться же наперед, до окончательного исхода борьбы, во время самого хода борьбы, определить*), что *всего* максимума мы, пожалуй, и не добьемся,—значит впадать в чистейшее филистерство. Соображения подобного рода всегда ведут к оппортунизму, хотя бы даже этого и не желали виновники таких соображений.

В самом деле, разве не филистерством является рассуждение Мартынова, усмотревшего в аграрной программе «Искры» «романтизм» — «потому, что *приобщение крестьянской массы к нашему движению* при настоящих условиях *является весьма проблематичным*» («Р. Д.» № 10, с. 58, курсив мой)? Это — хороший образчик тех очень «благовидных» и очень дешевых рассуждений, посредством которых русский социал-демократизм упрощался до экономизма. А вникните хорошенько в это «благовидное» рассуждение, — и оно окажется мыльным пузырем. «Наше движение» есть социал-демократическое рабочее движение. *К нему* «приобщиться» крестьянская *масса* прямо-таки не может: это не проблематично, а *невозможно*, и об этом никогда и речи не было. А к «движению» против всех остатков крепостничества (и против самодержавия в том числе) крестьянская масса *не может не приобщиться.* Мартынов запутал дело посредством выражения «наше движение», не вдумавшись в различный по существу характер движения против буржуазии и против крепостничества **).

---

*) В печатном тексте: «Остановить же себя, до окончания исхода борьбы, во время самого хода борьбы, тем соображением». *Ред.*

**) До какой степени не вдумался Мартынов в тот вопрос, о котором он взялся писать, это особенно наглядно видно (в печатном тексте: «Что Мар-

Проблематичным можно назвать отнюдь не приобщение крестьянской массы к движению против остатков крепостничества, а только разве *степень* этого приобщения: крепостнические отношения в деревне страшно переплетены с буржуазными, а в качестве класса буржуазного общества крестьяне (мелкие земледельцы) являются гораздо более консервативным, чем революционным элементом (особенно в виду того, что буржуазная эволюция сельско-хозяйственных отношений находится у нас только еще в начале). Поэтому правительству в эпоху политических преобразований гораздо легче будет разделить крестьян (чем, напр., рабочих), гораздо легче будет ослабить (или даже, в худшем случае, парализовать) их революционность посредством мелких и неважных уступок небольшому сравнительно числу мелких собственников.

Все это так. Но что же отсюда следует? Чем легче правительству спеться с консервативными элементами крестьянства, тем больше усилий и тем скорее должны мы направить на то, чтобы спеться с его революционными элементами. Наш долг — определить со всей *) возможной степенью научной точности,

тынов недостаточно вдумался в разбираемый им вопрос, видно также». *Ред.*) из следующей фразы его статьи: «В виду того, что аграрная часть нашей программы *еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение,* она открывает широкое поприще для революционной фразеологии». Подчеркнутые слова содержат именно ту путаницу, на которую указано в тексте. Мартынов слыхал, что на Западе с аграрной программой выступают лишь при очень развитом рабочем движении. У нас это движение только начинается. Следовательно — «еще очень долго»! — спешит умозаключить наш публицист. Он не заметил мелочи: на Западе аграрные программы пишутся для привлечения *полу-крестьян, полу-рабочих* к *социал*-демократическому движению против *буржуазии,* у нас — для привлечения крестьянской *массы* к *демократическому* движению против *остатков крепостничества.* Поэтому на Западе аграрная программа будет приобретать тем *большее* значение, чем дальше идет развитие сельско-хозяйственного капитализма. Наша (в печатном тексте дальше добавлено «же» *Ред.*) аграрная программа в преобладающей части ее требований будет (в печатном тексте дальше добавлено: «наоборот». *Ред.*) иметь тем *меньшее* практическое значение, чем *дальше* идет развитие сельско-хозяйственного капитализма, — ибо остатки крепостного права, против которых эта программа направлена, вымирают и сами собой и под влиянием политики правительства. Наша аграрная программа рассчитана поэтому практически главным образом на непосредственно ближайшее будущее, на период *до* падения самодержавия. Политический переворот в России во всяком случае и неизбежно поведет за собою такие коренные преобразования самых (в печатном тексте «самых» опущено. *Ред.*) отсталых наших аграрных порядков, что нам тогда непременно придется пересмотреть нашу аграрную программу. А Мартынов твердо знает только одно: что книга Каутского [25]) хороша (это справедливо) и что достаточно повторять и переписывать Каутского, не думая о коренном отличии России в отношении аграрной программы (это совсем не умно). (В печатном тексте конец примечания, от слов «А Мартынов» опущен. *Ред.*)

*) В печатном тексте «всей» опущено. *Ред.*

в каком именно *направлении* должны мы поддерживать эти элементы, а затем *подталкивать* их на решительную и безусловную борьбу со всеми остатками крепостничества, подталкивать всегда и при всяких обстоятельствах, всеми доступными средствами. И разве не филистерской является попытка наперед «предписать» *степень удачи* нашего подталкивания? Да там уже потом жизнь это решит и история это запишет, а наше дело теперь во всяком случае бороться и бороться до конца. Разве смеет солдат, который уже двинулся в атаку, рассуждать о том, что мы, может быть, не весь неприятельский корпус, а только *) три пятых его уничтожим? Разве не является «проблематичным», в мартыновском смысле, и такое, напр., требование, как требование *республики?* Да правительству еще легче будет отделаться частичкой платежа по *этому* векселю, чем по векселю крестьянских требований уничтожить все следы крепостничества. Но нам-то какое до этого дело? Частичку платежа мы, конечно, положим себе в карман, нисколько не прекращая тем не менее отчаянной борьбы за *весь* платеж. Нам нужно шире распространить **) идею, что только в республике может произойти решительная битва между пролетариатом и буржуазией, нам нужно *создать* ***) и упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских ****) рабочих, нам нужно выразить этим лозунгом: «республика», что в борьбе за демократизацию государственного строя мы пойдем до конца, без оглядки назад, — а там уже сама борьба решит, какую часть этого платежа, когда именно и как именно удастся нам отвоевать. Глупо было бы пытаться учесть эту часть, раньше чем мы не дали врагу почувствовать всей силы наших ударов и не испытали на себе всей силы его ударов. Так и в крестьянских требованиях наше дело — определить, на основании научных данных — *максимум* этих требований и помочь товарищам бороться за этот максимум, а там уже пускай смеются над его «проблематичностью» трезвенные легальные критики и влюбленные в осязательность результатов нелегальные «хвостисты» *****)!

---

*) В печатном тексте «только» опущено. *Ред.*

**) В печатном тексте: «распространять». *Ред.*

***) Мы говорим: «создать», ибо старые русские революционеры никогда не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, никогда не считали его «практическим» вопросом, — народники, бунтари и пр. потому, что с пренебрежением анархистов относились к политике, народовольцы потому, что хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции. На нашу долю (если не говорить о давно забытых республиканских идеях декабристов), на долю социал-демократов, выпало распространить требование республики в массе и создать республиканскую традицию среди русских революционеров.

****) В печатном тексте «русских» опущено. *Ред.*

*****) Может быть, небесполезно будет напомнить к вопросу об «осуществимости» требований социал-демократической программы полемику

V.

Переходим ко второму общему положению, определяющему характер всех наших крестьянских требований и выраженному в словах: «*в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне...*».

Эти слова чрезвычайно важны и для принципиальной постановки аграрного вопроса вообще и для оценки отдельных аграрных требований в частности. Требование уничтожить остатки крепостного порядка обще нам со всеми последовательными либералами, народниками, социал-реформаторами, критиками марксизма в аграрном вопросе и т. п., и т. д. От всех этих господ мы, выставляя такое требование, отличаемся не принципиально,

---

К. Каутского против Р. Люксембург в 1896 году. Р. Люксембург писала, что требование восстановления Польши неуместно в практической программе польских социал-демократов, ибо это требование неосуществимо в современном обществе. К. Каутский возражал ей, говоря, что этот довод «основан на странном непонимании сущности социалистической программы. Наши практические требования, выражены ли они прямо в программе или представляют из себя молчаливо принимаемые «постулаты», должны быть сообразованы (werden... darnach bemessen) (Все немецкие слова, поставленные в этом примечании в скобки, в печатном тексте опущены. *Ред.*) не с тем, *достижимы* ли они при данном соотношении сил, а с тем, *совместимы* ли они с существующим общественным строем, и способно ли проведение их облегчить классовую борьбу пролетариата, дать толчок ее развитию (fördern) и расчистить пролетариату путь к политическому господству. С данным же соотношением сил мы при этом нисколько не считаемся. Социал-демократическая программа пишется не для данного («den») момента, — она должна по возможности дать директиву (ausweichen) при всех и всяческих конъюнктурах в современном обществе. Она должна служить не только практическому действию (der Action), но и пропаганде, она должна в форме конкретных требований указать с большей наглядностью, чем это могут сделать абстрактные рассуждения, то направление, в котором мы хотим идти вперед. Чем более отдаленные практические цели можем мы при этом себе ставить, не теряясь в утопических спекуляциях, — тем лучше. Тем яснее будет для масс — даже и для тех масс, которые не в состоянии понять (erfassen) наши теоретические рассуждения, — то направление, которому мы следуем. Программа должна показать, чего мы *требуем* от современного общества или современного государства, а не то, чего мы *ожидаем* от него. Возьмем, напр., программу немецкой социал-демократии. Она требует выбора чиновников народом. Это требование, если мерить его по масштабу Р. Люксембург, так же утопично, как и требование создать польское национальное государство. Никто не впадет в такую иллюзию, чтобы считать осуществимым при современных политических соотношениях требование выбирать государственных чиновников народом в Германской империи. С тем же правом, с каким можно принять, что польское национальное государство осуществимо лишь по завоевании пролетариатом политической власти, — с таким же правом можно это утверждать и о данном требовании. Но разве это достаточное основание, чтобы не принимать его в нашу практическую программу?» «Neue Zeit», XIV. 2, S. 513 u. 514. Курсив К. Каутского.) [26]).

*

а только по степени: они и в этом пункте неизбежно останутся всегда в пределах реформы, мы же не остановимся (в указанном выше смысле) и пред социально-революционными требованиями. Наоборот, требуя обеспечить «свободное развитие классовой борьбы в деревне», мы становимся в *принципиальное* противоречие ко всем этим господам и *даже* ко всем революционерам и социалистам *не*-социал-демократам. Эти последние тоже не остановятся перед социально-революционными требованиями в аграрном вопросе, но они не захотят подчинить этих требований именно *) такому условию, как свободное развитие классовой борьбы в деревне. Это условие — основной и центральный пункт теории революционного марксизма в области аграрного вопроса **). Признать это условие — значит признать, что и эволюция сельского хозяйства, несмотря на всю ее запутанность и сложность, несмотря на все разнообразие ее видов, есть тоже капиталистическая эволюция, что она порождает тоже (как и эволюция промышленности) классовую борьбу пролетариата с буржуазией, что именно *эта* классовая борьба должна быть нашей первой и коренной заботой, должна быть тем оселком, на котором мы будем испытывать и принципиальные вопросы и политические задачи и приемы пропаганды, агитации и организации. Признать это условие — значит обязаться и в особенно больном вопросе об участии мелкого крестьянства в социал-демократическом движении стоять на неуклонно классовой точке зрения, не поступаться ни в чем точкой зрения пролетариата в пользу интересов мелкой буржуазии, а, наоборот, требовать ***), чтобы мелкий крестьянин, разоряемый и угнетаемый всем современным капитализмом, покинул *свою* классовую точку зрения и встал на точку зрения пролетариата.

Выставляя это условие, мы тем самым решительно и бесповоротно отгородим себя не только от *своих врагов* (т.-е. прямых или косвенных, сознательных или бессознательных сторонников буржуазии, являющихся нашими временными и частичными союзниками в борьбе против остатков крепостного строя), но и от тех *ненадежных друзей*, которые своей половинчатой постановкой аграрного вопроса способны принести (и приносят на деле) много вреда революционному движению пролетариата.

---

*) В печатном тексте «именно» опущено. *Ред.*

**) В сущности, к непониманию именно этого пункта сводятся все заблуждения и блуждания «критиков» марксизма в аграрном вопросе, и самый смелый, самый последовательный (а постольку и самый честный) из них, г. Булгаков, прямо заявляет в своем «исследовании», что «учение» о классовой борьбе совершенно неприложимо к области сельско-хозяйственных отношений. (В печатном тексте: «что здесь (в деревне) есть индивидуальная эксплуатация, но нет места классовой борьбе, как общественному явлению». *Ред.*) («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 289).

***) В печатном тексте: «прилагать все усилия к тому». *Ред.*

Выставляя это условие, мы проводим этим руководящую нить, держась которой социал-демократ, даже заброшенный в любое деревенское захолустье, даже поставленный лицом к лицу перед наиболее запутанными аграрными отношениями, выдвигающими на первый план *обще*демократические задачи, может провести и подчеркнуть, при решении этих задач, свою пролетарскую точку зрения, — точно так же, как мы остаемся социал-демократами и при решении *обще*демократических политических задач.

Выставляя это условие, мы тем самым отвечаем на то возражение, которое является у многих после беглого ознакомления с конкретными требованиями нашей аграрной программы... «Вернуть выкупные платежи и отрезки *сельским обществам!?*» — да где же тут наша пролетарская особность и наша пролетарская самостоятельность? да разве не будет это, в сущности, подарком сельской буржуазии??

Конечно, да — но в том только смысле, в каком и самое падение крепостного права было «подарком буржуазии», т.-е. освобождением от крепостнических пут и стеснений именно буржуазного, а не какого-либо иного развития. Пролетариат именно тем и отличается от других угнетенных буржуазией и противостоящих ей классов, что он возлагает свои надежды не на задержку буржуазного развития, не на притупление или смягчение классовой борьбы, а, напротив, на наиболее полное и свободное развитие ее, на ускорение буржуазного прогресса *). В развивающемся капиталистическом обществе *нельзя* уничтожить остатки стесняющего его развитие крепостничества таким образом, чтобы не усилить и не упрочить этим буржуазии. «Смущаться» этим — значит повторять ошибку тех социалистов, которые говорили **), что политическая свобода нам ни к чему, ибо она усилит и упрочит господство буржуазии.

VI.

Рассмотрев «общую часть» нашей аграрной программы, перейдем к разбору отдельных ее требований. Мы позволим себе при этом начать не с первого, а с четвертого пункта (об отрезках), ибо именно он является наиболее важным, центральным, придающим особый характер аграрной программе пунктом и в то же время наиболее уязвимым (по крайней мере, по мнению большинства высказавшихся о статье в № 3 «Искры»).

*) Разумеется, не всякие меры, ускоряющие буржуазный прогресс, *защищает* и пролетариат, а только те из них, которые *непосредственно* влияют на усиление способности рабочего класса к борьбе за его освобождение. А «отработки» и кабала падают на неимущую и близкую к пролетариату часть крестьянства еще гораздо сильнее, чем на зажиточную.

**) В печатном тексте: «говорят». *Ред.*

Напомним, что содержание этого пункта слагается из следующих составных частей: 1. Он требует учреждения крестьянских комитетов с полномочием заново урегулировать те аграрные отношения, которые являются прямым пережитком крепостничества. Выражение «*крестьянские* комитеты» выбрано для ясного указания на то, что — в противоположность «реформе» 1861-го года с ее дворянскими комитетами — новое регулирование должно находиться в руках крестьян, а не в руках помещиков. Иначе говоря: окончательная ликвидация крепостнических отношений предоставляется не угнетателям, а угнетенной этими отношениями части населения, предоставляется не меньшинству, а большинству заинтересованных лиц. В сущности это есть не что иное, как *демократический пересмотр крестьянской реформы* (т.-е. именно то, чего требовал первый проект программы, составленный Группой «Освобождение Труда»). И если мы не выбрали этого последнего выражения, то лишь потому, что оно менее определенно, что оно менее выразительно указывает истинный характер и конкретное содержание этого пересмотра *). Поэтому, например, Мартынов, если бы он действительно имел что-либо свое сказать по аграрному вопросу, должен бы был определенно заявить, отвергает ли он самую идею демократического пересмотра крестьянской реформы и, если нет, то как именно он ее себе представляет **).

Далее, 2. крестьянским комитетам дается право экспроприировать и выкупать помещичью землю, производить обмен земли и проч. (п. 4, б), при чем это право ограничено только случаями прямого переживания крепостнических отношений. Именно (3) право экспроприации и выкупа дается только по

---

*) Отметим непоследовательность (или недомолвку?) Надеждина, который в своем наброске аграрной программы воспринял, видимо, идею «Искры» насчет крестьянских комитетов, но формулировал эту идею крайне неудачно, сказав: «создание особого суда из народных представителей для разбора крестьянских *жалоб* и заявлений относительно всех тех операций, которые сопровождали «освобождение» («Канун революции», стр. 65 (в печатном тексте: 55. *Ред.*) курсив мой). *Жаловаться* можно только на *нарушение* закона. «Освобождение» 19 февраля со всеми его «операциями» само является *законом*. Создание особых судов для разбора жалоб на несправедливость (в печатном тексте: «неправильность». *Ред.*) известного закона не имеет никакого смысла, пока не отменен этот закон, пока не даны в замену (или в частичную отмену) его новые законодательные нормы. Надо дать «суду» не только право принимать жалобу на отрезку выпаса, но и право вернуть (resp. выкупить и т. п.) этот выпас, — а тогда, во-первых, «суд» с полномочием творить закон уже не будет судом, а во-вторых, надо точно указать, какие именно права экспроприации, выкупа и т. п. имеет такой «суд». Но как ни неудачна формулировка Надеждина, а необходимость демократического пересмотра крестьянской реформы понял он гораздо вернее Мартынова.

**) В печатном тексте фраза, начиная от слова: «Поэтому» и до конца абзаца, опущена. *Ред.*

отношению к тем землям, которые во-первых *) «отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права» (эти земли искони служили, след., необходимой принадлежностью крестьянского хозяйства, входили как часть в целое этого хозяйства и были искусственно от него отняты тем узаконенным грабежом, каковым была великая крестьянская реформа) — и во-вторых **) «служат в руках помещиков орудием для их закабаления».

Это второе условие еще теснее ограничивает право выкупа и экспроприации, распространяя его не на все «отрезки», а только на те, которые и посейчас остаются орудием закабаления, «посредством которых — как формулировала это «Искра» — продолжает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т.-е. на деле тот же крепостной труд». Иначе говоря: там, где, благодаря половинчатости нашей крестьянской реформы, уцелели до сих пор крепостнические формы хозяйства при помощи отрезанных у крестьян земель, там дается право крестьянам сразу и окончательно покончить с этими остатками крепостничества даже путем экспроприации, там дается право «вернуть отрезки» ***).

Мы можем поэтому успокоить нашего доброго Мартынова, который с такой тревогой спрашивал: «как быть с теми отрезками, которые в руках ли помещиков, в руках купивших их разночинцев, эксплуатируются теперь образцовым, капиталистическим способом?» Не об этих единичных отрезках идет речь, почтеннейший, а о тех типичных (и весьма многочисленных) отрезках, которые служат и по сию пору базисом продолжающих существовать остатков крепостного хозяйства ****).

Наконец, 4. пункт 4, б, предоставляет крестьянским комитетам полномочие устранять остатки крепостного права, уцелевшие в отдельных местностях государства (сервитуты, незаконченные выделы земли и размежевание и проч. и т. п.).

Таким образом, все содержание 4-го пункта можно, простоты ради, выразить в двух словах: «вернуть отрезки». Спрашивается: как возникла идея такого требования? Как прямой вывод из того общего и основного положения, что мы должны помочь крестьянам и подтолкнуть крестьян на возможно полное уничтожение всех остатков крепостничества. С этим «все согласны», не правда ли? Ну, а если согласны встать на эту дорогу, так потрудитесь уже самостоятельно двигаться по ней вперед, не заставляйте тащить вас, не робейте по поводу «необычного» вида этой дороги, не смущайтесь тем, что во многих местах

*) В печатном тексте: «причем (3), право экспроприации и выкупа дается именно по отношению к тем землям, которые». *Ред.*

**) В печатном тексте «во-вторых» опущено. *Ред.*

***) В печатном тексте весь абзац опущен. *Ред.*

****) В печатном тексте весь абзац опущен. *Ред.*

вы и вовсе никакой проторенной дороги не найдете, а должны будете и по краю обрыва проползти, и через чащу продираться, и через ямы перескочить. Не жалуйтесь на бездорожье: эти жалобы будут бесполезным нытьем, ибо вы наперед должны были знать, что становитесь не на столбовую дорогу, выпрямленную и выравненную всеми силами общественного прогресса, а на тропинки закоулков и захолустий, из которых выход есть, но прямого, простого и легкого выхода ни вы, ни мы, ни другой кто никогда не отыщет, — «никогда», т.-е. до тех пор, пока будут еще существовать эти отмирающие, и мучительно-долго отмирающие, захолустья и закоулки.

А не хотите соваться в эти закоулки,—так говорите прямо, что не хочу, и не отделывайтесь фразами *).

Вы согласны бороться за уничтожение остатков крепостничества? — Хорошо. Так помните же, что никакого единого юридического учреждения, которое бы выражало или обусловливало эти остатки, *не существует* — я говорю, конечно, об остатках крепостничества исключительно в области занимающих нас теперь аграрных отношений, а не в области законодательства сословного, финансового и проч. Прямые переживания барщинного хозяйства, бесчисленное множество раз констатированные всеми экономическими исследованиями России, держатся не каким-либо, особо их ограждающим, законом, а силой фактически существующих поземельных отношений. Это до такой степени так, что свидетели пред известной Валуевской комиссией **) прямо говорили: крепостное право возродилось бы, несомненно, снова, если бы оно не было запрещено прямым законом. Значит, одно из двух: либо не касаться вовсе поземельных

---

*) Напр., Мартынов обвиняет в «фразеологии» «Искру», которая дала ему и общие основания своей аграрной политики («внесение классовой борьбы в деревню») и практическое решение вопроса о конкретных программных требованиях. Не заменив этих общих оснований никакими другими, не вдумавшись даже вовсе в эти основания, не попытавшись поработать над составлением определенной программы, Мартынов отделался следующей великолепной фразой: «...Мы должны требовать ограждения их (крестьян, как мелких собственников)... от разных отсталых форм экономической кабалы...». Не дешевенько ли будет? Не попробовали ли бы вы указать нам прямо *хоть на одно* ограждение, *хоть от одной* (а не то что (в печатном тексте: «не от». *Ред.*) «разных»!) отсталой формы кабалы? (вероятно, есть еще и неотсталые «формы кабалы»!!). А то ведь и мелкий кредит, и сборные молочные, и ссудо-сберегательные товарищества, и союзы мелких хозяйчиков, и крестьянский банк, и земские агрономы,—все ведь это есть тоже «ограждение от разных форм отсталой экономической кабалы». Значит, вы полагаете, что всего этого «мы должны требовать»?? Подумать сначала надо, любезнейший, а потом уже о программах говорить! (Слова: «не вдумавшись даже вовсе в эти основания», «великолепной» и заключительная фраза от слова: «Подумать» и т. д. в печатном тексте опущены. *Ред.*)

**) В печатном тексте: «что в 70-х годах знающие люди». *Ред.*

отношений между крестьянами и помещиками, — тогда все остальные вопросы решаются очень «просто», но тогда вы не коснетесь и главного источника всяких переживаний крепостного хозяйства в деревне, тогда вы «просто» отстранитесь от очень жгучего вопроса, затрогивающего самые глубокие интересы крепостников и закабаленного крестьянства, от вопроса, который легко *) может завтра или после-завтра стать одним из самых злободневных социально-политических вопросов России. Либо вы хотите коснуться и того источника «отсталых форм экономической кабалы», какими являются поземельные отношения, — и тогда вы должны считаться с такой сложностью и запутанностью этих отношений, которая легкого и простого **) решения прямо-таки не допускает. Тогда вы, будучи недовольны предложенным нами конкретным решением запутанного вопроса, *не вправе* уже отделываться общей «жалобой» на запутанность, а *должны* сделать попытку самостоятельно разобраться в нем, предложить другое конкретное решение.

Какое значение имеют отрезки в современном крестьянском хозяйстве, — это вопрос факта. И знаменательно, что, как ни глубока пропасть между народничеством (в широком смысле слова) и марксизмом в оценке экономических порядков и экономической эволюции России, — по *данному* вопросу между этими доктринами нет расхождения. Представители обоих направлений согласны в том, что в русской деревне тьма остатков крепостничества и (нота-бене) что господствующий в центральных губерниях России способ частновладельческого хозяйства («отработочная система хозяйства») есть прямое переживание крепостничества. Согласны они, далее, и в том, что отрезки крестьянских земель в пользу помещиков, — т.-е. и отрезки в прямом, непосредственном смысле, и лишение крестьян права выпаса, пользования лесом, водопоем, выгоном и проч. и т. п. — являются одним из главнейших *(если не главнейшим)* базисов отработочной системы. Достаточно напомнить, что по новейшим данным отработочная система помещичьего хозяйства считается *преобладающей не менее как в 17 губерниях Евр. России.* Пусть попробуют оспорить этот факт те, кто видит в пункте об отрезках чисто-искусственную, «вымученную» хитрую выдумку!

Отработочная система хозяйства означает вот что. Фактически, т.-е. не по праву владения, а по хозяйственному пользованию, земли и угодья помещиков и крестьян не разделены окончательно, а продолжают оставаться слитыми: часть крестьянской земли служит, напр., для содержания скота, необходимого для обработки не крестьянской, а помещичьей земли; часть поме-

*) В печатном тексте «легко» опущено. *Ред.*
**) В печатном тексте: «прямого». *Ред.*

щичьей земли безусловно необходима для соседнего крестьянского хозяйства в данной его системе (водопой, выгоны и т. п.). И это фактическое сплетение землепользования *неизбежно* порождает (вернее: сохраняет порожденное тысячелетней историей) такие же отношения мужика к барину, какие были и при крепостном праве. Мужик de facto остается крепостным, работая по-прежнему своим исконным инвентарем, по исконной рутине 3-хпольного хозяйства, на исконного своего «государя-вотчинника». Чего же уже вам больше надо, когда сами крестьяне называют эти отработки сплошь да рядом панщиной и «барщиной»? — когда сами помещики, описывая свое хозяйство, говорят: обработывают мне землю «мои бывшие» (значит, не только бывшие, но и настоящие!) «крестьяне» своим инвентарем за снимаемый ими у меня выпас?

Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства. Возьмите же и тут наиболее «типичный» случай: дети бывших крепостных работают на сыновей бывшего барина за снимаемый у него выпас. Отработки обусловливают собой застой техники и застой *всех* общественно-экономических отношений в деревне, ибо эти отработки препятствуют развитию денежного хозяйства и разложению крестьянства, избавляют (сравнительно) помещика от подтягивающего влияния конкуренции (вместо повышения техники он понижает долю испольщика; кстати, это понижение констатировано в целом ряде местностей за многие годы пореформенного периода), прикрепляют крестьянина к земле, задерживают тем развитие переселений и отхожих промыслов и т. д.

Спрашивается, усомнится ли какой-нибудь социал-демократ, что в этом «чистом» случае вполне естественна, желательна и осуществима экспроприация соответствующей части помещичьей земли в пользу крестьян? Эта экспроприация встряхнет Обломова и заставит его перейти на более малом количестве своей земли к более усовершенствованному хозяйству, эта экспроприация подорвет (не скажу уничтожит, а именно подорвет) отработочную систему, поднимет самостоятельность и демократический дух в крестьянстве, поднимет его жизненный уровень, даст могучий толчек дальнейшему развитию денежного хозяйства и дальнейшему капиталистическому прогрессу земледелия.

Да и вообще: раз общепризнано, что отрезки есть один из главнейших источников отработочной системы, а эта система есть прямое переживание крепостничества, задерживающее раз-

витие капитализма, то как можно сомневаться в том, что возвращение отрезков подорвет отработки и ускорит общественно-экономическое развитие?

VII.

Однако же, усомнились в этом очень многие, и мы перейдем теперь к разбору тех доводов, которые выдвинули усомнившиеся. Доводы эти можно все подвести под следующие рубрики: а) соответствует ли требование вернуть отрезки теоретическим основоначалам марксизма и программным принципам социал-демократии? б) разумно ли с точки зрения политической целесообразности выдвигать требование об исправлении исторической несправедливости, значение которой ослабляется с каждым шагом экономического развития? в) осуществимо ли это требование практически? г) если признать, что мы можем и должны выставить требование в таком роде и дать в нашей аграрной программе не минимум, а максимум, то последовательно ли требование вернуть отрезки, с этой точки зрения? Является ли такое требование на самом деле максимумом? *)

Насколько я могу судить, *все* возражения «против отрезков» подходят под тот или другой из этих четырех пунктов, при чем большинство возражавших (и Мартынов в том числе) отвечали на все четыре вопроса отрицательно, признавая требование вернуть отрезки и принципиально неправильным, и политически нецелесообразным, и практически неосуществимым, и логически непоследовательным.

Рассмотрим же в порядке важности все эти вопросы.

а) Принципиально неправильным требование вернуть отрезки считают по двум основаниям. Во-первых, говорят, что это «затронет» капиталистическое сельское хозяйство, т.-е. приостановит или задержит развитие капитализма; во-вторых, говорят, что оно не только усилит, но и прямо приумножит мелкую собственность. Первый из этих доводов (особенно подчеркнутый Мартыновым) совершенно неоснователен, ибо типичные отрезки, наоборот, задерживают развитие капитализма, и возвращение их усилит это развитие; относительно же нетипичных случаев (не говоря о том, что исключения всегда и везде возможны и что они только подтверждают правило) сделана была оговорка и в «Искре» и в программе (...«земли, которые отрезаны и служат орудием закабаления)...». Это возражение основано просто на незнакомстве с действительным значением отрезков и отработков в экономике русской деревни **).

---

*) В печатном тексте: «максимальным?». *Ред.*

**) В печатном тексте: «усилит это развитие; нетипичные же случаи не могут быть предусмотрены никаким единым общим законом, и разрешение их необходимо предоставить усмотрению местных комитетов (которые могут применить и выкуп и обмен земли и пр.)». *Ред.*

Второй довод (особенно подробно развитый в некоторых частных письмах) гораздо серьезнее и вообще является самым сильным доводом против защищаемой программы. Вообще говоря, развивать, поддерживать, укреплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача социал-демократии. Это совершенно справедливо. Но дело в том, что здесь перед нами как раз не «общий», а именно *исключительный* пример мелкого хозяйства, и эта исключительность *ясно выражена* в вступлении к нашей аграрной программе: «уничтожение остатков крепостного порядка и свободное развитие классовой борьбы в деревне». *Вообще* говоря, поддержка мелкой собственности реакционна, *ибо* она направляется против крупного *капиталистического* хозяйства, задерживая, следовательно, общественное развитие, затемняя и сглаживая классовую борьбу. В данном же случае мы хотим поддержать мелкую собственность именно не против капитализма, а против крепостничества, — в данном случае мы поддержкой мелкого крестьянства даем громадный толчок развитию классовой борьбы. В самом деле, с одной стороны, мы делаем этим *последнюю* попытку разжечь остатки классовой (сословной) вражды крестьян к крепостникам-помещикам. С другой стороны, мы расчищаем дорогу для развития буржуазного классового антагонизма в деревне, ибо этот антагонизм *прикрыт* ныне общей и одинаковой, якобы, угнетенностью всех крестьян остатками крепостничества.

Все на свете имеет две стороны. Крестьянин-собственник на Западе сыграл уже свою роль в демократическом движении и отстаивает свое привилегированное положение по сравнению с пролетариатом. Крестьянин-собственник в России стоит еще накануне решительного и общенародного демократического движения, которому он не может не сочувствовать. Он еще смотрит больше вперед, чем назад. Он еще гораздо больше борется против, столь сильных еще в России, сословно-крепостнических привилегий, чем отстаивает свое привилегированное положение. В *такой* исторический момент мы прямо обязаны поддержать крестьянство и попытаться направить его, туманное и темное еще, недовольство против его настоящего врага. И мы нисколько не будем противоречить себе, если в следующий исторический период, когда минуют особенности данной социально-политической *) «конъюнктуры», когда крестьянство, допустим, удовлетворится ничтожными подачками ничтожной части собственников и «зарычит» уже **) решительно против пролетариата, если мы тогда выкинем из своей программы борьбу с остатками крепостничества. Тогда-то, вероятно, при-

*) В печатном тексте: «социально» опущено. *Ред.*
**) В печатном тексте: «даже зарычит». *Ред.*

дется нам выкидывать *) из программы и борьбу с самодержавием, ибо никак нельзя полагать, чтобы *до* политической свободы крестьянство избавилось от самого отвратительного и тяжелого крепостнического гнета.

При господстве капиталистического хозяйства мелкая собственность задерживает развитие производительных сил, прикрепляя работника к мелкому кусочку земли, узаконяя рутинную технику, затрудняя вовлечение земли в торговый оборот. При господстве отработочного хозяйства, мелкая поземельная собственность, освобождаясь от отработков, тем самым толкает вперед развитие производительных сил, освобождает крестьянина **) от прикреплявшей его к месту кабалы, освобождает помещика от «дарового» слуги, отнимает возможность заменять технические улучшения безграничным усилением «патриархальной» эксплуатации, облегчая вовлечение земли в торговый оборот. Одним словом, противоречивое положение мелкого крестьянства на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства вполне оправдывает эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности социал-демократией. Повторяем еще раз: это не противоречие в редактировании или формулировке нашей программы, а противоречие живой жизни.

Нам возразят: «как ни туго поддается отработочное хозяйство натиску капитализма, все же оно поддается ему, — больше того: оно осуждено на полное исчезновение; крупное отработочное хозяйство уступает и уступит место непосредственно крупному капиталистическому хозяйству. Вы же хотите ускорить процесс ликвидации крепостничества мерою, которая является, в сущности, дроблением (хотя бы частичным, но все же таки дроблением) крупного хозяйства. Не приносите ли вы этим интересы будущего в жертву интересам настоящего? Ради проблематичной ***) возможности восстания крестьян в ближайшем будущем против крепостничества вы затрудняете в более или менее далеком будущем восстание сельского пролетариата против капитализма!»

Такое рассуждение, как ни убедительно оно с первого взгляда, грешит большой односторонностью: во-первых, и мелкое крестьянство тоже поддается, хотя и туго, а поддается натиску капитализма, оно тоже осуждено, в конечном счете, на неизбежное вытеснение; во-вторых, и крупное отработочное хозяйство уступает место крупному капиталистическому не всегда «непосредственно», а сплошь и рядом, создавая слой полу-зависимых, полу-батраков, полу-собственников, — между тем такая револю-

*) В печатном тексте: «выкинуть». *Ред.*
**) В печатном тексте: «крестьянство». *Ред.*
***) В печатном тексте: «проблематической». *Ред.*

ционная мера, как возвращение отрезков, сослужила бы гигантскую службу именно тем, что хоть раз заменила бы «метод» постепенного и незаметного превращения крепостнической зависимости в буржуазную «методом» открытого революционного превращения: это *не могло бы* остаться без *самого глубокого влияния* на дух протеста и самостоятельной борьбы во всем трудящемся сельском населении. В-третьих, мы, русские социал-демократы, постараемся воспользоваться опытом Европы и гораздо раньше, гораздо усерднее займемся привлечением «деревенщины» к социалистическому *) рабочему движению, чем это удалось нашим западным товарищам, которые после завоевания политической свободы долго еще «ощупью» искали путей для движения промышленных рабочих: в этой области мы многое возьмем готовым «у немцев», а вот в аграрной области, может быть, выработаем и нечто новое. И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полу-батракам переход к социализму, крайне важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (не-пролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя.

Пойдем далее. 6) Требование вернуть отрезки считают политически нецелесообразным: нерасчетливо отвлекать внимание партии на исправление всяких, теряющих уже современное значение, исторических несправедливостей, — отвлекать внимание от основного и все более надвигающегося вопроса о борьбе пролетариата и буржуазии. Задумали «с запозданием на 40 лет пере-освободить крестьян» — иронизирует Мартынов.

И это рассуждение кажется таким благовидным только с первого взгляда **). Разные ведь бывают исторические несправедливости. Есть такие, которые остаются, так сказать, в стороне от главного исторического потока, не задерживая его, не мешая его течению, не препятствуя углублению и расширению пролетарской классовой борьбы. Такие исторические несправедливости, действительно, неумно было бы браться исправлять. Как пример, укажем на присоединение Эльзас-Лотарингии Германией. Ни одна социал-демократическая партия не вздумает ставить в свою программу исправление *такой* несправедливости, хотя ни одна в то же время не уклонится от своего долга протестовать против этой несправедливости и клеймить за нее все господствующие классы. И если бы мы мотивировали требование

---

*) В печатном тексте: «социал-демократическому». *Ред.*

**) В печатном тексте: «И это рассуждение сразу выдает поразительную близорукость «экономиста»». *Ред.*

вернуть отрезки тем и *) только тем, что вот-де была совершена несправедливость, — давайте, исправим ее **), — тогда это было бы пустозвонной демократической фразой. Но мы мотивируем наше требование не нытьем по поводу исторической несправедливости, а необходимостью отменить остатки крепостничества и расчистить дорогу для классовой борьбы в деревне, т.-е. очень «практической» и очень настоятельной необходимостью для пролетариата.

Мы видим здесь пример *другой* исторической несправедливости, именно: такой, которая *непосредственно* продолжает *задерживать* общественное развитие и классовую борьбу. Отказываться от попытки исправить *такие* исторические несправедливости значило бы «защищать кнут на том основании, что это кнут исторический». Вопрос об освобождении нашей деревни от гнета остатков ***) «старого режима» — один из самых злободневных вопросов современности, выдвигаемый всеми направлениями и партиями (кроме крепостнической), так что ссылка на запоздание вообще неуместна, а в устах Мартынова просто забавна. «Запоздала» русская буржуазия с *своей*, собственно, задачей смести все остатки старого режима, — и исправлять этот недочет мы должны будем до тех самых ****) пор, пока он не будет исправлен, пока не будет у нас политической свободы, пока положение крестьянства будет питать недовольство во всей почти массе образованного буржуазного общества (как это мы видим в России), а не питать в этой массе чувство консервативного самодовольства по поводу «неразрушимости» самого мощного, якобы, оплота против социализма (как это мы видим на Западе, где указанное самодовольство замечается у всех партий порядка, начиная с аграриев и консерваторов pur sang *****), продолжая либеральными и свободомыслящими буржуа и кончая даже... не во гнев будь сказано господам Черновым и ******) «Вестнику Русской Революции»!.. кончая даже модными «критиками марксизма» в аграрном вопросе). Ну а затем еще «запоздали», конечно, те русские социал-демократы, которые по принципу тащатся в хвосте движения и занимаются только вопросами, «сулящими осязательные результаты»: своим запозданием дать *******) определенную директиву и в аграрном вопросе эти «хвостисты» дают только сильнейшее и вернейшее оружие в руки революционных несоциал-демократических направлений.

---

*) В печатном тексте слова: «тем и» опущены. *Ред.*
**) В печатном тексте: «это». *Ред.*
***) В печатном тексте «остатков» опущено. *Ред.*
****) В печатном тексте «самых» опущено. *Ред.*
*****) — чистой крови. *Ред.*
******) В печатном тексте слова: «господам Черновым и» опущены. *Ред.*
*******) В печатном тексте: «не будучи в состоянии выдвинуть». *Ред.*

Что касается (в) до «неосуществимости» в практическом смысле требования вернуть отрезки, то это возражение (особенно подчеркнутое Мартыновым) — одно из самых слабых. С вопросом о том, в каких именно случаях и как именно произвести экспроприацию, выкуп, обмен, размежевание и т. п., крестьянские комитеты справились бы, при политической свободе, вдесятеро легче, чем составленные из представителей меньшинства и действовавшие в интересах меньшинства дворянские комитеты. Придавать значение этому возражению могут только люди, которые привыкли к слишком низкой оценке революционной активности масс.

Тут выдвигается четвертое и последнее возражение. Если уже рассчитывать на революционную активность крестьянства и выдвигать для него не программу-минимум, а программу-максимум, тогда надо быть последовательным и требовать либо «крестьянского» черного передела, либо «буржуазной» национализации земли *). «Если бы мы захотели — пишет Мартынов — найти настоящий (sic!) классовой лозунг для массы малоземельного крестьянства, мы должны были бы идти дальше — мы должны были бы выставить требование черного передела, но тогда нам пришлось бы распроститься с социал-демократической программой».

Это рассуждение замечательно рельефно выдает «экономиста» и приводит на память пословицу о людях, которые лоб себе разбивают, ежели их заставить богу молиться **).

Вы высказались за *одно* из требований, осуществляющих *известные* интересы известного слоя мелких производителей: *значит,* вы должны покинуть свою точку зрения и перейти на точку зрения этого слоя!! — Вовсе это не значит; так рассуждают только «хвостисты», смешивающие выработку программы, соответствующей широко понятым интересам класса, с прислужничеством этому классу. Будучи представителями пролетариата, мы тем не менее прямо осудим тот предрассудок неразвитых пролетариев, будто бороться надо только за требования, «сулящие осязательные результаты». Поддерживая прогрессивные интересы и требования крестьянства, мы решительно отклоним его реакционные требования. А «черный передел», этот один из самых рельефных лозунгов старого народничества, содержит в себе именно сплетение революционного и реакционного ***) моментов. И социал-демократы десятки раз твердили, что они вовсе не выкидывают за борт все народничество с прямолинейностью одной

*) В печатном тексте: «требовать крестьянского «черного передела»». *Ред.*

**) В печатном тексте: «это рассуждение основано на смешении последовательности с чересчур односторонней прямолинейностью». *Ред.*

***) В печатном тексте: «реакционных». *Ред.*

неумной птицы, а выделяют из него и признают своими его революционные, его обще-демократические элементы. В требовании черного передела реакционна утопия обобщить и увековечить мелкое крестьянское производство, но в нем есть (кроме утопии, будто «крестьянство» может быть носителем *социалистического* переворота) и революционная сторона, именно: желание смести посредством крестьянского восстания все остатки крепостного строя. По нашему мнению, требование вернуть отрезки выделяет изо всех двуличных и *) противоречивых требований крестьянина именно то, что может действовать революционно только в направлении всего общественного развития и что заслуживает поэтому поддержки пролетариата. Приглашение Мартынова «идти дальше» на самом деле ведет только к той бессмыслице, чтобы «*настоящий*» классовый лозунг крестьянства мы определяли с точки зрения *настоящих* предрассудков крестьянства, а не *настоящим образом понятых* интересов пролетариата.

Другое дело — национализация земли. Это требование (если понимать его в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование. В известный революционный момент мы не откажемся, разумеется, его выдвинуть. Но теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли *гораздо слабее* выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает данную классовую борьбу в деревне, и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма. Наоборот, требование национализации земли отвлекает до известной степени внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества. Поэтому наша аграрная программа может и должна быть выдвинута сейчас же, как одно из средств подтолкнуть демократическое движение в крестьянстве. Требование же национализации выдвигать не только при самодержавии, но при полуконституционной монархии было бы прямо неправильно, ибо при отсутствии вполне уже упрочившихся, глубоко укоренившихся демократических политических учреждений это требование гораздо скорее отвлечет мысль к нелепым экспериментам государственного социализма, чем даст толчок «свободному развитию классовой борьбы в деревне» **).

*) В печатном тексте слова: «двуличных и» опущены. *Ред.*

**) Очень верно заметил Каутский в одной из своих статей против Фольмара: «В Англии передовые рабочие могут требовать национализа-

Вот почему мы думаем, что максимум нашей аграрной программы на базисе современного общественного строя не должен идти дальше демократического пересмотра крестьянской реформы. Требование национализации земли, будучи вполне правильным с принципиальной точки зрения и вполне пригодным для известных моментов, является нецелесообразным политически в данный момент.

Интересно отметить, что Надеждин, в своем стремлении дойти именно до такого максимума, как национализация земли, сбился с пути (отчасти под влиянием его решения ограничиться в программе «требованиями, *понятными* и нужными мужику»). Надеждин формулирует требование национализации следующим образом: «превращение государственной, удельной, церковной, помещичьей земли в народную собственность, в национальный фонд для раздачи в долгосрочную аренду трудящемуся крестьянству на самых льготных условиях». «Мужику» это требование, несомненно, будет понятно,— но социал-демократу наверное нет. Требование национализации земли является принципиально правильным требованием с[оциал]-д[емократической] программы лишь в качестве буржуазной меры, а не социалистической, ибо в социалистическом смысле мы требуем национализации всех средств производства. Оставаясь же на базисе буржуазного общества, мы можем требовать только передачи государству поземельной ренты,— передачи, которая сама по себе не только не задержала, а напротив даже ускорила бы капиталистическую эволюцию земледелия. Поэтому социал-демократ, поддерживая буржуазную национализацию земли, должен был бы, во-первых, отнюдь не исключать крестьянские земли, как это сделал Надеждин. Если мы сохраняем *частное* хозяйство на земле, уничтожая только частную собственность на землю, то было бы прямо реакционно делать в этом отношении изъятие для мелкого собственника. Во-вторых, при такой национализации социал-демократ был бы решительно против того, чтобы отдавать национальную землю в аренду «трудящемуся крестьянству» предпочтительно перед капиталистами — предпринимателями в земледелии. Это предпочтение было бы опять таки реакционно, при условии господства или сохранения капиталистического способа производства. Если бы нашлась такая демократическая страна, которая предприняла бы буржуазную национализацию земли, то пролетариат этой страны не должен был бы давать предпочтение ни мелким, ни крупным арендаторам, а требовать безусловно, чтобы всякий

ции земли. Но к чему бы это привело, если бы вся земля такого военного и полицейского государства, как Германия, сделалась собственностью государства (eine Domäne)? Осуществление государственного социализма такого сорта мы находим, по крайней мере, в значительной степени — в Мекленбурге («Volmar und der Staatssocialismus», «Neue Zeit», 1891—2, X. 2, S. 710).

арендатор соблюдал законом установленные правила об охране труда (о максимальном рабочем дне, о соблюдении санитарных постановлений и пр. и пр.), а также о рациональном обращении с землей и со скотом. Фактически, разумеется, такое поведение пролетариата при буржуазной национализации было бы равносильно ускорению победы крупного производства над мелким (как ускоряет эту победу в промышленности фабричное законодательство).

Стремление быть во что бы то ни стало «понятным мужику» завело здесь Надеждина в дебри реакционной мелкобуржуазной утопии *).

Итак, разбор возражений против требования возвращения отрезков убеждает нас в несостоятельности этих возражений. Мы должны выступить с требованием демократического пересмотра крестьянской реформы, и именно ее аграрных преобразований. А чтобы точно определить и характер, и пределы, и способ произведения этого пересмотра, мы должны выдвинуть учреждение крестьянских комитетов с правом экспроприации, выкупа, обмена и пр. тех **) «отрезков», посредством которых держатся переживания крепостного хозяйства.

VIII.

В тесной связи с четвертым пунктом проекта нашей аграрной программы находится пятый пункт, который требует «предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Подобно 4-ому пункту, и этот направлен против кабалы; в отличие от 4-ого пункта он требует не единовременного пересмотра и преобразования аграрных порядков, а постоянного пересмотра гражданских правоотношений. Предоставляется *этот* пересмотр «судам», при чем имеется в виду, разумеется, не та жалкая пародия на суд, какой является «институт» земских начальников (или хотя бы даже мировых судей, выбираемых имущими классами из имущих лиц), а те суды, о которых говорит § 16 предыдущего отдела нашего проекта программы. Этот § 16 требует «учреждения промысловых судов во всех отраслях народного хозяйства...» (значит, и в земледелии) «...из представителей от рабочих и предпринимателей поровну». Такой состав суда обеспечивал бы и демократизм его, и свободное выражение различным классовым интересам различных слоев сельского населения. Классовый антагонизм не прикрывался бы фиговыми листочками

*) Четыре абзаца, начиная со слов: «Другое дело — национализация земли» и кончая фразой: «завело здесь Надеждина в дебри реакционной мелкобуржуазной утопии», в печатном тексте опущены. *Ред.*

**) В печатном тексте «тех» опущено. *Ред.*

гнилого бюрократизма — этого крашеного гроба для останков *) народной свободы, — а выступал открыто и ясно пред **) лицом всех и каждого, встряхивая тем самым деревенских жителей из их патриархального прозябания. Полное знакомство с аграрным бытом вообще и местными его особенностями в частности было бы вполне обеспечено выборностью судей из местных же жителей. Для массы крестьян, которых невозможно было бы отнести в разряд только «рабочих» или только «предпринимателей», были бы установлены, естественно, особые правила для обеспечения равномерного представительства всех элементов сельского населения, при чем мы, социал-демократы, безусловно настаивали бы при всяких обстоятельствах, во-первых, на *особом* представительстве сельско-хозяйственных наемных рабочих, как бы их мало ни было, и, во-вторых, на том, чтобы по возможности отдельно было представлено маломощное и зажиточное крестьянство (ибо смешение этих разрядов не только в статистике приводит к фальши, но и во всех областях жизни приводит к угнетению и оттеснению первого разряда вторым).

Компетенция этих судов предположена двоякая: во-первых, они имели бы право *понижать* арендные платы, если они «непомерно высоки». Уже самые эти слова программы выражают косвенное признание широкой распространенности этого явления. Гласное и состязательное разбирательство на судах вопроса о высоте аренды приносило бы громадную пользу даже независимо от решения судов. Понижения арендной платы (хотя бы эти понижения были и не часты) сыграли бы свою роль в деле устранения остатков крепостничества: известно, что в нашей деревне аренда носит чаще крепостнический, чем буржуазный характер, и арендная плата является гораздо более «денежной» (т.-е. преобразованной феодальной), чем капиталистической, рентой (т.-е. избытком над прибылью предпринимателя). Понижение арендной платы, следовательно, непосредственно содействовало бы замене крепостнических форм хозяйства капиталистическими.

Далее, во-вторых, суды имели бы право «объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер». Понятие «кабалы» здесь не определяется, ибо стеснять выборных судей в применении такого пункта было бы вовсе не желательно. Что такое кабала,— русский мужик слишком хорошо знает! С научной же точки зрения это понятие объемлет все те сделки, в которых есть элемент *ростовщичества* (зимняя наемка и т. п.) или *крепостничества* (отработки за потравы и проч.).

Несколько иной характер носит 3-ий пункт о возвращении народу выкупных платежей. Здесь не возбуждается тех сомнений

*) В печатном тексте: «остатков». *Ред.*
**) В печатном тексте: «перед». *Ред.*

насчет мелкой собственности, которые вызывает 4-ый пункт, но зато возражатели указывают и на практическую неосуществимость этого требования и на отсутствие логической связи между ним и общей частью нашей аграрной программы (— «устранение остатков крепостного права и свободное развитие *) классовой борьбы в деревне»). Однако никто же не станет отрицать, что именно остатки крепостного права, во всей их совокупности, обусловливают те постоянные голодовки миллионов крестьян, которые сразу выделяют Россию из числа всех цивилизованных наций. Даже самодержавие вынуждено поэтому создавать все чаще и чаще **) особый (совершенно жалкий, разумеется, и более расхищаемый казнокрадами и бюрократами, чем идущий на пользу голодающих) «фонд для культурных и ***) благотворительных нужд сельских обществ». Не можем и мы не потребовать, в числе прочих демократических преобразований, создания такого фонда. Против этого вряд ли можно спорить.

Теперь спрашивается, из какого источника взять суммы для образования этого фонда? Насколько мы можем судить, здесь могли бы указать нам на прогрессивно-подоходный налог: повысить специально те ставки, которые падают на доходы богатых людей, и употребить эти суммы на указанный фонд. Было бы вполне справедливо, чтобы наиболее имущие члены государства больше всего участвовали в содержании голодающих и в расходах на возможное исправление бедствий, причиненных голодовками. — Мы ничего не имели бы и против такой меры, о которой нет надобности особо говорить в программе, ибо она всецело подходит под требование прогрессивно-подоходного налога, упомянутого в программе особо. Но зачем же ограничиваться этим источником? Почему не попробовать, помимо него, возвратить народу хотя бы часть той дани, которую взимали и продолжают взимать вчерашние рабовладельцы с крестьян при помощи полицейского государства? Разве эта дань не стоит в самой тесной связи с *современными* голодовками? И разве требование вернуть эту дань не сослужит нам самой полезной службы в деле расширения и углубления ****) революционного возмущения крестьян против всех крепостников и всяческого крепостничества?

Но ведь этой дани *нельзя* вернуть целиком,— возражают нам. — Справедливо (как нельзя целиком вернуть и отрезков) *****). Но если нельзя уже вытребовать весь долг,— отчего бы не взять и части его? Что можно возразить против особого налога на земли тех крупных дворян-землевладельцев, которые воспользо-

*) В печатном тексте: «свободного развития». *Ред.*
**) В печатном тексте слова: «все чаще и чаще» опущены. *Ред.*
***) В печатном тексте слова: «культурных и» опущены. *Ред.*
****) В печатном тексте: «приближения». *Ред.*
*****) В печатном тексте слова в скобках опущены. *Ред.*

вались выкупной ссудой? Число таких владельцев латифундий (иногда превращенных даже в заповедные имения) очень значительно в России, и их справедливо было бы привлечь к специальной ответственности за крестьянские голодовки. Еще более справедлива будет полная конфискация монастырских имуществ и удельных имений, как такой собственности, которая всего более пропитана традициями крепостничества, которая служит обогащению самых реакционных и самых вредных для общества тунеядцев, изъемля в то же время немалое количество земли из гражданского и торгового оборота. Конфискация таких имений лежала бы, следовательно, всецело в интересах всего общественного развития *); она была бы именно такого рода частичной буржуазной национализацией земли, которая безусловно не могла бы вести к фокус-покусам «государственного социализма» **). Она имела бы непосредственное и громадное политическое значение для укрепления демократических учреждений *новой* России; а вместе с тем она дала бы также и добавочные средства на помощь голодающим.

IX.

Что касается, наконец, до первых двух пунктов нашей аграрной программы, то на них долго останавливаться не приходится. «Отмена выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие» (п. 1) — есть нечто, подразумевающееся само собою для всякого социал-демократа. Никаких недоумений относительно практического осуществления этой меры тоже не возникает,— насколько мы можем судить. Второй пункт требует: «отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина...» (заметьте: «крестьянина», а не «крестьян») «...в распоряжении его землей». Здесь надо сказать несколько слов по поводу пресловутой и приснопамятной *«общины»*. Фактически, разумеется, отмена круговой поруки (эту-то реформу г. Витте успеет, пожалуй, осуществить еще до революции), уничтожение сословных делений, свобода передвижения и свобода распоряжения землей для каждого отдельного крестьянина поведут к неизбежному и быстрому уничтожению той фискально-крепостнической обузы, каковой является, на три четверти, современная поземельная община. Но такой результат докажет только пра-

*) При сдаче в аренду этих конфискованных имений социал-демократия должна была бы теперь же проводить отнюдь не специфически-крестьянскую, а именно ту политику, которую мы обрисовали выше, возражая Надеждину. (В печатном тексте это примечание опущено. *Ред.*)

**) Фраза от слов: «она была бы» и до слов: «государственного социализма» в печатном тексте опущена. *Ред.*

вильность наших взглядов на общину, докажет несовместимость ее со всем общественно-экономическим развитием капитализма. Этот результат отнюдь не будет вызван какой-либо *) мерой «против общины», рекомендованной нами, ибо *ни единой меры*, направленной непосредственно против той или иной системы крестьянских поземельных распорядков, мы никогда не защищали и не будем защищать. Более того: общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы безусловно будем защищать от всякого посягательства бюрократов, — посягательства, столь излюбленного врагами общины из лагеря «Московских Ведомостей» [27]. Никому и никогда не будем мы помогать «разрушать общину», но отмены всех учреждений, противоречащих демократизму, мы будем добиваться безусловно, *какое бы влияние эта отмена ни оказала на коренные и частные переделы земли и т. п.*: в этом наше коренное отличие от явных и тайных, последовательных и непоследовательных, робких и смелых народников, которые, с одной стороны, являются, «конечно», демократами, а с другой стороны, боятся определить решительно и недвусмысленно свое отношение к таким элементарно-демократическим требованиям, как *полная* свобода передвижения, *полное* уничтожение сословности крестьянской общины, а *следовательно*, и полная отмена круговой поруки, отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей **).

Нам возразят: именно последняя мера, освящающая индивидуальную волю каждого отдельного крестьянина, и разрушает общину не только как систему переделов и т. п., а прямо даже как товарищеский соседский союз. Каждый отдельный крестьянин, вопреки воле большинства, вправе будет потребовать выдела его земли в особый участок. Не противоречит ли это общей тенденции всех социалистов содействовать расширению, а не сужению прав коллективности по отношению к индивидууму?

Мы ответим на это: право каждого крестьянина требовать выдела земли непременно в особый участок из нашей формулировки еще не вытекает. Из нее вытекает только свобода продажи земли, при чем и этой свободе не противоречит право предположительной покупки продаваемой земли сообщниками ***).

---

*) В печатном тексте: «какой-нибудь». *Ред.*

**) На этом именно оселке следует испытывать тех многочисленных в России радикалов (и даже революционеров из — «Вестника Русской Революции»), которые склонны сидеть в данном вопросе между двух стульев.

***) Вместо фразы от слов: «мы ответим» до слов: «продаваемой земли сообщниками» в печатном тексте стоит: «Такое возражение было бы неосновательно. Наши требования не разрушают товарищеского союза, а, напротив, создают на место архаической (de facto полу-крепостной) власти общины над мужиком — власть *современного* товарищеского союза над свободно вступающими в него членами». *Ред.*

Отмена круговой поруки должна превратить всех наличных членов крестьянской общины в свободных совладельцев известного участка земли, — а там, как уже они будут распоряжаться этим участком, это их дело, это будет зависеть от общих гражданских законов и от их специальных договоров между собою. Что же касается до расширения прав коллективности по отношению к индивидууму, то социалисты защищают его только тогда, когда это расширение лежит в интересах технического и социального прогресса *). В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий соответствующий закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, а ко *всем* землевладельцам вообще.

X.

В заключенье, резюмируем те основные положения, которые легли в основание нашей аграрной программы. Всякий, кому случалось работать над составлением программы или знакомиться с деталями ее составления в других странах, знает, что одну и ту же мысль можно формулировать самыми различными способами, — нам важно, чтобы все товарищи, на суд которых мы отдаем теперь наш проект, вполне спелись бы **) прежде всего и больше всего относительно основных принципов. А там уже те или иные частные особенности формулировки не имеют решающего значения.

Центральным фактом и в области аграрных порядков России мы признаем классовую борьбу. Мы строим всю свою аграрную политику (а, следовательно, и аграрную программу) на неуклонном признании этого факта со всеми последствиями, вытекающими из него. Наша главная ближайшая цель — расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне, классовой борьбы пролетариата, направленной к осуществлению конечной цели всемирной социал-демократии, к завоеванию политической власти пролетариатом и к созданию основ социалистического общества. Объявляя классовую борьбу своей руководящей нитью во всех «аграрных вопросах», мы тем самым решительно и бесповоротно отделяем себя от столь многочисленных в России сторонников половинчатых и расплывчатых теорий: «народнической», «этико-социологической», «критической», социал-реформаторской и как их там еще звать!

*) Напр., Каутский признает справедливым требовать «ограничения прав частной поземельной собственности в интересах 1. размежевания, уничтожения чересполосицы; 2. повышения сельско-хозяйственной культуры; 3. предупреждения эпидемий» («Die Agrarfrage», S. 437). Подобного рода, совершенно основательные, требования отнюдь не связаны и не должны быть связываемы с крестьянской общиной.

**) В печатном тексте «бы» опущено. *Ред.*

Чтобы расчистить дорогу для свободного развития классовой борьбы в деревне *), необходимо устранить все остатки крепостного порядка, которые теперь *прикрывают* зачатки капиталистических антагонизмов внутри сельского населения, не дают им развиться. И мы делаем *последнюю* попытку помочь крестьянству смести одним решительным ударом все эти остатки, — «последнюю» потому, что и сам развивающийся русский капитализм стихийно творит ту же работу, идет **) к той же цели, но идет **) свойственным ему путем насилия и гнета, разорения и голодной смерти. Переход крепостнической эксплуатации в капиталистическую неизбежен, и было бы вредной, реакционной иллюзией пытаться задержать или «обойти» его. Но этот переход мыслим также и в форме насильственного свержения тех крепостников-последышей, которые, опираясь не на «власть денег», а на традиции прежней власти рабовладения, высасывают теперь последние соки из патриархального крестьянства. Это патриархальное крестьянство, живущее трудами рук своих при системе натурального хозяйства, осуждено на исчезновение, но вовсе не «обязательно», не «имманентным» законом общественно-экономической эволюции осуждено на пытки «выколачивания податей» и розги, на муки затяжного, ужасающего своей длительностью ***) вымирания голодною смертью.

И вот, не делая себе иллюзий насчет возможности процветания или даже сносного существования мелких производителей в капиталистическом обществе (каковым все более и более становится Россия), — мы требуем полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества, мы признаем крестьянскими те земли, которые отрезало у них дворянское правительство и которые по сию пору продолжают держать их в фактическом рабстве. Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима», и лишь под условием отмены тех учреждений, которые задерживают преобразование патриархальной, застывшей в своей неподвижности, забитости и одичании обломовки: под условием создания полной свободы передвижения, свободы обращения земли, полного уничтожения сословных делений. Демократический пересмотр государственных и гражданских законов России мы хотим дополнить демократическим, революционным пересмотром пресловутой «крестьянской реформы».

*) В печатном тексте: «в России вообще и в русской деревне в частности». *Ред.*

**) В печатном тексте «ведет». *Ред.*

***) В печатном тексте слова: «затяжного, ужасающего своей длительностью» опущены. *Ред.*

Руководимый такими принципами аграрной политики, русский социал-демократ, попадая в деревню, сумеет разобраться в сложной сети тамошних отношений, сумеет «приспособить» к ним свою строго-выдержанную революционную пропаганду и агитацию. Его не застанет тогда врасплох возможное движение крестьянства (кое-где уже *) как будто и начинающееся). Он не ограничится теми требованиями в защиту сельско-хозяйственных наемных рабочих, которые подробно изложены в отделе ближайших «рабочих» требований нашей программы и которые, разумеется, он будет выдвигать всегда и повсюду. Он **) будет в состоянии также и в крестьянстве подтолкнуть вперед ***) то общедемократическое движение, которое (если суждено ему будет в нашей деревне выйти за пределы зародышевого состояния) начнется борьбой с деревенскими крепостниками, а кончится — восстанием против того могущественнейшего и гнуснейшего остатка крепостничества, который зовется царским самодержавием.

* *
*

P. S. Предлагаемая статья была написана до начала крестьянских восстаний на юге России весной текущего года. Принципиальные положения статьи вполне подтвердились этими событиями. А о тех тактических задачах, которые с особенной силой выдвигаются теперь пред нашей партией в ее «деревенской» работе, мы надеемся поговорить в следующий раз ****).

---

*) В печатном тексте «уже» опущено. *Ред.*
**) В печатном тексте дальше добавлено: «всегда». *Ред.*
***) В печатном тексте слово «вперед» опущено. *Ред.*
****) Постскриптум добавлен в печатном тексте, в рукописи его нет. *Ред.*

ПИСЬМО «СЕВЕРНОМУ СОЮЗУ» [28].

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОГРАММУ «СЕВЕРНОГО СОЮЗА».

Прежде всего следует отметить основной недостаток «программы» в *формальном* отношении, именно: смешение основных принципиальных положений научного социализма с узкими конкретными задачами не только одного момента, но и одной местности. Этот недостаток выяснится сразу, если только пересмотреть содержание всех 15-ти параграфов программы. Сделаем это.

§ 1 — цель рабочего движения вообще.
§ 2 — основное условие достижения этой цели.
§ 3 — ближайшая политическая задача *русской* социал-демократии.
§ 4 — отношение русской социал-демократии к либералам и проч.
§ 5 — то же.
§ 6 — понятия «класса» и «партии» (частное разногласие с «экономистами»).
§ 7 — практические задачи агитации.
§ 8 — значение пропаганды.
§ 9 — о демонстрациях и манифестациях.
§ 10 — о праздновании 1 мая.
§ 11 — листки и демонстрация 19 февраля.
§ 12 — экономическая борьба и социальные реформы.
§ 13 — необходимость не только оборонительной, но и наступательной борьбы рабочих.
§ 14 — активная, не только пассивная, роль по отношению к стачкам.
§ 15 — стачки, как лучшее средство борьбы.

Легко видеть, что столь разнообразные по содержанию §-фы надо было бы разделить на разные отделы (иначе возможны значительные недоразумения со стороны публики, неспособной

отличить основные принципы от практических задач момента). Не только неловко, но даже прямо неправильно двусмысленно ставить рядом и указание на конечную цель социализма и объяснение с экономистами или определение значения стачек. Надо было бы ясно отделить принципиальное заявление своих убеждений вообще,—затем указание политических задач партии, как их понимает Северный Союз,—и, в-третьих, от этих, программных в собственном смысле слова, положений отделить *резолюции* организации (Северного Союза) по вопросам практического движения (§§ 7—11 и 13—15). § 6-ой должен бы был стоять особо, как определение отношения Северного Союза к разногласиям в среде русских с.-д. А § 12 должен бы был войти в принципиальное заявление (ибо отношение текущей борьбы за мелкие улучшения и реформы к борьбе за конечную цель есть общий, а не специально-русский вопрос).

После этого общего замечания перейду к разбору отдельных §-фов.

§ 1 намечает общие цели с.-д-тии вообще. Указание этих целей сделано чрезвычайно кратко и отрывочно. Правда, в программе местной организации нельзя было вдаваться в подробности, *необходимые* для программы партии. Вполне признавая это и считая очень полезным и важным решение Северного Союза не умолчать об основных принципах с.-д-тии даже в программе местной организации, я бы считал только необходимым добавить в этом случае указание на более обстоятельное изложение основных принципов. То-есть: надо было указать, напр., что Северный Союз стоит на почве *международного* научного социализма (на международный характер движения не указано нигде в программе) и разделяет теорию «революционного марксизма». На-ряду с таким *общим* указанием своих принципов возможно было бы поставить положение вроде § 1, но, отдельно взятый, он (§ 1) не достаточен.

Как входящая в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию организация, Северный Союз должен бы был указать на солидарность с «Манифестом» ее, при чем полезно было бы указать и солидарность Северного Союза хотя бы с проектом программы русских с.-д., составленным в 80-х годах Группой «Освобождение Труда». Такое указание, не предрешая вопроса о видоизменениях, необходимых в этом проекте, точнее определяло бы принципиальную позицию Северного Союза. Одно из двух: *или* надо самим составить *полное* изложение всех основных принципов социал-демократии (т.-е. самим составить принципиальную часть с.-д. программы), *или* надо заявить вполне определенно о том, что Северный Союз *принимает* более или менее известные, установленные принципы. Третий же путь, выбранный программой — указание, совершенно отрывочное, на конечную цель — не годится.

§ 2 начинается крайне неточным, двусмысленным и опасным заявлением: «считая социализм — классовым интересом пролетариата». Эти слова как бы отождествляют социализм с «классовым интересом пролетариата». А это отождествление *совершенно неправильно*. Именно в настоящее время, когда необычайно широко распространилось *крайне узкое* понимание «классовых интересов пролетариата», прямо непозволительно выставлять формулу, которая если и может быть, с грехом пополам, признана, то лишь при условии *чрезвычайно широкого* понимания выражения: «классовый интерес». «Классовый интерес» заставляет пролетариев объединяться, бороться с капиталистами, думать над условиями своего освобождения. «Классовый интерес» делает их восприимчивыми к социализму. Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, т.-е. он основывается на всем материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм *вносится* идеологами. Формулировка же 2-ого §-фа совершенно неверно освещает действительное отношение социализма к классовой борьбе. Да и о классовой борьбе § 2 не говорит. Это — второй его недостаток.

§ 3 характеризует абсолютизм недостаточно (не указано, например, на связь его с остатками крепостного права), отчасти фразисто («безграничный») и расплывчато («игнорирование» *личности*). Далее, завоевание политической свободы (надо бы отметить, что эту задачу ставит Северный Союз *всей партии)* необходимо *не только* для полного развития классовой борьбы рабочих; надо было в той или иной форме указать, что оно необходимо и в интересах всего общественного развития.

«Самодержавие представляет интересы исключительно господствующих классов». Это неточно или неверно. Самодержавие удовлетворяет *известные* интересы господствующих классов, держась отчасти и неподвижностью массы крестьянства и мелких производителей вообще, отчасти балансированием между противоположными интересами, представляя собой, до известной степени, и самостоятельную организованную политическую силу. Формулировка 3-го §-фа особенно недопустима ввиду того, что у нас сильно распространено нелепое отождествление русского самодержавия с господством буржуазии.

«Несовместно с принципом демократии». К чему это, раз о демократии не было еще сказано ничего? И разве требование низвержения самодержавия и завоевания политической свободы не выражает именно «принцип» демократии? Эта фраза не годится. Вместо нее следовало указать поточнее на нашу по-

следовательность *и решительность* (по сравнению с буржуазной демократией) в понимании «принципа демократии»,— напр., обрисовать так или иначе понятие *и содержание* «демократической конституции» или заявить о нашем «принципиальном» требовании *демократической республики.*

§ 4 особенно неудовлетворителен. Вместо того, чтобы говорить о «полном» использовании «широкой» свободы (это, собственно, неопределенные фразы, вполне заменимые и долженствующие быть замененными точным указанием на демократическую республику и демократическую конституцию, ибо «полнота» в последовательном демократизме и состоит) — вместо этого *обязательно* было сказать о том, что в политической свободе заинтересован *не только* рабочий класс. Умолчать об этом — значит настежь открывать двери худшим формам «экономизма» и забывать наши общ*едемократические* задачи.

Совершенно неверно, что осуществление (?? достижение, завоевание) политической свободы — «такая же» необходимость для пролетариата, как повышение платы и сокращение рабочего дня. Именно, *не такая: эта* необходимость *другого порядка, гораздо более сложного* порядка, чем необходимость повышения платы и т. п. Различие «необходимости» того и другого порядка наглядно видно, напр., и из того, что самодержавие готово давать *(и действительно иногда дает)* отдельным слоям или группам рабочего класса улучшение положения, *лишь бы* эти слои помирились с абсолютизмом. Разбираемая фраза совершенно недопустима, выражая невероятную вульгаризацию «экономического» материализма и принижение социал-демократического понимания до трэд-юнионистского.

Далее. «Ввиду этого»... подлежит устранению *ввиду* вышеизложенного... «в предстоящей борьбе»... (т.-е. борьбе с царизмом, очевидно?)... «с.-д. выступали с определенной классовой программой и требованиями»... *Классовый* характер нашей *политической* программы и *политических* требований выражается именно в полноте и последовательности демократизма. Если же говорить не о политических только требованиях, а о всей нашей программе вообще, то ее классовый характер должен вытекать сам собой из содержания нашей программы. Нечего говорить об «*определенной*» классовой программе, а надо самим прямо и точно *определить,* изложить, выразить и формулировать эту классовую программу.

...«Не подчиняя программе либеральной»... Это даже смешно. Мы выступаем, как передовая демократическая партия и вдруг оговариваемся, что «не подчиняем»!! Точно дети, только что вышедшие из «подчинения»!

«Неподчинение» наше либералам должно выражаться не в фразах о неподчинении, а во всем характере нашей программы

(и, разумеется, нашей деятельности). Именно то понимание политических задач, которое отождествляет (или хотя бы приравнивает) необходимость свободы с необходимостью повышения платы, *и выражает собой подчинение социал-демократии либералам.*

Конец 4-ого §-фа тоже не годится; критика его дана всем предыдущим.

§ 5 сводит наше общее отношение ко всей демократии вообще к одному сотрудничеству с другими партиями в практических делах. Это слишком узко. Будь на-лицо такие партии,— надо бы было (не в программе, а в особой резолюции съезда) точно назвать их, и точно определить отношение к соц.-рев., «Свободе» etc. Если же речь идет не об определенных партиях, а вообще об отношении к другим революционным *(и оппозиционным)* направлениям, то надо было формулировать это шире, повторив в той или иной форме положение Коммунистического Манифеста о поддержке нами всякого революционного движения против существующего строя.

§ 6-ой в программе не у места. Его надо было отнести в особую резолюцию и *прямо* сказать, что речь идет о разногласиях (или двух направлениях) в русской социал-демократии. Это — больше, чем «многочисленные недоразумения». Формулировка разногласий слишком узка, ибо разногласия *далеко не сводятся* к смешению класса и партии. Надо было решительнее и определеннее высказаться в соответствующем положении против «критики марксизма», «экономизма», сужения наших политических задач.

Что касается до второй части шестого §-фа, то так как она *поясняется* другими §-фами (7, 14 и др.), то критика ее дается критикой этих §-фов.

§ 7, как и все дальнейшие (кроме § 12), должен отойти в особую резолюцию, а не входить прямо в *программу.*

«Задачу» своей деятельности § 7 формулирует узко. Не только «развивать самосознание пролетариата» должны мы, а также и *организовывать* его в политическую партию,— а затем *руководить* его борьбой (и экономической и политической).

Указание, что пролетариат поставлен в «определенные, конкретные условия», излишне. Либо опустить это, либо *определить* самим эти условия (но это должно быть сделано в иных местах программы).

Неверно, что агитация есть «единственное» средство осуществления наших задач. Далеко не единственное.

Недостаточно определить агитацию, как «воздействие на широкие слои рабочих». Надо сказать о характере этого воздействия. Надо сказать о *политической* агитации прямее, решительнее, определеннее и подробнее: иначе программа, — умалчивающая о политической собственно агитации и говорящая в целых двух §-фах (14 и 15) об экономической агитации, — сби-

вается (против своей воли) на экономизм. Надо было особенно подчеркнуть необходимость агитации по поводу *всех* проявлений политического и экономического, бытового и национального гнета, *на какие бы классы или слои населения этот гнет ни падал*, — необходимость (для с.-д.) быть впереди всех при всяком столкновении с правительством и проч., — и затем уже указать на средства агитации (устная, газеты, листки, манифестации и проч. и т. п.).

§ 8. Начало — излишнее повторение.

«Признает пропаганду *лишь* постольку» и т. д. Это неверно. Пропаганда имеет не только это значение, не только «подготовка агитаторов», а и распространение сознания вообще. Программа чересчур перегибает лук в другую сторону. Если нужно было высказаться против пропаганды, чересчур отрываемой кем-либо от задач агитации, то лучше бы сказать: «при пропаганде следует *особенно* не упускать из виду задачи выработки агитаторов» или в этом роде. Но нельзя сводить *всю* пропаганду к выработке «опытных и умелых агитаторов», нельзя «отрицать» просто-на-просто «выработку только единичных сознательных рабочих». Мы находим это недостаточным, но мы не «отрицаем» этого. Поэтому вторую часть §-фа 8-ого (со слов: «относясь отрицательно») следует устранить совершенно.

§ 9. По существу вполне согласен. Может быть, добавить бы: «по поводу *самых* различных фактов общественной жизни и мероприятий правительства»...

Вместо «лучшим средством» точнее бы: «*одним* из лучших средств».

Только конец §-фа неудовлетворителен. Объединяют и должны объединять демонстрации и манифестации *не только* рабочих (да и *не*достаточно «объединения» манифестациями, раз мы хотим *и* организационно, непосредственно и на всегда, а не на одно событие, объединять)... «Развивая в них *этим самым*»... Это либо не точно: *одними* манифестациями сознания не разовьешь, либо излишне (сказано уже, что одно из лучших средств).

Добавить бы небесполезно о необходимости *организации* манифестаций, подготовки их, проведения и проч.

Вообще, отсутствие в программе всякого указания на необходимость обратить большое внимание на дело *революционной организации* и притом общерусской, боевой организации — составляет *большой пробел*. Раз уже говорить об агитации, пропаганде, стачках и проч., — то прямо непростительно умолчать *о революционной организации*.

§ 10. Следовало бы добавить, что у нас 1 мая должно стать и демонстрацией *против самодержавия*, требованием политической свободы. Недостаточно указать на интернациональное значение праздника. Надо соединить с ним и борьбу за самые насущные *национальные* политические требования.

§ 11. Мысль очень хороша. Но выражена слишком узко. Сказать бы, что ли, «между прочим», ибо и по поводу годовщины Коммуны и мн. др. необходимо организовать демонстрации. Или сказать «в особенности», а то выходит, будто по другим поводам не необходимо.

Далее, 19 февраля нельзя обращаться (в листках) *только* к рабочим. Не говоря уже о том, что вообще демонстрациями и листками по поводу них мы всегда обращаемся ко всему народу и даже ко всему миру, — 19-го-то февраля необходимо обращаться и к *крестьянству*. А обращаться к крестьянству — значит выработать социал-демократическую политику в аграрном вопросе. Программа не затрогивает этого вопроса, и мы вполне понимаем, что местная организация, может быть, не имеет времени или сил заняться им. Но хотя бы указать на него в той или иной форме, в связи с той или иной попыткой выдвинуть его в русской с.-д. литературе и в практике нашего движения *) следовало бы непременно.

Конец § 11-ого не годится («только сила *класса*» — какого? одного только рабочего?). Следовало бы устранить.

§ 12. «Всячески» мы не можем и не будем способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях. Напр., по-зубатовски способствовать не можем и даже при условии зубатовского развращения не будем способствовать. Мы боремся только за такое улучшение положения рабочих, которое *повышает* их способность вести классовую борьбу, т.-е. при котором улучшение условий *не соединяется* с развращением политического сознания, с опекой полиции, с прикреплением к месту, с порабощением «благодетелю», с унижением человеческого достоинства и проч. и проч. Именно в России, где самодержавие так склонно (и все более и более *становится* склонным) *откупаться* от революции разными подачками и лже-реформами, мы обязаны резко отграничить себя от всяких «реформаторов». Мы тоже боремся за реформы, но именно не «всячески», а *только* по-социал-демократически, только по-революционному боремся за реформы.

§ 13 опущен по решению съезда. Его и следовало опустить.

§ 14 слишком узко формулирует содержание и задачи экономической агитации. Она не исчерпывается стачками. «Лучшие условия» нам нужны не только для культурного, а именно — для революционного развития пролетариата. «Активная роль» с.-д. при стачках не исчерпывается возбуждением к борьбе *за улучшение экономического положения*. Стачками (как и экономической агитацией вообще) надо *всегда* пользоваться и для возбуждения

*) Например, попытки рабочих демонстраций по поводу порки крестьян и т. п.

к *революционной* борьбе за свободу и за социализм. Стачками надо пользоваться и для *политической* агитации.

§ 15 тоже очень неудовлетворителен. Стачки не «лучшее» средство борьбы, а лишь *одно* из средств, не всегда даже непременно из лучших средств. Надо признавать значение стачек и всегда пользоваться ими, и руководить ими, — но преувеличивать их тем более опасно, чем сильнее делал это экономизм.

То, что говорится дальше о стачках, излишне: сказано уже в § 14. Достаточно бы указания на руководство экономической борьбой вообще. Иногда это руководство выразится и в удержании от стачки. Программа выражается чересчур абсолютно и именно потому чересчур узко. Надо было сказать вообще о задаче — руководить экономической борьбой пролетариата, делать ее более организованной и сознательной, создавать профессиональные союзы рабочих и стараться расширять их в общерусские союзы, пользоваться всякой стачкой, всяким проявлением экономического гнета и проч. для самой широкой социалистической и революционной пропаганды и агитации.

Конец §-фа 15-ого *суживает* задачи этой агитации; как будто обусловливая применимость политической агитации выступлением полиции etc. На самом же деле надо стараться применять политическую агитацию (и при сколько-нибудь умелых руководителях это вполне возможно) и *до* выступления «архангелов» и *независимо* от их выступления. Сказать бы общее: «пользоваться всеми и всяческими поводами для политической агитации» и т. п.

Конец §-фа 15-го тоже неверен. О «всеобщих забастовках» нам тем менее приличествует говорить, чем меньше у нас в России возможности *подготовить* их. Да и вообще *специально* говорить в программах о «всеобщих» забастовках не резон (вспомните нелепую «всеобщую стачку» в брошюре «Кто совершит политическую революцию?» [29]). Возможны ведь и такие недоразумения). «*Лучшим* средством развития *сознания*» тоже объявлять стачки совершенно неправильно.

В общем и целом, — очень желательна была бы серьезная переработка программы. Желательно было бы и вообще, чтобы Северный Союз принял активное участие как в деле *партийного* объединения *революционной* социал-демократии, так и в деле выработки партийной программы. С своей стороны, редакция «Зари» и «Искры» в скором времени надеется сообщить Северному Союзу свой проект (в значительной части своей уже готовый) и надеется на участие Северного Союза в деле его исправления, распространения и подготовки к принятию всей партией.

Написано 6 апреле 1902 года.

Впервые напечатано в 1923 г., в Берлинской «Летописи Революции», № 1.

Печатается по рукописи.

ПОЧЕМУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ДОЛЖНА ОБЪЯВИТЬ РЕШИТЕЛЬНУЮ И БЕСПОЩАДНУЮ ВОЙНУ СОЦИАЛИСТАМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ?

1) Потому, что течение нашей общественной мысли, известное под именем «социалистски-революционного», на самом деле отодвигается и отодвинулось от единственной международной теории революционного социализма, которая только существует в настоящее время, т.-е. от марксизма. В великом расколе международной социал-демократии на оппортунистическую («бернштейнианскую» тож) и революционную это течение заняло совершенно-неопределенную и непозволительно-половинчатую позицию между двух стульев, признавши марксизм «поколебленным» («Вестник Русской Революции» № 2, с. 62) [30]) на основании одной только буржуазно-оппортунистической критики, обещая с своей стороны за-ново и по-своему «пересмотреть» марксизм и не делая ровно ничего для исполнения этого грозного обещания.

2) Потому, что с.-р. течение беспомощно пасует перед тем господствующим направлением русской общественно-политической мысли, которое должно быть названо либерально-народническим. Повторяя ошибку «Народной Воли» [31]) и всего старого русского социализма вообще, социалисты-революционеры не видят полной дряблости и внутренней противоречивости этого направления и ограничивают свое самостоятельное творчество в области русской революционной мысли простой приставкой революционной фразы к ветхому завету либерально-народнической мудрости. Русский марксизм впервые подорвал теоретические основы либерально-народнического направления, обнаружил его буржуазное и мелко-буржуазное классовое содержание, повел против него войну и ведет ее, не смущаясь переходом целой кучи критических (= оппортунистических) марксистов в лагерь противников. Но социалисты-революционеры занимали и занимают во всей этой войне позицию *(в лучшем случае)* враждебного нейтралитета, усаживаясь опять-таки между двух стульев посреди

русского марксизма (от которого они переняли только жалкие обрывки) и квази-социалистического либерально-народнического направления.

3) Потому, что социалисты-революционеры, в силу их указанной выше полной беспринципности в вопросах международного и русского социализма, не понимают или не признают единственного действительно-революционного принципа *классовой борьбы*. Они не понимают, что действительно революционной и истинно-социалистической может быть в современной России лишь партия, *сливающая* социализм с *русским рабочим движением*, которое все с большей силой и с все большей широтой порождается развивающимся русским капитализмом. Отношение социал-революционеров к русскому рабочему движению всегда было зрительски-дилетантское и когда, напр., это движение заболело (от поразительно быстрого роста) экономизмом, социал-революционеры с одной стороны злорадствовали по поводу ошибок людей, работавших над новым и трудным делом пробуждения рабочих масс, а с другой стороны, бросали палки под колеса революционного марксизма, поведшего и победоносно проведшего борьбу с этим экономизмом. Половинчатое отношение к рабочему движению неизбежно ведет к фактическому отстранению от него, и в силу этого отстранения партия социал-революционеров лишена всякого социального базиса. Она не опирается ни на один общественный класс, ибо нельзя назвать классом группы неустойчивой интеллигенции, которая называет «широтой» свою расплывчатость и беспринципность.

4) Потому, что, пренебрежительно относясь к социалистической идеологии и желая опереться за-одно и в равной мере и на интеллигенцию и на пролетариат и на крестьянство, партия социал-революционеров тем самым неизбежно (независимо от ее воли) ведет к политическому и идейному порабощению русского пролетариата русскою буржуазною демократией. Пренебрежительное отношение к теории, уклончивость и виляние по отношению к социалистической идеологии неминуемо играет на руку идеологии буржуазной. Русская интеллигенция и русское крестьянство, как социальные слои, *сопоставляемые* с пролетариатом, могут быть опорой только *буржуазно-демократического* движения. Это не только соображение, обязательно вытекающее из всего нашего учения (по которому, напр., мелкий производитель лишь постольку является революционным, поскольку он порывает все счеты с обществом товарного хозяйства и капитализма и переходит на точку зрения пролетариата), — нет, это кроме того и прямой факт, начинающий сказываться уже теперь. А в момент политического переворота и на другой день после этого переворота этот факт неизбежно скажется еще с гораздо большею силой. Социал-революционаризм есть одно из тех

проявлений мелко-буржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну.

5) Потому, что уже те практически-программные требования, которые соц.-рев. успели — не скажу: выставить, а хотя бы: наметить, обнаружили уже с полной ясностью, какой громадный вред приносит на практике беспринципность этого направления. Например, аграрная программа-минимум, набросанная в № 8 «Революционной России» (может быть, вернее было бы сказать: разбросанная среди избитых посылок нашего народничества?) во первых, вводит в заблуждение и крестьянство, обещая ему «минимум» — социализацию земли, и рабочий класс, поселяя в нем совершенно неверные представления о действительном характере крестьянского движения [32]). Такие легкомысленные обещания только компрометируют революционную партию вообще и в частности учение научного социализма об обобществлении всех средств производства, как нашей конечной цели. Во-вторых, ставя в свою программу-минимум поддержку и развитие коопераций, социалисты-революционеры совершенно сходят тем самым с почвы революционной борьбы и принижают свой якобы социализм до уровня самого дюжинного мелкобуржуазного реформаторства. В третьих, восставши против требования социал-демократии уничтожить все средневековые путы, связывающие нашу общину, прикрепляющие мужика к наделу, лишающие его свободы передвижения и неизбежно обусловливающие его сословную приниженность, социалисты-революционеры показали этим, что они не смогли даже уберечь себя от *реакционных* учений русского народничества.

6) Потому, что ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы в современной его форме, социалисты-революционеры приносят этим (самый) серьезный вред движению, разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса. Никакие словесные уверения и заклятья не могут опровергнуть того несомненного факта, что современный террор, как его применяют и проповедуют социалисты-революционеры, *ни в какой связи* с работой в массах, для масс и совместно с массами *не стоит,* что партийная организация террористических актов отвлекает наши крайне немногочисленные организаторские силы от их трудной и далеко еще не выполненной задачи организации революционной *рабочей* партии, что *на деле* террор социалистов-революционеров является ничем иным, как *единоборством,* всецело осужденным опытом истории. Даже иностранные социалисты начинают смущаться той крикливой проповедью террора, которую ведут теперь наши социалисты-революционеры. В русских же рабочих массах эта проповедь прямо сеет вредные иллюзии, будто террор «заставляет

людей политически мыслить хотя бы против их воли» («Революционная Россия», № 7, с. 4), будто он, «вернее, чем месяцы словесной пропаганды способен переменить взгляд... тысяч людей на революционеров и на смысл (!!) их деятельности», будто он способен «вдохнуть новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций», (там же) и т. п. [83]). Эти вредные иллюзии могут привести только к быстрому разочарованию и к ослаблению работы по подготовке натиска масс на самодержавие.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Прожектор», № 14.

Печатается по рукописи.

ДВА ПИСЬМА И. И. РАДЧЕНКО [34]).

I.

Дорогой друг! Прежде всего от всей души поздравлю Вас (и ваших друзей) с громадным успехом: приступом к реорганизации местного комитета. Это дело может стать поворотным пунктом во *всем* нашем движении, и поэтому довести эту реорганизацию *до конца* — самая важная и самая настоятельная задача. Берегите себя сугубо, чтобы успеть ее выполнить.

Перейду к делу. Вы просите помочь Вам конкретным наброском плана местной работы в связи с общей Российской. Чтобы исполнить Вашу просьбу немедленно, я пишу Вам пока единолично (чтобы не затягивать дела сношениями с другими членами редакции, разбросанными теперь в разных концах; может быть впоследствии они еще и сами припишут Вам что нибудь). Не вполне уверен, правильно ли я понимаю Ваш запрос. Мои источники сейчас: Ваше письмо от 2/VI и письмо 2а 3б о двух свиданиях (Вас, 2а 3б и Красикова) с Ваней (Петербургским Союзом). Судя по этим источникам (особенно по второму) Ваня «оказался теперь нашим единомышленником, откровенно признающим недостатки его прежней позиции». Исходя из этого я и буду писать дальше, обращаясь и к Вам и к Ване и предоставлю на полное Ваше усмотрение, передать ли сейчас мое письмо Ване (и Мане = рабочей организации) или позже, передать ли целиком или с некоторыми исправлениями, которые в случае необходимости я тоже предоставляю Вам сделать (известив нас о всех этих исправлениях, по возможности, конечно).

Если говорить строго, то я не могу, конечно, дать Вам сейчас «конкретного наброска плана местной работы в связи с общей Российской»: эта задача неисполнима для меня без *ряда* детальных совещаний с Ваней и с Маней. Все, что я могу дать, это набросок того, какие практические шаги должны быть немедленно и прежде всего сделаны Ваней, раз он стал новым Ваней или хочет de facto стать таковым. И мне кажется, что шаги, намеченные Вами всеми на 2-ом свидании с Ваней (и описанные

в письме 2а 36), вполне правильны. Совершенно согласен, что «первое дело — открыто заявить себя сторонником известных взглядов». Это именно первое дело и это можно сделать только *открытым* заявлением. Я хорошо знаю, что у большинства или у многих товарищей Вани (т.-е. Комитетов и их членов) есть сильное предубеждение против таких открытых заявлений или по крайней мере непривычка к ним. Эта черта вполне понятная с точки зрения пройденной уже стадии движения и отвергнутых уже ошибок. Но именно потому, что Ваня занимает такую важную позицию, именно потому, что он в прежнее время открыто заявлял свои старые, решительно расходившиеся с «искренскими», взгляды, — именно поэтому я особенно горячо советовал бы товарищам (= Ване) побороть в себе эту непривычку и предубеждение. Наша местная работа до сих пор больше всего страдала от узости и оторванности, от нежелания местных деятелей браться *активно* и решительно за разработку общих вопросов партии. Пусть же Ваня, переходя в сторонники революционной социал-демократии, сразу порвет с этой традицией и во *всеуслышание* заявит, что его основные *теоретические взгляды* и *организационные идеи таковы* и что он берется теперь сам за осуществление этих идей, приглашая к тому и все остальные комитеты. Это заявление будет иметь громадное значение и для Вани и для всей России, оно будет уже само по себе крупным *делом*. Не надо бояться обидеть старых друзей Вани, державшихся иных взглядов: всякая тень обиды будет отнята здесь именно тем, что Ваня *сам* открыто и откровенно признает, что обстоятельства и опыт убедили его в неправильности прежних, связанных так или иначе с экономизмом теоретических взглядов, тактических принципов и организационных планов. Тут не будет и тени нападения на эти старые взгляды, а простое признание *своей* эволюции. Откровенная прямота этого признания окажет вдесятеро большее влияние на *фактическое* объединение всех русских социал-демократов и на полное прекращение «полемики» между ними, чем сотня протестов против «полемики».

Итак, прежде всего и больше всего: открытое печатное заявление (в местном листке или в «Искре», всего лучше и там и здесь). Этого шага абсолютно ни на неделю откладывать не следует, ибо *без него* все остальные шаги *легко могут* оказаться безрезультатными (провал и т. п.), а *при нем* сразу закрепляется новый путь.

Что должно бы стоять в этом заявлении? Если бы Ваня спросил у меня об этом товарищеского совета *(но не раньше конечно, чем он спросил бы меня)*, то я бы ответил: 1) признание своего отказа от старых воззрений (теоретических, тактических, организационных) с самой общей (по возможности в 1—2 словах) характеристикой этих воззрений. 2) Признание

перехода в число сторонников «Искры», ее теоретических, тактических и организационных взглядов, признание ее *руководящим* органом (NB: руководящий вовсе не означает, чтобы с ним обязательно во всем были согласны. Это означает именно лишь солидарность с *руководящими* принципами такого-то органа. Это признание *вполне совместимо* с указанием на частные разногласия, буде они есть, и с указанием на то, что я желаю таких-то перемен и я, теперешний сторонник «Искры», буду *проводить* их, добиваться в ней, в «Искре», этих перемен). 3) Выставление на первый план объединения, вернее *восстановления* фактического, единой общерусской социал-демократической рабочей партии *при помощи* совместной работы, которая должна начаться с группировки вокруг «Искры» для превращения ее в орудие действительно общенародной агитации и которая (работа) должна вести к созданию боевой общерусской организации, способной произвести решительный натиск на самодержавие. 4) Признание (уже сделанное, но еще не опубликованное Ваней) необходимости переорганизовать конституцию и функционирование Вани с Маней (их отношений и т. п.), провозглашение (так сказать) пересмотра конституции. 5) Признание необходимости теснее сблизиться *и слиться* с русской организацией «Искры» для осуществления задач, которые отныне общи у Вани и у этой организации. 6) Отряжение одного или нескольких (может быть от Вани и от Мани и т. п.) членов Петербургского Комитета на функцию немедленного приступа к практическому осуществлению вышесказанного, т.-е. к *слиянию* с «Искрой» и к *объединению* партии *).

Конечно, из этих 6-ти отделов 6-ой безусловно не может быть опубликован, а также может быть и еще другие пункты. Заявление могло бы ставить точки и прямо оговаривать, что такие-то (или «дальнейшие») пункты по конспиративным причинам опубликованию не подлежат. Но повторяю: если Ваня действительно стал нашим сторонником, он не должен откладывать этого заявления *ни на неделю*.

Вот на этом совещании делегатов Петербургского Комитета с Соней (русской организацией «Искры») и с редакцией «Искры» (заграницей) и выработается уже настоящий конкретный план не только переделки Питерской работы, но и прямого объединения партии, конституирования Организационного Комитета по подготовке 2-го партийного съезда и т. п. и т. д. и т. д.

Далее, на Вашем втором совещании было намечено «перед выполнением упомянутого проекта (посылки делегатов заграницу в июле) предварительное ознакомление с положением дел в раз-

*) Это (§ 6) тоже решено уже *de facto* на втором Вашем совещании: посылка заграницу, чтобы окончательно сговориться.

ных местностях нашего обширного отечества, дабы иметь базис для суждений на съезде». Вот это решение я (скажу откровенно) считаю ошибкой и советовал бы отказаться от него. Это значит затягивать дело и гнаться за двумя зайцами. Поймаемте сначала первого: столкуемся (мы с Ваней) сами. *Это будет уже равносильно* полной солидарности Вани с Соней. А при этой солидарности *дальнейшая* практическая задача (объезда России) исполнена будет Ваней ∓ Соней (+ или =?) совсем легко. Но сейчас разбрасываться не резон: сначала (1) окончательно *убедим* Ваню и Маню, потом (2) *заявим* во всеуслышание о своем штандпункте *), далее (3) столкуемся немедленно с «Искрой» (заграницей, где у «Искры» уже есть целый архив данных по вопросу о положении дел в разных местах обширного отечества: не пренебрегайте этим архивом, товарищи!), и (4) с Соней, а тогда уже (5) объезд России с прямой практической целью *фактического* объединения работы (и созыва общепартийного съезда).

Вот Вам, если хотите, и «конкретный набросок плана» ближайших практических задач. Если § 2 представит затруднения, — можно на первое место выдвинуть § 3 (это будет, конечно, некоторой оттяжкой, но при известных условиях неизбежной оттяжкой). Но настоять и на 2 и на 3 надо во что бы то ни стало. Крайне важно при этом, чтобы едущие сюда члены Вани были снабжены возможно более широкими полномочиями, чтобы по возможности их было 2, а не 1 (хотя это уже зависит всецело от местных условий и это вам гораздо виднее).

На этом, кажется, можно и закончить. Напишите, пожалуйста, поскорее Ваше мнение: верно ли я понял Ваш вопрос? осуществим ли мой — «конкретный план»? и т. д. Я побаиваюсь, что дела еще не так хороши, что Ваня еще не полный сторонник. Особенно подозрительно, что Мане до сих пор не давали «Что делать?»**) Хорошо бы Вам повторить совещание с Ваней in pleno (т.-е. в *полном* составе Петербургского Комитета): это бы крайне важно для *выяснения в точности* того, есть ли противники, какие именно, каковы их главные пункты. Точно также важно бы и непосредственное Ваше свидание с Маней. Поездку Вани (а хорошо бы и Мани!) сюда ускоряйте *как только можно и во что бы то ни стало* (ехать *прямо* в Лондон: дать им адрес *непременно Лондонский* и бельгийский Мещерякова в придачу на случай). Если вы этого добьетесь, это будет уже громадный успех, гарантирующий плоды Ваших работ даже при Вашем полном провале сейчас. И не забывайте, что такой провал очень возможен и что поэтому заручиться поскорее *реаль-*

*) — точка зрения. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 359. *Ред.*

ным первым шагом (заявление, поездка) обязательно без малейшего промедления.

Если Ваня *на деле* станет *нашим* вполне, тогда мы через несколько месяцев проведем второй съезд партии и превратим «Искру» в 2-х недельный, а то и недельный орган партии. Старайтесь убедить Ваню, что от *местной* работы мы и не думаем отвлекать, что Питер — такая «местность», которая имеет и *непосредственно* общерусское значение, что слияние Вани с Соней громадно усилит местную работу и в то же время сразу выведет всю партию из состояния полупризрачного на степень не только реальности, но и первостепенной силы

Жму крепко руку. Ваш Ленин.

Написано 16 (3) июля 1902 г.
Публикуется впервые.

Печатается по рукописи.

II.

Дорогой друг! Полученное недавно нами сообщение Ваше о выпуске Ваниных друзей—«союзников» (сторонников «Рабочего Дела») вызывает у нас опять ряд сомнений. Устоит ли теперь Ваня? Поставьте ему во всяком случае вопрос ребром, добейтесь прямого ответа, в случае ответа отрицательного пристыдите в самых решительных выражениях и, во всяком случае, сообщите немедленно нам, как стоят дела. Если Ваня опять ушел (или хотя бы уходит) из наших рук, то тем более необходимо Вам направить утроенные усилия на Маню: если можно, прямо на нее; если нельзя, то через посредство Ваших новых приятелей, о беседе с которыми Вы нам так подробно и так интересно писали.

Своей задачей (в случае хотя бы *самомалейшей* ненадежности или уклончивости Вани) Вы должны поставить подготовку войны питерских искряков против остатков экономизма. Об этой войне им, конечно, нечего говорить, но готовить ее надо всеми силами и, по возможности, на оба фланга. Т.-е. во-первых, старайтесь сохранить завязанные раз личные отношения с нашими друзьями в интеллигентской половине Вани, старайтесь видать их, влиять на них, стыдить их, видать их молодежь, подготовлять отпадение искряков от людей половинчатых. Второй фланг гораздо более важный—рабочие. Ваш кружок—превосходная почва, и Вы должны прежде всего добиться того, чтобы этот кружок развил, осознал и оформил свою вражду к Ване. Постарайтесь дать этому кружку «Что делать?» и добиться (это очень не трудно, судя по Вашему письму) *полнейшей* солидарности, причем особенно и сугубо подчеркивайте, что «Что делать?» направлено именно и главным образом против «питерского» типа людей. Ставьте точки над і в беседах с ними, ссылайтесь постоянно на Ваню как на образец худа, образец того, чего не надо делать. Я охотно готов помочь Вам в этом всем, чем могу,—например, рядом писем к кружку. Пусть этот кружок станет сначала сознательно и вполне искренским, сознательно и *безусловно* враждебным всей старой «питерщине», и «Рабочей Мысли» и «Рабочему Делу» и всякой половинчатости. *Тогда (но только тогда)* мы сделаем вот что: то заявление, которое Вы советовали сделать Ване и о котором я Вам писал подробно, это заявление, в несколько видоизмененном виде, конечно, сделает кружок, он поднимет «знамя восстания» против экономистов Вани и объявит прямой поход с целью завоевать на свою сторону всю Маню.

Я ни минуты не сомневаюсь, что этот поход кончится быстрой и полной победой, и главной трудностью считаю не этот поход, а именно то, чтобы довести людей до прямого похода, чтобы не сбиться опять на компромиссы с Ваней, на уступочки ему, на оттяжки и т. п. Никаких *абсолютно* компромиссов, *беспощадная* война против малейших остатков экономизма и кустарничества — вот что, по моему, Вы должны себе поставить задачей в кружке. Лучше потерять на подготовку $^1/_4$ года, $^1/_2$ года и больше, но добиться создания *боевого* искрянского кружка, чем соединять не вполне законченных людей с дипломатами и кунктаторами Вани.

Пользуйтесь тем, что по отношению к кружку у Вас руки свободны, и гните свою линию решительно, не подпуская на выстрел людей не вполне своих.

Если Вы поведете дело так,—Вы будете независимы от шатаний и колебаний Вани, у Вас будет *своя* точка опоры. И если нужда заставит Вас иногда политиканить с Ваней, то с кружком-то Вы абсолютно ни малейшего политиканства не ведите, а держите там себя всегда *непримиримо* против Вани. Ваша тактика тогда будет просто: подходит Ваня к нам, Вы его гладите по головке, но крепко держите камень за пазухой, т.-е. не скрываете от него, что этого мало, что надо совсем подойти и войти, и что Вы малым не удовлетворитесь. Отходит Ваня,— Вы не спускаете ему ни единой ошибки, ни единого промаха. *Ловить* Ваню на всяком промахе и беспощадно предавать их обличению и поруганию в кружке (а по мере возможности иногда и в «Искре»)—должно быть одной из Ваших главных задач.

Одним словом, неуклонно держитесь с Ваней принципа: я хочу с тобой мира и для этого я всеми силами готовлю против тебя войну.

В заключение — один практический совет. Ваня по натуре дипломат и буквоед. Он поднял теперь вопрос о переделке конуры и очень вероятно, что под благовидным прикрытием этого «пересмотра конституции» он будет тянуть дело, сочинять тысячи компромиссов и проч. Не давайте же себя поймать на эту удочку. Высмеивайте безжалостно любовь к сочинению уставов. Не в уставах дело, и кто думает, что, исходя из таких то тактических и организационных идей, можно образцовый устав написать,—тот ровно ничего не понимает и того надо до конца *травить* за это непонимание. Если Ваня воображает, что вот они всесторонне обсудят новый устав, переделают 40 § из 50 и потом «честным пирком да за свадебку», т.-е. что потом уже по новому уставу и работа пойдет новая,— если он (как видно по всему) это воображает, то значит он только на словах отбросил старые предрассудки, а на деле хранит еще сотни глупых идей, с коими нужна битва да битва. Нападайте на буквоедство

и формалистику и доказывайте, что дело не в уставах, а в том 1) чтобы сойтись во взглядах, *продумав* их *до конца* и 2) чтобы *спеться* на *самой* практической работе.

Стоя на этой точке зрения, мы плюем на Вашу (Вашину) игру в уставы и заявляем прямо: кто мы такие, чего хотим и как работаем, Вы знаете и должны узнать не только из литературы, но и из личных свиданий в России и заграницей (такие свидания неизбежны в революционном деле). Не хотите идти рука об руку с нами, — так заявляйте прямо, не виляйте, и помните, что мы против всякого виляния будем воевать «по военному». Не думайте, что Вы прикроете от нас свое виляние пересмотрами уставов и т. п. А хотите идти вместе, так беритесь *тотчас* за работу, и тогда Вы увидите, что самая эта работа в связи с общерусской газетой, над ней и на базисе ее, сама эта работа покажет, какие нужны новые формы и покажет вероятно (даже несомненно), что при настоящем, живом деле эти формы намечаются сами собой без всяких уставов. И когда мы будем сильны, мы будем устраивать четыре раза в год русские и два — заграничные — (или обратно — смотря по обстоятельствам) — свидания и конференции, а всякие уставы будем определять на этих конференциях (проще говоря: всякие уставы пошлем к чорту).

Жму крепко руку и с нетерпением жду ответа: попадают ли мои письма в точку, т.-е. дают ли Вам то, что надо.

Ваш Ленин.

Написано 22 (9) июля 1902 г.
Публикуется впервые.

Печатается по рукописи.

РОССІЙСКАЯ С. Д. РАБ. ПАРТІЯ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ авантюризмъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ №№23,24 „Искры“).

Типографія „Искры“ 1902 г.

Титульный лист брошюры В. И. Ленина: «Революционный авантюризм» 1902 г.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ [35]).

I.

Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны. Революционное движение продолжает расти с поразительной быстротой, — и «наши направления» дозревают (и отцветают) необычайно быстро. Направления, имеющие солидные основания в классовом строе такой быстро развивающейся капиталистической страны, как Россия, находят почти сразу «свою полочку» и нащупывают родственные им классы. Пример: эволюция г-на Струве, с которого революционеры-рабочие всего $1^1/_2$ года тому назад предлагали «сорвать маску» марксиста и который уже теперь выступил без маски сам, как вождь (или прислужник?) либеральных помещиков, гордых своей почвенностью и трезвенностью. Наоборот, направления, выражающие только традиционную неустойчивость воззрения промежуточных и неопределенных слоев интеллигенции, стараются заменить сближение с определенными классами тем более шумным выступлением, чем громче гремят события. «Шумим, братец, шумим» — таков лозунг многих революционно настроенных личностей, увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев.

К таким «шумным» направлениям принадлежат и «социалисты-революционеры», физиономия которых вырисовывается все яснее и яснее. И пора уже пролетариату внимательно присмотреться к этой физиономии, отдать себе точный отчет в том, что представляют из себя в действительности люди, которые тем настойчивее ищут его дружбы, чем ощутительнее становится для них невозможность существовать, как особому направлению, без тесного сближения с действительно революционным общественным классом.

Троякого рода обстоятельства всего более посодействовали выяснению настоящей физиономии соц.-революционеров. Это, во-первых, раскол между революционной соц.-демократией и оппортунизмом, поднимающим голову под знаменем «критики марксизма». Это, во-вторых, убийство Балмашевым Сипягина и новый поворот к террору в настроении некоторых революционеров. Это, в-третьих и главным образом, новейшее движение в крестьянстве, заставившее людей, привыкших сидеть между двух стульев и не имеющих никакой программы, выступить *post factum* *) хоть с чем-нибудь похожим на программу. Рассмотрим все эти три обстоятельства, оговариваясь, что в газетной статье можно только вкратце наметить основные пункты аргументации и что к более подробному ее изложению нам еще придется, вероятно, вернуться в журнальной статье или брошюре [36]).

С принципиально теоретическим заявлением соц.-революционеры собрались выступить только во 2-м № «Вест. Русск. Рев.» в редакционной неподписанной статье: «Мировой рост и кризис социализма». Мы усердно рекомендуем эту статью всем тем, кто хочет иметь наглядное представление о полнейшей теоретической беспринципности и шаткости (а также об искусстве прикрывать таковую потоком слов). Все содержание этой высоко-замечательной статьи может быть передано в двух словах. Социализм вырос в мировую силу, социализм (=марксизм) раскалывается теперь вследствие войны революционеров («ортодоксов») с оппортунистами («критиками»). Мы, соц.-революц., «конечно», не сочувствовали никогда оппортунизму, но мы скачем и играем по поводу «критики», освободившей нас от догмы, мы тоже беремся за пересмотр этой догмы, — и, хотя мы еще ровно никакой (кроме буржуазно-оппортунистической) критики не показали, хотя мы ровно ничего еще не пересмотрели, но эта наша свобода от теории и должна быть вменена нам в нарочитую заслугу. Тем более должна быть вменена в заслугу, что в качестве свободных от теории людей мы яро стоим за всеобщее объединение, мы горячо осуждаем всякие принципиально-теоретические споры. «Серьезная революционная организация, — преcерьезно уверяет нас «В. Р. Р.» (№ 2, стр. 127), — отказалась бы от решения вечно разъединяющих спорных вопросов социальной теории, что, конечно, не должно мешать теоретикам искать их решения» [37]), — или, прямее: писатель пусть пописывает, читатель — почитывает, а мы, пока суд да дело, возрадуемся по случаю освобожденного пустого места.

Серьезно разбирать эту теорию уклонения (по случаю собственно споров) от социализма, разумеется, не доводится. По нашему мнению, кризис социализма обязывает сколько-нибудь

*) — после события. *Ред.*

серьезных социалистов именно к тому, чтобы обратить усиленное внимание на теорию, — решительнее занять строго определенную позицию, резче отмежеваться от шатких и ненадежных элементов. По мнению же соц.-рев., раз существует «даже у немцев» раскол да разброд, так нам, россиянам, и сам бог велел гордиться тем, что мы сами не знаем, куда бредем. По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах. По мнению же соц.-рев., отсутствие теории — весьма хорошая вещь, особливо удобная «для объединения». Как видите, нам и им не столковаться, ибо и говорим-то мы на разных языках. Одна надежда: не образумит ли их г. Струве, который тоже (только посерьезнее) говорит об устранении догмы и о том, что «наше» дело (как и дело всякой буржуазии, обращающейся к пролетариату) не разъединить, а объединить. Не увидят ли когда-нибудь соц.-рев., при помощи г. Струве, какое *действительное значение* имеет их позиция освобождения от социализма для объединения и объединения по случаю освобождения от социализма?

Перейдем к второму пункту, к вопросу о терроре.

Защищая террор, непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения, соц.-рев. из кожи лезут, заявляя, что они признают лишь террор вместе с работой в массах, и что поэтому те доводы, которыми русские соц.-демократы опровергали (и на долгое время опровергли) целесообразность такого приема борьбы, к ним не относятся. Тут повторяется история, очень похожая на их отношение к «критике». Мы не оппортунисты, — кричат соц.-рев., и в то же время сдают в архив догму пролетарского социализма на основании одной только оппортунистической и никакой иной критики. Мы не повторяем ошибки террористов, мы не отвлекаем от работы в массах, — уверяют соц.-рев., и в то же время усердно рекомендуют партии такие акты, как убийство Балмашевым Сипягина, хотя всякий прекрасно знает и видит, что ни в какой связи с массами этот акт не стоял и, по способу его совершения, не мог стоять, — что ни на какое определенное выступление или поддержку толпы совершавшие этот акт лица и не рассчитывали и не надеялись. Соц.-рев. наивно не замечают того, что их склонность к террору связана самой тесной причинной связью с тем фактом, что они с самого начала стали и продолжают стоять в стороне от рабочего движения, не стремясь даже сделаться партией ведущего свою классовую борьбу революционного класса. Усердная божба очень часто заставляет насторожиться и заподозрить правдивость того, что нуждается в крепкой приправе. И мне часто вспоминаются слова: как божиться-то не лень? — когда я читаю уверения соц.-рев.: мы не отодвигаем террором работы в массах. Ведь

это уверяют те самые люди, которые уже отодвинулись от соц.-демократического рабочего движения, действительно поднимающего массы, и которые продолжают отодвигаться от него, хватаясь за обрывки каких-угодно теорий.

Прекрасной иллюстрацией сказанного может служить прокламация 3-го апр. 1902 г., изданная «партией соц.-рев.». Это — самый живой, близкий к непосредственным деятелям, самый аутентичный источник. «Постановка вопроса о террористической борьбе» в этой прокламации «целиком совпадает» и «с партийным воззрением», по ценному свидетельству «Рев. России» (№ 7, стр. 24)[38]) *).

Прокламация 3-го апр. замечательно аккуратно копирует шаблон «новейшей» аргументации террористов. Вам всего прежде бросаются в глаза слова: «мы зовем к террору не вместо работы в массах, а именно для этой самой работы и одновременно с нею». Бросаются же они в глаза потому, что набраны шрифтом втрое более крупных размеров, чем остальной текст (прием, повторяемый, конечно, и «Рев. Россией»). Это ведь так просто, в самом деле! Напечатать жирным шрифтом «не вместо, а вместе» — и все доводы соц.-демократов, весь урок истории сразу отпадает. А попробуйте-ка прочитать всю прокламацию и вы увидите, что божба жирного шрифта всуе приемлет имя масс.— То время, «когда выйдет из тьмы рабочий народ» и «мощной народной волной в куски разобьет железные ворота» — «увы!» (буквально так: увы!) «еще не так скоро наступит, и страшно подумать, сколько при этом будет жертв!» Разве эти слова: «увы, еще не скоро» не выражают собой полного непонимания массового движения и неверия в него? Разве не выдуман нарочно этот довод в насмешку над тем фактом, что рабочий народ уже поднимается? И, наконец, если бы даже этот избитый довод был так же основателен, как он на самом деле вздорен, — то из него вытекала бы особенно рельефно негодность террора, ибо *без* рабочего народа бессильны, заведомо бессильны всякие бомбы.

Слушайте дальше: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу (!) перебрасывает (!) на сторону борцов за свободу». «И раз террор

*) Правда, «Рев. Росс.» и по этому пункту проделывает какую-то эквилибристику. С одной стороны,— «целиком совпадает», с другой — намек на «преувеличения». С одной стороны, «Рев. Росс.» заявляет, что эта прокламация дело лишь «одной группы» соц.-рев. С другой стороны, мы имеем тот *факт,* что на прокламации стоит подпись: «издание *партии* с.-рев.» и, кроме того, повторен эпиграф той же «Рев. Росс.» («в борьбе обретешь ты право свое»). Мы понимаем, что «Рев. Росс.» неприятно касаться этого щекотливого пункта, но мы думаем, что играть в прятки в подобных случаях прямо неприлично. Революционной социал-демократии тоже неприятно было существование экономизма, но она открыто разоблачала его, не пытаясь никого и никогда вводить в заблуждение.

будет проведен систематически (!), то очевидно, что наша чаша весов наконец перевесит». Да, да, для всякого очевидно, что перед нами в самой грубой форме величайший из предрассудков терроризма: политическое убийство само собой «перебрасывает силу»! Вот вам, с одной стороны, теория перебрасывания силы, а с другой — «не вместо, а вместе»... Как божиться-то не лень?

Но это еще цветочки. Ягодки впереди будут. «В кого бить?» спрашивает партия соц.-рев. и отвечает: в министров, а не в царя, ибо «царь не доведет дело до крайности» (!! откуда это они узнали??), да притом же «это и легче» (буквально так!): «никакой министр не может засесть во дворце, как в крепости». И эта аргументация заканчивается следующим рассуждением, которое заслуживает быть увековеченным, как образец «теории» соц.-рев. «Против войны у самодержавия есть солдаты, против революционных организаций — тайная и явная полиция, но что спасет его...» (кого его? самодержавие? автор незаметно для себя отождествил уже самодержавие с тем министром, в которого бить легче!)... «от отдельных личностей или небольших кружков, беспрерывно, неизвестно даже друг от друга (!!) готовящихся к нападению и нападающих? Никакая сила не поможет против неуловимости. Значит, наша задача ясна: смещать всякого властного насильника самодержавия единственным способом, который оставило (!) нам самодержавие, — смертью». Какие бы горы бумаги ни исписали соц.-рев., уверяя, что они своей проповедью террора не отодвигают, не дезорганизуют работы в массах,— им не опровергнуть потоками слов того факта, что действительная психология современного террориста верно передается именно цитируемой прокламацией. Теория перебрасывания силы естественно дополняется теорией неуловимости, теорией, окончательно переворачивающей вверх дном не только весь опыт прошлого, но и всякий здравый смысл. Что единственная «надежда» революции есть «толпа», что бороться с полицией может единственно революционная организация, руководящая (на деле, а не на словах) этой толпой, это — азбука. Это стыдно доказывать. И только люди, которые все позабыли и ровно ничему не научились, могли решить «наоборот», договорившись до баснословной, вопиющей нелепости, что «спасти» самодержавие от толпы могут солдаты, от революционных организаций — полиция, а от отдельных личностей, охотящихся на министров, *не спасет ничто!!*

Это баснословное рассуждение, которому, мы уверены, суждено сделаться знаменитым, вовсе не простой только курьез. Нет, оно поучительно тем, что смелым доведением до абсурда разоблачает основную ошибку террористов, общую им с экономистами (может быть надо уже сказать: с бывшими представителями покойного экономизма?). Эта ошибка состоит, как мы

уже много раз указывали, в *непонимании* основного недостатка нашего движения. Благодаря необычайно быстрому росту движения, руководители отстали от массы, революционные организации оказались недоросшими до революционной активности пролетариата, неспособными идти впереди и руководить массами. Что такого рода несоответствие существует, в этом не усомнится ни один добросовестный человек, сколько-нибудь знакомый с движением. А раз это так, то очевидно, что теперешние террористы являются настоящими экономистами наизнанку, впадая в столь же неумную, но противоположную крайность. В такое время, когда революционерам *не достает* сил и средств для руководства поднимающейся уже массой, звать к такому террору, как устройство отдельными личностями и неизвестными друг другу кружками покушений против министров, — это значит *тем самым* не только обрывать работу в массах, но и вносить в нее прямую дезорганизацию. — Мы, революционеры, «привыкли робко жаться в кучу — читаем мы в прокламации 3-го апреля — и даже (NB) тот новый, смелый дух, который повеял в последние 2 — 3 года, создал пока более подъем настроения толпы, чем личностей». В этих словах много нечаянно сказанной правды. И именно эта правда наголову разбивает проповедников терроризма. Из этой правды всякий думающий социалист делает вывод: надо энергичнее, смелее и стройнее действовать кучей. А соц.-рев. умозаключает: «стреляй, неуловимая личность, ибо куча, увы, еще не скоро, да и солдаты против кучи есть». Совсем уже это неразумно, господа!

Не обходится прокламация и без теории эксцитативного террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что *только* новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит *во всех* дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются *поединками* Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредственно ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего *поединка*. Нас уверяют далее, что «каждая молния террора просвещает ум», чего мы, к сожалению, не заметили на проповедующей террор партии соц.-рев. Нам преподносят теорию крупной и мелкой работы: «У кого больше сил, больше возможности и решимости, тот пусть не успокаивается на мелкой (!) работе; пусть ищет и отдается крупному делу, — пропаганде террора в массах (!), подготовлению сложных... (теория неуловимости уже забыта!)... террористических предприятий». Не правда ли, как это удивительно умно: отдать жизнь революционера за месть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве — это крупная работа. А готовить, *напр.*,

массу к вооруженной демонстрации — мелкая. Вот «Рев. Россия» в № 8 как раз поясняет это, заявляя, что о вооруженных демонстрациях «легко писать и говорить, как о деле неопределенно далекого будущего», «но все эти разговоры имели до сих пор лишь теоретический характер»[39]. Как хорошо знаком нам этот язык людей, свободных от стеснительности твердых социалистических убеждений, от обременительного опыта всех и всяких народных движений! Непосредственную осязательность и сенсационность результатов они смешивают с практичностью. Требование неуклонно стоять на классовой точке зрения и блюсти массовой характер движения является для них «неопределенным» «теоретизированием». Определенностью в их глазах является рабское следование за каждым поворотом настроения и... и неизбежная в силу этого беспомощность при каждом повороте. Начинаются демонстрации — и от таких людей льются кровавые фразы, толки о начале конца. Остановка демонстраций — опускаются руки, и, не успев износить сапог, мы уже кричим: «народ, увы, еще не скоро»... Новая гнусность царских насильников — и мы требуем, чтобы нам указали такое «определенное» средство, которое бы служило исчерпывающим *ответом* именно на это насилие, такое средство, которое бы давало немедленное «перебрасывание силы», и мы гордо обещаем это перебрасывание! Такие люди не понимают того, что одно уже это обещание «перебрасыванья» силы является политическим авантюризмом, и что их авантюризм зависит от их беспринципности.

Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она *на деле* руководит движением революционного класса. Мы должны помнить, что всякое народное движение принимает бесконечно разнообразные формы, постоянно вырабатывая новые, отбрасывая старые, создавая видоизменения или новые комбинации старых и новых форм. И наш долг активно участвовать в этом процессе выработки приемов и средств борьбы. Когда обострилось студенческое движение, мы стали звать рабочего на помощь студенту («Искра» № 2) *), не берясь предсказывать формы демонстраций, не обещая от них ни немедленного перебрасывания силы, ни просвещения ума, ни особой неуловимости. Когда упрочились демонстрации, мы стали звать к организации их, к вооружению масс, мы выдвинули задачу подготовки народного восстания. Нисколько не отрицая в принципе насилия и террора, мы требовали работы над подготовкой таких форм насилия, которые бы рассчитывали на непосредственное участие

*) См. IV том Сочинений, стр. 69. *Ред.*

массы и обеспечивали бы это участие. Мы не закрываем глаз на трудность этой задачи, но мы твердо и упорно будем работать над ней, не смущаясь возражениями, что это — «неопределенно-далекое будущее». Да, господа, мы стоим и за будущие, а не за одни только прошлые формы движения. Мы предпочитаем долгую и трудную работу над тем, за чем есть будущее, «легкому» повторению того, что уже осуждено прошлым. Мы будем всегда разоблачать людей, у которых на языке война с шаблонами догмы, а на деле только и есть, что шаблоны самых обветшалых и вредных теорий перебрасывания силы, разницы между крупной и мелкой работой и, конечно, уже теории поединка и единоборства. «Как некогда в битвах народов вожди их решали бой единоборством, так и террористы в единоборстве с самодержавием завоюют России свободу». — Так заканчивается прокламация 3-го апреля. *Такие* фразы достаточно перепечатать, чтобы опровергнуть их.

Кто действительно ведет свою революционную работу в связи с классовой борьбой пролетариата, тот прекрасно знает, видит и чувствует, какая масса непосредственных и прямых запросов пролетариата (и способных поддерживать его народных слоев) остается неудовлетворенной. Тот знает, что в массе мест, в целых громадных районах рабочий народ буквально рвется на борьбу, и его порывы пропадают даром за недостатком литературы, руководителей, за отсутствием сил и средств у революционных организаций. И мы оказываемся, — мы видим это, что мы оказываемся — в том же проклятом порочном круге, который, как злой рок, тяготел так долго над русской революцией. С одной стороны, пропадает даром революционный порыв недостаточно просвещенной и неорганизованной толпы. С другой стороны, пропадают даром выстрелы «неуловимых личностей», теряющих веру в возможность идти в ряду и шеренге, работать рука об руку с массой.

Но дело еще вполне поправимо, товарищи! Потеря веры в настоящее дело — не более, как редкое исключение. Увлечение террором не более, как скоропреходящее настроение. Пусть же сомкнутся плотнее ряды социал-демократов, и мы сплотим в одно целое боевую организацию революционеров и массовой героизм русского пролетариата!

В следующей статье мы рассмотрим аграрную программу социалистов-революционеров.

II.

Отношение соц.-рев. к крестьянскому движению представляет особый интерес. Именно в аграрном вопросе всегда считали себя особенно сильными и представители старого русского социализма,

и их либерально-народнические наследники, и те многочисленные в России сторонники оппортунистической критики, которые крикливо уверяют, что в этом пункте марксизм уже окончательно сбит с позиции «критикой». И наши соц.-рев. разносят марксизм, что называется, на все корки: «догматические предрассудки... изжитые, давно разбитые жизнью догматы... революционная интеллигенция закрыла глаза на деревню, революционная работа в крестьянстве запрещалась ортодоксией» и мн. т. п. Это нынче в моде — лягать ортодоксию. Но к какому подвиду надо отнести тех из числа лягающих, которые *до начала* движения в крестьянстве *не успели* даже наметить своей собственной аграрной программы? Когда «Искра» еще в № 3 обрисовала свою аграрную программу, «Вестн. Р. Рев.» только и нашелся пробормотать: «при такой постановке вопроса значительно стушевывается еще одно из наших разногласий»[40]), при чем с редакцией «В. Р. Р.» случилось то маленькое несчастье, что именно постановки вопроса «Искрой» («внесение классовой борьбы в деревню») она абсолютно не поняла. Теперь «Рев. Россия» ссылается задним числом на брошюру «Очередной вопрос», хотя программы и там никакой нет, а есть лишь превознесение таких «знаменитых» оппортунистов, как Герц.

И вот эти-то люди, которые до начала движения были согласны и с «Искрой» и с Герцем, — на другой день после крестьянского восстания выступают с манифестом «от крестьянского союза (!) партии соц.-рев.», при чем в этом манифесте вы не найдете ни одного звука, исходящего действительно от крестьянина, вы встретите только дословное повторение того, что вы сотни раз читали у народников, либералов и «критиков»... Говорят, что смелость города берет. Это так, господа с.-р., но не о такой смелости свидетельствует грубо размалеванная реклама.

Мы видели, что главное «преимущество» с.-р. состоит в свободе от теории, главное искусство их — уменье говорить, чтобы ничего не сказать. Но чтобы дать программу, надо как-никак высказаться. Надо, напр., выкинуть за борт «догмат русских с.-д. конца 80-х и начала 90-х г.г. о том, что нет революционной силы, кроме городского пролетариата». Какое это удобное словечко: «догмат»! Достаточно извратить слегка враждебную теорию, прикрыть это извращение жупелом «догмата», — и готово дело!

Весь современный социализм, начиная с «Коммунистического Манифеста», покоится на той несомненной истине, что единственным *действительно* революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях. Спрашивается, что же надо думать о людях, которые «превратили» эту истину в догмат русских с.-д. определенной эпохи и пытаются уверить наивного читателя, будто этот догмат

был «всецело основан на вере в отдаленность открытой политической борьбы»?

Против учения Маркса о единственном действительно революционном классе современного общества с.-р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противополагаете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенцией. По отношению к этому слою вполне прав г. Струве, называющий свой орган органом русской интеллигенции. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые *еще не заняли* никакой определенной социальной позиции или *уже выбиты* жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, — то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей. Поход с.-р. против основного «догмата» марксизма лишний раз доказывает только, что всю силу этой партии представляет та кучка русских интеллигентов, которые от старого отстали, а к новому не пристали.

Что касается до крестьянства, то о нем суждения с.-р. еще более сбивчивы. Чего стоит уже одна постановка вопроса: «какие общественные классы вообще (!) всегда (!!) держатся за существующий... (самодержавный только? или вообще буржуазный?)... порядок, охраняют его и не поддаются революционизированию?» Собственно говоря, на этот вопрос только и можно ответить вопросом: какие элементы интеллигенции вообще всегда держатся за существующий хаос идей, охраняют его и не поддаются определенному социалистическому мировоззрению? Но с.-р. на несерьезный вопрос хотят дать серьезный ответ. Они относят к «этим» классам, во-1-х, буржуазию, ибо ее «интересы удовлетворены». Этот старый предрассудок, будто интересы русской буржуазии настолько уже удовлетворены, что у нас нет и быть не может буржуазной демократии (ср. «В. Р. Р.» № 2, с. 132—3), составляет теперь общее достояние экономистов и с.-р. Еще раз: не научит ли их уму-разуму г. Струве?

Во-2-х, с.-р. относят к этим классам «мелко-буржуазные слои», «интересы коих индивидуалистичны, не определены как классовые и не формулируются в реформаторскую или революционную социально-политическую программу». Откуда сие, Аллах ведает. Что мелкая буржуазия не только не охраняет вообще и всегда

существующий порядок, а, напротив, нередко выступает революционно даже против буржуазии (именно: когда примыкает к пролетариату), очень часто — против абсолютизма и почти всегда формулирует социально-реформаторские программы, это известно всем и каждому. Наш автор просто сболтнул «пошумнее», против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое в одном из своих «Стихотворений в прозе» излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать погромче против тех пороков, которые за собой чувствуешь [41]). И вот: *так как* с.-р. чувствуют, что единственным социальным базисом их позиции между двух стульев могут быть разве лишь некоторые мелко-буржуазные слои интеллигенции,—*поэтому* они пишут о мелкой буржуазии так, будто этот термин означает не социальную категорию, а просто полемический оборот речи. Им хочется также обойти тот неприятный пункт, что они не понимают принадлежности современного крестьянства, как целого, к «мелко-буржуазным слоям». Не попробуете ли вы дать нам ответ по этому пункту, гг. с.-р.? Не скажете ли вы нам, почему это, повторяя обрывки теорий русского марксизма (напр., о прогрессивном значении крестьянского отхода и бродяжничества), вы закрываете глаза на то, что тот же марксизм доказал мелко-буржуазный уклад русского крестьянского хозяйства? Не разъясните ли вы нам, как это могут «собственники или полусобственники» в современном обществе не относиться к мелко-буржуазным слоям?

Нет, не надейтесь! с.-р. не ответят, не скажут и не разъяснят ничего по существу, ибо они (опять-таки подобно экономистам) твердо усвоили тактику сказываться по части теорий в нетях. «Рев. Россия» кивает на «В. Р. Р.» — это де их дело (ср. № 4, ответ «Заре» [42]), а «В. Р. Р.» рассказывает читателю о подвигах оппортунистической критики и все грозится, грозится и грозится еще пуще критику навести. Маловато этого, господа!

Соц.-рев. соблюли себя в чистоте от тлетворного влияния современных социалистических учений. Они сохранили целиком добрые старые приемы вульгарного социализма. Пред нами — новый исторический факт, новое движение в известном слое народа. Они не исследуют положение этого слоя, не задаются целью объяснить его движения характером этого слоя и отношением его к развивающемуся экономическому строю целого общества. Это все для них — пустая догма, изжитая ортодоксия. У них это проще делается. — О чем говорят сами представители подымающегося слоя? О земле, прирезке, переделе.—Ну, вот вам и все. Вот вам «полусоциалистическая программа», «совершенно правильный принцип», «светлая идея», «идеал, который в зародышевой форме уже живет в голове крестьянина» и т. д. Надо только «очистить и разработать этот идеал», вывести «чистую

идею социализма». Вы не верите, читатель? Вам кажется невероятным, чтобы эта народническая ветошь снова вытаскивалась на свет божий людьми, которые так бойко повторяют, что им книга последняя скажет? А между тем это факт, и все процитированные нами словечки взяты из заявления «от крестьянского союза» в № 8 «Рев. России».

Соц.-рев. обвиняют «Искру», что, назвав крестьянское движение последним мятежом крестьянства, она рано заговорила за упокой: крестьянство, поучают нас, может участвовать и в социалистическом движении пролетариата. Это обвинение наглядно показывает всю путаницу мысли у с.-р. Они не разобрались даже в том, что одно дело — демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело — социалистическое движение против буржуазии. Не поняв самого крестьянского движения, они не могли понять и того, что испугавшие их слова «Искры» относятся только к первому движению. О том, что гибнущие мелкие производители (крестьяне в том числе) могут и должны участвовать в социалистическом движении пролетариата, «Искра» не только сказала в своей программе, но и точно определила условия этого участия. Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма, движением. Наоборот, оно объединяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства, которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет — и приведет — к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут.

Впрочем, для с.-р. все это — книга за семью печатями. Они даже всерьез уверяют «Искру», что расчистка пути для развития капитализма — пустой догмат, ибо «реформы» (60-х г.г.) «и расчистили (!) полный (!!) простор развитию капитализма». Вот до чего может дописаться бойкий человек, которым владеет бойкое перо и который воображает, что «от крестьянского союза» всячинка сойти может: крестьянин не разберет! — Но подумайте, пожалуйста, любезный автор: не слыхали ли вы когда-нибудь, что остатки крепостничества задерживают развитие капитализма? не кажется ли вам, что это даже почти тавтология? и не читали ли вы где-нибудь об остатках крепостничества в современной русской деревне?

«Искра» говорит, что предстоящая революция будет буржуазной революцией. С.-р. возражают: она будет «прежде всего революцией политической и до известной степени демократической». Не попробуют ли объяснить нам авторы этого милого возражения,— была ли когда-либо в истории, мыслима ли вообще такая буржуазная революция, которая бы не была «до известной

степени демократической»? Да ведь и программа самих с.-р. (уравнительное пользование землей, перешедшей в собственность общества) не выходит еще из рамок буржуазной программы, ибо сохранение товарного производства и допущение частного хозяйства, хотя бы и на общей земле, нисколько не устраняет капиталистических отношений в земледелии.

Чем легкомысленнее относятся с.-р. к элементарнейшим истинам современного социализма, тем легче сочиняют они «элементарнейшие дедукции», гордясь даже тем, что их «программа сводится» к таковым. Рассмотрим все их три дедукции, которые, вероятно, надолго останутся памятником остроты ума и глубины социалистических убеждений с.-рев.

Дедукция № 1: «Уже теперь большая доля территории России принадлежит государству — надо, чтобы вся территория принадлежала народу». «Уже теперь» умиленные ссылки на государственное землевладение в России набили нам оскомину в произведениях полицейских народников (à la Сазонов и др.) и разных катедер-реформаторов. «Надо», чтобы в хвосте за этими господами поплелись именующие себя социалистами да еще революционерами. «Надо», чтобы социалисты подчеркивали мнимое всесилие «государства» (забывая даже, что большая доля государственных земель сосредоточена на необитаемых окраинах страны), а не классовую противоположность полукрепостного крестьянства и привилегированной горсти крупных землевладельцев, которые владеют массой лучших возделанных земель и с которыми «государство» всегда жило душа в душу. Воображая, что они выводят чистую идею социализма, наши с.-р. на самом деле пачкают эту идею некритическим отношением к старому народничеству.

Дедукция № 2: «Уже и теперь земля перетекает от капитала к труду — надо, чтобы этот процесс был завершен государством». Дальше в лес — больше дров. Сделаем еще шаг к полицейскому народничеству, будем призывать (классовое!) «государство» к расширению крестьянского землевладения вообще. Это замечательно социалистично и удивительно революционно. Но чего и ждать от людей, которые покупку и аренду земли крестьянами называют не переходом земли от крепостников-помещиков к сельской буржуазии, а переходом «от капитала к труду». Напомним этим людям хотя бы данные о фактическом распределении «перетекающих к труду» земель: от 6 до 9 десятых всей купчей крестьянской земли и от 5 до 8 десятых аренды сосредоточивается в руках *одной пятой доли дворов*, т.-е. у небольшого меньшинства зажиточных. Судите по этому много ли правды в словах соц.-рев., когда они утверждают, что на зажиточных крестьян «мы и не рассчитываем», а только на «чисто-трудовые слои»?

Дедукция № 3: «Крестьянин уже имеет землю и пользуется ею в большинстве случаев в уравнительном распределении,— надо, чтобы это трудовое пользование было доведено до конца... и завершилось бы через развитие всякого рода коопераций коллективным земледельческим производством».— Поскребите соц.-революционера и вы найдете г. В. В.! Как только дошло до дела, все старые предрассудки народничества, преблагополучно сохранившиеся под прикрытием увертливых фраз, выползли тотчас же наружу. Государственное землевладение — завершение государством перехода земли к крестьянству — община — кооперация — коллективизм — в этой великолепной схеме гг. Сазонова, Юзова, Н. —она, соц.-революционеров, Гофштеттера, Тотоманца и пр. и пр., — в этой схеме не хватает совсем маленькой мелочи. В ней нет ни развивающегося капитализма, ни классовой борьбы. Да и откуда было взяться этой мелочи в головах людей, весь идейный багаж которых состоит из лохмотьев народничества и нарядных заплат модной критики? Разве не сказал *сам* г. Булгаков, что в деревне нет места для классовой борьбы? Разве замена классовой борьбы «всевозможными кооперациями» не удовлетворит и либералов, и «критиков», и вообще всех тех, для кого социализм есть не более, как традиционная вывеска? И разве нельзя попробовать успокоить наивных людей уверением: «мы, конечно, чужды всякой идеализации общины», хотя рядом с этим уверением вы читаете колоссальное фразерство о «колоссальной организации мирского крестьянства», о том, что «в известных отношениях ни один класс в России так не подталкивается к чисто (!) политической борьбе, как именно крестьянство», что крестьянское самоопределение (!) своими границами и компетенцией далеко шире земского, что это соединение «широкой»... (до самой околицы?)... «самодеятельности» с отсутствием «элементарнейших гражданских прав» «точно нарочно было придумано для того, чтобы... будить и упражнять (!) политические инстинкты и навыки общественной борьбы». Не любо — не слушай, а...

«Надо быть слепым, чтобы не видеть, насколько легче перейти к идее социализации земли от традиций общинного распоряжения землей». Не наоборот ли, гг.? Не являются ли безнадежно слепыми и глухими те, кто до сих пор не знает, что именно средневековая замкнутость полукрепостной общины, раздробляющей крестьянство на крохотные союзы и связывающей по рукам и ногам сельский пролетариат, поддерживает традиции косности, забитости и одичалости? Не побиваете ли вы сами себя, признавая пользу отхода, который уже на три четверти разрушил пресловутую уравнительность общинных традиций и свел эти традиции к одной полицейской склоке?

Программа-минимум соц.-рев., будучи основана на вышеразобранной теории, является настоящим курьезом. Два пункта

в этой «программе»: 1) «социализация земли, т.-е. переход ее в собственность всего общества и в пользование трудящихся»; 2) «развитие в крестьянстве всевозможных видов общественных соединений и экономических коопераций... (для «чисто» политической борьбы?)... для постепенного высвобождения крестьянства из-под власти денежного капитала... (под власть промышленного?)... и для подготовления грядущего коллективного земледельческого производства». Как солнце в малой капле вод, отражается в этих двух пунктах весь дух современного «социал-революционаризма». В теории — революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике — беспомощное подхватывание того или иного модного средствица вместо участия в классовой борьбе — вот все, что у них есть. Поставить *рядом* в програме-*минимум* социализацию земли и кооперации, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша програма-минимум, с одной стороны — Бабеф, с другой — г. Левитский. Это неподражаемо.

Если бы можно было серьезно отнестись к этой програме, то нам бы пришлось сказать, что, обманывая себя звуком слов, соц.-рев. обманывают и крестьянина. Это — обман, будто «всевозможные кооперации» играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии. Это — обман, будто как «минимум», как нечто столь же близкое, как кооперации, можно ставить в виду «*крестьянства*» — социализацию земли. Всякий социалист пояснил бы нашим соц.-рев., что уничтожение частной собственности на землю может быть теперь лишь непосредственным преддверием уничтожения ее вообще, что одна передача земли в «пользование трудящихся» еще не удовлетворила бы пролетариат, ибо миллионы и десятки миллионов разоренного крестьянства не в состоянии уже вести хозяйства на земле, даже если бы она у них была. А снабжение этих разоренных миллионов орудиями, скотом и пр. было бы уже социализацией всех средств производства и требовало бы социалистической революции пролетариата, а не крестьянского движения против остатков крепостничества. Соц.-рев. смешивают социализацию земли с ее буржуазной национализацией. Эта последняя мыслима, говоря абстрактно, и на базисе капитализма, без уничтожения наемного труда. Но именно пример тех же соц.-рев. наглядно подтверждает ту истину, что выдвигать требование национализации земли в полицейском государстве значит затемнять единственно революционный принцип классовой борьбы и подливать воду на мельницу всякой казенщине.

Мало того; соц.-рев. спускаются и до прямой реакционности, когда восстают против требования проекта нашей программы: «отмена всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей». Во имя народнического предрассудка об «общинном

начале» и «уравнительном принципе», они отказывают крестьянину в таком «элементарнейшем гражданском праве», как право распоряжаться своей землей, они благодушно закрывают глаза на сословную замкнутость действительной общины, они становятся защитниками полицейских запрещений, установленных и поддерживаемых «государством»... земских начальников! Мы думаем, что не только г. Левитский, но и г. Победоносцев не очень испугаются требования социализации земли для уравнительного пользования ею, раз это требование выдвигается как минимум, на-ряду с которым фигурируют и кооперации и защита полицейского прикрепления мужика к обеспечивающему его казенному наделу.

Пусть послужит аграрная программа соц.-рев. уроком и предостережением для всех социалистов, наглядным примером того, к чему приводит безыдейность и беспринципность, называемая некоторыми легкомысленными людьми свободой от догмы. Как только дошло до дела, у соц.-рев. не оказалось на-лицо ни одного из трех условий, необходимых для выставления последовательной социалистической программы: ни ясной идеи о конечной цели, ни правильного понимания того пути, который ведет к этой цели, ни точного представления о действительном положении дел в данный момент и о ближайших задачах этого момента. Конечную цель социализма они только затемнили, смешав социализацию земли с ее буржуазной национализацией, спутав примитивную крестьянскую идею о мелком уравнительном землепользовании с учением современного социализма о переходе всех средств производства в общественную собственность и об организации социалистического производства. Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием коопераций. В оценке данного момента аграрной эволюции России они забыли мелочь: остатки крепостничества, давящие нашу деревню. Знаменитая троица, выражавшая их теоретические взгляды: интеллигенция, и пролетариат, и крестьянство — дополнилась не менее знаменитой «программной» троицей: социализация земли — кооперации — прикрепление к наделу.

Сравните с этим программу «Искры», которая указывает единую конечную цель всему борющемуся пролетариату, не сводя ее до «минимума», не принижая ее ради приспособления к идеям некоторых неразвитых слоев пролетариата или мелких производителей. Путь для достижения этой цели один и в городе и в деревне — классовая борьба пролетариата против буржуазии. Но кроме этой классовой борьбы продолжает еще вестись в нашей деревне и другая: борьба всего крестьянства против остатков крепостничества. И в *этой* борьбе партия пролетариата обещает свою поддержку *всему* крестьянству, стараясь указать на-

стоящую цель его революционному порыву, направить его восстание против его настоящего врага, считая нечестным и недостойным относиться к мужику, как к подопечному, скрывать от него, что он может добиться в настоящее время и немедленно только полной отмены всех следов и остатков крепостничества, только очищения пути для более широкой и более трудной борьбы всего пролетариата против всего буржуазного общества.

«Искра» № 23, 1 августа
и № 24, 1 сентября 1902 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ БРОШЮРЫ «ЗАДАЧИ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ».

Прошло ровно пять лет с тех пор, как написана предлагаемая брошюра, выходящая теперь вторым изданием вследствие надобностей агитации. За этот небольшой срок наше молодое рабочее движение сделало такой громадный шаг вперед, в положении русской социал-демократии и в состоянии ее сил произошли такие глубокие изменения, что покажется, пожалуй, странным, как могла явиться надобность в простой перепечатке старой брошюры. Неужели «Задачи русских социал-демократов» нисколько не изменились в 1902 г. по сравнению с 1897 г.? Неужели не подвинулись ни на шаг вперед взгляды на этот счет самого автора, который тогда подводил итоги только еще «первому опыту» своей партийной деятельности?

Такие (или подобные им) вопросы, вероятно, возникнут не у одного читателя, и для ответа на эти вопросы мы должны сослаться на брошюру «Что делать?» и дополнить кое-что из сказанного там. Сослаться — чтобы указать на изложение автором его взглядов на *современные* задачи социал-демократии: дополнить — сказанное там (стр. 31—2, 121, 138)*) об условиях, при которых была писана переиздаваемая теперь брошюра, и о ее отношении к особому «периоду» в развитии русской социал-демократии. Таких периодов вообще я назвал в указанной брошюре («Что делать?») четыре, причем последний отнесен «к области настоящего, отчасти будущего», третьим периодом названо господство (или, по крайней мере, широкое распространение) «экономического» направления, начиная с 1897—8 года, вторым периодом годы 1894—8 и первым 1884—1894. Во втором периоде мы не видим, в отличие от третьего, разногласий в среде самих социал-демократов. Социал-демократия была тогда единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также еди-

*) См. IV том Сочинений, стр. 395—396, 482, 499. *Ред.*

ства практического, организационного (образование Рос. С.-Д. Р. Партии). Главное внимание социал-демократов было тогда устремлено не на выяснение и решение тех или иных внутренних партийных вопросов (как в третьем периоде), а на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической партийной работы, — с другой.

Между теорией и практикой социал-демократов не было того антагонизма, который существовал в эпоху «экономизма».

Предлагаемая брошюра и отражает в себе особенности тогдашнего положения и тогдашних «задач» социал-демократии. Брошюра зовет к углублению и расширению практической работы, не видя никаких «препятствий» к этому в невыясненности каких-либо общих взглядов, принципов и теорий, не видя (не существовавшего тогда) затруднения в сочетании политической и экономической борьбы. Брошюра обращается к противникам социал-демократии со своими принципиальными разъяснениями, к народовольцам и народоправцам [43]), стараясь рассеять те недоразумения и предубеждения, которые заставляют их сторониться от нового движения.

И вот в настоящее время, когда период «экономизма», видимо, подходит к концу, позиция социал-демократов оказывается опять сходной с тою, которая была пять лет тому назад. Конечно, задачи, стоящие перед нами теперь, неизмеримо сложнее сообразно гигантскому росту движения за это время, — но основные особенности настоящего момента воспроизводят, на более широком базисе и в большем масштабе, особенности «второго» периода. Несоответствие между нашей теорией, программой, тактическими задачами и практикой исчезает, по мере исчезновения экономизма. Мы опять смело можем и должны звать к углублению и расширению практической работы, ибо расчистка теоретических предпосылок этой работы в значительной степени уже произведена. Мы опять должны обратить особенное внимание на несоциал-демократические нелегальные направления в России, причем перед нами опять оказываются те же, в сущности, — только гораздо более развитые, оформившиеся, «зрелые» направления, как и в первой половине 90-х годов прошлого века.

Народовольцы в процессе сбрасывания старых своих риз дошли до превращения в «социалистов-революционеров», как бы самым уже этим названием показывая, что они остановились на полдороге. От старого («русского» социализма) они отстали, а к новому (социал-демократии) не пристали. Единственную теорию революционного социализма, какая только известна современному человечеству, т.-е. марксизм, они сдают в архив на основании буржуазной («социалисты»!) и оппортунистической (-«революционеры»!) критики. Безыдейность и беспринципность ведут

*

их на практике к «революционному авантюризму», выражающемуся и в их стремлении поставить на одну доску такие социальные слои и классы, как интеллигенцию, пролетариат и крестьянство, и в их шумной проповеди «систематического» террора, и в их замечательной аграрной программе минимум (социализация земли, — кооперации, — прикрепление к наделу. См. «Искру» №№ 23 и 24) *), и в их отношении к либералам (см. «Рев. Рос.» № 9 [44]) и рецензию г. Житловского на «Освобождение» в № 9 «Socialistische Monatshefte» [45])), и во многом другом, о чем нам придется еще, вероятно, говорить неоднократно. В России так еще много социальных элементов и условий, питающих интеллигентскую неустойчивость, вызывающих желание радикально настроенных личностей сочетать отжившее старое и безжизненное модное, мешающих им слить свое дело с ведущим свою классовую борьбу пролетариатом, — что русской социал-демократии придется еще посчитаться с направлением или направлениями подобно «социально-революционному», покуда капиталистическая эволюция и обострение классовых противоречий не отнимет у них всякой почвы.

Народоправцы, которые в 1897 году отличались не меньшей неопределенностью (см. ниже, стр. 20 — 22) **), чем теперешние соц.-рев., сошли вследствие этого очень быстро со сцены. Но их «трезвая» идея — совершенно отделить требование политической свободы от социализма — не умерла и не могла умереть, ибо в России очень сильны и все усиливаются либерально-демократические течения среди самых разнообразных слоев крупной и мелкой буржуазии. Поэтому законным наследником народоправцев, их определенным, последовательным, зрелым продолжателем явилось либеральное «Освобождение» [46]), желающее группировать вокруг себя представителей буржуазной оппозиции в России. И насколько неизбежно отзревание и отживание старой дореформенной России, патриархального крестьянства, старого типа интеллигенции, способной одинаково увлекаться и общинной и сельско-хозяйственными кооперациями и «неуловимым» террором, — настолько же неизбежны рост и созревание имущих классов капиталистической России, буржуазии и мелкой буржуазии, с их трезвым либерализмом, начинающим сознавать, что нерасчетливо содержать тупое, дикое, дорого стоящее и нисколько не защищающее от социализма абсолютное правительство, — с их требованием европейских форм классовой борьбы и классового господства, — с их прирожденным (в эпоху пробуждения и роста пролетариата) стремлением прикрывать свои буржуазные классовые интересы отрицанием классовой борьбы вообще.

---

*) См. настоящий том, стр. 143. *Ред.*
**) См. II том Сочинений, стр. 184 — 185. *Ред.*

Нам есть, поэтому, за что и поблагодарить гг. либеральных помещиков, пытающихся основать «земскую конституционную партию». Во-первых, — начнем с наименее важного, — мы поблагодарим их за то, что они убрали от русской социал-демократии г. Струве, окончательно превращая его из квази-марксиста в либерала, помогая нам на живом примере демонстрировать перед всеми и каждым настоящее значение бернштейнианства вообще и русского бернштейнианства в особенности. Во-вторых, стремясь сделать сознательно-либеральными разные слои русской буржуазии, «Освобождение» тем самым поможет нам ускорить превращение в сознательных социалистов большей и большей массы рабочих. У нас так много было и есть расплывчатого, либерально-народнического квази-социализма, что по сравнению с ним явным шагом вперед является новое либеральное направление. Рабочим так легко будет теперь наглядно демонстрировать русскую либеральную и демократическую буржуазию, пояснять необходимость самостоятельной рабочей политической партии, составляющей едино с международной социал-демократией, — интеллигентов так просто будет звать теперь к решительному определению своей позиции: либерализм *или* социал-демократия, — половинчатые теории и направления будут так быстро измалываться жерновами этих двух растущих и усиливающихся «антиподов». В-третьих, — и это самое важное, конечно, — мы поблагодарим либералов, *если* они своей оппозицией расшатают союз самодержавия с некоторыми слоями буржуазии и интеллигенции. Говорим: «если», ибо своим кокетничанием с самодержавием, своим превознесением мирной культурной работы, своей войной против «тенденциозных» революционеров и т. д., либералы расшатывают не столько самодержавие, сколько борьбу с самодержавием. Неуклонно и непримиримо разоблачая всякую половинчатость либералов, всякую попытку их заигрывать с правительством, мы тем самым и будем обессиливать эту предательскую сторону политической деятельности господ либеральных буржуа, мы тем самым будем парализовать их шуйцу и обеспечивать наибольшие результаты работы их десницы.

Таким образом и народовольцы и народоправцы сделали очень большие шаги вперед в смысле развития, определения и оформления их настоящих стремлений и их настоящей природы. Та борьба, которая в первой половине 90-х годов прошлого века была борьбой между небольшими кружками революционной молодежи, возобновляется теперь как решительная борьба зрелых политических направлений и настоящих политических партий.

Переиздание «Задач», в виду этого, явится может быть небесполезным и в том отношении, что напомнит молодым членам партии ее недавнее прошлое, покажет возникновение того положения социал-демократов среди других направлений, которое

вполне определилось только теперь, поможет яснее и отчетливее представить себе однородные по существу, но более сложные «задачи» современного момента.

Перед социал-демократией с особенной силой выдвигается теперь задача положить конец всякому разброду и шатанию в своей среде, сплотиться теснее и слиться организационно под знаменем революционного марксизма,—направить все усилия к объединению всех практически работающих социал-демократов, к углублению и расширению их деятельности, а вместе с этим обратить серьезное внимание на выяснение возможно более широкой массе интеллигентов и рабочих истинного значения двух выше названных направлений, с которыми уже давно приходится считаться социал-демократии.

Август 1902 г.

Впервые напечатано в декабре 1902 г., в брошюре, изданной «Лигой».

Печатается по тексту брошюры.

ПИСЬМО МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТУ.

24 августа 1902 г.

Дорогие товарищи! Мы получили Ваше письмо с выражением благодарности автору «Что делать?» и постановление об отчислении 20% в пользу «Искры». В свою очередь, я горячо благодарю Вас за выражение сочувствия и солидарности. Для нелегального писателя это тем ценнее, что ему приходится работать в условиях необычного отчуждения от читателя. Всякий обмен мыслей, всякое сообщение о том впечатлении, какое производит та или иная статья или брошюра на разные слои читателей, имеет для нас особенно важное значение, и мы очень благодарны будем, если нам будут писать не только о делах в узком смысле слова, не только для печати, но и для того, чтобы писатель не чувствовал себя оторванным от читателя.

В № 22 «Искры» мы опубликовали Ваше постановление об отчислении 20% в «Искру». Вашу же благодарность Ленину мы не решились опубликовать, ибо, во-1-х, Вы ее поставили особо, не упомянув о своем желании видеть ее в печати. А во-2-х, и форма этой благодарности как будто не подходила для печати. Но не думайте, пожалуйста, что нам не важно опубликовывать заявления комитетов об их солидарности с такими-то взглядами. Напротив, именно теперь, когда мы все думаем о соединении революционной социал-демократии, *это особенно важно*. Было бы весьма желательно, чтобы свою солидарность с моей книгой Московский комитет облек в форму *заявления*, которое бы и появилось в «Искре» немедленно. Давно пора комитетам выступать с открытым провозглашением своей партийной позиции, порвать с той тактикой молчаливого согласия, которая преобладала в «3-ем периоде». Это — общее соображение в пользу открытого заявления. А в частности меня, напр., *печатно обвиняли* (группа «*Борьба*» в своем «Листке» [47]) в желании сделать редакцию «Искры»—русским Центральным Комитетом, «командовать» над «агентами» и т. п. Это — явное извращение того, что сказано в «Что делать?», но у меня нет охоты

печатать еще и еще раз: «вы извращаете». Я думаю, что должны заговорить те действующие в России практики, которые *досконально знают* о том, что «командование» «Искры» не идет дальше советов и высказывания своего мнения, и которые *видят,* что излагаемые в «Что делать?» *организационные* идеи выражают насущную злобу дня, больной вопрос *действительного* движения. Я думаю, что этим практикам следует самим потребовать себе слова и громко заявить о том, как *они* смотрят на вопрос, как они опытом своей работы приходят к солидарным с нами взглядам на организационные задачи.

Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на *ваши собственные* вопросы, что вы *сами* из *непосредственного* знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более *объединенной,* более централизованной, более сплоченной вокруг одного газетного центра работы, — которое формулировано и в этой книге. А раз это так, раз вы действительно пришли к такому убеждению, — желательно, чтобы комитет открыто и громко заявил это, приглашая и другие комитеты работать вместе с ним в том же направлении, держась за ту же «ниточку», ставя себе те же ближайшие организационно-партийные цели.

Мы надеемся, товарищи, что Вы найдете возможным прочесть это письмо в общем собрании всего комитета и сообщите нам Ваше решение по поводу намеченных вопросов. (В скобках добавлю, что Петербургский комитет прислал нам тоже выражение солидарности и думает сейчас о таком же заявлении.)

Достаточно ли было у вас «Что делать»? Читали ли рабочие и как они отнеслись?

Жму крепко руку всем товарищам и желаю им полного успеха.

Ваш Ленин.

Еще вот что: 14 сентября будет конгресс немецкой социал-демократической партии: от нас на конгресс поедет П. Б. Аксельрод[48]). Если считаете удобным, пришлите ему мандат от Московского комитета. Еще успеется. Всего лучшего. Ответьте поскорее.

Впервые напечатано в 1924 г., в книге П. Н. Лепешинского «На повороте».

Печатается по рукописи.

ПРОЕКТ НОВОГО ЗАКОНА О СТАЧКАХ.

Нам доставлен новый тайный документ: записка министерства финансов «о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организаций рабочих в целях самопомощи». В виду обширности этой записки и необходимости ознакомления с ней возможно более широких слоев рабочего класса, мы издаем ее особой брошюрой [49]). Теперь же изложим вкратце содержание этого интересного документа и укажем на его значение.

Записка начинается кратким очерком истории нашего фабричного законодательства, указанием на законы 3-го июня 1886 г., 2-го июня 1897 г. и переходит затем к вопросу об отмене уголовного наказания за уход с работы и за стачки. Министерство финансов полагает, что угроза арестом или тюрьмой за самовольный уход с работы одного рабочего или за прекращение работы по уговору многих рабочих не достигает своей цели. Сохранение общественного порядка этим не обеспечивается, как показал опыт; рабочих эта угроза только озлобляет, убеждая их в несправедливости закона. Применять эти законы очень трудно «в виду крайней обременительности возбуждения сотни и иногда тысячи дел» за уход каждого рабочего, а также и в виду того, что фабриканту невыгодно остаться без рабочих, если их засадят за стачку. Признание стачки преступлением вызывает чрезмерно усердное вмешательство полиции, приносящее больше вреда, чем пользы, больше затруднений и хлопот фабрикантам, чем облегчения. Записка предлагает совершенно отменить всякие наказания за самовольный уход отдельного рабочего с фабрики и за мирную стачку (не сопровождаемую ни насилием, ни нарушением общественного порядка и т. п.). Наказания должны быть установлены, по образцу иностранных законов, только «за насилия, угрозы или *обесславления* (!), совершенные кем-либо из работодателей или рабочих по отношению к личности или имуществу другого, и имеющие целью, вопреки свободным и законным намерениям последнего, принудить его или помешать ему» — вести работу

на тех или иных условиях. Другими словами, вместо уголовного наказания за стачки, предполагается уголовное наказание за помеху «желающим работать».

Что касается до обществ самопомощи, то министерство финансов жалуется на административный произвол в этом деле (особенно проявившийся, де, в Москве, где общество механических рабочих заявило даже претензию на «посредническую роль» между рабочими и администрацией) и требует проведения в законодательном порядке нормального устава таких обществ и облегчения устройства их.

Таким образом общий характер новой записки министерства финансов, несомненно, либеральный, и центральным пунктом является предложение отменить уголовное наказание за стачки. Мы не станем здесь подробно разбирать содержание всего «законопроекта» (это удобнее будет сделать после напечатания всей записки целиком), а обратим внимание читателя на характер и значение этого либерализма. Предложение предоставить рабочим некоторую свободу стачек и свободу организаций — не новость не только в нашей либеральной публицистике, но и в предначертаниях официальных, правительственных комиссий. В начале 60-х годов комиссия Штакельберга, пересматривавшая уставы фабричный и ремесленный, предлагала учредить промышленные суды из выборных от рабочих и хозяев и дать рабочим известную свободу организаций. В 80-х годах комиссия по составлению проекта нового уголовного уложения предполагала отменить уголовные наказания за стачки. Но теперешний проект министерства финансов существенно отличается от предыдущих, и это отличие останется крайне важным знамением времени даже и в том случае, если предложения нового проекта так же останутся под сукном, как и все прежние. Существенное отличие состоит в том, что новый проект характеризуется несравненно большей «почвенностью»: вы чувствуете в нем не только голос немногих теоретических передовиков и идеологов буржуазии, а голос целого слоя промышленников-практиков. Это уже не либерализм одних только «гуманных» чиновников и профессоров, это доморощенный, отечественный либерализм московских купцов и промышленников. Этот факт, скажу откровенно, наполняет мое сердце высокой патриотической гордостью: алтынный либерализм купца значит много больше, чем пятиалтынный либерализм чиновника. И самыми интересными в записке являются не тошнотворные рассуждения о свободе договора и о пользе государства, а те практические соображения фабрикантов, которые прорываются сквозь традиционно-юридическую аргументацию.

Невтерпеж! Надоело! Не суйся! — вот что говорит русский фабрикант русской полиции устами автора министерской записки. Послушайте-ка, в самом деле, следующие рассуждения:

«По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как естественное экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работы на фабриках и заводах, и забастовки не отождествлялись бы с нарушением общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать соответствующие меры к миролюбивому соглашению сторон. При подобном, более нормальном порядке меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы на-лицо факты, удостоверяющие наличность беспорядка». Полиция не разбирает причин стачки, а заботится *только* о прекращении ее, пуская в ход один из двух приемов: либо заставляя рабочих (арестами, высылками и др. мерами «до употребления военной силы включительно») взяться за работу, либо побуждая хозяев к уступкам. «Нельзя сказать, чтобы хотя один из этих приемов был удобен» для гг. фабрикантов: первый «поселяет озлобление в среде рабочих», второй «укрепляет у рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий во всяком случае». «История забастовок, происходивших в течение последнего 10-тилетия, дает много примеров того вреда, который является результатом стремления быстрого подавления возникающих осложнений какой бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совершенно спокойных до сего рабочих, что приходилось пускать в дело казаков, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных требований забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали непременно аналогичные же стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось уже применять не систему уступок, а военную силу, что бывает для рабочих совершенно непонятным и поселяет уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей»... Чтобы полиция когда-нибудь удовлетворяла даже незаконные требования рабочих посредством воздействия на фабрикантов, это, конечно, увлечение гг. капиталистов, которые хотят сказать, что иногда они сами, поторговавшись со стачечниками, дали бы им меньше, чем приходится дать под давлением грозного призрака «нарушения государственного порядка и спокойствия». Записка подпускает шпильку министерству внутренних дел, которое в циркуляре от 12 авг. 1897 г., «изданном без соглашения с министерством финансов» (вот где собака-то зарыта!), предписы-

вает и аресты и высылки при каждой стачке и направление дел о стачках в порядке охраны. «Высшие административные власти — продолжает записка излагать жалобы фабрикантов — идут еще дальше (закона) и придают *всем* (курсив оригинала) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна бы выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т. п. случаев».

Это — язык настоящих либералов-манчестерцев, объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа. И, что особенно важно, встать на эту либеральную точку зрения заставили русских фабрикантов не кто иной, как наши рабочие. Рабочее движение так широко разрослось, что стачки действительно стали «естественным экономическим явлением». Борьба рабочих приняла такие упорные формы, что вмешательство полицейского государства, запрещающее всякое проявление этой борьбы, действительно стало оказываться вредным не только для рабочих (им-то оно никогда, кроме вреда, ничего не приносило), но и для самих фабрикантов, в пользу которых это вмешательство делалось. Рабочие сделали полицейские запрещения фактически бессильными, — но полиция продолжала (и не могла в самодержавном государстве не продолжать) вмешиваться и, чувствуя свое бессилие, металась из стороны в сторону: то военная сила, то уступки, то зверская расправа, то заигрыванье. Чем меньше значения получало полицейское вмешательство, тем острее чувствовался фабрикантами *произвол* полиции, тем более склонялись они к убеждению, что им *не расчет* поддерживать этот произвол. Конфликт между известной частью крупных промышленников и полицейским всевластием все обострялся и принял особенно резкие формы в Москве, где система заигрыванья с рабочими расцвела особенно пышно. Записка прямо жалуется на московскую администрацию, затеявшую опасную игру с собеседованиями рабочих и обществом взаимопомощи рабочих в механическом производстве. Чтобы приманить рабочих, пришлось дать Совету этого общества известное право посредничества, — и фабриканты сейчас же встали на дыбы. «Сначала сей Совет — пишет под их диктовку записка — обращался к чинам фабричной инспекции, но засим, видя, что последние не признают его компетенции в принятой на себя самовольно посреднической роли, он стал

обращаться к обер-полицмейстеру, который не только принимает получаемые заявления, но дает им законный ход, чем санкционирует присвоенные себе Советом права». Фабриканты протестуют против частных административных распоряжений и требуют законодательного установления нового порядка.

Правда, либерализм фабрикантов не выходит пока из очень узких профессиональных рамок, их враждебность к полицейскому произволу ограничивается отдельными проявлениями невыгодных для них крайностей, не направляясь против коренных основ бюрократического самовластья. Но о росте этой враждебности, о расширении поводов для нее, о ее углублении позаботится экономическое развитие России и всего мира, обостряя классовые антагонизмы капиталистических стран. Сила пролетариата в том и состоит, что его численность и сплоченность увеличивается в силу самого процесса экономического развития, тогда как среди крупной и мелкой буржуазии все усиливается разрозненность и раздробленность интересов. Чтобы учесть это «естественное» преимущество пролетариата, социал-демократия должна внимательно следить за всеми столкновениями интересов среди господствующих классов, пользуясь этими столкновениями не только в целях извлечения практической выгоды в пользу тех или иных слоев рабочего класса, но и в целях просвещения всего рабочего класса, в целях извлечения полезного урока из каждого нового социально-политического эпизода.

Практическая выгода для рабочих от предлагаемого либеральными фабрикантами изменения закона слишком очевидна, чтобы на ней стоило долго останавливаться. Это несомненная уступка растущей силе, оставление неприятелем одной из его позиций, которая уже фактически почти отвоевана революционным пролетариатом и защищать которую дальше не хотят наиболее дальновидные вожди вражеской армии. Невелика эта уступочка, что и говорить: во-первых, смешно и думать о возможности *настоящей* свободы, свободы стачек при отсутствии политической свободы. Право арестов и высылок без суда остается у полиции и останется у нее до тех пор, пока существует самодержавие. А сохранение этого права означает сохранение девяти десятых всей той полицейской склоки, тех безобразий и того произвола, который начинает претить даже и фабрикантам. Во-вторых, и в узкой области собственно промышленного законодательства министерство финансов делает очень робкий шаг вперед, подражая тому немецкому законопроекту, который немецкие рабочие прозвали «каторжным» законопроектом, оставляя *особые* наказания «за насилия, угрозы и обесславления», стоящие в связи с договорами о найме, как будто бы не существовало *общих* уголовных законов, карающих эти проступки! Но и маленькой уступкой русские рабочие сумеют воспользоваться для

укрепления своей позиции, для усиления и расширения своей великой борьбы за освобождение трудящегося человечества от наемного рабства.

Что касается до полезного урока, которому нас учит новая записка, то мы должны заметить, прежде всего, что протест фабрикантов против средневекового закона о стачках показывает нам на маленьком частном примере общее несоответствие интересов развивающейся буржуазии и отживающего абсолютизма. Об этом следовало бы поразмыслить тем людям, которые (подобно соц.-рев.) до сих пор боязливо закрывают глаза на элементы *буржуазной* оппозиции в России и твердят по-старинке, что «интересы» (вообще!) русской буржуазии удовлетворены. Оказывается, что полицейское самовластие приходит в столкновение то с теми, то с другими интересами даже таких слоев буржуазии, которых всего непосредственнее *охраняет* царская полиция, которым *непосредственно грозит* материальным ущербом всякое ослабление узды, надетой на пролетариат.

Оказывается, что действительно революционное движение дезорганизует правительство не только прямо тем, что просвещает, возбуждает и сплачивает эксплуатируемые массы, но и косвенно тем, что отнимает почву у обветшалых законов, отнимает веру в самовластие даже у его кровных, казалось бы, присных, учащает «домашние ссоры» между этими присными, заменяет твердость и единство в лагере врагов раздорами и шатаниями. Но чтобы достигать таких результатов, нужно одно условие, которого никогда не могли усвоить наши соц.-революционеры: для этого необходимо, чтобы движение было действительно революционным, т.-е. поднимало к новой жизни все более и более широкие слои действительно революционного класса, преобразовывало бы фактически духовно-политический облик этого класса, а через его посредство и всех тех, кто с ним соприкасается. Усвоив эту истину, с.-р. поняли бы, какой практический вред приносит их безыдейность и беспринципность в коренных вопросах социализма, поняли бы, что не правительственные, а революционные силы дезорганизуют люди, проповедующие, что против толпы у самодержавия есть солдаты, против организаций — полиция, а вот отдельные террористы, смещающие министров и губернаторов, поистине неуловимы.

Есть и еще один полезный урок в новом «шаге» фабрикантского ведомства. Этот урок состоит в том, что надо уметь пользоваться всяким, хотя бы даже и алтынным либерализмом на деле, и надо в то же время «в оба смотреть», чтобы этот либерализм не развращал народных масс своей лживой постановкой вопросов. Пример, — г. Струве, разговор с которым мы бы озаглавили: «как либералы хотят учить рабочих и как рабочие должны учить либералов». Начав печатание разобранной нами

записки в № 4 «Освобождения» [50]), г. Струве говорит там, между прочим, что новый проект есть выражение «государственного смысла», каковому смыслу вряд ли, де, пробиться через стену произвола и бессмыслия. Не так это, г. Струве. Не «государственный смысл» выдвинул проект нового закона о стачках, а выдвинули его фабриканты. Не потому появился этот проект, что государство «признало» основные начала гражданского права (буржуазную «свободу и равенство» хозяев и рабочих), а потому, что отмена наказания за стачки стала *выгодной для фабрикантов.* Юридические формулировки и вполне доказательные мотивировки, которые дает теперь «само» («Осв.» № 4, стр. 50) министерство финансов, имелись на-лицо давным давно в русской литературе и даже в трудах правительственных комиссий, — но все это оставалось под спудом, пока не заговорили *хозяева промышленности,* которым рабочие *практически демонстрировали* нелепость старых законов. Мы подчеркиваем это решающее значение фабрикантских выгод и фабрикантской заинтересованности не потому, чтобы это ослабляло, на наш взгляд, значение предначертаний правительства, — напротив, мы уже сказали, что видим в этом усиление их значения. Но пролетариату в его борьбе против всего современного строя надо прежде всего научиться смотреть на вещи прямо и трезво, вскрывать настоящие побудительные причины «высоких государственных деяний» и неуклонно разоблачать те лживые напыщенные фразы о «государственном смысле» и т. п., которые ловкими полицейскими чинами выдвигаются по расчету, а учеными либералами — по близорукости.

Далее г. Струве советует рабочим быть «сдержанными» в агитации за отмену наказаний за стачки. «Чем сдержаннее будет она (эта агитация) по формам, — проповедует г. Струве, — тем больше будет ее значение». Рабочий должен хорошенько отблагодарить бывшего социалиста за такие советы. Это традиционная молчалинская мудрость либералов — проповедывать сдержанность именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу). Надо быть сдержаннее, чтобы не помешать провести начатую реформу, чтобы не запугать, чтобы использовать благоприятный момент, когда первый шаг уже сделан (записка составлена!) и когда признание каким-либо ведомством необходимости реформ дает «неопровержимое (?) и для самого правительства и для общества (!) доказательство справедливости и своевременности» (?) этих реформ. Так рассуждает г. Струве о разбираемом нами проекте, так рассуждали всегда российские либералы. Не так рассуждает социал-демократия. Смотрите, скажет она, даже из самих фабрикантов кое-кто начал понимать уже, что европейские формы классовой борьбы лучше азиатского произвола полиции. Даже

самих фабрикантов мы заставили своей упорной борьбой усомниться в всесилии самодержавных опричников. Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их. За счет того долга, который лежит на правительстве перед народом, вам хотят отдать копейку из ста рублей. Пользуйтесь получением этой копейки, чтобы громче и громче требовать всей суммы долга, чтобы окончательно дискредитировать правительство, чтобы готовить наши силы для нанесения ему *решительного* удара.

«Искра» № 24, 1 сентября 1902 г.

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ «ЮЖНОГО РАБОЧЕГО» [51].

Дорогие товарищи! Чрезвычайно порадовало нас всех Ваше обстоятельное письмо. Пожалуйста, присылайте поскорее обещанные дополнения и ведите переписку почаще. Мы надеемся вскоре послать к Вам одного товарища для более подробных и окончательных переговоров, а пока ограничимся самым важным.

Вы тысячу раз правы, что надо как можно скорее и немедленно нам объединиться в одну организацию общерусского характера, задающуюся целью подготовить идейное единство комитетов и практическое, организационное единство партии. Мы с своей стороны уже сделали довольно важные шаги в этом направлении благодаря тому, что Петербургский Комитет стал вполне искровским, выпустил печатно заявление об этом [52]) и de facto (это, конечно, строго entre nous *)) слился с русской организацией «Искры», дав ее членам влиятельнейшие места в центральной группе Комитета. Если мы добьемся такой же полной солидарности и полного слияния с югом, то вопрос о фактическом объединении партии подвинется на $^3/_4$ к его осуществлению. Надо очень спешить с этим. Мы немедленно принимаем меры, во-1-х, к тому, чтобы к Вам приехали члены Русской Организации «Искры» для сговора; во-2-х, к установлению связи здесь с Чернышевым. Вы с своей стороны ускорьте выпуск (или помещение в «Искре») Вашего принципиального заявления, вполне определяющего Вашу позицию в партии и примите все меры для фактического слияния с Русской Организацией «Искры».

В заключение — несколько слов о поднятых Вами вопросах. Насчет крестьянства и аграрной программы нам остается неясным, чем именно Вы недовольны в нашем проекте аграрной программы и каких изменений Вы бы желали. Определите это точнее. Видели ли № 4 Зари со статьей **) об аграрной программе? Вообще Ваши замечания по поводу промахов «Искры» свидетельствуют о том, как важно нам участить и урегулировать сношения между нами, чтобы спеться вполне. Сил так безбожно мало, что только самое тесное объединение *всех* с.-д. может обеспечить нам успех

*) — между нами. *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 83. *Ред.*

в борьбе и с «авантюристами» и с правительством. А между тем о Вашей, например, точке зрения, о Вашей практической работе мы почти ничего не знали до сих пор — разве это нормально? Разве нормально также, что Вы, например, делаете теперь в одиночку шаги для постоянного транспорта, мы тоже в одиночку? (Напишите поподробнее, как, что и где Вы предпринимаете, какие есть средства и проч.). Это же обстоятельство, т.-е. недостаток сил, надо принять во внимание при обсуждении вопроса об особом органе, о продолжении «Южного Рабочего», о превращении его в «Русского Рабочего». Надо очень и очень взвесить все стороны дела. Подумайте, где силы для 2-х органов, когда мы прекрасно знаем, что их мало и для одного. Не дадите ли Вы толчка Питеру (неискровским элементам Питера) издавать «Рабочую Мысль» как тоже «разъяснительный», популярный и т. п. орган — и это в такой момент, когда Питер готовится прекратить «Рабочую Мысль» и взяться наконец за настоящую работу над «Искрой». Не пострадает ли от Ваших планов Ваша работа по организации правильного литературного сотрудничества в «Искре» из России, — а ведь без этого сотрудничества «Искра» не может стать настоящим партийным органом, и не забывайте, что людей для этого дела кроме Вас у нас почитай-что и нет в виду. И если за это не возьмутся искряки, то кто же и когда за это возьмется? Наконец, обсудите тщательнее вопрос о том, совместимы ли задачи разъяснительной, пропагандистской, популярной, на «середняка» (как Вы выражаетесь) рассчитанной литературы и задачи газеты? Особая литература для середняка и для массы должна быть, это бесспорно, но это могут быть лишь листки и брошюры, ибо *разъяснять каждый* вопрос настоящим образом середняку *нельзя* в газете. Для этого надо начать *сначала*, с азов и дойти до конца, разжевав вопрос со всех сторон. Вряд ли газета в состоянии дать это даже при идеальном обеспечении ее литературными силами. Не забывайте наконец, что Ваше дело будет иметь, хотите Вы этого или нет, общерусское значение, и что толки, представления, теории об *особых* газетах «для интеллигенции» и «для рабочих» могут сыграть зловреднейшую роль не только независимо от Ваших желаний, но даже вопреки Вашему лично противодействию. Ведь таких, как Вы, среди русских с.-д. горстка, а в массе русских с.-д. еще очень и очень много всяческой узости. Мы не думаем, конечно, ограничиться по столь важному вопросу этими беглыми замечаниями, но только просим Вас не спешить с решением и обсудить всесторонне. Сохранение особой группы (редакция «Южного Рабочего») мы считаем даже *желательным* по крайней мере до съезда партии, но этой группе не надо бы спешить с ее газетой.

Написано 16 (3) сентября 1902 г. *Печатается по рукописи.*

ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ О НАШИХ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ [53]).

Дорогой товарищ! С удовольствием исполняю вашу просьбу дать критику вашего проекта «Организации С.-Петербургской революционной партии». (Вы имели в виду, вероятно, организацию петербургской работы Рос. С.-Д. Раб. Партии.) Поднятый вами вопрос так важен, что в обсуждении его должны принять участие и все члены С.-Петербургского комитета и даже все русские социал-демократы вообще.

Прежде всего отмечу полную свою солидарность с вашим объяснением непригодности прежней («союзовской», как вы ее называете) организации «Союза». Вы указываете на отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания у передовых рабочих, на так называемую выборную систему, так гордо и упорно защищаемую рабочедельцами из-за «демократических» принципов, на отчужденность рабочих от активной деятельности.

Именно так: 1) отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания (не только у рабочих, но и у интеллигентов), 2) неуместное и неумеренное применение выборного начала и 3) отчужденность рабочих от активной *революционной* деятельности,— в этом, действительно, заключается главный недостаток не только С.-Петербургской, но и многих других местных организаций нашей партии.

Вполне разделяя ваш основной взгляд на организационные задачи, я присоединяюсь также и к вашему организационному проекту, насколько главные черты его выясняются для меня из вашего письма.

А именно, я совершенно согласен с вами, что следует особенно подчеркивать задачи общерусской работы и всей партии вообще; у вас это выражено тем, что пункт первый проекта гласит: «руководящим центром *партии* (а не одного только комитета или района) является газета «Искра», имеющая постоянных корреспондентов среди рабочих и тесно связанная с внутренней

работой организации». Я бы заметил только, что газета может и должна быть *идейным* руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические положения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же *практическим* руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом), сносящаяся *лично* со всеми комитетами, включающая в себя все лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и *распоряжающаяся* всеми общепартийными делами, как-то: распределение литературы, издание листков, распределение сил, назначение лиц и групп для заведывания особыми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстания и т. д. При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения, — у нашей партии могут и должны быть *два* руководящих центра: Ц. О. (центральный орган) и Ц. К. (центральный комитет). Первый должен руководить идейно, второй — непосредственно и практически. Единство в действии и необходимая солидарность между этими группами должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и *составом обеих групп* (надо, чтобы в обеих группах, и в Ц. О. и в Ц. К., были вполне спевшиеся между собой люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними. Только тогда, с одной стороны, Ц. О. будет поставлен вне действия русских жандармов, и ему будет обеспечена выдержанность и преемственность, — а с другой стороны, Ц. К. будет всегда солидарен с Ц. О. во всем существенном и достаточно свободен для непосредственного *распорядительства* всей практической стороной движения.

Было бы желательно поэтому, чтобы пункт первый устава (сообразно вашему проекту) указывал не только на то, какой орган партии признается руководящим (это необходимое, конечно, указание); но также и на то, что данная местная организация ставит своей задачей активно работать над *созданием,* поддержкой и упрочением тех центральных учреждений, без которых наша партия не может существовать, как партия.

Далее, во втором пункте вы говорите о Комитете, что он должен «руководить местной организацией» (может быть, лучше сказать: «всей местной работой и всеми местными организациями партии», но я не буду останавливаться на деталях формулировки), и что он должен состоять и из рабочих, и из интеллигентов, разделение же их на два комитета — вредно. Это вполне и безусловно справедливо. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии должен быть один, и в нем должны быть вполне сознательные соц.-демократы, посвящающие себя целиком соц.-дем. деятельности. Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становились вполне сознательными и профессиональными револю-

ционерами и попадали в комитет *). При условии *единого*, а не двойственного комитета, вопрос о том, чтобы многих рабочих знали *лично* члены комитета, приобретает особое значение. Чтобы руководить всем, что происходит в рабочей среде, надо иметь возможность всюду попасть, надо очень многих знать, иметь все ходы и т. д. и т. д. В комитете должны быть, поэтому, по возможности, все главные *вожаки* рабочего движения из самих рабочих, комитет должен руководить *всеми* сторонами местного движения и заведывать *всеми* местными учреждениями, силами и средствами партии. О том, как должен составляться комитет, вы не говорите, — вероятно, мы и тут согласимся с вами, что об этом вряд ли нужны особые правила; как составить комитет — это уж дело местных соц.-демократов. Разве только можно было бы указать, что комитет пополняется по решению большинства (или двух третей и т. п.) членов его, что комитет должен заботиться о передаче своих связей в надежное (в революционном отношении) и сохранное (в политическом смысле) место, и о подготовке себе заранее кандидатов. Когда у нас будет Ц. О. и Ц. К.— новые комитеты должны образовываться не иначе, как при их участии и с их согласия. Число членов комитета должно быть по возможности не очень велико (чтобы уровень этих членов был выше и их специализация в революционной профессии полнее), но в то же время достаточное для заведывания *всеми* сторонами дела и обеспечения полноты совещаний и твердости решений. Если бы оказалось, что членов довольно много и часто собираться им опасно,— тогда может быть пришлось бы выделить из комитета еще особую, очень маленькую (скажем, человек пять, а то и меньше) *распорядительную* группу, которая непременно должна включать в свой состав секретаря и лиц, наиболее способных быть практическими распорядителями всей работы в целом. Для этой группы было бы *особенно важно* обеспечить себе кандидатов на случай провала, чтобы работа не останавливалась. Общие собрания комитета утверждали бы действия распорядительной группы, определяли ее состав и т. п.

Далее, *после* комитета вы выдвигаете, как соподчиненные ему, следующие учреждения: 1) дискуссию (совещание «лучших» революционеров) 2) районные кружки с 3) кружком пропагандистов при каждом из них, 4) заводские кружки и 5) «представительные сходки» делегатов от заводских кружков данного района. Я вполне согласен с вами, что *все* дальнейшие учреждения (а их должно быть очень много и очень разнообразных, помимо названных вами) должны быть соподчинены комитету, и что нужны районные (для очень больших городов) и заводские (всегда

*) В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе.

и повсюду) группы. Но в некоторых частностях я, кажется, не вполне согласен с вами. Например, насчет «дискуссии» я думаю, что такого учреждения *вовсе не надо.* «Лучшие революционеры» должны быть все в комитете или на особых функциях (типография, транспорт, разъездная агитация, организация, скажем, паспортного бюро, или дружины для борьбы со шпионами и провокаторами, или групп в войске и т. д.).

«Совещания» будут происходить и в комитете и в *каждом* районе, в каждом заводском, пропагандистском, профессиональном (ткачей, механиков, кожевников и прочее), студенческом, литературном и т. д. кружке. К чему особое учреждение для совещаний?

Далее. Вы совершенно справедливо требуете, чтобы «всем желающим» была предоставлена возможность непосредственно корреспондировать в «Искру». Но только «непосредственно» надо понимать не так, чтобы «всем желающим» давать ход и адрес к редакции, а так, чтобы обязательно передавать (или пересылать) редакции письма от *всех желающих.* Адреса же нужно давать *довольно широко,* но все же не всем желающим, а только революционерам надежным и выдающимся конспиративной умелостью, — может быть и не по одному на район, как вы хотите, а по нескольку; надо также, чтобы все участники работы, все и всякие кружки *имели право* доводить свои решения, желания, запросы до сведения *как комитета,* так и Ц. О. и Ц. К. Если мы обеспечим это, то тогда *полнота совещаний всех партийных работников* будет достигнута без создания таких громоздких и неконспиративных учреждений, как «дискуссия». Конечно, надо еще стараться устраивать *личные совещания* возможно большего числа всех и всяких деятелей, — но ведь тут все дело в конспирации. Общие собрания и сходки возможны в России лишь изредка в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным при допущении на эти собрания «лучших революционеров», ибо на общие собрания вообще легче попасть провокатору и проследить одного из участников шпиону. Я думаю, было бы, может быть, лучше сделать так: когда можно устраивать большие (скажем, 30 — 100 человек) общие собрания (напр., летом в лесу или в особо найденной конспиративной квартире), тогда комитет пусть пошлет туда 1 — 2 «лучших революционеров» и *позаботится* о хорошем составе собрания, т.-е., напр., о приглашении возможно большего числа надежных членов заводских кружков и т. п. Но не надо оформливать этих собраний, не надо вносить их в устав, не надо делать их регулярными, не надо делать так, чтобы все члены собрания знали всех участвующих, т.-е. что все «представители» кружков и т. п.; вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки». Вместо обоих этих учреждений я бы предложил постановить

примерно такое правило. Комитет заботится об устройстве больших собраний возможно большего числа практических участников движения и всех рабочих вообще. Время, место, повод собрания и состав его определяется комитетом, который ответственен за конспиративную постановку таких предприятий. Само собой разумеется, что этим нисколько не стесняется и устройство рабочими еще менее оформленных сходок на прогулках, в лесу и т. п. Может быть, еще лучше было бы не говорить об этом в уставе.

Далее, что касается районных групп, то относительно их я вполне согласен с вами, что одной из важнейших задач их является правильная постановка *распределения* литературы. Я думаю, районные группы должны быть главным образом *посредниками* между комитетами и заводами, посредниками и даже преимущественно *передатчиками*. Конспиративная постановка правильного распространения литературы, полученной из комитета, должна быть их главной задачей. И эта задача в высшей степени важна, потому что, если обеспечить регулярные сношения особой районной группы разносчиков *со всеми заводами* района, с возможно большим числом *рабочих квартир* района, то это будет иметь громадное значение и для демонстраций и для восстания. Наладить, сорганизовать дело быстрой и правильной передачи литературы, листков, прокламаций и пр., приучить к этому целую сеть агентов — это значит сделать *большую* половину дела по подготовке в будущем демонстраций или восстания. В момент возбуждения, стачки, брожения уже поздно налаживать разноску литературы — к этому можно приучить только исподволь, *обязательно* проделывая это раза по два, по три в месяц. Если нет газеты, то это можно и должно проделывать с листками, но никоим образом не позволять этому распространительному аппарату бездействовать. Надо стремиться довести этот аппарат до такой степени совершенства, чтобы в одну ночь все рабочее население С.-Петербурга можно было оповестить и, так сказать, мобилизировать. И это вовсе не утопическая задача при условии систематической передачи листков из центра в более узкие посреднические кружки и от них разносчикам. Расширять пределы ведения районной группы на другие функции, помимо чисто посреднической и передаточной, по моему мнению, не следовало бы, или, вернее, следовало бы лишь с чрезвычайной осторожностью — это может повредить только и конспиративности и цельности работы. Совещания по всем партийным вопросам, конечно, будут происходить и в районных кружках, но *решать* все общие вопросы местного движения должен только комитет. Самостоятельность районной группы следовало бы допустить лишь в вопросах о технике передачи и распространения. Состав районной группы должен определяться комитетом, т.-е. комитет *назначает*

одного-двух своих членов (или даже и не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам *составить районную группу*, все члены которой опять-таки комитетом утверждаются, так сказать, в должности. Районная группа — филиальное отделение комитета, только от него заимствующее свои полномочия.

Перехожу к вопросу о кружках пропагандистов. Организовывать их отдельно при каждом районе едва ли возможно при бедности пропагандистских сил и едва ли желательно. Пропаганда должна вестись в одном духе всем комитетом, и ее следует строго централизовать, поэтому я представляю себе дело так: комитет поручает нескольким своим членам организовать группу пропагандистов (которая будет филиальным отделением комитета или *одним из комитетских учреждений*). Эта группа, пользуясь в конспиративном отношении *услугами* районных групп, должна вести пропаганду *во всем городе*, во всей местности, «подведомственной» комитету. Если нужно, эта группа может составить еще подгруппы, передоверить, так сказать, дальше ту или другую часть ее функций, но все это не иначе, как при условии утверждения со стороны комитета, комитет всегда и безусловно должен иметь право послать своего делегата в каждую группу, подгруппу или кружок, сколько-нибудь прикосновенный к движению.

По тому же типу поручений, по типу филиальных отделений комитета или его учреждений, должны быть организованы все разнообразные группы, обслуживающие движение — и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников, и группы транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, напр., «доходного финансового предприятия» и т. д. Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтобы использовать *все и вся*, «дать работу всем и каждому», сохраняя в то же время *руководство* всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости. Это замечание относится к тому возможному и обычному возражению, что строгая централизация слишком легко может погубить дело, если *случайно* в центре окажется наделенное громадной властью *неспособное* лицо. Это возможно, конечно, но средством против этого не может быть выборность и децентрализация, абсолютно недопустимая в сколько-нибудь широких размерах и даже прямо вредная в революционной работе при самодержавии. Средства против этого не дает никакой устав, его могут дать лишь меры «товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к Ц. О.

и Ц. К. и кончая (в худшем случае) *свержением* совершенно неспособной власти. Комитет должен стараться возможно полнее проводить разделение труда, памятуя, что для разных сторон революционной работы нужны разные способности, что иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом и т. п.

Кстати, по поводу пропагандистов я хотел бы еще сказать несколько слов против обычного *переполнения* этой профессии малоспособными людьми и принижения этим уровня пропаганды. У нас иногда всякий студент без разбора считается пропагандистом, и вся *молодежь* требует, чтобы ей «дали кружок» и т. п. С этим надо бы бороться, ибо вреда от этого бывает очень много. Действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов *очень немного* (и чтобы стать таковым, надо порядочно поучиться и понабрать опыта), и таких людей надо специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо. Надо организовывать по несколько лекций в неделю для таких лиц и уметь во-время вызывать их в другие города, организовывать вообще объезд разных городов умелыми пропагандистами. А массу начинающей молодежи надо ставить более на практические предприятия, которые у нас бывают в загоне по сравнению с тем студенческим хождением по кружкам, которое оптимистически называется «пропагандой». Конечно, для серьезных практических предприятий нужна тоже основательная подготовка, но все же тут легче найти дело и для «начинающих».

Теперь о заводских кружках. Они для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого «заводская» рабочая организация должна быть так же конспиративна внутри себя, так же «ветвиста» вовне, т.-е. во внешних ее сношениях, так же далеко должна просовывать, и в самые разные стороны просовывать, свои щупальцы, как и всякая революционная организация. Я подчеркиваю, что ядром и руководителем, «хозяином», должна быть и здесь обязательно группа революционеров-рабочих. С традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций мы должны порвать совершенно до «заводских» кружков *включительно*. Заводская группа или заводской (фабричный) комитет (чтобы отделить его от других групп, которых должно быть очень много) должен состоять из очень небольшого числа *революционеров*, получающих *непосредственно от комитета* поручения и полномочия вести всю социал-демокра-

тическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства. Состав заводского комитета имеет поэтому очень большое значение, и одной из главных забот комитета должна быть — правильно поставить эти подкомитеты. Я представляю себе это дело так: комитет поручает таким-то своим членам (плюс, допустим, такие-то лица из рабочих, лица не вошедшие в комитет по тем или иным причинам, но могущие быть полезными по своему опыту, знанию людей, уму, по своим связям) сорганизовать везде заводские подкомитеты. Комиссия совещается с районными уполномоченными, назначает ряд свиданий, испытывает хорошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрестному допросу «с пристрастием», подвергает их, буде надобно, искусу, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно *возможно большее* число кандидатов в заводский подкомитет данного завода и, наконец, предлагает комитету утвердить такой-то состав каждого заводского кружка или уполномочить такого-то рабочего составить, наметить, подобрать целый подкомитет. Таким образом, комитет же будет определять, кому из этих агентов вести сношения с ним *и как* вести (по общему правилу через районных уполномоченных, но к этому правилу могут быть и дополнения и видоизменения). В виду важности этих заводских подкомитетов, мы должны стремиться, по мере возможности, к тому, чтобы *каждый* подкомитет имел и адрес для обращения в Ц. О. и *склад* своих связей в сохранном месте (т.-е. чтобы сведения, необходимые для немедленного восстановления подкомитета в случае провала, передавались возможно регулярнее и обильнее в центр партии для сбережения их там, куда русские жандармы бессильны пролезть). Само собой понятно, что эта передача адресов должна определяться комитетом на основании его соображений и данных, а не на основании несуществующего права на «демократическое» распределение этих адресов. Наконец, не лишнее, может быть, оговориться, что иногда вместо заводского подкомитета из нескольких членов нужно будет или *удобнее будет* ограничиться назначением одного агента от комитета (и кандидата к нему). Когда заводский подкомитет образовался, он должен приступить к созданию целого ряда заводских групп и кружков с разными задачами, с различной степенью конспиративности и оформленности, напр., кружков для разноски и распространения литературы (одна из самых важных функций, которая должна быть поставлена так, чтобы у нас была настоящая своя почта, чтобы были испытаны и проверены не только приемы распространения, но и разноска

по квартирам, чтобы непременно знали все квартиры и ходы к ним), кружков для чтения нелегальной литературы, кружков для слежения за шпионами *), кружков для специального руководства профессиональным движением и экономической борьбой, кружков агитаторов и пропагандистов, умеющих начинать разговоры и долго вести их *вполне легально* (о машинах, об инспекции и проч.) с тем, чтобы говорить безопасно и публично, чтобы разведывать людей и нащупывать почву и т. д. **). Заводский подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов). Обилием этих кружков, возможностью проникнуть в них разъездному пропагандисту, а главное правильностью регулярной работы по *распространению литературы* и получению сведений и корреспонденций должна измеряться успешность деятельности подкомитета.

Итак, общий тип организации, по моему мнению, должен быть такого рода: во главе всего местного движения, всей местной социал-демократической работы стоит комитет. От него исходят соподчиненные ему учреждения и филиальные отделения в виде: во-1-х, *сети исполнительных агентов,* обнимающей всю (по возможности) рабочую массу и организованной в виде *районных* групп и заводских (фабричных) подкомитетов. Эта сеть в мирное время будет распространять литературу, листки, прокламации и конспиративные сообщения комитета; в военное время устраивать демонстрации и т. п. коллективные действия. Во-2-х, от комитета же исходит ряд всяких обслуживающих все движение кружков и групп (пропаганда, транспорт, всяческие конспиративные предприятия и т. д.). Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, получат права всех членов партии, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие не войдут в Росс.

---

*) Мы должны внушать рабочим, что убийство шпионов и провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему, что мы должны стремиться создать организацию, способную *обезвреживать* шпионов раскрытием и преследованием их. Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, выслеживающую их и *воспитывающую* рабочую массу, *можно и должно.*

**) Нужны и боевые кружки, утилизирующие служивших в военной службе или особенно сильных и ловких рабочих на случай демонстраций, освобождения из тюрем и т. п.

Соц.-Дем. Раб. Партию, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.

Во всех своих *внутренних* делах члены *всех* этих кружков, разумеется, так же равноправны, как и члены комитета между собой. Единственным исключением отсюда будет то, что право *личных* сношений с местным комитетом (а также с Ц. К. и с Ц. О.) будет иметь лишь лицо (или лица), назначенное этим комитетом. Во всех других отношениях это лицо будет равноправно с остальными, которые имеют такое же право обращаться (только не лично) с заявлениями и в местный комитет и в Ц. К. и Ц. О. Таким образом указанное исключение будет в сущности вовсе не нарушением равноправности, а только необходимой уступкой безусловным требованиям конспирации. Член комитета, не передавший заявления «своей» группы в комитет, Ц. К. или Ц. О., будет ответствен за прямое нарушение партийного долга. Далее, что касается конспиративности и оформленности разного рода кружков, то это будет зависеть от рода их функций: смотря по этому здесь будут самые разнообразные организации (от наиболее «строгой», узкой, замкнутой до наиболее «свободной», широкой, открытой, мало-оформленной). Например, для группы разносчиков нужна величайшая конспирация и военная дисциплина. Для группы пропагандистов конспирация также нужна, военная же дисциплина — гораздо менее. Для группы рабочих, читающих легальную литературу или устраивающих беседы о профессиональных нуждах и запросах, нужна еще меньшая конспирация и т. д. Группы разносчиков должны принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к Р. С.-Д. Р. П. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д. Но в одном отношении мы должны *безусловно* требовать *максимальной оформленности* дела во всех этих филиальных группах, именно: каждый член партии, в них участвующий, обязан формальной ответственностью за ведение дела в этих группах, обязан также принять *все* меры к тому, чтобы перед Ц. К. и Ц. О. были *наиболее открыты* и состав каждой такой группы, и весь *механизм* ее работы, и все содержание этой работы. Это необходимо и для того, чтобы центр имел *полную* картину всего движения, и для того, чтобы можно было из наиболее широкого круга лиц делать выбор на разные партийные должности, и для того, чтобы у одной группы могли учиться (через посредство центра) все группы подобного рода по всей России, и для того,

чтобы предупреждать появление провокаторов и сомнительных лиц, — одним словом, это безусловно и во всех случаях настоятельно необходимо.

Как это сделать? Регулярные доклады комитету, сообщение возможно большей части содержания возможно большего числа этих докладов в Ц. О., устройство посещений всяких кружков членами Ц. К. и местного комитета, наконец, *обязательная* передача в сохранное место (и в бюро партии при Ц. О. и Ц. К.) связей с этим кружком, т.-е. имен и адресов нескольких членов этого кружка. Только тогда, когда доклады сообщаются и связи передаются, можно признать участвующего в таком-то кружке члена партии исполнившим свою обязанность; только тогда вся партия в целом будет в состоянии *учиться* у каждого ведущего практическую работу кружка; только тогда нам не страшны будут провалы, ибо при наличности связей с разнообразными кружками делегату нашего Ц. К. всегда легко будет *тотчас* найти заместителей и восстановить дело. Крах комитета не будет тогда разрушать всей машины, а только срезывать руководителей, у которых готовы кандидаты. И пусть не говорят, что сообщение докладов и связей невозможно по конспиративным условиям: надо только захотеть, а возможность передать (или переслать) сообщения и связи есть всегда и *будет всегда*, пока у нас будут комитеты, будет Ц. К. или Ц. О.

Мы подошли к весьма важному принципу всей партийной организации и партийной деятельности: если в отношении идейного и практического *руководства* движением и революционной борьбой пролетариата нужна *возможно большая централизация*, то в отношении *осведомленности* о движении центра партии (а следовательно и всей партии вообще), в отношении *ответственности* перед партией нужна *возможно большая децентрализация*. Руководить движением должно возможно меньшее число возможно более однородных групп, искушенных опытом профессиональных революционеров. Участвовать в движении должно возможно большее число возможно более разнообразных и разнородных групп из самых различных слоев пролетариата (и других классов народа). И по отношению к каждой такой группе центр партии должен иметь всегда перед собой не только точные данные о деятельности, но также и возможно более *полные данные о составе* их. Мы должны централизовать руководство движением. Мы должны также (и должны *для этого*, ибо без осведомленности невозможна централизация) *децентрализовать* возможно более *ответственность перед партией* каждого отдельного ее члена, каждого участника работы, каждого входящего в партию или примыкающего к ней кружка. Эта децентрализация является необходимым условием революционной централи-

зации и *необходимым коррективом ее.* Именно, когда централизация будет доведена до конца и у нас будут Ц. О. и Ц. К., тогда возможность обращения к ним со стороны каждой мельчайшей группы, — и не только возможность обращения, а также выработанная долголетней практикой *регулярность* обращения к Ц. О. и Ц. К. — устранит возможность печальных результатов случайной неудачи состава того или иного местного комитета. Теперь, когда мы подходим вплотную к фактическому объединению партии и созданию настоящего руководящего центра, мы должны особенно твердо помнить, что *этот центр будет бессилен,* если и в то же время мы не проведем *максимальной децентрализации* и в ответственности перед ним и в осведомленности его о всех колесах и колесиках партийной машины. Такая децентрализация есть не что иное, как обратная сторона того *разделения труда,* которое по общему признанию составляет одну из самых насущных практических потребностей нашего движения. Никакие официальные признания известной организации руководящей, никакие учреждения формальных Ц. К. не сделают еще нашего движения действительно единым, не создадут еще прочной боевой партии, если партийный центр будет по-прежнему *заслонен* от непосредственной практической работы местными комитетами старого типа, т.-е. такими, в которые, с одной стороны, входит целая куча лиц, ведающих каждое — все и всякие дела, не посвящающих себя отдельным функциям революционной работы, не ответственных за специальные предприятия, не доводящих до конца раз взятого, хорошо обдуманного и подготовленного дела, тратящих тьму времени и сил на радикальскую сутолоку, — а с другой стороны, имеется целая масса студенческих и рабочих кружков, на половину вовсе неизвестных комитету, на половину таких же громоздких, не специализированных, не вырабатывающих профессионального опыта, не пользующихся опытом других и занятых точно так же, как и комитет, бесконечными совещаниями «обо всем», выборами и составлениями уставов. Чтобы центр мог хорошо работать, надо местным комитетам *преобразовать себя,* стать специализированными и более «деловыми» организациями, достигающими действительного «совершенства» то в той, то в другой практической функции. Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п. В настоящее время, — надо говорить прямо, — мы либо ничего не знаем о *действительной внутренней* работе комитета, кроме

его прокламаций и общих корреспонденций, либо знаем от друзей и хороших знакомых личных. Но ведь смешно же думать, чтобы этим могла ограничиться громадная партия, способная руководить русским рабочим движением и готовящая общий натиск на самодержавие. Сокращение числа членов комитета, поручение, по возможности, каждому из них определенной особой подотчетной и ответственной функции, создание особого, весьма немногочисленного, распорядительного центра, выработка сети исполнительных агентов, связывающих комитет с каждым крупным заводом и фабрикой, регулярно ведущих распространение литературы и дающих центру точную картину этого распространения и всей механики работы, наконец, создание многочисленных групп и кружков, берущих на себя разные функции или объединяющих лиц, примыкающих к социал-демократии, помогающих ей, готовящихся стать социал-демократами, с тем, чтобы комитету и центру всегда была известна деятельность (и состав) этих кружков, — вот в чем должна состоять реорганизация С.-Петербургского, да и всех других комитетов партии, и вот почему такое маловажное значение имеет вопрос об уставе.

Я начал с разбора наброска устава, чтобы показать нагляднее, к чему клонятся мои предложения. И в результате читателю выяснилось, надеюсь, что в сущности можно бы, пожалуй, обойтись *без устава,* заменив его регулярной отчетностью о каждом кружке, о каждой функции работы. Что можно написать в уставе? Комитет руководит всеми (это и так ясно). Комитет выбирает распорядительную группу (это не всегда нужно, а когда это нужно, дело не в уставе, а в *сообщении* центру о составе этой группы и о кандидатах к ней). Комитет распределяет между своими членами отдельные стороны работы, поручая каждому регулярно докладывать комитету и сообщать Ц. О. и Ц. К. о ходе дела (и тут важнее сообщить в центр о таком-то распределении, чем написать в уставе правило, которое при бедности наших сил останется *зачастую* без применения). Комитет должен точно определить, кто состоит его членом. Комитет пополняется кооптацией. Комитет назначает районные группы, заводские подкомитеты, группы такие-то и такие-то (если перечислять желательное, то никогда не кончишь, а перечислять примерно в уставе не к чему; достаточно сообщить в центр об учреждении). Районные группы и подкомитеты учреждают кружки такие-то... Составление такого устава тем менее полезно в настоящее время, что у нас почти нет (во многих местах вовсе нет) общепартийного опыта деятельности различных таких групп и подгрупп, а для выработки такого опыта нужен не устав, а организация партийной, если можно так выразиться, осведомленности: на устав у нас каждая местная организация тратит минимум несколько вечеров.

Если бы это время было посвящено каждым по его специальной функции подробному и продуманному отчету о ней *перед всей партией*, дело бы выиграло во сто крат.

И не потому только бесполезны уставы, что революционная работа не всегда допускает оформленность. Нет, оформленность нужна, и мы должны стараться *оформить* всю работу, по мере возможности. И оформленность допустима в гораздо бо́льших размерах, чем это обыкновенно думают, но достижима она не уставами, а только и исключительно (повторяем это еще и еще раз) точным оповещением центра партии: только тогда это будет реальной оформленностью, связанной с реальной ответственностью и (партийной) оглаской. А то кто же у нас не знает, что *серьезные* конфликты и разногласия решаются у нас в сущности вовсе не голосованием «по уставу», а борьбой и угрозой «уйти»? Такой внутренней борьбой полна история *большинства* наших комитетов за последние 3—4 года партийной жизни. Очень жаль, что борьба эта не была оформлена: она тогда дала бы гораздо более для поучения партии, для опыта наших преемников. Но *такая* полезная и необходимая оформленность никакими уставами не создается, а исключительно *партийной гласностью*. У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной гласности, кроме регулярной осведомленности партийного центра.

И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого широкого и многолетнего опыта могут вырабатываться *не бумажные уставы*.

Написано в сентябре 1902 г.

Впервые напечатано отдельной брошюрой в январе 1904 г., в Женеве, в издании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Печатается по тексту брошюры.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКАНСТВО.

Внутреннюю политику русского правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть в настоящий момент в недостатке решительности и определенности. Борьба с внутренним врагом в полном разгаре. Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспортами» всех ссылаемых, нет сил и средств поставить в одинаковый режим всех заключенных, которых особенно возмущает и толкает на протесты, борьбу и голодовки полный произвол растерявшихся и самодурствующих местных властей. А высшие власти, предоставляя мелким сошкам разделываться с пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжают работать над «улучшением» и реорганизацией полиции в целях дальнейшей борьбы с корнями и нитями. Это — прямая и настоящая война, которую все большие и большие массы русских обывателей не только наблюдают, но и ощущают более или менее непосредственно. За авангардом летучих отрядов полиции и жандармерии медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная махина. Возьмите законы последнего месяца, — и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добивающие последние остатки финляндских свобод, да еще, пожалуй, обширный закон о дворянских кассах взаимопомощи. Первое из этих мероприятий совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т.-е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций. Отныне — замечает полицейски-официальная «Финляндская Газета» [54]) — есть надежда на «гармоническую» деятельность всех местных учреждений... Не знаю уже, злорад-

ная ли это насмешка над получившим самый подлый и самый решительный удар безоружным неприятелем, или елейное пустословие в духе Иудушки Головлева.

Второй из названных законов — новое детище того самого Особого Совещания по делам дворянского сословия, которое уже одарило отечество разграблением сибирских земель («насаждение поместного землевладения в Сибири») [55]. Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни, когда голодают, недоедают и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, нельзя себе и представить, разумеется, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным гг. дворянам-землевладельцам. Правительство даст на каждую дворянскую кассу взаимопомощи, во-первых, единовременно известную сумму («по усмотрению государя-императора»!), а, во-вторых, в течение десяти лет будет давать по стольку же, сколько будут собирать и сами местные дворяне. Касса будет помогать тем, кто затрудняется платить проценты по долгам. Гг. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана.

И как бы нарочно для подведения итогов этой политике травли, насилия и грабежа, для ее обобщения и освящения явились царские речи к дворянам, земцам, крестьянам и рабочим (в Курске и С.-Петербурге) [56]. Дворян царь благодарил за службу ему, службу «не за страх, а за совесть», и обещал непрестанные заботы об укреплении поместного землевладения, «которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России». Земцам царь ровно ни слова не сказал ни об оплоте, ни о нравственной силе России, ни о службе не за страх, а за совесть. Он объявил им коротко и ясно, что их «призвание — местное устроительство в области хозяйственных нужд», и что только памятуя об этом, только выполняя успешно это призвание, они могут быть уверены в его благоволении. Это был вполне определенный ответ на конституционные поползновения земцев, это было прямое предостережение (или, вернее, вызов) им, угроза отнятием «благоволения» в случае малейшего выхода за пределы «местного устроительства в области хозяйственных нужд».

Далее, крестьянам царь уже прямо выражал порицание за «беспорядки» и «разграбление экономий», назвав зверское избиение и истязание восставших от голода и отчаяния мужиков «заслуженным наказанием» и напомнив слова Александра III, повелевавшего «слушаться предводителей дворянства». Наконец, рабочим царь говорил не больше и не меньше, как «о врагах», *его* врагах, которые должны быть и врагами рабочих.

Итак, дворяне — верные слуги и исконный оплот порядка. Земцы (или земские дворяне?) — заслуживают предостережения. Крестьяне — порицания и приказа слушаться дворян. Рабочим

ребром ставится вопрос о *врагах.* Поучительные речи. Поучительно сопоставление их, и очень было бы желательно, чтобы посредством прокламаций, листков, бесед в кружках и на собраниях возможно бо́льшее количество народа было ознакомлено и с точным текстом и с настоящим значением этих речей. Простые пояснительные замечания к тексту этих речей могли бы послужить великолепным материалом для агитации среди самой темной части самых неразвитых слоев рабочего класса, мелких торговцев и промышленников, а также крестьянства. Но не только «темному» народу, а и многим просвещенным и образованным русским обывателям не мешало бы хорошенько вдуматься в царские речи,—особенно обывателям из числа либералов вообще и земцев в особенности. Не часто приходится слышать из уст коронованных особ такое определенное признание, подтверждение и объявление войны внутренней: войны разных классов населения, войны с внутренними врагами. И открытое признание войны — весьма хорошее средство против всех и всяческих видов политиканства, т.-е. попыток затушевать, обойти, затушить войну или попыток сузить и измельчить ее характер.

Политиканство, о котором мы говорим, проявляется и со стороны правительства и со стороны оппозиции мирной и даже иногда со стороны революционеров (правда, в последнем случае в особой форме, не похожей на предыдущие). Со стороны правительства это — сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название «зубатовщины». Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного, и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с г. Д. Н. Шиповым (председатель московской земской управы) есть начало «зубатовщины земской». Плеве обещает «более благоприятно» относиться к земству (ср. «Освоб.» № 7) [57]), обещает созвать в начале будущего года совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». Казалось бы, дело яснее ясного: обещание самое неопределенное, а требование таково, что при исполнении его земские вожделения становятся неосуществимыми. Против этого политического обмана, фокусничества и разврата может быть только одно средство: беспощадное разоблачение фокусников и решительная политическая (т.-е. по русским условиям, *революционная)* борьба с полицейским самодержавием. Наши же земцы, насколько можно судить по «Освобождению», оказываются еще не на высоте этой задачи. На политиканство они отвечают политиканством, их

*

орган проявляет полную неустойчивость. В № 7 «Осв.» вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакция, но и некоторые сотрудники, с которыми редакция более или менее несогласна. В передовой редакционной статье то мнение, что обещания Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь, как мнение некоторых земцев, при чем рядом с ним сообщается и мнение других земцев, которые «склонны последовать указаниям г. министра» (!!). Редакция далека от мысли поднять поход против земской зубатовщины. Она предостерегала земцев от «уступок» правительству (в №№ 5 и 6)[58], но она не выступает с решительным осуждением г. Шипова и К°, которые послушались советов старой полицейской лисы и выкинули из программы весеннего земского съезда 4-й пункт (указывавший на необходимость выборных земских деятелей для пополнения состава Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности). Редакция делает в передовой статье не тот вывод, что земство унижено согласием части земцев на подлые приманки полиции, а тот вывод, что самый факт переговоров правительства с земством «доказывает, что земство уже и теперь есть «представительство» (!!), и что обещанный г. Плеве «съезд» (г. Плеве говорил, кажется, только о «совещании»?) «во всяком случае желателен», ибо он «не может не внести ясности в отношения между земством и правительством». Редакция «твердо уверена, что земские деятели сумеют заявить себя на нем тем, чем они должны быть — представителями населения, а не подручными министров по хозяйственной части». Если судить только на основании одной передовой редакционной статьи, то надо, наоборот, быть твердо уверенным в том, что земцы окажутся опять «подручными» полицейского ведомства, как оказались гг. Шипов и К° (пока их не оттеснит или не видоизменит другое земское течение).

От политиканства передовой статьи с удовольствием отдыхаешь на дальнейших статьях сотрудников: г. Антона Старицкого и еще более земского гласного г. Т. [59]) Первый называет поступок г. Шипова и К° «ложным шагом», советует земцам «не спешить учесть свое первородство в виде какого-то съезда, который оформит г. Плеве», советует не идти на приманку и не политиканить. Редакция делает примечание: «мы в общем согласны с автором статьи», очевидно находя, что в частности нельзя так односторонне осуждать политиканство *).

*) В только что полученном № 8 «Освобождения» мы видим уже более решительное осуждение политиканства и ложного шага г. Шипова[60]). В добрый час! Может быть, случай с сим почтенным деятелем побудит редакцию поискать корней «политиканства» в основных ее взглядах на отношение либерализма и революционных направлений?

Второй сотрудник прямо уже восстает против всей позиции «Освобождения», нападая на незаконченность и нерешительность, осуждая такие фальшивые фразы, как ссылка на «народную анархию», заявляя, что «нельзя довольствоваться полумерами, что необходимо решиться идти до конца», что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции»... «не останавливаясь перед жертвами», что, «не став революционерами, мы (земцы) не сможем сделать существенного вклада в дело политического освобождения России». От всей души приветствуем эти честные и твердые речи г. земского гласного и усиленно советуем ознакомиться с ними всем, кто интересуется разбираемым вопросом. Г. земский гласный *всецело* подтверждает данную нами в «Искре» оценку программы «Освобождения» [61]. Больше того: его статья доказывает не только правильность нашей точки зрения, но и целесообразность нашего резкого изобличения половинчатости либерализма. Оказывается, что и в самой земской среде есть люди, которым претит всякое влияние и которых мы особенно должны стараться поддержать беспощадной критикой этого влияния с нашей точки зрения.

Редактор «Освобождения», конечно, несогласен с г. земским гласным Т. и — почтительно, но твердо — заявляет: «на многое мы смотрим иначе»... Еще бы! И каковы же возражения редакции? — Они сводятся все к двум главным пунктам: во-1-х, г. Струве «принципиально» предпочитает мирные пути в отличие, по его мнению, от некоторых революционеров; во-2-х, этих последних он обвиняет в недостатке терпимости. Рассмотрим эти возражения.

В статье «По поводу одного упрека» г. Струве (статья подписана. *Ред.* «Искры») цитирует мою статью в № 2—3 «Зари» («Гонители земства и Аннибалы либерализма»). Ему особенно не понравились, разумеется, слова: «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство», то это имело бы «гигантское историческое значение» *). Г. Струве, видите ли, решительно и безусловно не согласен с тем, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы. Самые решительные русские революционеры, — говорит он, — принципиально предпочитали мирный путь, и этой славной традиции не заглушить никакими доктринами.

Трудно себе представить что-либо более фальшивое и вымученное, чем это рассуждение. Неужели г. Струве не понимает, что восставший раб вправе говорить о предпочтительности мира с рабовладельцем, а раб, отказывающийся от восстания, впадает в позорную фальшь, повторяя те же слова? «Элементы революции в России еще, к сожалению *или к счастью,* не со-

*) См. IV том Сочинений, стр. 149. *Ред.*

зрели» — говорит г. Струве, и эти слова «к счастью» выдают его с головой.

А насчет славных традиций революционной мысли лучше уже г. Струве помалкивать. Нам достаточно указать на знаменитые заключительные слова «Коммунистического Манифеста». Нам достаточно напомнить, что тридцать лет спустя после «Манифеста», когда немецкие рабочие были лишены частички тех прав, которых никогда не было у русского народа, Энгельс дал такую отповедь Дюрингу:

«Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола — насилием. О том, что насилие играет также в истории и совсем иную роль — революционную, о том, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда это последнее беременно новым, о том, что насилие является орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и разбивает окоченелые, отмирающие формы, — об этом ни слова нет у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стенаниями допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, к сожалению, насилие, — к сожалению, ибо всякое насилие развращает, изволите видеть, того, кто его применяет. И это говорится после того, как всякая победоносная революция сопровождалась высоким моральным и духовным подъемом! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, к которому народ может быть ведь прямо вынужден, имело бы по крайней мере то преимущество, что вытравило бы из народного характера лакейский дух, внедренный всеми унижениями 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеют навязывать самой революционной партии, какую только знает история!»[62]).

Перейдем к второму пункту насчет терпимости. Нужно «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений, — елейно поучает нас г. Струве (подобно многим соц.-рев. и представителям публики). Ну, а как быть, — спросим мы его — если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости? Если мы, напр., находим, что в «Освобождении» есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязывает ли нас полная искренность к беспощадной борьбе с этой шуйцей? Не обязывает ли она нас к борьбе с авантюризмом (политиканством тож) соц.-революционеров, когда они проявляют его и в вопросах теории социализма и в отношении к классовой борьбе во всей своей тактике?

Есть ли хоть капля политического смысла в требовании обкарнать, сделать дряблой эту борьбу в угоду тому, что угодно называть терпимостью людям, против которых борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное напвничанье, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк однажды назвал самоурезыванием и самозапрятываньем, не условной ложью дипломатического взаимопризнания, — а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы. Когда у немецких соц.-дем. борьба против военно-полицейской и феодально-клерикальной реакции действительно становилась общей с борьбой какой-либо настоящей партии, опирающейся на известный класс народа (напр., либеральную буржуазию), тогда совместность действия устанавливалась без фразерства о взаимопризнании. О признании явного для всех и осязаемого всеми факта не говорят (не просим же мы ни у кого признания рабочего движения!). Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать «тон» полемики, в состоянии только люди, смешивающие политику и политиканство. А пока вместо действительного участия в нашей борьбе мы видим уклончивые фразы, вместо действительного приближения к нашей борьбе другого какого-либо общественного слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, — до тех пор никакие ни грозные, ни жалкие потоки слов ни на ноту не приблизят «взаимопризнания».

«Искра» № 26, 15 октября 1902 г.

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦИАЛ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ.

Насмешка оказывает свое полезное действие. В статьях под названием «Революционный авантюризм» *) мы выразили твердую уверенность, что наши соц.-рев. не пожелают никогда прямо и точно определить свою теоретическую позицию. Чтобы опровергнуть сие злостное и несправедливое предположение, «Рев. Россия» начинает в № 11 серию статей под заглавием «Программные вопросы». В добрый час! Лучше поздно, чем никогда. Заранее приветствуем все статьи «Рев. России» о «программных вопросах» и обещаем внимательно следить за тем, можно ли в самом деле вычитать из них какую-либо *программу*.

Присмотримся с этой целью к первой статье: «Классовая борьба в деревне», но сначала заметим, что наши противники паки и паки чересчур... «увлекаются», заявляя (№ 11, стр. 6) «наша программа выставлена». Неверно ведь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т.-е. не только не дали законченного и официально-партийного изложения своих взглядов (программы в узком смысле слова или хотя бы проекта программы), но и не определили даже вовсе своего отношения к таким основным «программным вопросам», как вопрос о марксизме и его оппортунистической критике, о русском капитализме и о положении, значении и задачах порождаемого этим капитализмом пролетариата и т. д. Все, что мы знаем о «вашей программе», это то, что вы занимаете совершенно неопределенную позицию *между* революционной социал-демократией и оппортунистическим течением, с одной стороны, *между* русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением, с другой.

В какие безысходные противоречия запутываетесь вы, вследствие этой потуги сесть между двух стульев, это мы вам сейчас

*) См. настоящий том, стр. 143. *Ред.*

покажем и на выбранном вами вопросе. «Мы не то что не понимаем, мы не признаем принадлежности современного крестьянства, как целого, к мелко-буржуазным слоям»—пишет «Револ. Россия» (№ 11). «Для нас крестьянство резко делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (!??), и 2) сельскую буржуазию,—среднюю и мелкую, — в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы». Видя «основной отличительный признак» класса буржуазии в «источнике дохода» (пользование неоплаченным трудом других людей), теоретики соц.-рев. усматривают «огромное принципиальное сходство» между сельским пролетариатом и «самостоятельными земледельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства. «Основой существования тех и других является *труд*, как определенная политико-экономическая категория. Это раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях *безжалостно эксплуатируются*». Они должны быть поэтому соединены в *одну* категорию трудового крестьянства».

Мы нарочно изложили рассуждение «Рев. Росс.» так подробно, чтобы читатель мог хорошенько вдуматься в него и оценить его теоретические посылки. Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший невидящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Пойдем дальше. «Основой существования тех и других является *труд*, как определенная политико-экономическая категория». Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде. В другой форме здесь повторяется та же ошибка вульгарного социализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляют: «Существо взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинаково», то они целиком повторяют ошибку хотя бы немецкого вульгарного социализма, который,

напр., в лице Мюльбергера, заявил, что существо отношений хозяина к рабочему то же, что домовладельца к квартиранту. Наши Мюльбергеры точно также не способны выделить основных и производных форм эксплуатации, ограничиваясь декламацией по поводу «эксплуатации» вообще. Наши Мюльбергеры точно также не понимают, что именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения *этой* классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность. Наши Мюльбергеры, поэтому, должны встретить со стороны русских социалистов, дорожащих цельностью своего движения и «добрым именем» своего революционного знамени, такой же решительный, беспощадный отпор, какой встретил Мюльбергер немецкий.

Чтобы яснее показать путанность «теории» наших соц.-рев., мы подойдем еще к тому же вопросу с практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопрос конкретными примерами. Во-первых, *трудится* и эксплуатируется везде, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазии. Почему бы иначе и относить ее к переходным и промежуточным слоям? Во-вторых, совершенно так же, как крестьяне в обществе товарного хозяйства, *трудятся* и эксплуатируются мелкие ремесленники и торговцы. Не хотят ли наши соц.-рев. создать также «категорию» «трудового» торгово-промышленного населения вместо «узкой» категории пролетариата? В-третьих, пусть попробуют соц.-рев., чтобы понять значение столь нелюбимой ими «догмы», представить себе подгородного крестьянина, который, не нанимая рабочих, живет своим трудом и продажей всяких земледельческих продуктов. Смеем надеяться, что отрицать принадлежность *такого* крестьянина к мелкой буржуазии и невозможность «объединить» его в один *класс* (заметьте, речь идет именно о классе, а не о партии) с наемным рабочим, не решатся даже ярые народники. А есть ли какая-нибудь принципиальная разница в положении подгородного торгаша-земледельца и всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства?

Спрашивается теперь, чем объяснить это приближение (мягко выражаясь) гг. соц.-рев. к вульгарному социализму? Может быть, это случайная особенность данного автора? Чтобы опровергнуть такое предположение, достаточно привести следующее место из № 11 «Рев. Рос.»: «Как будто — восклицает автор — здесь все дело в размерах одной и той же хозяйственной категории» (крупный и мелкий буржуа), «а не в принципиальном различии» (слушайте!) «двух категорий: трудового и буржуазно-капиталисти-

ческого хозяйства!» Нам трудно было бы и представить себе более полное и наглядное подтверждение сказанного нами в статье «Революционный авантюризм»: поскребите соц.-рев. — и вы найдете г. В. В. Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с эволюцией русской общественно-политической мысли, позиция соц.-рев. выясняется из одной этой фразы. Известно, что основой того бледно-розового квази-социализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и буржуазного хозяйства. Эта идея, в разных оттенках ее подробно разработанная гг. Михайловским, В. В., Ник.—оном и др., была одной из тех твердынь, против которых направилась критика русского марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве»?) и показывающую нам *мелко-буржуазный уклад* крестьянского хозяйства. И у нас, как и везде, развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелко-буржуазное хозяйство. Это превращение, действительно, происходит, и *настоящая* реальная тенденция трудового крестьянина к мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Как и всякие мелкие производители, наши крестьяне тем самым подходят под категорию мелких буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата, который связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полу-рабочих и полу-хозяев (эти переходные формы существуют во всех капиталистических странах и во всех отраслях промышленности).

Как же отнеслись соц.-революц. к этой смене двух течений социалистической мысли, к борьбе старого русского социализма и марксизма? Они просто-на-просто пытались уклоняться, покуда можно было, от разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда от людей, пожелавших создать особую «партию», потребовали определенных объяснений, когда их принудили к ответу, принудили и насмешкой и прямым обвинением в беспринципности, — тогда они только и стали повторять старую народническую теорию «трудового хозяйства» и старые ошибки вульгарного социализма. Повторяем: лучшего подтверждения нашего обвинения соц.-револ. в полной беспринципности, как статья в № 11, пытающаяся «соединить» и теорию «трудового хозяйства», и теорию классовой борьбы, — мы не могли и ждать.

* * *

Как курьез, отметим еще, что в № 11 «Рев. Рос.» делаются попытки «благовидно» объяснить решение уклониться от принципиальной полемики. В статье «Революционный авантюризм» «Искра», видите ли, неверно цитирует. Например? Например, опускает слово «местами» (земля местами перетекает от капитала к труду). Какой ужас! Опускают не относящееся к делу слово! Или, может быть, «Рев. Рос.» вздумает утверждать, что к вопросу об *оценке* перетекания земли *вообще* (буржуазный этот процесс, или нет) *хоть какое-либо* отношение имеет слово «местами». Пусть попробует.

Далее. «Искра» прекратила цитату на слове «государством», хотя дальше стоит «конечно, не нынешним». «Искра» поступила даже еще злее (добавим от себя): она дерзнула назвать это государство *классовым*. Не станут ли наши «обиженные в лучших чувствах» противники утверждать, что в разбираемой нами «программе-минимум» речь могла идти *не* о классовом государстве?

Наконец, «Искра» цитировала прокламацию 3 апреля, в которой *сама* «Рев. Россия» нашла оценку террора преувеличенной». — Да, и мы *привели* эту оговорку «Рев. Рос.», но добавили от себя, что видим тут «эквилибристику» и неясные намеки. «Рев. Рос.» этим очень недовольна и пускается в объяснения и сообщение подробностей (подтверждая, таким образом, *на деле*, что неясность, требующая объяснений, была). И каковы же эти объяснения? В прокламации 3 апреля были, видите ли, сделаны *поправки* по требованию партии. Эти поправки, однако, «были признаны недостаточными», и потому слова «от партии» из прокламации были удалены. Но слова «издание партии» остались, и другая («настоящая») прокламация от того же 3 апреля ни слова о разногласиях или преувеличениях не упомянула. Приводя эти объяснения и чувствуя, что они только подтверждают законность предъявляемого «Искрой» (в словах: эквилибристика и намеки) требования объяснений, «Рев. Рос.» сама задает себе вопрос: как партия могла издать в своей типографии прокламацию, с которой она не согласна? Ответ «Рев. России» гласит: «Да совершенно так же, как под фирмой Росс. С.-Д. Раб. Партии печатаются «Р. Дело», «Искра», «Р. Мысль» и «Борьба»». Очень хорошо. Но, во-первых, у нас разнородные издания и печатаются не в типографии «партии», а в типографиях групп. Во-вторых, когда у нас выходили «Р. Мысль», и «Р. Д.», и «Искра» вместе, мы это сами же и называли *разбродом*. Посмотрите же, что отсюда выходит: соц.-демократия сама вскрывает и бичует разброд *у себя* и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинают признавать свой разброд лишь *после того*, как их изобличат, и лишний раз по этому случаю щеголяют своей широтой, позволившей им по поводу одного и того же политического события издать в один и тот же день

две прокламации [63]), в которых политическое значение этого события (нового террористического акта) толкуется прямо противоположно. — Зная, что из идейного разброда ничего доброго не выйдет, соц.-дем. предпочли «сначала размежеваться, а потом объединяться» *), обеспечивая этим будущему объединению и прочность, и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою «программу» на разные лады «кто во что горазд» **), играют в фикцию «практического» единства и свысока заявляют нам: это у вас только, у соц.-демократов, разные там «группы», у нас же — Партия! Совершенно верно, господа, но история учит нас, что иногда отношение между «группами» и партиями бывает подобно отношению между тощими и тучными фараоновыми коровами. Разные ведь бывают «партии». Была, напр., «Рабочая партия политического освобождения России», а между тем, ее двухгодичное существование прошло столь же бесследно, как и ее исчезновение.

«Искра» № 27, 1 ноября 1902 г.

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 39 — 40. *Ред.*

**) Сравните только «Наши задачи» бывшего «Союза соц.-рев.» с «Манифестом» бывшей «Партии соц.-рев.» (о нем в № 5 «Искры»), затем с редакционным заявлением № 1 «Вест. Р. Рев.», с «программными» статьями №№ 7—11 «Рев. Рос.» и с брошюрой «Свобода», изданной так наз. «Рабочей партией политического освобождения России» [64]), о соединении которой с партией соц.-рев. недавно сообщено в «Рев. России» [65]).

НОВЫЕ СОБЫТИЯ И СТАРЫЕ ВОПРОСЫ.

Повидимому, непродолжительное «затишье», которое отличало последние полгода или три четверти года нашего революционного движения, — по сравнению с предшествующим быстрым и бурным развитием его, — начинает приходить к концу. Как ни кратко было это «затишье», как ни очевидно было для всякого внимательного и сведущего наблюдателя, что отсутствие (на такое небольшое время) открытых проявлений массового возмущения рабочих не означает нисколько прекращения роста этого возмущения и вглубь и вширь, тем не менее среди нашей интеллигенции, настроенной революционно, но не имеющей зачастую ни прочной связи с рабочим классом, ни крепких устоев определенных социалистических убеждений, стали раздаваться многочисленные голоса уныния и неверия в массовое рабочее движение, с одной стороны, а с другой — голоса в пользу повторения старой тактики отдельных политических убийств, как необходимого и обязательного в настоящее время приема политической борьбы. За те несколько месяцев, которые прошли со времени демонстраций прошлогоднего сезона, у нас успела уже образоваться «партия» «соц.-революционеров», громко заговорившая об обескураживающем впечатлении демонстраций, о том, что «народ, увы, еще не скоро», что о вооружении масс легко, *конечно,* говорить и писать, а теперь надо взяться за «индивидуальный отпор», не отговариваясь от настоятельной необходимости единоличного террора избитыми ссылками все на ту же, одну и ту же (скучную и «неинтересную» для интеллигента, свободного от «догматической» веры в рабочее движение!) задачу агитации среди масс пролетариата и организации массового натиска.

Но вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и «будничных», на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактиче-

скими ошибками. Охватив многие тысячи рабочих, стачка, начатая из-за требований чисто экономического характера, быстро вырастает в политическое событие, несмотря на крайне недостаточное участие в ней организованных революционных сил. Толпы народа, доходившие, по свидетельству некоторых участников, до 20 — 30 тыс. чел., устраивают поражающие своей серьезностью и организованностью политические собрания, на которых читаются и комментируются с жадностью соц.-демократические прокламации, говорятся политические речи, разъясняются самым случайным и неподготовленным представителям трудящегося народа азбучные истины социализма и политической борьбы, преподаются практические и «предметные» уроки обращения с солдатами и обращения к солдатам. Администрация и полиция теряют голову (может быть, отчасти вследствие ненадежности войска?) и оказываются не в силах помешать устройству в течение нескольких дней невиданных на Руси массовых политических сходок под открытым небом. И когда, наконец, пускается в ход военная сила, толпа оказывает ей отчаянный отпор, и убийство товарища служит поводом для политической демонстрации на другой день над его трупом... Впрочем, соц.-рев. дело представляется, вероятно, в ином свете, и, с их точки зрения, было бы, должно быть, «целесообразнее», если бы шестеро убитых в Ростове товарищей отдали свою жизнь на покушения против тех или иных полицейских извергов?

Мы же думаем, что только такие массовые движения, связанные с наглядно выступающим перед всеми ростом политического сознания и революционной активности рабочего класса, заслуживают названия *действительно-революционных* актов и способны внушить действительное ободрение тем, кто борется за русскую революцию. Мы видим тут не пресловутый «индивидуальный отпор», связь которого с массами состоит только в словесных заявлениях, в напечатанных приговорах и т. п. Мы видим действительный отпор толпы, и неорганизованность, неподготовленность, стихийность этого отпора напоминает нам, как неумно преувеличивать свои революционные силы, как преступно пренебрегать задачей внесения вот в эту, настоящим образом борющуюся у нас на глазах толпу большей и большей организованности и подготовленности. Не создавать посредством выстрелов поводы для возбуждения, материал для агитации и для политического мышления, а научиться обрабатывать, использовать, брать в свои руки тот материал, которого слишком достаточно дает русская жизнь, — вот задача, единственно достойная революционера. Соц.-рев. не могут нахвалиться тем, как велико «агитирующее» действие политических убийств, о которых шушукают так много и в либеральных гостиных и в простонародных кабачках. Для них ничего не стоит (благо, они свободны от

всяких узких догм сколько-нибудь определенной социалистической теории!) заменить (или хотя бы даже дополнить) политическое воспитание пролетариата произведением политической *сенсации*. Мы же считаем способными иметь действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие *только* события, в которых действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением, а не инсценируются «с специальной целью» той или иной организацией. Мы думаем, что целой сотне цареубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами, — как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые «непочатые» слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе. Нам говорят о дезорганизации правительства (вынужденного сменять господ Сипягиных господами Плеве и «подбирать» себе на службу самых гнусных проходимцев), а мы убеждены, что *отдавать* одного революционера хотя бы за десять проходимцев значит дезорганизовывать только свои собственные ряды, которые и без того редки, так редки, что не поспевают за всей работой, «спрашиваемой» от них рабочими. Мы думаем, что настоящей дезорганизацией правительства являются такие и только такие случаи, когда действительно организуемые самой борьбой широкие массы заставляют правительство растеряться, когда законность требований передовых людей рабочего класса выясняется уличной толпе и начинает даже выясняться части войска, призываемого для «усмирения», когда военным действиям против десятков тысяч народа предшествует колебание властей, не имеющих никакой реальной возможности определить, до чего доведут эти военные действия, — когда в убитых на поле гражданской войны толпа видит и чувствует своих товарищей, своих сочленов и накопляет в себе новый запас ненависти и желание более решительной схватки с врагом. И не отдельный проходимец, а весь современный строй выступает уже здесь врагом народа, против которого ополчаются местные и петербургские власти, полиция, казаки и войско, не говоря о жандармах и судах, дополняющих и завершающих, как всегда, всякие народные восстания.

Да, восстания. Как ни далеко было от «настоящего» восстания начало этого, повидимому, стачечного движения в далеком провинциальном городе, а его продолжение и его финал невольно наводят на мысль именно о восстании. Обыденность повода к стачке, мелкий характер выставленных рабочими требований особенно сильно оттеняют и могучую силу солидарности пролетариата, увидевшего сразу, что борьба железнодорожных

рабочих есть его общее дело, и восприимчивость его к политическим идеям, к политической проповеди, и готовность отстаивать грудью в прямом сражении с войсками те права на свободную жизнь, свободное развитие, которые успели уже стать общим и элементарным достоянием всех мыслящих рабочих. И тысячу раз прав был Донской Комитет, который в прокламации [66]), целиком воспроизведенной нами ниже, говорил «всем гражданам» о ростовской стачке, как об одном из приступов к общему подъему русских рабочих с требованием политической свободы. На событиях такого рода мы действительно наблюдаем воочию, как всенародное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный, *следующий* шаг самого движения, как результат растущего возмущения, растущего опыта, растущей смелости масс, получающих такие ценные уроки, такое великолепное воспитание от русской действительности.

Неизбежный и естественный шаг, сказал я — и спешу оговориться: *если только* мы не позволим себе ни на шаг уклониться от надвигающейся на нас, нависшей над нами задачи помочь этим подпимающимся уже массам и подняться смелей и дружней, дать им не двух, а десятки уличных ораторов и руководителей, создать настоящую боевую организацию, способную направлять массы, а не так называемую «боевую организацию», которая направляет (если направляет) неуловимых личностей. Трудна эта задача, что и говорить, но мы с полным правом можем видоизменить так часто и так неудачно приводившиеся в последнее время слова Маркса и сказать: «каждый шаг *действительного* движения важнее дюжины» индивидуальных покушений и отпоров, важнее сотни только-интеллигентских организаций и «партий» [67]).

На-ряду с ростовской битвой выдвигаются на первый план из политических фактов последнего времени каторжные приговоры над демонстрантами. Правительство решило запугивать всячески, начиная от розги и кончая каторгой. И какой замечательный ответ дали ему рабочие, речи которых на суде мы приводим ниже [68]), — как поучителен этот ответ для всех тех, кто особенно шумел по поводу обескураживающего действия демонстраций не в целях поощрения к дальнейшей работе на том же пути, а в целях проповеди пресловутого индивидуального отпора! Эти речи — превосходный, от самих глубин пролетариата исходящий комментарий к событиям вроде ростовских и, вместе с тем, замечательное заявление («публичное оказательство», сказал бы я, если бы это не был специфический полицейский термин), вносящее бездну бодрости в длинную и трудную работу над «действительными» шагами движения. Замечательно в этих речах

простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных *десятками и сотнями миллионов* повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения (я поставил в кавычки те выражения, которые мне *пришлось* употребить для характеристики речей нижегородских рабочих, ибо это — те самые знаменитые слова Маркса из последних страниц первого тома «Капитала», которые вызвали со стороны «критиков», оппортунистов, ревизионистов и т. п. столько шумных и неудачных попыток опровержения и изобличения соц.-дем. в том, что они говорят неправду).

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы, именно потому, что напирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России — такое ободряющее впечатление производят их выводы: «вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства». Обыденность и «массовидность» тех фактов, из которых они делали этот вывод, ручается за то, что к этому выводу могут придти и неизбежно придут тысячи, десятки и сотни тысяч, если мы сумеем продолжить, расширить и укрепить систематическое, принципиально-выдержанное и всестороннее революционное (социал-демократическое) воздействие на них. Мы готовы идти на каторгу за борьбу против политического и экономического рабства, раз мы почувствовали дуновение свободы, — говорили четверо нижегородских рабочих. Мы готовы идти на смерть, — как бы вторили им тысячи в Ростове, отвоевывая себе на несколько дней свободу политических сходок, отбивая целый ряд военных атак на безоружную толпу.

Сим победиши — остается нам сказать по адресу тех, кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

«Искра» № 29, 1 декабря 1902 г.

О ГРУППЕ «СВОБОДА» [69]).

Как гг. «революционеры-социалисты» относятся к разбору разногласий по существу, видно из следующего. В брошюре «Что делать?» Ленин сделал «Свободе» прямой вызов, предлагая опровергнуть то положение, что «организация революционеров» необходима *для распространения и укрепления работы в массах*. Там же г. Надеждину обстоятельно разъяснялись весь вред и неприличие теоретического легкомыслия, программной вертлявости («революционер-социалист» и почитай-что социал-демократ вместе с тем!), тактического шатания между революционизмом и экономизмом, между терроризмом и классовой борьбой пролетариата. Там прямо указывалось и доказывалось, что «Свобода» *опускается до демагогии*. Г. Надеждин предпочел уклониться от прямого вызова. Вместо открытой войны с поднятым забралом сей благородный вояка предпочел действовать из-за угла организационной распри. В «журнале для рабочих» (??) группа «Свобода», не разъясняя своих взглядов, только шипит, науськивая «массы» против «организации революционеров» и уверяя их, что «Искра» рубит «здоровый ствол» экономизма [70]). Спорить по существу—это, ведь, только интеллигентская затея. А для «масс» достаточно воплей против «командирства» и прибауток — о «голодном брюхе и святом духе», о «вредном сапоге с гвоздями», о «свиньях и медных лбах», о «расслабленных мозговых желудочках» и «пятачках на хрюкале», о «шиворотной и зубодробительной части» и т. д. (См. «Отклики», стр. 30—55) [71]). «Массовую» литературу наши г-да революционеры-социалисты и социалисты-революционеры продолжают принижать до лубочной литературы, и за эту свою заслугу они требуют себе права сеять разброд и разврат во всех серьезных партийных вопросах. Программа — двойная бухгалтерия, тактика — двойная бухгалтерия, практическая деятельность — демагогия, вот вам портрет «революционно-социалистической» группы «Свобода».

«Искра» № 30, 15 декабря 1902 г.

К ВОПРОСУ О ДОКЛАДАХ КОМИТЕТОВ И ГРУПП РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБ. ПАРТИИ ОБЩЕПАРТИЙНОМУ СЪЕЗДУ [72]).

Один из членов Организационного Комитета обратился ко мне с просьбой прислать список вопросов, по которым желателен ответ в докладах комитетов и групп нашей партии на 2 съезде ее. Прилагаю ниже примерный список таких вопросов, но предварительно скажу несколько слов по поводу длины этого списка. Само собою разумеется, что доклады желательны по всем отраслям работы, и потому идеальный доклад обхватывает едва ли не бесконечное количество вопросов. Мечтать о возможности представления таких полных докладов, конечно, не доводится. Но, тем не менее, я считаю очень важным и необходимым, чтобы Орг. Ком. постарался ознакомить каждый комитет или группу со всем объемом интересных (и нужных) для съезда вопросов. Наш 2 съезд будет носить еще более *учредительный* характер, чем первый, и потому надо положить все силы, чтобы доклады были полнее и солиднее. Чем большую долю идеальной программы доклада выполнит каждая группа, тем полнее и точнее будет представлено на нашем съезде все движение в целом, тем прочнее будут результаты съезда.

Надо, чтобы за возможно долгое время до съезда началась подготовка докладов, обсуждение их в комитетах и группах и т. д. При этом было бы крайне важно, чтобы комитеты и группы, во-первых, распределили работу по составлению доклада между многими членами; во-вторых, чтобы они немедленно по составлении каждой части доклада пересылали копию с нее (отнюдь не дожидаясь всего доклада) за границу, т.-е. в сохранное место; в-третьих, чтобы они постарались привлечь к этой работе не только настоящих, но и бывших, не только активных, но и отставших членов, т.-е. лиц, находящихся в ссылке и за границей. Таким лицам может быть поручено составление докладов либо по определенной группе вопросов, либо за определенный период времени, когда эти лица работали в комитете или группе,

Такие доклады, или части докладов, могут очень облегчить задачу делегатов на съезде. Само собою разумеется также, что делегатам надо будет воспользоваться и партийной литературой, содержащей массу ответов на вопросы доклада, т.-е. постараться свести воедино эту литературу, сделать экстракт всего существенного из нее, исправить ошибки, дополнить, присоединить то, что не могло быть напечатано по конспиративным соображениям, и т. д. (для такой работы тоже очень важно привлечь бывших членов комитетов и групп, находящихся временно за границей). Кстати, по поводу конспиративности надо добавить, что на некоторые вопросы письменные ответы не могут и не должны быть составляемы, ибо это было бы разоблачением тайн, но ответы на эти вопросы все же непременно должны быть обдуманы, подготовлены и обсуждены комитетами и группами, ибо на партийном съезде доклад по этим вопросам будет *обязателен* (если не in pleno съезда, то перед особой комиссией, перед ЦК. и т. п.). В видах привлечения возможно большего числа лиц к составлению отчетов, было бы желательно распространять *самый список* вопросов (вместе с дополнениями отдельных комитетов, групп или товарищей) *как можно шире,* при чем законспирировано от широкого круга с.-д. должно быть только назначение этих вопросов и докладов для второго партийного съезда. Наконец, является вопрос, за какой период времени требуется отчет? Формально говоря: за период от 1 до 2 съезда, т.-е. с 1898 по 1903 г.г. Но в виду того, что первый съезд был и неполон, и слишком кратковремен и происходил при очень неблагоприятных условиях, было бы желательно распространение докладов на период времени, предшествующий 1898 году. Нелишне еще, пожалуй, будет сделать оговорку, что подробнейший список вопросов для доклада вовсе не должен быть истолковываем в том смысле, что лучшим делегатом на съезде явится наилучше знакомый с историей движения, или вообще наиболее способный ответить на все эти вопросы товарищ: съезд должен иметь практическое значение для объединения движения и сообщения ему сильного толчка вперед, и лучшими делегатами должны быть хотя бы и новые, но наиболее энергичные, влиятельные, наиболее посвящающие себя революционной работе товарищи. Доклады же могут быть составлены из работ многих лиц, а кроме того, в некоторых случаях окажется, может быть, возможным делегирование и не одного лица: особенно желательно было бы предоставить возможность быть на съезде *большому числу рабочих* делегатов. Привожу теперь список вопросов, разделенных на восемь отделов или групп (разделение отдельных вопросов и даже групп их часто искусственное, сделанное только для удобства обозрения, ибо все вопросы связаны между собою самым тесным образом).

I. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ, ЕГО ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ.

1) Краткая характеристика условий и состояния промышленности. Численность, состав, распределение и другие особенности местного пролетариата (промышленного, торгового, кустарного и т. д. может быть, также и земледельческого).

2) Как широко захвачены рабочие социалистической агитацией? какие районы? заводы? фабрики? домашние рабочие и проч. Обрисовать возможно подробнее расширение этого круга рабочих со времени начала движения.

3) Возможно более полный перечень бывших стачек и подробное описание каждой сколько-нибудь крупной стачки. Желательно сводные данные.

4) Бывали ли выдающиеся случаи бойкота и других коллективных действий*) рабочих помимо стачек? Подробности о них.

5) Какие существовали и существуют рабочие кружки? кассы? общества самообразования? рабочие организации? профессиональные союзы? Возможно более полное описание всех подобных соединений, типы устройства их, их преобладающий состав, численность, время существования, характер функционирования, результат опыта в этом отношении и т. д.

6) Были ли попытки устройства легальных рабочих обществ? Подробные данные о каждой такой попытке и ее результатах, ее влиянии, ее судьбе, ее современном состоянии и значении. То же о зубатовских обществах. Были ли опыты утилизировать легальные общества в целях с.-д.

7) Влияние современного кризиса. Характеристика его преимущественно на данных рабочих. Безработные, их настроение, агитация среди них и т. п.

II. ИСТОРИЯ МЕСТНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ, ПОЯВЛЕНИЕ С.-Д., БОРЬБА НАПРАВЛЕНИЙ ВНУТРИ ИХ.

8) Остались ли следы старых социалистических организаций ко времени появления с.-д.? В чем состояли и как влияли? Когда и кто начал пропаганду и агитацию в рабочем классе? Народовольцы? Их отношение к с.-д.?

9) Когда и при каких обстоятельствах появились отдельные с.-д. или с.-д. кружки? Описать возможно более подробно *каждый* кружок (применительно к этой программе), его значение и влияние на последующие кружки.

*) Коллективные заявления? публичные собрания? участие в публичных «оказательствах»? и т. п.

10) Как сказывались и развивались с.-д. воззрения в местных кружках? Влияние других (городов) мест? заграничной литературы? легальной марксистской (и «критики марксизма») литературы? Охарактеризовать влияние первого, второго и третьего возможно подробнее.

11) Разногласия внутри с.-д. Были ли они до появления Манифеста 98 г.? В чем именно выражались? Не оставили ли документов? Как встречен был Манифест? Какие именно и с чьей стороны вызывал он протесты или недовольство? Как именно появились так называемые «экономические» воззрения? Как они развивались и распространялись? Очень важно обрисовать это полнее и документальнее по отношению к каждой экономической «полосе» в местном движении. Как выразились разногласия в оценке разных партийных органов и в борьбе между их сторонниками? «Рабочей Газеты» 1897 г.[73]), заграничного «Работника»[74]) и его листков, «Раб. Мысли», «Рабоч. Дела», «Искры», «Зари», «Борьбы», «Жизни»[75]) и т. п.? были ли расколы и раздоры между рабочими и интеллигенцией среди с.-д.? Очень важно выяснить причины и влияние их.

12) Как именно велась борьба направлений в местных кружках? Только среди с.-д. интеллигентов? или среди рабочих тоже? среди соприкасающихся кругов студенчества? выразилась ли в расколах? в образовании сепаратных групп? разгоралась ли она из-за общего принципиального вопроса? из-за содержания листков? из-за вопроса о демонстрациях? из-за отношения к студенческому движению? из-за вопроса о майских требованиях? Описать детальнее ход, последствия борьбы направлений и современное положение дел в этом отношении.

III. ОРГАНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО КОМИТЕТА, МЕСТНЫХ ГРУПП И КРУЖКОВ.

13) Преобладающий состав комитета (группы, кружка и, если их много, то каждого в отдельности)? студенчество? рабочие? Пополняется ли выбором (и как именно)? или иначе? Есть ли особый интеллигентский и рабочий комитеты? особые группы технические, пропагандистские, агитационные? литературные, центральные, местные, районные, исполнительные? Взаимоотношения между ними по «уставу» (буде таковой имеется) и в действительности? Общие собрания, их ведомство, частота и размеры? Организация сношений с другими городами и за границей (т.-е. особые люди, группы или вне группы стоящие и т. п.)? Организация распределения литературы? Организация разъездов? Выводы опыта в организационном отношении и преобладающие взгляды на организационные принципы в комитетах, у интеллигентов и рабочих? Особенно важно подробно выяснить причины

и последствия возникновения особых интеллигентских и рабочих (заводских, ремесленных и т. п.) комитетов.

14) Расширение работы на соседние и другие местности. В какой форме было оно: организационно или *случайно?* Были ли попытки образования *районных* организаций или участие в них? История возникновения и функционирования районных организаций. Состав центрального районного комитета? Отношение к местным комитетам? Сборы денег? районные кассы? склады литературы? Влияние районных организаций на широту работы, устойчивость ее, связь с местными комитетами и т. п.

15) Финансы комитета? Сводные данные о приходах и расходах (по отчетам, буде были таковые) за все время существования? Обычный и средний бюджет, характер источников, сборы с рабочих, обложение налогом членов, оплата литературы, вечеринки, пожертвования и т. д. (влияние «Освобождения» и социалистов-революционеров в этом отношении). Размеры и характер расходов: техника? содержание людей, разъезды и пр.?

IV. ХАРАКТЕР, СОДЕРЖАНИЕ И ШИРОТА МЕСТНОЙ РАБОТЫ.

16) Пропаганда, состав (кружков) пропагандистов. Число их, образ действия? Есть ли среди них рабочие? Преобладают ли студенты? Есть ли контроль и направление более опытных товарищей? Обычные программы лекций, их видоизменения во времени? Отзывчивость рабочих и запросы их на те или иные предметы? Есть ли ...... референтов с хорошими рефератами по разным городам, районам и т. п.? Состав и число, частота и обстановка собраний для чтений?

17) Экономическая агитация. С какого времени начался выпуск листков? Можно ли сосчитать количество всех выпущенных листков и экземпляров (приблизительно)? Какие работы, заводы и отрасли труда захвачены этой агитацией? Порядок составления и утверждения листков? Участие рабочих в этом. Техника издания и *распространения?* Есть ли рабочие разносчики? Насколько удовлетворяется спрос на листки?

18) Политическая агитация? Переход от экономической? Когда начался? Вызывал ли протесты? Когда были первые политические листки? Было ли время *одних* экономических листков? Постановка вопроса и поводы политической агитации? Описать возможно подробнее ее расширение как по характеру листков, так и по сферам распространения. Желательны документы, ибо важно знать *все случаи* политической агитации и все сферы ее. Велась ли только среди рабочих или и среди других классов (см. ниже). Приемы и порядок составления листков, запросы на

них, насколько они удовлетворяются? Нужны ли местные или общие листки больше?

19) Какие нелегальные издания распространяются? Перечислить их, указать степень их распространения, отношение к каждому изданию (брошюрам и проч.). Время распространения, спрос, в каких слоях, преимущественно на какую литературу? Раздача, разбрасывание? Совместное чтение в кружках? Какие вещи требовали разъяснения читателей? Широко ли практикуется чтение, истолкование? Каких именно произведений?

20) Местные и общепартийные органы? История местного органа? Частота выхода? Количество экземпляров? Как обставлена была литературная часть? Сбор и хранение (пропажа)? Материалы? Организация сотрудничества местного и общепартийного органов? Основные литературные группы? Репортеры? Связи в литературной среде? Способы посылки корреспонденции через комитет? Через частных лиц и широко ли? Попытки утилизировать студенчество, ссыльных? Выводы из опроса на счет органов?

21) Маевки? История каждой маевки и уроки на будущее?

22) Демонстрации? Свод данных по данной демонстрации? Попытки организации вообще? Отпоры в частности? Вооружение? Взгляды на этот счет рабочих и практиков вообще? Дополнение и проверка партийной литературы о демонстрациях? Современное отношение к этому вопросу?

V. ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИОННЫМ (В ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ) ГРУППАМ ДРУГИХ РАС И НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.

23) Есть ли рабочие других национальностей и рас? Работа среди них? Организованная и случайная? На каких языках? Отношение к группам социал-демократическим, работающим рядом на другом языке? Желательна точная и подробная характеристика этих отношений. Есть ли разногласия? по принципиальному вопросу о националистических программах? Тактические? организационные? Желательные отношения для совместной работы. Возможность *одного* партийного органа? Федерация, желательна ли и какого типа?

VI. ТИПОГРАФИИ, ТРАНСПОРТЫ И КОНСПИРАТИВНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ РАБОТЫ.

24) Типографии. Опыт их устройства. Расходы денег и людей. Продуктивность. Надобность в местных (для листков) и общих для многих городов? Техническая, организационная, финансовая, конспиративная сторона этого дела?

25) Транспорты. Были ли связи по этой части? предприятия? История каждого из них и подробные данные о постановке, ходе, результатах и выводах на будущее. Желательная организация.

26) Конспиративная постановка. Конспиративная квартира? Знак? Есть ли нелегальные? Доставка паспортов? Опыт в этом отношении? Есть ли связи для этого? Устройство свиданий? Слежение за шпионами? Борьба с шпионами и провокаторами? Формы ее, бывшие и желательная. Шифры, переписка между городами, внутри города, с заграницей? Чтения по вопросу: «как себя держать на допросах»? Надобность в этой и подобных брошюрах? Архив комитета. Были ли и сохранялись ли раньше? теперь?

VII. СВЯЗИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДРУГИХ СЛОЯХ НАСЕЛЕНИЯ, КРОМЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

27) Работа в крестьянстве? Есть ли отдельные связи? Подробные данные о них? Как завязаны и как поддерживаются, с какими крестьянами? С сельско-хозяйственными рабочими? Роль рабочих, уходящих в деревню? Попытки пропаганды? распространение брошюр? листков? каких именно, с каким успехом? Современное положение и виды на будущее.

28) Студенчество. Случайное и личное или организованное воздействие? Много ли социал-демократов выходит из студенчества? Есть ли связь с студенческими кружками, землячествами, союзными советами? Как ведутся эти сношения? чтения? распространение литературы? Преобладающее настроение в студенчестве и история смены разных настроений. Отношение к студенческим волнениям? Участие студентов в демонстрациях? Попытки заранее сговориться об этом? Студенты, как пропагандисты, подготовка их?

29) Средние учебные заведения, гимназии, семинарии и пр., торговые и коммерческие училища? Характер связей с учениками? Отношение к новому фазису подъема движения в их среде? Попытки устройства кружков и занятий? Бывали ли (и часто ли) социал-демократы из только что кончивших (или некончивших) гимназистов? Кружки, чтения? Распространение литературы?

30) Связи с обществом? Были ли прежде и теперь? Среди каких слоев? На почве денежных сборов? Распространение литературы? для устройства легальных библиотек? для сбора сведений и корреспонденций? Спрос на с.-д. литературу? Связь в чиновничьем мире? Среди почтово-телеграфных, железнодорожных служащих? Среди фабричной инспекции? Среди служащих по полиции? Среди духовенства? и т. д. Желательно ознакомление

и с тем опытом, который есть у отдельных членов комитета в их личных связях в разных слоях.

31) Связи в военной среде? Роль интеллигентов и рабочих с.-д. отбывавших воинскую повинность. Связи среди офицеров и нижних чинов? Чем поддерживаются и утилизируются эти связи? Значение этих связей в агитационном, пропагандистском, организационном и других отношениях?

По этому и предыдущим вопросам желательны особенно подробные данные, ввиду новизны вопроса и необходимости обобщить и связать многие разрозненные шаги.

VIII. СОСТОЯНИЕ НЕ С.-Д. РЕВОЛЮЦИОННЫХ И ОППОЗИЦИОННЫХ ТЕЧЕНИЙ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ.

32) Либеральные направления. Либерально-народнические. В обществе? студенчестве? «Освобождение», его распространение (в студенчестве? у рабочих?) и влияние? Есть ли кружки «Освобождения»? Отношение их к с.-д. Интерес к «Освобождению» в с.-д. кругах и точка зрения на него. Утилизируются ли для пропаганды и агитации общие собрания с полемикой?

33) С.-р. Подробная история их появления в данной местности? Когда? Переход в с.-р., влияние «экономизма». Характер и состав их связей, кружков? ветераны? студенты? рабочие? Борьба с с.-д., ее ход и способ ведения? Объединение групп с.-д. и с.-р. Подробная история их, данные о работе, *листках*, резолюциях групп и проч. Особые условия слабости или силы с.-р.? Террористические увлечения в студенчестве? в рабочей среде? Работа с.-р. в крестьянстве? характер их связей и деятельности там? Влияние их «аграрной программы»?

34) Остальные группы и направления. «Свобода», «Рабочая партия политического освобождения России», махаевцы [76]), рабочеделенцы и т. д. Характеристика воззрений, отношение к с.-д., данные об их связях и работе.

Написано в январе 1903 г.
Впервые напечатано в 1924 г., в журнале «Пролетарская Революция», № 1.

Печатается по копии, переписанной неизвестной рукой.

МОСКОВСКИЕ ЗУБАТОВЦЫ В ПЕТЕРБУРГЕ [77].

В «Московских Ведомостях» (№ 345, от 15 дек. 1902 г.) помещено «письмо к издателю» рабочего Ф. А. Слепова, которое мы перепечатываем *целиком* ниже. Во-первых, нам хочется поощрить нашего почтеннейшего «собрата по перу», г. редактора «М. Вед.» Грингмута, поместившего столь интересный документ. А в поощрении г. Грингмут, несомненно, нуждается, ибо его высокополезная деятельность по доставлению (и освещению) материала для революционной агитации за последнее время както ослабела, потускнела... задора стало меньше. Стараться надо больше, коллега! Во-вторых, петербургским рабочим в высшей степени важно теперь следить за каждым шагом зубатовщины, регулярнее собирать, шире распространять и обстоятельнее разъяснять всем и каждому сведения о том, как обнявшиеся с шпионами рабочие беседуют с бывшими, настоящими и будущими генералами, великосветскими дамами и «истинно-русскими» интеллигентами.

Вот это письмо, которое мы снабжаем некоторыми примечаниями в скобках:

«М. Г. Не найдете ли вы возможным напечатать в уважаемых истинно-русскими людьми «Моск. Ведомостях» следующее:

10 числа текущего месяца в Петербурге, в помещении «Русского Собрания», происходило заседание членов Совета названного «Русского Собрания», посвященное исключительно вопросам, касающимся быта русских заводско-фабричных рабочих.—Из наиболее видных представителей петербургского общества были следующие лица: бывший помощник Варшавского генерал-губернатора генерал К. В. Комаров, генерал-контролер А. В. Васильев, полковник А. П. Веретенников, граф Апраксин, бывший Киевский генерал-губернатор, граф А. П. Игнатьев, граф П. А. Голенищев-Кутузов, генерал Забудский, адмирал Назимов, Николай Вячеславич фон-Плеве, член Совета при Министерстве Народного Просвещения И. П. Хрущев, профессор Генерального Штаба Золотарев, В. С. Кривенко, гр. П. Ф. Гейден, ген. Демьяненков, протоиерей Орнат-

ский и др. представители церкви; были также дамы великосветского петербургского общества, а также из Городского управления — городской голова Лелянов и гласный Дехтерев. Из представителей печати В. В. Комаров, редактор «Света [78])», В. А. Величко, редактор «Русского Вестника» [79]), Сыромятников, сотрудник «Нового Времени», К. К. Случевский, бывший редактор «Правительственного Вестника», Лейкин, редактор-издатель журн. «Осколки [80])», художник Каразин и др. — Заседание открылось чтением доклада о положении рабочих заводско-фабричной промышленности, каковой был прочитан рабочим И. С. Соколовым (см. о нем в № 30 «Искры», где дан, со слов «Света», более полный список петербургских рабочих-зубатовцев. *Ред. «Искры»* [81])). Докладчик главным образом выяснил современное состояние рабочего класса в промышленных городах, их нужды материальные и духовные, их стремления к знанию и т. д. (Жаль, что не напечатан доклад г. Соколова! Интересно бы посмотреть, как он мог «выяснить» стремления рабочих к знанию, не говоря о полицейской травле этого стремления. *Ред. «Искры».)* Затем представители рабочих Москвы (не правильнее ли было сказать: представители московского охранного отделения? Не на полицейские ли денежки и съездили Вы с Вашими товарищами в Питер, г. Слепов? *Ред. «Искры»)*, в числе которых был и я, также имели честь присутствовать на заседании «Русского Собрания» и докладывать почтенному собранию о положении дел в рабочем мире Москвы. В своем докладе мы, прежде всего, выразили глубокую благодарность от имени русских рабочих членам «Русского Собрания» за то, что они допустили их представителей выяснить то состояние, в котором находится в настоящее время рабочий класс в России. Далее мы просили представителей высшего русского общества обратить серьозное внимание на образование русских рабочих (ну, конечно! Именно от высших классов надо ждать рабочему образования — посредством нагайки, вероятно! *Ред. «Искры»)*, находящееся далеко не в удовлетворительном виде, чем с успехом пользуются злонамеренные личности для проведения социалистической пропаганды (если *социалистам* выгоден недостаток образования, то почему же это *правительство* закрывает школы для рабочих и закрывает читальни? что-то тут не так, г. Слепов! *Ред. «Искры»)*, нанося этим вред не только рабочим, но и всему Государству Русскому.— Затем мы старались обратить внимание почтенного собрания на несочувствие московских фабрикантов и заводчиков к идее рабочих Москвы объединиться в тесную семью, для учреждения своих касс взаимопомощи, столь важных для избавления от гнетущей их нужды. В связи с этим мы просили членов почтенного собрания возбудить в правительственных сферах вопрос о кредите для рабочих касс взаимопомощи (см. речь нижегородского рабочего Самылина на суде

в № 29 «Искры», о том, как его арестовали за участие в экономическом кружке [82]). Вот вам и образование, вот вам и кассы! *Ред. «Искры»).* Несомненно, что поддержка в материальных нуждах рабочих составила бы лучшее опровержение злонамеренной пропаганды в их среде (неужели г. Слепов — и попалась же такая удачная фамилия! — серьезно думает, что сознательный рабочий из-за жалких подачек откажется от стремления к свободе? А несознательную, темную *массу* «поддержать в материальных нуждах» не в силах даже самые высокопоставленные покровители зубатовцев, ибо для такой поддержки надо сначала изменить весь общественный строй, покоящийся на обездолении масс. *Ред. «Искры»).*—Эти фальшивые *«доброжелатели»* рабочих говорят обыкновенно, что жизнь улучшить они могут только посредством бунтов, возмущений, сопротивлений власти и т. п. К несчастию нашему такое подстрекательство имеет иногда успех, как все знают. Мирное улучшение быта рабочих лучше всего опровергает агитаторов. — Затем мы имели честь докладывать почтенному собранию, что в Москве, несмотря на сильнейшую безработицу, социалистическая пропаганда за последнее время потеряла всякий успех (а мы недавно только слышали о громадных арестах в Москве! К чему бы было и кого бы было арестовывать, если бы пропаганда теряла успех?? *Ред. «Искры»)* именно потому, что рабочие начинают уже организоваться, имея у себя Общество взаимного вспомоществования, Общество потребителей, и потому, что сочувственное внимание власти обращено уже на нужды рабочих, дав возможность устроить для них общеобразовательные чтения и т. п. — Кроме всего вышесказанного, мы докладывали также собранию о случаях, бывших в Москве, где мы фигурировали в качестве посредников-примирителей рабочих с заводчиками и не только устраняли, но и предупреждали могущие вспыхнуть беспорядки, так, напр., было на заводе Гакенталь, на заводе бр. Бромлей, на заводе Добров-Набгольц. Мы упомянули также о стачке рабочих металлургического завода Гужон, где рабочие прокатного и гвоздильного отделений, хотя прекратили работы, но только благодаря нашему вмешательству не дошли до беспорядков, и рабочие стали на работу, послушав наших товарищеских советов (таких «товарищеских» советов довольно уже слушают рабочие при каждой стачке и от полиции, и от фабричных инспекторов, которые всегда упрашивают «стать на работу». Это не товарищеские, а полицейские советы. *Ред. «Искры»).*

«Члены «Русского Собрания» выслушали благосклонно (еще бы не благосклонно слушать рабочих, помогающих полиции в ее деле! *Ред. «Искры»)* наши доклады и многие высказались в том смысле, что надо серьезно задуматься над вопросом о рабочих и дать рабочим возможность и способы выбиться из-под влия-

ния социалистического учения (интересная картина: генералы и попы, зубатовские шпионы и верные полицейскому духу писатели собрались «помогать» рабочему выбиваться из-под влияния социалистического учения! — а кстати также и помогать вылавливать неосторожных рабочих, которые пойдут на удочку. *Ред. «Искры»)*, допустив их самодеятельность, под контролем правительственных узаконений и под руководством той части интеллигенции, которая истинно любит свою родину и стремится к благу и процветанию ее (хороша самодеятельность под контролем полиции! Нет, рабочие уже требуют теперь самодеятельности при условии свободы от полиции, свободы выбора в руководители таких интеллигентов, которым они, рабочие, доверяют. *Ред. «Искры»)*. В. В. Комаров, А. В. Васильев, полковник Веретенников, г. Дехтерев, художник Каразин, князь Д. П. Голицын и многие другие чрезвычайно тепло отнеслись к вопросу о рабочих. Были высказаны мысли о необходимости учреждения особых советов от рабочих с центральным во главе, роль которых была бы благотворною в смысле предупреждения возникающих недоразумений между рабочими и заводчиками. По выражению г. Дехтерева, это следует допустить потому, что толпа никогда не может действовать сознательно и что повлиять на толпу рабочих могут лучше всего сами рабочие, приведя для примера существующие во Франции такого рода учреждения, с успехом выполняющие вышеуказанные задачи (Да, Советы от рабочих имеют успех во Франции и во всей Европе. Это правда. Но они имеют успех потому, что рабочие пользуются там политической свободой, имеют свои союзы, свои газеты, своих выборных в парламентах. Неужели г. Дехтерев думает, что петербургские рабочие все так наивны, чтобы не знать об этом? *Ред. «Искры»)*.— Вопрос о правительственном кредите кассам взаимопомощи рабочих также был встречен сочувственно членами «Русского Собрания». Заседание закончилось тем, что постановлено было избрать особую комиссию, для обсуждения мер по данному вопросу.— Мы надеемся, что вы, г. редактор, как истинно-русский человек, отнесетесь также сочувственно к нам, рабочим, и позволите сообщить в газете вашей вышеприведенное, дабы лучшие наши люди соединились все для совместной борьбы с врагами нашей родины, вносящими в народные массы смуты, сеющими семена междоусобиц и ослабляющими преданность к заветам старины, освященным веками, уважение и благоговение пред Верховною Властью.— Мы твердо верим, что есть и на Руси люди, готовые посвятить свои силы на служение отчизне, положить на алтарь ее свои силы и способности и, дружно сплотясь, поставить непреодолимую преграду неправде и злу на Руси.

Рабочий Ф. А. Слепов.»

А в конце не мог не проговориться г. Слепов! Вся поддержка рабочих нужд, все сочувствие со стороны правительства свелась к одному: из рабочих же образовать группы для борьбы с социализмом. Вот это правда. И рабочим очень интересно будет узнать, что кроме нагаек и тюрем, ссылки и тюрем в них будут еще внедрять «уважение и благоговение пред Верховной Властью» гг. зубатовские рабочие. На открытых собраниях ни один разумный рабочий не станет говорить то, что он думает, — это значило бы прямо отдаваться в руки полиции. А посредством *своих* газет, *своих* листков и *своих* собраний мы можем и должны добиться того, что новый зубатовский поход весь пойдет на пользу социализму.

«Искра» № 31, 1 января 1903 г.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ «ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА» [83]).

Четыре года тому назад несколько русских соц.-демократических организаций объединились в «Российскую Соц.-Демократическую Рабочую Партию», выработав некоторый план организации и общие принципы деятельности, изложенные в изданном партией «Манифесте». К сожалению, эта первая попытка не увенчалась успехом: не было еще на-лицо необходимых элементов для создания единой, сильной социал-демократической партии, борющейся непреклонно за освобождение пролетариата от всех видов гнета и эксплуатации. С одной стороны, самые формы практической деятельности русской социал-демократии еще только складывались; недавно выступившая на путь борьбы, социал-демократия еще искала путей для наилучшего проведения своих теоретических взглядов, она шла еще робкими, неуверенными шагами. Лежащее в основе ее деятельности рабочее движение, вылившееся в грандиозные стачки, только что вспыхнуло тем ярким блеском, который ослепил глаза многим, затмив для них столь ясные и определенные задачи и цели революционной соц.-демократии, заставив увлечься узко-профессиональной борьбой. С другой стороны, непрестанные репрессии правительства, обрушиваясь на соц.-демократические организации, еще не окрепшие, еще не успевшие пустить прочных корней, разрушали всякую преемственность, уничтожали всякие традиции в деятельности.

Однако, эта неудавшаяся попытка не прошла бесследно. Сама идея организованной политической партии пролетариата, руководившая нашими предшественниками, стала с тех пор путеводной звездой и желанной целью всех сознательных соц.-демократических деятелей. В течение этих четырех лет делались неоднократные попытки осуществить эту завещанную нам первыми соц.-демократическими деятелями идею. Но до сих пор мы все еще стоим перед нашей дезорганизованностью так же, как и четыре года тому назад.

А между тем жизнь предъявляет нам все большие и большие требования. Если первые деятели партии ставили своей задачей пробуждение дремлющих в рабочих массах революционных сил, то перед нами стоит гораздо более сложная задача — направить пробуждающиеся силы туда, куда нужно, стать во главе этих сил и руководить ими. Мы должны быть готовы не сегодня-завтра услышать призывный клич: «Ведите нас, куда вы нас звали!», и страшно, если этот миг застанет нас врасплох, столь же разрозненными, столь же неподготовленными, как в настоящий момент. Пусть нам не говорят, что мы преувеличиваем серьезность момента. Кто способен заглядывать дальше поверхности ряби, кто способен распознавать совершающийся в глубине процесс, тот не заподозрит нас в преувеличении.

Но серьезность положения усугубляется еще другими обстоятельствами. Мы переживаем знаменательный исторический момент. Пробуждение рабочего класса в связи с общим ходом русской жизни вызвало к деятельности различные общественные слои. С большей или меньшей созна-

тельностью они стремятся сорганизоваться, чтобы так или иначе примкнуть к борьбе с отжившим режимом. В добрый час! Социал-демократия может только приветствовать всякого примкнувшего к такой борьбе. Но она должна зорко следить за тем, чтобы подобные союзники не сделали ее молотом в своих руках, не отодвинули ее от главной арены деятельности, не лишили бы руководящей роли в борьбе с самодержавием и, главное, не повредили бы поступательному ходу революционной борьбы, отклонив ее от правильного пути. Что подобная опасность не призрак воображения — ясно для всякого, внимательно следившего за революционной борьбой последних лет.

Итак, в настоящий момент перед русской социал-демократией стоит громадная задача, которая не по плечу никаким местным комитетам, никаким даже районным организациям. Как бы совершенны ни были местные организации, они не смогут справиться с этой задачей, ибо она уже переросла местные рамки. Она может быть выполнена только коллективными силами всех русских соц.-демократов, сплоченных в одну централизованную, дисциплинированную армию. Но кому же взять на себя инициативу объединения?

Вопрос этот обсуждался в прошлом году на конференции представителей: Петербургского Союза Борьбы, Центрального Комитета объединенных южных комитетов и организаций, организации «Искры», Центральных Комитетов (русского и заграничного) «Бунда», Союза Русских Социал-Демократов за границей и некоторых других организаций. Конференцией поручено было представителям некоторых организаций образовать Организационный Комитет, который взял бы на себя задачу фактического восстановления Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Во исполнение этого постановления представители: Петербургского Союза Борьбы, организации «Искры» и группы «Южного Рабочего» *) образовали «Организационный Комитет», который ставит своей первой и главной задачей *подготовку условий для созыва партийного съезда.*

Но в виду того, что дело созыва съезда представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени, Организационный Комитет впредь до восстановления центральной организации партии берет на себя выполнение некоторых общих функций (выпуск общерусских листков, общий транспорт и техника, установление связей между комитетами и проч.).

Само собою разумеется, что Организационный Комитет, возникший по частной инициативе некоторых организаций, находится в обязательных отношениях только к тем организациям, которые его уже уполномочили или дадут свои полномочия. Для всех же прочих комитетов и групп он представляет частную организацию, предлагающую им свои услуги.

Велика и ответственна задача, которую решается взять на себя Организационный Комитет, и если он все же дерзает сделать это, то лишь потому, что необходимость объединения слишком настоятельна, разброд слишком дает себя чувствовать, дальнейшая дезорганизованность слишком угрожает общему делу. Приступая к деятельности, Организационный Комитет полагает, что успешность этой деятельности в значительной степени будет обусловливаться отношением к нему социал-демократических комитетов и организаций, и само это отношение будет для него критерием того, насколько правильно оценил он настоящий момент.

Организационный Комитет.

* * *

*) «Бунду» также было предложено прислать своего представителя в Организационный Комитет, но по неизвестным нам причинам «Бунд» не отозвался на это приглашение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и «Бунд» не замедлит прислать своего представителя.

Заявление вновь образовавшегося Организационного Комитета нашей партии достаточно ясно говорит само за себя, и нам нечего тратить много слов о важном значении сделанного шага. Объединение, восстановление целостности партии—самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских соц.-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не объединение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а объединение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Нам нужно объединение на почве строгого принципиального единства, к которому должны сознательно и твердо придти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке при различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям. Такого объединения нельзя не только декретировать, его нельзя и создать сразу, одними резолюциями собравшихся делегатов, его надо систематически и исподволь подготовить и выработать, так чтобы съезд всей партии закреплял и исправлял уже сделанное, продолжал начатое, заканчивал и формально утверждал прочный фундамент для дальнейшей, более широкой и глубокой, работы. И мы особенно приветствуем поэтому разумно-осторожный и скромный приступ О. К. к своей работе. Не претендуя ни на какие обязательные отношения ко всей массе русских соц.-демократов, О. К. ограничивается тем, что *предлагает свои услуги* всем им. Пусть же все русские соц.-демократы без исключения, комитеты и кружки, организации и группы, люди, состоящие на действительной службе, и временно отставные (ссыльные и т. п.) поспешат ответить на этот призыв, постараются завязать непосредственные и живые сношения с О. К., примутся самым энергичным образом за активную поддержку всей громадной объединительной работы. Нам надо добиться, чтобы не было *ни одной* группы русских социал-демократов, которая не была бы связана с О. К., которая бы не работала в товарищеском единении с ним. Далее, считая своей первой и главной задачей подготовку и созыв общепартийного съезда, О. К. берет на себя и некоторые общие функции *по обслуживанию движения*. Мы уверены, что не найдется ни одного социал-демократа, который бы не признал настоятельной необходимости этого расширения функций О. К., ибо это есть лишь расширенное *предложение услуг*, — предложение, которое идет навстречу заявленным уже тысячи и тысячи раз запросам,— предложение не отказаться от каких-либо «прав», а отказаться лишь поскорее на практике от обособленности, взяться сообща за постановку ряда общих предприятий. Наконец, мы считаем также совершенно правильным и уместным решительное заявление О. К., что дело созыва съезда

*

представляется в высшей степени сложным и требует для своего осуществления значительного времени. Это отнюдь не значит, конечно, чтобы созыв съезда откладывался. Ничего подобного. Если говорить о настоятельности съезда, то мы признали бы и месячный срок для его созыва чересчур «значительным». Но если вспомнить наши условия работы и необходимость серьезного представительства всего движения на съезде, то и срок впятеро, вдесятеро больший не заставит еще придти в уныние ни одного сколько-нибудь опытного работника.

Пожелаем же всякого успеха делу скорейшего объединения и восстановления партии, докажем свое сочувствие не только словами, но и немедленными делами всех и каждого, и да здравствует русская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

«Искра» № 32, 15 января 1903 г.

Несколько мыслей по поводу
(Заграничн. Л-ке) письма 7 ц. ф.

Пишу под свежим впечатлением только что прочитанного мною вашего письма. Оно возмутило меня своей неприкрытой фальшью, так что я не могу удержаться от желания тотчас высказать свое мнение. Передайте, пожалуйста, мое письмо автору его, и скажите, что обращаясь [illegible]. Это вовсе не для печати.

Письмо требует ответа, не ~~скажу~~ в виду того, что оно особенно рельефно освещает одну характерную черту в настроении многих нынешних рев-ров. Ждать указки, требовать всего сверху, со стороны, извне, беспомощно разводить руками при виде неудач, испытываемых на,

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Несколько мыслей» — 1903 г.

Уменьшено

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ ПИСЬМА *** [84]).

Пишу под свежим впечатлением только-что прочтенного мной Вашего письма. Оно возмутило меня своей непродуманной трескотней, так что я не могу удержаться от желания откровенно высказать свое мнение. Передайте, пожалуйста, мое письмо автору его и скажите, что обижаться на резкое слово нечего. Это ведь не для печати.

Письмо стоит ответа, по-моему, ввиду того, что оно особенно рельефно освещает одну характерную черту в настроении многих нынешних революционеров. Ждать указки, требовать *всего* сверху, со стороны, извне, беспомощно разводить руками при виде неудач, испытываемых на месте благодаря неактивности, жалобы и жалобы, выдумывание рецептов, которые бы излечили зло, дешево и просто.

Не придумаете, господа! При неактивности *вас самих*, если вы у себя под носом будете допускать расколы и потом охать, да ахать, да жаловаться, — *никакие рецепты не помогут*. И неумно совсем осыпать нас за это жалобами. Не подумайте, чтобы мы обижались за обвинения и нападки ваши: привыкли, знаете, чертовски привыкли к ним, так что они не задевают!

«Массовая» литература, «десятки пудов» — это ваш боевой клич есть не что иное, как именно *выдуманный рецепт* для излечения вас со стороны от вашей собственной неактивности. Поверьте, что никакие такие рецепты не подействуют *никогда!* Если вы сами не будете энергичны и поворотливы, — никто вам ничем не поможет. Вопить: *дайте* нам то и то, *доставьте* это и это — весьма нерезонно, ибо *вы сами должны взять и доставить*. Нам об этом писать бесполезно, ибо мы отсюда этого сделать не можем, а вы от себя можете и должны: я говорю о доставке имеющейся у нас и издаваемой нами литературы.

Некоторые местные «деятели» (получающие сие название от их бездеятельности), видя по нескольку номеров «Искры» всего, не работая активно над *массовым* получением и распро-

страненпем ее, выдумывают себе легкую отговорку: это не то. Нам подай *массовую* литературу, для массы! Разжуй, в рот положи, а проглотим, может быть, и сами.

Как феноменально нелепы кажутся эти вопли тому, кто знает и видит, что они, эти местные «деятели», не умеют поставить распространения и того, что есть. Не смешно ли читать: подайте десятки пудов, когда вы *не умеете* взять и развезти и *пяти пудов?* Сделайте-ка это сначала, почтеннейшие «фантазеры на час» (ибо первая неудача сбивает вас со всего, даже со всех ваших убеждений!). Сделайте это, и тогда, когда вы сделаете это не раз, а десятки раз, *вырастет* и издательство в ногу с запросами.

Говорю: вырастет, ибо ваши вопли о массовой литературе (без критики и смысла перенятые у соц.-рев. и свободовцев и всяких растерявших «бездеятелей») основаны на забвении маленькой... очень маленькой мелочи, именно на забвении того, что вы не умеете взять и распространить *даже сотой доли* той массовой литературы, которую мы сейчас издаем. Я беру один из последних списков одного из немногих (из мизерно, жалко, постыдно немногих) наших транспортов. *Нижегородские речи, ростовская борьба, брошюра о стачках, Дикштейн* *) — ограничусь этим. Четыре, только четыре вещички! Так мало!!

Да, очень мало! Да, нам нужно четыреста, а не четыре.

Но позвольте-ка вас спросить, *сумели ли вы хоть четыре-то* распространить *в десятках тысяч?* Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели распространить и в сотнях. *Поэтому* вы и кричите: *давайте* нам десятки пудов! (Никто и никогда ничего вам не *даст,* ежели не сумеете *брать:* запомните это).

Сумели ли вы использовать те *сотни,* которые вам *доставили, привезли, в рот положили??* Нет, вы не сумели этого сделать. Вы не сумели даже на этой мелочи связать *массы* с социал-демократией. Мы имеем ежемесячно десятки и сотни листков, сообщений, корреспонденций и писем из всех концов России, и у нас не было *ни одного* (подумайте хорошенько над точным смыслом этих точных слов: «ни одного»!) сообщения о распространении этих сотен в *массе,* о впечатлении на *массу,* об отзывах *массы,* о беседах в *массе* об *этих* вещах! Вы оста-

*) Это старо! — вопите вы. Да. Все партии, имеющие *хорошую* популярную литературу, распространяют *старье:* Гэда и Лафарга, Бебеля, Бракке, Либкнехта и пр. *по десятилетиям.* Слышите ли: по десятилетиям! И популярная литература *только та хороша, только та и годится,* которая служит *десятилетия.* Ибо популярная литература есть ряд *учебников для народа,* а учебники излагают азы, не меняющиеся по *полустолетиям.* Та «популярная» литература, которая вас «пленяет» и которую «Свобода» и с.-р. издают пудами ежемесячно, есть *макулатура и шарлатанство.* Шарлатаны всегда суетливы и шумят больше, а некоторые наивные люди принимают это за энергию.

вляете нас в таком положении, что писатель пописывает, а читатель (интеллигент) почитывает, — и потом этот же ротозей-читатель мечет гром и молнии против писателя за то, что он (писатель!!!) не дает «десятки пудов» везде и повсюду. Человек, вся задача которого *связать* писателя с массой, сидит как нахохлившийся индюк и вопит: подайте массовой литературы, *не умея в то же* время использовать и *сотой доли* того, что есть.

Вы скажете, конечно, что «Искры», например, этого главного нашего продукта, *и нельзя,* вообще нельзя *связать* с массами. Я знаю, что вы скажете это. Я сотни раз слышал это и всегда отвечал, что это неправда, что это увертка, отлыниванье, неуменье и вялость, желание получить прямо в рот жареных рябчиков.

Я знаю из фактов, что люди деятельные *умели* «связывать» «Искру» (эту архи-интеллигентскую, по мнению плохоньких интеллигентов, «Искру») *с массой* даже таких отсталых, мало развитых рабочих, как рабочие подмосковных промышленных губерний. Я знал *рабочих,* которые сами распространяли среди массы (тамошней) «Искру» и говорили только, что ее мало. Я слышал совсем недавно рассказ «солдата с поля битвы», как в одном из таких фабричных захолустий центра России «Искру» читают сразу во многих кружках, на собраниях по 10—15 человек, причем предварительно комитет и подкомитеты *сами* читают каждый номер, *намечая* сообща, как именно каждую статью использовать в агитационном сообщении. И умели использовать даже те жалкие 5 — 8 (maximum: *восемь!!*) экземпляров, которые только и попадали им благодаря безрукой бездеятельности сидящих около границ деятелей (не умеющих никогда устроить даже приемок для транспортеров и надеющихся, что писатель будет им рожать не только статьи, но и людей с руками!).

Скажите-ка, положа руку на сердце: многие ли из вас *так* использовали *каждый* из полученных вами (доставленный *к* вам, привезенный *к* вам) экземпляр «Искры»! Вы молчите! Ну, так я скажу вам: один из *сотни* попадающих в Россию (по воле судеб и по бездеятельности «читателей») экземпляров используется *так,* с обсуждением каждой заметки в ее агитационном значении, с чтением каждой заметки в кружке рабочих, *во всех* кружках *всех* рабочих, которые только имеют привычку сходиться вместе в данном городе. И вот люди, не умеющие *переработать* даже сотой доли попадающегося к ним материала, вопят: давайте десятки пудов!! Щедринская формула (писатель пописывает) еще далеко, далеко чересчур оптимистично смотрит на «читателя»!!

Современный читатель (из интеллигентных социал-демократов) дошел до того, что жалуется на *писателей* за то, что интеллигенты на местах вялы и «командуют» рабочими, ничего не

делая для них. Жалоба справедливая, тысячу раз справедливая, но только... по адресу ли она? Не позволите ли вы нам *вернуть сию жалобу отправителю* со взысканием с него двойного штрафа?? Вы-то чего смотрите, почтеннейшие гг. жалобщики? Если ваши приятели *не умеют* использовать «Искры» для чтения в кружках рабочих, *не умеют* выделить людей для доставки и развозки литературы, *не умеют* помочь рабочим самим образовать кружки для этого, то отчего *вы не гоните в шею* таких безруких приятелей?? Вы подумайте только, в каком вы милом положении оказываетесь, когда вы *нам* на *вашу* собственную безрукость жалуетесь??

Это — *факт*, что не используется «практиками» и сотой доли того, что они *могут взять*. И не менее несомненный факт, что только отговоркой и отлыниванием является выдумывание этими практиками особых сортов «массовой» литературы. В письме 7 ц. 6 ф. например, три сорта «нам» (конечно уже нам) рекомендуется:

1) Популярная газета. Разжуйте каждый факт так, чтобы он без переваривания шел в прок. Так, чтобы *нам*, «деятелям», и желудков вовсе не надо было иметь.

Не беда, что до сих пор мир даже не видал такой «популярной» «газеты», ибо газета *отвечает* на *все*, а популярная литература *учит* чему-либо *немногому*. Не беда, что *все* наши образцы такой литературы, начиная от «Рабочей Мысли», продолжая «Вперёдами»[85]), «Рабочими Делами», «Красными Знаменами»[86]) и проч., неизбежно и непременно оказывались ублюдками, и не популярными и не газетами. Не беда, что *все* попытки «рабочих» газет только питали и будут всегда питать нелепое деление интеллигентного *и* рабочего движения (деление, вызванное скудоумием и безрукостью интеллигентов, которые доходят до того, что с *места* за тридевять земель жалобы шлют на свою собственную безрукость!). Не беда, что *все* попытки «рабочих» газет плодили до сих пор и будут у нас всегда плодить кустарничество и особые, глубокие, казанские и харьковские теории. Не беда все это. Ведь вот *пленительная* «Свобода» и *пленительные* («дух замирает») эс-эры издают же — и уф, какую массу! — популярных газет и газет-журналов!! «Народное Дело»[87]), «Красное Знамя», «Свобода», — журнал для рабочих, «Отклики» — газета и журнал для рабочих, «Лучина»[88]) — для крестьян, «Рабочая Мысль» — женевская газета петербургских рабочих!! Не беда, что все это — дермо, но зато *массовое* дермо.

А у вас все одна «Искра», скучно ведь. 31 номер и все «Искра», тогда как у пленительных людей на два номера одного названия (дерма) приходится немедленно три номера другого названия (дерма). Вот это энергия, вот это весело, вот это ново! А наши-то социал-демократы...

2) И брошюры-то у «них» все новые да новые. И каждый оттиск идет за брошюру и все это шарлатански выкрикивается, листы подсчитываются (*миллион* листов: см. № 16 «Революционная Россия». Рекорд побили! Чемпионы!).

А у нас! Оттиски не считаются брошюрами — интеллигентщина, литературщина!! Переиздаются старые, престарые Диксштейны, — тогда как всем девицам в Париже и в Чернигове известно, что *десять* новых брошюр (дерма) во *сто* раз больше значат, чем одна старая, да хорошая.

Это ведь только у немцев так, что вот, например, в 1903 году переиздают в *одиннадцатый* раз «Наши цели» Бебеля, написанные 34 года тому назад!! Это скучно. У нас «пленительные» соц.-рев. так и прыщут. А наши местные «деятели» не умеют воспользоваться ни *старыми* (20 лет тому назад: старье! в архив!) плехановскими брошюрами, ни «какой-нибудь» одной (одной!) брошюрой о стачках и записке Витте!

Я уже не говорю о том, что местный «деятель» палец о палец не ударил, чтобы выжать *хорошие* брошюрки от сидящих по ссылкам писателей, — *чтобы поставить сотрудничество* в «Искре» *местных литераторов*. К чему это? Жаловаться гораздо легче, чем налаживать такую хлопотливую вещь! И современный читатель, не краснея, называет себя «искряком» на том основании, что он в «Искру» жалобы пишет. И ему нисколько не совестно за то, что в «Искре» на $^{99}/_{100}$ все те же $3^1/_2$ человека пишут. И ему не надо даже соображать, что прекратить «Искру» нельзя, что двухнедельный выход $1^1/_2$ — 2 листов требует-таки хлопот. И он все же, с легкомыслием прямо бесподобным, восклицает: 31 номер, а все еще дураков на местах и безруких пытиков много!! Аргумент, поистине, разрушительный... только кого и что он разрушает!

3) Листки.

Дайте нам листки! Комитеты не могут!! Напишите, доставьте, привезите (и распространите?) листки!

Н... да, это уже вот последовательно. Я разеваю рот, — а вы сыпьте: вот новая формула отношений «писателя» и «искряка»-практика! Договориться до того, что местные листки не под силу местным организациям (состоящим из ротозейничающих «деятелей»), что эти листки должны даваться из-за границы, это уже *предел всего*. Это такое великолепное (с моей точки зрения) увенчание здания всего письма 7 п. 6 ф., что я могу только этим «венцом» и закончить. Сей сияющий венец только потускнеет от добавлений или комментариев.

Написано в начале января 1903 г.

Впервые напечатано в 1924 г., в журнале «Молодая Гвардия», № 2—3.

Печатается по рукописи.

ПО ПОВОДУ ЗАЯВЛЕНИЯ БУНДА.

Мы только что получили № 106 «Последних Известий» [89]) Бунда (от 3/21 января), содержащий сообщение о чрезвычайно важном, решительном и до последней степени печальном шаге Бунда. Оказывается, что в России вышло заявление Центрального Комитета Бунда по поводу извещения Организационного Комитета. Вернее, впрочем, было бы сказать: заявление по поводу *примечания* в извещении О. К., ибо *главным образом* по поводу одного этого примечания и рассуждает Бунд в своем заявлении.

Дело вот в чем. Как знают наши читатели, О. К. сказал в этом ужасном «примечании», из которого (будто бы из которого!) загорелся сыр-бор, буквально следующее:

«Бунду также было предложено прислать своего представителя в О. К., но по неизвестным нам причинам Бунд не отозвался на наше предложение. Надеемся, что причины эти были чисто случайные, и Бунд не замедлит прислать своего представителя» *).

Спрашивается, что может быть естественнее и невиннее этого примечания? Как мог поступить иначе О. К.? Умолчать о Бунде было бы неправдой, ибо О. К. не игнорировал его, да и не мог игнорировать, пока Бунд, на основании решения партийного съезда 1898 г., входит в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. А если не умолчать, то надо сказать, что мы приглашали. Кажется, это ясно? И еще более ясно, что если причины молчания Бунда были неизвестны О. К., то он *должен был* именно так и сказать: «по неизвестным нам причинам». Прибавкой слов: надеемся, что причины были *чисто случайные* и что Бунд не замедлит прислать представителя, — О. К. заявлял открыто и прямо о своем желании работать *вместе с Бундом* над организацией съезда и восстановлением партии.

Очевидно, что если бы Бунд тоже разделял это желание, то ему оставалось только послать своего представителя, которого *приглашали* и конспиративным путем и в печатном заявлении. Вместо

---

*) См. настоящий том, стр. 226. *Ред.*

этого, Бунд *вступает в полемику* с примечанием (!!) и в печатном заявлении излагает *отдельно* и *особо* свои мнения и свои взгляды на задачи О. К., на условия созыва съезда. Прежде, чем рассматривать «полемику» Бунда, прежде, чем разбирать его взгляды, мы должны самым решительным образом *протестовать* против выступления Бунда с особым печатным заявлением, ибо это выступление нарушает элементарнейшие правила *совместного* ведения революционного дела, и особенно организационного дела. Одно из двух, господа: или вы *не хотите* работать в *одном общем* О. К., и тогда никто не посетует, конечно, на ваши отдельные выступления. Или вы хотите работать сообща, и тогда вы *обязаны* заявлять свои мнения не отдельно перед публикой, а перед товарищами по О. К., каковой О. К. лишь как целое выступает уже публично.

Бунд сам прекрасно видит, конечно, что его выступление бьет в лицо всем правилам товарищеского ведения *общего* дела, и он пытается прибегнуть к следующему, совсем уже слабому, оправданию: «Не имев возможности выразить свои взгляды на задачи предстоящего съезда ни путем личного участия в совещании, ни путем участия в редактировании «Извещения», мы вынуждены хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел в настоящем заявлении». Спрашивается, неужели Бунд серьезно вздумает уверять, что он «не имел возможности» послать письма в О. К.? или послать письмо в С.-Петербургский Комитет? в организацию «Искры», в «Южный Рабочий»? А послать своего делегата в одну из этих организаций тоже не было возможности? Пытался ли Бунд сделать хоть один из этих «невозможно»-трудных шагов, особенно, вероятно, трудных для такой слабенькой, неопытной и лишенной всяких связей организации, как Бунд?

Нечего играть в прятки, господа! Это и неумно, и недостойно. Вы выступили отдельно потому, что вы *захотели* выступить отдельно. А захотели вы выступить отдельно, чтобы сразу же показать и провести свое *решение* поставить на *новую* почву отношения к русским товарищам: не *входить* в Росс. С.-Д. Раб. Партию на основании устава 1898 г., а быть в *федеративном* союзе с нею. Вместо того, чтобы *обсудить* этот вопрос обстоятельно и всесторонне перед всем съездом, как хотели это сделать мы, *воздерживавшиеся очень уже долго от продолжения начатой нами полемики* по вопросу о федеративности и национальности [90]),— как хотели сделать, несомненно, все или громадное большинство русских товарищей, вместо этого вы *сорвали* совместное обсуждение. Вы выступили не как товарищ Петербурга, Юга, «Искры», желающий сообща с ними обсудить (и *до съезда*, и *на съезде*) наилучшую форму отношений, — вы выступили прямо как *сторона*, отдельно от всех членов Р. С.-Д. Р. П., ставящая всей этой партии *свои условия.*

Насильно мил не будешь, говорит русская пословица. Если Бунд не хочет оставаться в той теснейшей связи с Росс. С.-Д. Р. П., которую правильно наметил съезд 1898 года, то, конечно, он не останется в старых отношениях. Мы не отрицаем его «право» проводить свое мнение и свое желание (мы вообще не прибегаем, без крайней нужды, к разговорам о «правах» в революционном деле). Но мы очень жалеем, что Бунд потерял всякое чувство такта, проводя свое мнение путем отдельного публичного выступления в то самое время, когда его пригласили в общую организацию (О. К.), *не высказывающую заранее никакого категорического мнения по данному вопросу* и созывающую съезд именно для обсуждения всех и всяких мнений.

Бунд пожелал *провоцировать* на немедленное заявление своего мнения всех, кто иначе смотрит на вопрос. Ну что ж! От этого мы, разумеется, не откажемся. Мы скажем русскому и специально повторим еврейскому пролетариату, что теперешние вожди Бунда делают серьезную политическую ошибку, которую, несомненно, исправит время, исправит опыт, исправит рост движения. Некогда Бунд поддерживал экономизм, содействовал расколу за границей, принимал решения, что экономическая борьба есть *лучшее* средство политической агитации. Мы восставали против этого и боролись. И борьба помогла исправлению старых ошибок, от которых теперь, вероятно, не осталось и следа. Мы боролись против террористических увлечений, которые миновали, повидимому, еще гораздо скорее. Мы уверены, что минуют и увлечения националистические. Еврейский пролетариат поймет, в конце концов, что *теснейшее* единение с русским в одной партии требуется самыми насущными его интересами, что верх неразумия предрешать заранее, будет ли эволюция еврейства в свободной России отличаться от его эволюции в свободной Европе, что Бунду не следует идти дальше требования (в Росс. С.-Д. Раб. Партии) той полной автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, которая вполне признана съездом 1898 г. и никогда никем не была отрицаема.

Но вернемся к заявлению Бунда. Примечание к «Извещению» О. К. он называет «двусмысленным». Это — неправда, стоящая на границе инсинуации. Ц. К. Бунда сам признает парой строк далее, что «причины отсутствия нашего представителя на совещании были чисто случайные». А что сказал О. К.? Он выразил надежду, что представитель Бунда не явился по случайной причине. Вы сами подтверждаете его предположение и сами же сердитесь. За что? Далее. Случайного никому не дано знать наперед. Значит, слово Заграничного Комитета Бунда, будто О. К. *знал* помешавшие явке причины, совсем неосновательно. З. К. Бунда играет вообще самую неприличную роль в этой истории: З. К. Б. добавляет к заявлению Ц. К. Бунда свои измышления, прямо противо-

речащие даже словам самого Ц. К.! Каким образом З. К. Бунда мог осведомиться, что О. К. *знал* причины отсутствия Бунда, когда приглашен был Ц. К. (а не З. К.) Бунда? когда сам Ц. К. Бунда называет эти причины отсутствия чисто случайными??

«Мы уверены, — говорит Ц. К. Бунда, — что употреби инициаторы совещания несколько больше усилий, эти случайные причины не могли бы помешать нам отозваться»... Мы спросили бы всякого беспристрастного человека: если два товарища, собирающиеся съехаться в О. К., признают в один голос, что причины, помешавшие свиданию, были «чисто случайные», то уместно ли, прилично ли *поднимать публичную полемику о том*, кто больше виноват в неявке? С своей стороны заметим, что мы уже давно выражали (конечно, не в печати, а в письме) сожаление по поводу отсутствия Бунда, и нам было сообщено, что Бунд был приглашен *дважды:* во-первых, письмом и, во-вторых, личным сообщением через ...ский Комитет Бунда.

Делегат явился *почти месяц спустя* после совещания, жалуется Бунд. Да, это ужасное преступление, достойное, конечно, пропечатания, ибо оно особенно рельефно оттеняет аккуратность Бунда, не собравшегося послать делегата даже и два месяца спустя!

Делегат «не выполнил своего обещания» прислать «Извещение» О. К. в рукописи или в печати, но *обязательно* до распространения... Мы советуем нашим русским товарищам не разговаривать с некоторыми людьми без протоколов. Мы вот тоже имели обещание от организации «Искры» прислать нам и рукопись, и печатный экземпляр «Извещения», но, тем не менее, рукописи не имели вовсе, а печатный экземпляр увидали *гораздо позднее,* чем члены организаций, не имеющих сношений с организацией «Искры». Пусть решат бундисты вопрос о том, прилично ли было бы с нашей стороны, если бы мы печатно стали обвинять организацию «Искры» в нарушении обещания? Делегат О. К. обещал Ц. К. Бунда немедленно написать товарищу, распоряжавшемуся печатанием «Извещения», о задержании этого печатания: вот каково было *настоящее* обещание (насколько мы можем судить по нашим сведениям). Оно было выполнено, но задержать печатание оказалось уже невозможным, ибо снестись с техникой не оставалось времени.

Резюмируем: инициаторы О. К. писали письма, делали сообщение лично через ...ский Комитет, посылали делегата в Ц. К. Бунда, а Бунд в течение месяцев не послал *ни одного письма,* не говоря о посылке делегата! И Бунд же выступает печатно с обвинениями! И З. К. Бунда имеет странность уверять, что «странно» вели себя инициаторы совещания, что их действия стоят в резком противоречии с их целью, что они проявили «поспешность» (Ц. К. Бунда, наоборот, обвиняет в медленности!), что они хотят «произвести впечатление», будто Бунд «отнесся индифферентно»!!

Нам остается еще сказать несколько слов по поводу обвинения О. К. в том, что он не сделал «единственно правильного вывода», состоящего в следующем: «Раз партии фактически не существует, то предстоящий съезд должен носить характер учредительного, а потому право участия в нем должно принадлежать всем существующим в России социал-демократическим организациям как русской, так и всех других национальностей». Бунд пытается обойти тот неприятный для него факт, что, не имея единого центра, Рос. С.-Д. Раб. Партия существует в ряде комитетов и органов, имеет «Манифест» и решения первого съезда, на котором, между прочим, и от имени еврейского пролетариата действовали люди, не преуспевшие еще в экономических, террористических и националистических шатаниях. Выдвинувши формально «права» «всех» национальностей на учреждение давно уж учрежденной Росс. С.-Д. Раб. Партии, Бунд наглядно подтверждает этим, что именно из-за вопроса о пресловутой «федерации» и поднял он всю историю. Но не Бунду бы об этом вопросе заговаривать, и не о «правах» должна тут идти речь между серьезными революционерами. Что на очереди дня стоит сплочение и объединение главного ядра Росс. С.-Д. Раб. Партии, это всем известно. Нельзя не сочувствовать представительству на съезде «всех» национальностей, но нельзя и забывать, что о *расширении* ядра или о союзе его с другими организациями можно думать *только после завершения образования* (или, по крайней мере, после несомненного упрочения) *этого ядра*. Пока мы сами не стали едины организационно и не встали твердо на верный путь, соединение с нами ничего не даст «всем другим» национальностям! И решение вопроса о *возможности* (а не о «праве», господа!) представительства на нашем съезде «всех других» национальностей зависит от целого ряда тактических и организационных шагов О. К. и русских комитетов, зависит, одним словом, от успеха деятельности О. К. А что Бунд с самого начала постарался бросить палки под колеса О. К., это — исторический факт.

«Искра» № 33, 1 февраля 1903 г.

О МАНИФЕСТЕ АРМЯНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ [91]).

На Кавказе появилась новая соц.-дем. организация: «*Союз армянских социал-демократов*». Союз этот, как нам известно, более полугода как начал свою практическую деятельность и имеет уже свой орган на армянском языке. Нами получен № 1 этого органа, называемого «Пролетариат» и помеченного в заголовке: «Российская Соц.-Дем. Рабочая Партия». Он заключает в себе ряд статей, заметок и корреспонденций, выясняющих общественные и политические условия, вызвавшие к существованию «Союз армянских соц.-демократов» и намечающих, в общих чертах, программу его деятельности.

В передовой статье, называемой «Манифест арм. соц.-дем.», мы читаем: «Являясь одною из ветвей Рос. С.-Д. Р. П., широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, Союз армянских социал-демократов вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности». Далее, указывая на быстрое развитие капитализма на Кавказе и на те чудовищные, по своей силе и многосторонности, результаты, которыми сопровождается этот процесс, авторы переходят к вопросу о современном положении рабочего движения на Кавказе. В промышленных центрах Кавказа, каковыми являются Баку, Тифлис и Батум, с их крупными капиталистическими предприятиями и многочисленным фабричным пролетариатом, движение это пустило уже глубокие корни. Но борьба кавказских рабочих с хозяевами, в виду их крайне низкого культурного уровня, естественно, носила до сих пор более или менее бессознательный, стихийный характер. Необходима была сила, которая могла бы объединить разрозненные силы рабочих, придать их требованиям членораздельную форму и выработать в них классовое самосознание. Такой силой является социализм. — Изложив затем вкратце основные положения научного социализма, Союз выясняет свою позицию по отношению к современным течениям

в международной, и в частности русской, соц.-демократии. «Осуществление социалистического идеала — говорится в Манифесте — немыслимо, по нашему мнению, ни экономической самодеятельностью рабочего класса, ни частичными политическими и социальными реформами; оно возможно лишь посредством коренной ломки всего существующего строя, посредством социальной революции, необходимым прологом к которой должна служить политическая диктатура пролетариата». Далее, указывая на существующий в России политический строй, как враждебный всякому общественному и в особенности рабочему движению, Союз заявляет, что он ставит своей ближайшей задачей политическое воспитание армянского пролетариата и приобщение его к борьбе всего российского пролетариата для свержения царского самодержавия. Не отрицая вполне необходимости частичной экономической борьбы рабочих с хозяевами, Союз не придает ей, однако, самостоятельного значения. Он признает эту борьбу, поскольку она улучшает материальное положение рабочих и способствует выработке в них политического самосознания и классовой солидарности.

Особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу. «Принимая во внимание, — говорится в Манифесте, — что в состав русского государства входит много различных народностей, находящихся на разных ступенях культурного развития, и полагая, что только широкое развитие местного самоуправления может обеспечить интересы этих разнородных элементов, мы считаем необходимым в будущей свободной России учреждение *федеративной* (курсив наш) республики. Что же касается Кавказа, то, имея в виду крайнюю разноплеменность его населения, мы будем стремиться к объединению всех местных социалистических элементов и всех рабочих, принадлежащих к различным национальностям; мы будем стремиться к созданию единой крепкой соц.-дем. организации, — для более успешной борьбы с самодержавием. В будущей России мы признаем за всеми нациями право на свободное самоопределение, так как в национальной свободе мы усматриваем только один из видов гражданской свободы вообще. Исходя из этого положения и считаясь, как мы указывали выше, с разноплеменным составом Кавказа и с отсутствием географического разделения между отдельными племенами, мы не находим возможным внести в нашу программу требование политической автономии для кавказских народностей; мы требуем только автономии относительно культурной жизни, т. е. свободы языка, школ, образования и т. п.».

Мы от всей души приветствуем Манифест Союза армянских социал-демократов и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы

весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основных принципа, которыми должны руководиться все соц.-дем. России в национальном вопросе, *намечены* Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства. Но оба эти принципа не вполне еще последовательно проведены Союзом армянских социал-демократов. В самом деле, можно ли с *их точки зрения* говорить о требовании *федеративной* республики? Федерация *предполагает* автономные национальные политические целые, а Союз отказывается от требования национальной автономии. Чтобы быть вполне последовательным, Союз должен устранить из своей программы требование *федеративной* республики, ограничиваясь требованием демократической республики вообще. Не дело пролетариата *проповедывать* федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное *классовое* государство. Дело пролетариата — *теснее* сплачивать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы на *возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм. И если данная нам в настоящее время государственная арена создана, поддерживается и расширяется посредством ряда возмутительных насилий, то мы должны именно для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации и гнета не раздроблять, а соединять силы наиболее угнетенного и наиболее способного к борьбе *рабочего класса*. Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно *против всякой попытки насилием или несправедливостью* влиять извне на народное *само*определение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг (борьбы и протеста против насилия), мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а *пролетариата* в каждой национальности. Таким образом, общая, основная, всегда обязательная программа соц.-дем. России должна состоять лишь в требовании полного равноправия граждан (независимо от пола, языка, религии, расы, нации и т. д.) и права их на свободное демократическое *само*определение. Что же касается до *поддержки* требований *национальной* автономии, то эта поддержка отнюдь не является постоянной, программной обязанностью пролетариата. Эта поддержка может стать для него необходимой лишь в отдельных исключительных случаях. По отношению к армянской соц.-дем. отсутствие таких исключительных обстоятельств признано самим Союзом арм. с.-д.

Мы надеемся еще вернуться к вопросу о федеративности и национальности. А теперь закончим еще раз приветствием новому члену Рос. С.-Д. Р. П. — Союзу армянских социал-демократов.

«Искра» № 33, 1 февраля 1903 г.

НУЖНА ЛИ «САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ» ЕВРЕЙСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

В № 105 «Последних Известий» (от 28/15 января 1903 г.), издаваемых «Заграничным Комитетом Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России», в статейке «По поводу одной прокламации» (именно прокламации Екатеринославского Комитета Росс. С.-Д. Р. П.), мы находим следующее, столь же удивительное, сколько важное и поистине «чреватое последствиями» утверждение: «еврейский пролетариат сложился (sic!) в самостоятельную (sic!) политическую партию Бунд».

Мы этого до сих пор не знали. Это новость.

До сих пор Бунд был составной частью Росс. С.-Д. Р. П., и еще (еще!) в № 106 «Посл. Изв.» мы встречаем заявление Центрального Комитета Бунда с заголовком на этом заявлении: «Росс. С.-Д. Р. П.». Правда, Бунд постановил на своем последнем, IV съезде изменить свое название (без оговорки о желании выслушать мнение русских товарищей по вопросу о названии той или иной части Росс. Соц.-Дем. Р. П.) и «провести» новые *федеративные* отношения в устав Российской Партии. Заграничный Комитет Бунда даже и «провел» уже эти отношения, если можно назвать этим словом его выход из заграничного Союза Русск. С.-Д. и заключение федеративного договора с этим Союзом.

Но сам же Бунд, когда «Искра» полемизировала с решениями его IV съезда, заявил совершенно определенно, что он намерен лишь *провести* в Росс. С.-Д. Р. П. *свои желания* и *решения,* т.-е. прямо и категорически признавал, что остается частью Р. С.-Д. Р. П. впредь до принятия этой партией нового устава, впредь до выработки ею новых форм отношений к Бунду.

И вдруг теперь оказывается, что еврейский пролетариат *сложился* уже в *самостоятельную* политическую партию! Повторяем еще раз: это новость.

Такой же новостью является грозное и неумное нападение З. К. Бунда на Екатеринославский Комитет. Мы получили, наконец *(хотя, к сожалению, с большим опозданием),* эту прокла-

мацию и, не колеблясь, скажем, что нападение на *такую* прокламацию представляет из себя, *несомненно*, крупный политический шаг со стороны Бунда *). Этот шаг находится в полном соответствии с объявлением Бунда самостоятельною политическою партиею и проливает, с своей стороны, много света на физиономию и образ действий этой новой партии.

К сожалению, недостаток места мешает нам воспроизвести целиком Екат. прокламацию (она заняла бы около двух столбцов «Искры» **), и мы ограничимся замечанием, что эта прекрасная прокламация превосходно разъясняет еврейским рабочим *города Екатеринослава* (мы сейчас объясним, почему мы подчеркиваем эти слова) соц.-демокр. отношение к сионизму и антисемитизму. При этом прокламация настолько заботливо, товарищески-заботливо относится к чувствам, настроениям и желаниям евр. рабочих, что специально оговаривает и подчеркивает необходимость борьбы под знаменем Рос. С.-Д. Р. П. «*даже для сохранения и дальнейшего развития вашей* (прокламация обращается к евреям-рабочим) *национальной культуры*», «*даже в интересах чисто-национальных*» (подчеркнуто и набрано курсивом в самой прокламации).

И тем не менее З. К. Бунда (мы чуть не сказали: Ц. К. новой партии) обрушился на эту прокламацию за то, что *она ни словом не упоминает о Бунде*. Вот ее единственное, но зато непростительное, ужасное, преступление. Вот почему Ек. Ком. обвиняется в недостатке «политического смысла». Ек. товарищи караются за то, что они не «переварили все еще мысли о необходимости отдельной организации (глубокая и важная мысль!) сил (!!) еврейского пролетариата», за то, что они «все еще носятся с бессмысленной мечтой как-нибудь от него (Бунда) отделаться», что они распространяют «не менее вредную (чем сионистская) сказку» о связи антисемитизма с буржуазными, а не рабочими слоями и интересами этих слоев. Вот почему Ек. Комитету советуют «бросить вредную привычку замалчивать самостоятельное еврейское рабочее движение» и «примириться с фактом существования Бунда».

Спрашивается теперь: действительно ли есть тут преступление со стороны Ек. Ком.? действительно ли следовало ему непременно упомянуть о Бунде? На эти вопросы можно ответить только отрицательно уже по той простой причине, что прокламация обращена не к «евреям-рабочим» вообще (как обозначает ее совершенно неверно З. К. Б.), а «к еврейским рабочим

---

*) Если, конечно, З. К. Бунда в этом вопросе выражает взгляды «Бунда», как целого.

**) Мы намерены перепечатать целиком эту прокламацию и нападение на нее З. К. Бунда в брошюре, подготовляемой нами к печати [92].

г. Екатеринослава» (З. К. Бунда позабыл цитировать два последних слова!). В Екатеринославе *нет никакой бундовской организации.* (И вообще относительно юга России IV съезд Бунда постановил *отдельных комитетов Бунда не устраивать* в тех городах, где еврейские организации входят в состав комитетов партии, где их нужды могут быть вполне удовлетворены без выделения из этих комитетов.) Раз евреи-рабочие организованы в Екатеринославе в особый комитет, то, значит, их движение (нераздельно со всем рабочим движением данной местности) ведает всецело Ек. Ком., который *непосредственно* соподчиняет их Росс. С.-Д. Раб. Партии, которая *должна* звать их к работе *на всю партию,* а не на отдельные части ее. Очевидно, что при таких условиях Ек. Ком. не только не обязан был упоминать о Бунде, а напротив, если бы он вздумал проповедывать «необходимость отдельной организации сил (это была бы вернее и вероятнее организация *бессилия)* *) еврейского пролетариата» (чего хотят бундовцы), то это было бы с его стороны величайшей ошибкой и прямым нарушением не только устава партии, но и интересов единства пролетарской классовой борьбы.

Далее. Обвиняется Ек. Ком. в недостатке «ориентированности» в вопросе об антисемитизме. З. К. Бунда обнаруживает поистине ребяческие воззрения на крупные социальные движения. Ек. Ком. говорит о *международном* антисемитическом движении *последних десятилетий* и замечает, что «из Германии это движение перекочевало в другие страны и повсюду нашло сторонников именно среди буржуазных, а не рабочих слоев населения». — «Это не менее вредная сказка» (чем сионистские сказки),— выпаливает совсем сердито З. К. Б. Антисемитизм «пустил корни в рабочей массе», в доказательство чего «ориентированный» Бунд приводит два факта: 1) участие рабочих в ченстоховском погроме и 2) поступок 12 *(двенадцати!)* рабочих-христиан в Житомире, которые заняли места стачечников и грозили «вырезать всех жидов». — Доказательства, действительно, веские, особенно последнее! Редакция «П. И.» так привыкла оперировать с крупными стачками в 5 или 10 чел., что поступок 12 темных рабочих в Житомире вытаскивается для оценки связи международного антисемитизма с теми или другими «слоями населения». Это, право, великолепно! Если бы бундовцы, вместо своего неумного и смешного гнева против

---

*) Именно такому делу «организации бессилия» служит Бунд, употребляя, напр., выражение: наши товарищи из «христианских рабочих организаций». Это так же дико, как и вся выходка против Екат. Ком. Мы никаких «христианских» рабочих организаций не знаем. Организации, принадлежащие к Росс. С.-Д. Р. П., никогда не делали различия между своими членами по их религии, никогда не спрашивали об их религии и никогда не *будут* делать этого,— даже и тогда, когда Бунд *на самом деле* «сложится в самостоятельную политическую партию».

Ек. Ком., подумали немного над этим вопросом и справились хотя бы с изданной ими недавно на жаргоне брошюрой Каутского о социальной революции [93]), то они поняли бы *несомненную* связь антисемитизма с интересами именно буржуазных, а не рабочих слоев населения. Подумав еще немного, они могли бы сообразить и то, что общественный характер современного антисемитизма не изменяется от факта участия в том или ином погроме не только десятков, но и сотен неорганизованных и на девять-десятых совершенно еще темных рабочих.

Ек. Ком. восстал (и законно восстал) против сказки сионистов о вечности антисемитизма, Бунд же своей сердитой поправкой только запутал вопрос и посеял среди еврейских рабочих идеи, ведущие к *затемнению* их классового сознания.

С точки зрения борьбы всего рабочего класса России за политическую свободу и за социализм выходка Бунда против Ек. Ком. есть верх неразумия. С точки зрения «самостоятельной политической партии Бунда» выходка эта становится понятной: не смейте нигде организовать «еврейских» рабочих вместе и нераздельно с «христианскими»! не смейте от имени Росс. С.-Д. Р. П. или ее комитетов обращаться к еврейским рабочим прямо, «мимо ряду», не через посредство Бунда, без упоминания о Бунде!

И, ведь, этот глубоко-прискорбный факт — не случайность. Раз вместо автономии в делах, касающихся еврейского пролетариата, вы потребовали «федерации»,— вам *пришлось* объявить Бунд «самостоятельной политической партией», чтобы иметь возможность провести эту федерацию *во что бы то ни стало.* Но объявление Бунда самостоятельной политической партией есть именно то доведение до абсурда основной ошибки по национальному вопросу, которое непременно и неизбежно послужит исходным пунктом поворота в воззрениях еврейского пролетариата и еврейских социал-демократов вообще. «Автономия» устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно: пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и съезды, выставление особых требований в развитие одной общей с.-дем. программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого «майоризирования» при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах *еврейского* движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теорети-

ческих и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой «федерации».

«Искра» № 34, 15 февраля 1903 г.

САМОДЕРЖАВИЕ КОЛЕБЛЕТСЯ...

Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля, и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага.

Царь начинает по-старому — *пока еще* по-старому: «божиею милостью»... и кончает полу-трусливым, полу-лицемерным обращением за помощью к людям, облеченным *доверием общественным*. Царь чувствует уже сам, что безвозвратно проходят те времена, когда могло держаться на Руси правительство божиею милостию, что единственным прочным правительством в России может быть отныне правительство *волею народа*.

Царь подтверждает свой священный обет хранить вековые устои российской державы. В переводе с казенного на русский язык это значит: хранить самодержавие. Некогда Александр III заявил это не обинуясь и прямо (в манифесте от 29 апреля 1881 года),— когда революционное движение шло на убыль и падало. Ныне, когда боевой клич «долой самодержавие» раздается все громче и все внушительнее, Николай II предпочитает прикрывать свое заявление маленьким фиговым листком и стыдливо ссылаться на незабвенного родителя. Бессмысленная и презренная уловка! Вопрос поставлен прямо и вынесен на улицу: быть или не быть самодержавию. И всякое обещание «реформ»,— с позволения сказать, «реформ»! — начинающееся обещанием хранить самодержавие, есть вопиющая ложь, издевка над русским народом. Но нет лучшего повода для всенародного изобличения правительственной власти, как обращение самой этой власти ко всему народу с лицемерными и фальшивыми обещаниями.

Царь говорит (опять-таки с фиговым листком) о революционном движении, жалуясь на то, что «смута» мешает работе над улучшением народного благосостояния, что она волнует умы, что она отрывает народ от производительного труда, что она губит силы, дорогие царскому сердцу, губит молодые силы, необходи-

мые для родины. И вот, *так как* гибнущие участники революционного движения дороги царскому сердцу, *поэтому* царь тут же и обещает строго пресекать всякое уклонение от нормального хода общественной жизни, т.-е. свирепо преследовать за свободное слово, за рабочие стачки, за народные демонстрации.

Этого довольно. Этого слишком довольно. Иезуитская речь говорит сама за себя. Мы осмелимся только выразить уверенность, что это «царское слово», разойдясь по всем уголкам и захолустьям России, будет самой великолепной агитацией в пользу революционных требований. У кого осталась хоть капля чести, в том это царское слово может вызвать один ответ: *требование* безусловного и немедленного освобождения *всех*, отбывающих по суду или без суда, после приговора или до приговора, тюремное заключение, ссылку или арест по политическим и религиозным делам и делам о стачках и сопротивлении властям.

Мы видели, каким двуличным языком говорит царь. Посмотрим теперь, *о чем* он говорит.

Главным образом, о трех предметах. Во-первых, о веротерпимости. Должны быть подтверждены и закреплены наши основные законы, обеспечивающие свободу вероисповедания для всех вероучений. Но православное вероисповедание должно пребыть господствующим. Во-вторых, царь говорит о пересмотре законов, касающихся сельского состояния, об участии в этом пересмотре лиц, пользующихся доверием общества, о совместной работе всех подданных над укреплением нравственных начал в семье, школе и общественной жизни. В-третьих, об облегчении выхода крестьян из их обществ, об освобождении крестьян от стеснительной круговой поруки.

На три заявления, обещания, предложения Николая II русская социал-демократия отвечает тремя требованиями, которые она давно уже выставила, всегда защищала и всеми силами распространяла и которые надо особенно внушительно подтвердить теперь в связи с царским манифестом и в ответ на него.

Во-первых, мы требуем немедленного и безусловного признания законом свободы сходок, свободы печати и амнистии всех «политиков» и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати, — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений. Долой цензуру! долой полицейскую и жандармскую охрану «господствующей» церкви! За эти требования русский сознательный пролетариат будет биться до последней капли крови.

Во-вторых, мы требуем созыва всенародного учредительного собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами

без изъятий и которое должно установить в России выборную форму правления. Довольно этой игры в совещания местных людей, в помещичьи парламенты при губернаторах, в представительное правление господ предводителей (а, может быть, и делегатов еще?) дворянства! Довольно уже забавлялось всевластное чиновничество со всякими земствами, как кошка с мышью, то отпуская, то лаская их своими бархатными лапками! Пока не созвано всенародное собрание депутатов, — до тех пор ложью и ложью будут всякие слова о доверии обществу, о нравственных началах общественной жизни. До тех пор не ослабнет революционная борьба русского рабочего класса с русским самодержавием.

В-третьих, мы требуем немедленного и безусловного признания законом полной равноправности крестьян со всеми остальными сословиями и созыва *крестьянских комитетов* для уничтожения всех остатков крепостного права в деревне, для принятия серьезных мер к улучшению положения крестьянства.

Бесправие крестьянства, составляющего девять-десятых населения России, не может быть терпимо ни одного дня далее. От этого бесправия страдает и весь рабочий класс и вся страна; на этом бесправии держится вся азиатчина в русской жизни; от этого бесправия проходят бесследно *(или со вредом для крестьян)* все и всяческие совещания и комиссии. Царь и теперь хочет отделаться прежними «совещаниями» чиновников и дворян, царь говорит даже о «сильной власти» для руководства трудами местных людей. Крестьяне знают очень хорошо на примере земских начальников, что̀ значит эта «сильная власть». Крестьяне не даром прожили сорок лет нужды, нищеты и постоянного голодания после благодеяния дворянских комитетов. Крестьяне поймут теперь, что всякие «реформы» и улучшения останутся обманом, если они не проведены *самими крестьянами же.* Крестьяне поймут, — и мы поможем им понять, — что только *крестьянские комитеты* способны уничтожить действительно не одну круговую поруку, а все и всякие остатки барщины и крепостного права, гнетущие вплоть до двадцатого века десятки миллионов народа. Городским рабочим вполне достаточно свободы сходок и свободы печати: мы уже сумеем использовать эти свободы!! Но крестьянам, разбросанным по захолустьям, забитым и одичалым, этого мало, — и рабочие должны помочь им, должны разъяснить им, что они неминуемо и неизбежно останутся жалкими рабами, пока не возьмут сами в свои руки своей судьбы, пока не добьются, как первого и основного шага, учреждения *крестьянских комитетов* для действительного, а не обманного освобождения крестьянства.

Давно уже замечено опытными и умными людьми, что нет опаснее момента для правительства в революционную эпоху, как

начало уступок, начало колебаний. Русская политическая жизнь последних лет блестяще подтвердила это. Правительство проявило колебание в вопросе о рабочем движении, дав ход зубатовщине, — и оскандалилось, сыграв прекрасно на руку революционной агитации. Правительство хотело-было уступить в студенческом вопросе, — и оскандалилось, подвинув семимильными шагами революционизирование студенчества. Правительство повторяет теперь тот же прием в широких размерах по отношению ко всем вопросам внутренней политики, — и оно неминуемо оскандалится, неминуемо облегчит, усилит и разовьет революционный натиск на самодержавие!

* *
*

Нам необходимо еще остановиться на практическом вопросе о том, как воспользоваться царским манифестом 26 февраля для агитации. Русские социал-демократы давно уже давали этот ответ на вопрос о средствах борьбы: организация и агитация, — и их не смущали насмешки наивных людей, находивших это «неопределенным» и считающих «определенными» средствами только выстрелы. И вот в такие моменты, как теперь, когда перед нами внезапно встает такой благодарный, так настоятельно требующий напряжения всех сил повод для всенародной агитации, — в такие минуты особенно чувствуется недочет в этом, по-прежнему в этом, все в этом же самом: в организованности, в способности быстро развернуть агитацию.

Но мы еще наверстаем и не раз наверстаем потерянное!

Мы должны прежде всего ответить на манифест 26 февраля листками общерусскими и местными. Если прежде листки выходили по всей Руси в десятках тысяч экземпляров, пусть теперь они будут распространены в миллионах экземпляров, чтобы весь народ узнал ответ русского сознательного пролетариата на царское обращение к народу, чтобы все видели наши определенные, практические требования в сопоставлении с речью царя *на ту же тему*.

Далее. Мы не должны допустить, чтобы одни только легальные собрания благонамеренных земцев и дворян, купцов и профессоров и пр. и пр. отвечали с благоговейным восторгом на манифест 26 февраля. Недостаточно и тех ответов, которые в листках дадут организации социал-демократов. Пусть *в каждом кружке, на каждом собрании рабочих* вырабатывается свой ответ, подтверждаются формально и торжественно требования социал-демократии. Пусть решения этих рабочих (а если и удастся, и крестьянских) собраний публикуются в местных листках и сообщаются в наши газеты. Пусть все знают, что только ответы самих рабочих и крестьян мы считаем народным отве-

том. Пусть теперь же начнут готовиться все кружки к тому, чтобы поддержать наши основные требования *силою*.

Затем, мы не должны допустить, чтобы благодарственные адресы царю вырабатывались на всяких собраниях без противодействия. Довольно уже подделывали русское народное мнение наши гг. либералы! Довольно лгали они, говоря не то, что они думают, говоря не то, что думает вся мыслящая и готовая к борьбе часть народа! Надо стараться проникать в их собрания, заявлять и там возможно более широко, публично и открыто свои мнения, свой протест против холопской благодарности, свой *настоящий* ответ царю, заявлять и распространением листков и, по мере возможности, публичными речами на всяких таких собраниях (хотя бы гг. председатели и пытались остановить такие речи).

Наконец, мы должны стараться вынести ответ рабочих и на улицу, заявить свои требования путем демонстрации, показать открыто численность и силу рабочих, сознательность и решительность их. Пусть предстоящая маевка вместе с общим заявлением наших пролетарских требований будет и особым, специальным, определенным ответом на манифест 26 февраля!

«Искра» № 35, 1 марта 1903 г.

Г. СТРУВЕ, ИЗОБЛИЧЕННЫЙ СВОИМ СОТРУДНИКОМ.

№ 17 «Освобождения» [94]) принес много приятного для «Искры» вообще и для пишущего эти строки в особенности. Для «Искры» потому, что ей приятно было видеть некоторый результат своих усилий подвинуть г. Струве влево, приятно встретить резкую критику половинчатости у г. С. С., приятно читать о намерении «освобожденцев» создать «открыто и решительно конституционную партию» с требованием всеобщего избирательного права в программе. Для пишущего эти строки — потому, что г. С. С., «принимавший выдающееся участие» в выработке заявления «от русских конституционалистов» в № 1 «Освобождения», и, след., являющийся не простым даже сотрудником, а до некоторой степени *хозяином* г. Струве, оказал неожиданно большую услугу в полемике *против г. Струве.* Я позволю себе начать с этого, второго, пункта. В № 2-3 «Зари» я полемизировал в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» *) с г. Р. Н С., автором предисловия к известной записке Витте. Я показал там двусмысленность всей позиции г. Р. Н. С., говорившего об Аннибаловой клятве борьбы с самодержавием и в то же время обращавшегося с елейными речами к власть имущим, к мудрым консерваторам, в то же время выдвигавшего «формулу»: «права и властное земство» и т. д. и т. д. Публика узнала теперь из второго издания «записки», что г-н Р. Н. С. — это г. Струве. Моя критика в высшей степени не понравилась г. Струве, и он обрушился на меня с предлинным и пресердитым «примечанием к примечанию».

Посмотрим на доводы г. Струве.

Первым примером «неосновательности и несправедливости» моих «полемических красот» является то, что я говорил об антипатии г. Струве к революционерам, несмотря на его «совершенно, якобы, ясное заявление». Приведем это заявление полностью.

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 119. *Ред.*

«Аттестат, выданный земству самой бюрократией, — писал г. Струве, — служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». В примечании к этой тираде г. Струве оговаривался: «этими словами мы вовсе не хотим задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом».

Таковы — «документы по делу» о неосновательной и несправедливой критике. Предоставляем читателю судить, кто прав: тот ли, кто находил это заявление совершенно ясным, или тот, кто говорил, что г. Струве поправляется из кулька в рогожку, «задевая» *(не названных им точно)* революционеров «анонимным» (неизвестно против кого направленным) не только обвинением в невежестве, но еще и предположением, будто пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их «нравственного мужества».

Я же, с своей стороны, скажу лишь: разные бывают вкусы. Многие либералы считают верхом такта и мудрости раздавать революционерам аттестаты за мужество, третируя в то же время их программу просто как фразу, как проявление недостаточного образования, и *не давая даже разбора по существу* их воззрений. По-нашему, это не такт и не мудрость, а недостойная увертка. Дело вкуса. Русским Тьерам, конечно, нравятся салонно-приличные, парламентски-безупречные *оппортунистические фразы* настоящих Тьеров.

Пойдем дальше. Я, изволите видеть, «притворился непонимающим, что формула «властное всероссийское земство» означает требование конституции», и мои рассуждения об этом «лишний раз подтвердили (для г. Струве) широкое распространение в нашей заграничной литературе подлинной революционной фразы и притом еще злобно-тенденциозной» (этот непривлекательный литературный стиль особенно процветает на страницах «Искры» и «Зари», стр. XII второго издания «Записки»). Ну, что касается до злобной тенденциозности, то нам об этом трудно спорить с г. Струве: для него попреком кажется то, что нам кажется комплиментом. Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твердость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют «злобой». Тут уж ничего не поделаешь. Mea culpa, mea maxima culpa! *) и был, и пребуду «злобно-тенденциозным» по отношению к гг. Струве. А вот другое обвинение — по существу. Притворялся я непонимающим или не понимал на самом деле, да и нельзя было понять? Вот вопрос.

*) — моя вина, моя наивысшая вина. *Ред.*

Я утверждал, что формула «права и властное земство» есть недостойное заигрыванье с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, что это не «*не знамя, позволяющее отделять врагов от союзников*» (это заметьте!), а «тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям» (стр. 95 в № 2-3 «Зари»)*). Я спрашиваю всех и каждого: при чем тут мое «притворство»?? Я прямо говорю, что считаю это знамя — тряпкой, а мне отвечают: вы притворяетесь непонимающим! Да ведь это не что иное, как новая увертка от разбора вопроса *по существу*, от разбора вопроса: годится ли «формула» больше для знамени или больше для тряпки!

Мало того. Я могу теперь, благодаря любезной помощи г. С. С., *доказать фактически* нечто гораздо большее. Я могу доказать, что «недостойное заигрыванье» было со стороны г. Струве не только в смысле филистерского доктринерства, желающего умилить правительство своею скромностью, не только в смысле неразумного желания объединить «либералов» на минимуме, но и в смысле прямого, *непосредственного «заигрывания» с известными г. Струве сторонниками самодержавия*. Г. С. С. разоблачает г. Струве беспощадно и бесповоротно, говоря, что «неясный и двусмысленный (слушайте!) славянофильский лозунг «Земский Собор», выдвигается в целях удобства «ненатурального союза» либералов-конституционалистов и либеральных сторонников идеального самодержавия». Г. С. С. называет это не больше, не меньше, как «политической эквилибристикой»!! И г. Струве расписывается в получении..., называя лозунг Земского Собора «неопределенным и *своею неопределенностью ценным* (курсив наш!) и в то же время опасным».

Не правда ли, хорошо? Когда социал-демократ называл еще *более двусмысленный* лозунг (властное земство) недостойным заигрываньем, — тогда г. Струве рядился в тогу оскорбленной невинности и жеманно говорил о притворном непонимании. А когда либерал, г. С. С., *повторил то же самое*, — г. Струве любезно раскланялся и расписался в получении! Неопределенный лозунг именно своею неопределенностью и был *ценен* для г. Струве, который нисколько не стесняется признать, что он готов пускать в ход и опасные лозунги, *смотря по ветру*. Кажется сильным и авторитетным г-н Шипов, и редактор либерального органа будет говорить о властном земстве. Показался сильным и авторитетным г. С. С., — и редактор либерального органа будет говорить о конституции и всеобщем избирательном праве! Недурная картинка политических нравов и политической нравственности в либеральном лагере... Г. Струве забывает только подумать, какую цену

*) См. IV том Сочинений, стр. 153. *Ред.*

будут иметь его заявления после этой великолепной метаморфозы: в январе 1901 г. г. Струве требует «прав и властного земства»; в декабре 1902 г. г. Струве объявляет «притворством» непонимание того, что это означает требование конституции; в феврале 1903 г. г. Струве заявляет, что по существу он никогда не сомневался в справедливости всеобщего избирательного права и что неопределенный лозунг земского собора именно своею неопределенностью и был ценен. Спрашивается: *какое право* имеет теперь любой политический деятель, любой русский гражданин утверждать, что *завтра г. Струве не выдвинет нового, «ценного своею неопределенностью», лозунга??*

Перейдем к последнему пункту ответа г. Струве. «Разве не революционная фраза, — спрашивает он, — или совершенно безжизненное доктринерство рассуждения г. Т. П. о значении земства, как орудия укрепления самодержавия?» Г. Струве видит тут и усвоение идей славянофилов, и согласие с Горемыкиным, и геркулесовы столбы мертвой доктрины. Г. Струве совершенно не в состоянии понять *революционного* отношения к половинчатым реформам, предпринимаемым *для избежания революции*. Г. Струве всякое указание на двойную игру реформаторов сверху — кажется славянофильством и реакционностью, — точь-в-точь так, как все европейские Ивы Гюйо объявляют реакционной социалистическую критику частной собственности! Неудивительно, конечно, что, *ставши* реформатором, г. Струве утратил способность понимать двусторонний характер реформ и значение их, как орудие укрепления господства правящих, укрепления ценой октроирования реформ. Но... было время, когда г. Струве понимал эту удивительно хитрую механику. Давно это было, когда он был «чуть-чуть марксистом», и когда мы вместе с ним сражались с народниками на страницах покойного «Нового Слова»[95]). В июльской книжке этого журнала за 1897 год г. Струве писал про Н. В. Водовозова: «Я помню, в 1890 г. у нас на улице — я только что вернулся тогда из летнего, обильного новыми и сильными впечатлениями путешествия по Германии — зашел разговор о социальной политике и реформаторских планах Вильгельма II. Водовозов придавал им значение и не соглашался со мной, для которого уже тогда (а теперь и подавно) вопрос о значении факта и идеи так называемой «социальной монархии» был бесповоротно решен в отрицательном смысле. Водовозов брал *идею* социальной реформы отвлеченно от творящих ее реальных общественных сил. Вот почему католический социализм для него, главным образом, — своеобразное идейное движение в пользу социальной реформы, а не специфическая форма предохранительной реакции европейской буржуазии и отчасти обломков европейского феодализма против растущего рабочего движения»... Вот видите: в давно прошедшие времена, в эпоху молодых увлечений, г. Струве пони-

мал, что реформы могут быть предохранительной реакцией, т.-е. предохраняющей правящие классы от падения мерою, которая направлена против революционного класса, хотя и улучшает положение этого класса. И я спрашиваю теперь читателя: кто же прав? Я ли сказал «революционную фразу», разоблачая реформистскую однобокость в отношении г. Струве к такой реформе, как земство? или г. Струве *поумнел* и «бесповоротно» ушел от когда-то защищаемой им (бесповоротно будто бы) позиции революционера? Я ли стал сторонником славянофилов и Горемыкина, или у г. Струве «сильных впечатлений» от путешествия по социалистической Германии хватило всего на несколько лет??

Да, да, разные бывают представления о *силе* впечатлений, о силе убеждений, о значении убеждений, о совместимости политической нравственности и политической убежденности с выставлением ценных своею неопределенностью лозунгов...

В заключение не могу не отметить некоторых заявлений г. Струве, значительно «омрачающих» приятное впечатление от его поворота влево. Выставив только одно демократическое требование (всеобщей подачи голосов), г. Струве спешит уже говорить о «либерально-*демократической* партии». Не раненько ли? Не лучше ли было бы *сначала* точно указать все те *демократические* преобразования, которых *безусловно* требует партия не только в аграрной и рабочей, но и в *политической* программе, а потом уже наклеивать ярлык, потом уже претендовать на повышение из «ранга» либералов в ранг либеральных демократов? Ведь всеобщая подача голосов есть тот *минимум* демократизма, который признан даже некоторыми консерваторами, примирившимися (в Европе) с выборами вообще. А дальше этого минимума г. Струве почему-то не идет ни в № 17, ни в № 18 [96]). Мы отметим далее, мимоходом, курьезное замечание г. Струве, что проблема социализма должна быть совершенно оставлена в стороне либерально-демократической партией «прежде всего потому, что социализм в самом деле только еще проблема». А не потому, почтеннейший г. Струве, что «либерально-демократические» элементы русского общества выражают интересы классов, *противящихся* социалистическим требованиям пролетариата? Это — мимоходом, повторяю, чтобы отметить новые *приемы* «отрицания» социализма гг. либералами. По существу же дела, разумеется, г. Струве прав, что либерально-«демократическая» партия не есть партия социалистическая и неприлично было бы для нее корчить из себя таковую.

Насчет тактики новой партии г. Струве выражается как нельзя более уклончиво. Это очень жаль. И еще более жаль, что он опять и опять повторяет и подчеркивает необходимость «двуединой тактики» в смысле «умелого, гибкого и неразрывного совмещения» легального и нелегального приемов действия. В луч-

шем случае, это — отговорка от настоятельных вопросов о приемах *нелегальных* действий. А вопрос этот настоятелен, потому что только систематическая нелегальная деятельность определяет на деле физономию *партии*. В худшем же случае, это — повторение того виляпья, которым отделывался г. Струве, когда он писал о «правах и властном земстве», а не об открыто и решительно конституционной и «демократической» партии. Всякая нелегальная партия «совмещает» нелегальные и легальные действия *в том смысле*, что она опирается на массы не участвующих прямо в «нелегальщине» людей, что она поддерживает легальные протесты, пользуется легальными возможностями пропаганды, организации и проч. Это общеизвестно, и не об этом говорят, когда говорят о тактике *нелегальной партии*. Говорят о бесповоротном признании этой партией *борьбы*, о выработке способов борьбы, об *обязанности* членов партии не *ограничиваться* легальными протестами, а *все и вся* подчинять интересам и требованиям *революционной борьбы*. Если нет систематической нелегальной деятельности и революционной борьбы, то нет и *партии*, которая бы могла действительно быть *конституционною* (не говоря уже о том, чтобы быть демократическою). И нельзя принести большего вреда делу борьбы, как *смешивая* революционную работу, опирающуюся на широкую массу, использующую широкие организации, помогающую политическому воспитанию легальных деятелей, с работой, *ограничивающейся* рамками легальности.

«Искра» № 37, 1 апреля 1903 г.

К ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЕ [97]

ОБЪЯСНЕНИЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯН, ЧЕГО ХОТЯТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Написано весной 1903 г.

Впервые напечатано отдельной брошюрой в мае 1903 г. в Женеве, в издании «Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии»

Печатается по тексту брошюры

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИНЪ

Къ деревенской бѣднотѣ.

Объясненіе для крестьянъ, чего хотятъ социальдемократы.

Съ приложеніемъ Проекта программы Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Изданіе Загран. Лиги Русск. Революціонной Соціальдемократіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Лиги, Route Caroline, 27.
1903

Обложка брошюры В. И. Ленина: «К деревенской бедноте» — 1903 г.

1. БОРЬБА ГОРОДСКИХ РАБОЧИХ.

Многие крестьяне уже слышали, вероятно, о рабочих волнениях в городах. Некоторые сами бывали в столицах и на фабриках и видывали тамошние бунты, как их называет полиция. Другие знают рабочих, которые участвовали в волнениях и были высланы начальством в деревни. Третьим попадали в руки рабочие листки и книжки о рабочей борьбе. Четвертые просто слыхали рассказы бывалых людей о том, что делается в городах.

Прежде бунтовали одни студенты, а теперь поднялись во всех больших городах тысячи и десятки тысяч рабочих. Они борются чаще всего со своими хозяевами, с фабрикантами, с капиталистами. Рабочие устраивают стачки, прекращают все сразу работу на фабрике и требуют прибавки заработка, требуют, чтобы их заставляли работать не по одиннадцати, не по десяти часов в день, а только по восьми. Рабочие требуют также всяких других облегчений в жизни рабочего человека. Они хотят, чтобы мастерские были устроены лучше, чтобы машины защищались особыми приспособлениями и не увечили работающих, чтобы дети их могли ходить в школы, чтобы больным оказывали как следует помощь в больницах, чтобы жилища рабочих были человеческими домами, а не собачьими конурами.

Полиция вмешивается в рабочую борьбу. Полиция хватает рабочих, бросает их в тюрьму, высылает без суда на родину и даже в Сибирь. Правительство запрещает законом стачки и собрания рабочих. Но рабочие ведут борьбу и с полицией, и с правительством. Рабочие говорят: довольно уже гнули спины мы, миллионы рабочего народа! довольно мы работали на богачей, оставаясь сами нищими! довольно мы позволяли себя грабить! мы хотим соединиться в союзы, соединить всех рабочих в один большой рабочий союз (рабочую *партию*) и сообща добиваться лучшей жизни. Мы хотим добиться нового, лучшего устройства общества: в этом новом, лучшем обществе не должно быть ни богатых, ни бедных, все должны принимать участие в работе. Не кучка богатеев, а все трудящиеся должны поль-

зоваться плодами общей работы. Машины и другие усовершенствования должны облегчать работу всех, а не обогащать немногих насчет миллионов и десятков миллионов народа. Это новое, лучшее общество называется *социалистическим обществом.* Учение о нем называется *социализмом.* Союзы рабочих для борьбы за это лучшее устройство общества называются партиями *социал-демократов.* Такие партии открыто существуют почти во всех странах (кроме России и Турции), и наши рабочие вместе с социалистами из образованных людей тоже устроили такую партию: *Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию.*

Правительство преследует ее, но партия существует тайно, несмотря на все запрещения, издавая свои газеты и книжки, устраивая тайные союзы. И рабочие не только собираются в тайные собрания, а выходят и на улицу толпами, развертывают знамена с надписью: «Да здравствует 8-мичасовой рабочий день, да здравствует свобода, да здравствует социализм!». Правительство преследует за это рабочих с яростью. Оно посылает даже войско стрелять в рабочих. Русские солдаты убивали русских рабочих в Ярославле и Петербурге, в Риге, в Ростове на-Дону, в Златоусте.

Но рабочие не сдаются. Они продолжают борьбу. Они говорят: никакие преследования, ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни смерть не устрашат нас. Наше дело правое. Мы боремся за свободу и счастье всех, кто трудится. Мы боремся за избавление от насилия, от угнетения, от нищеты десятков и сотен миллионов народа. Рабочие становятся все более и более сознательными. Число социал-демократов быстро увеличивается во всех странах. Мы победим, несмотря ни на какие преследования.

Деревенской бедноте надо ясно понять, кто такие эти социал-демократы, чего они хотят, и как следует действовать по деревням, чтобы помочь им завоевать для народа счастье.

2. ЧЕГО ХОТЯТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ?

Русские социал-демократы добиваются прежде всего *политической свободы.* А свобода нужна им для широкого, открытого соединения всех русских рабочих в борьбе за новое, лучшее социалистическое устройство общества.

Что такое политическая свобода?

Чтобы понять это, крестьянину следует сначала сравнить теперешнюю его свободу с крепостным правом. При крепостном праве крестьянин не смел жениться без разрешения помещика. Теперь крестьянин свободен жениться без всяких разрешений. При крепостном праве крестьянин должен был работать непременно на своего барина в такие дни, когда бурмистр укажет.

Теперь крестьянин свободен выбирать, на какого хозяина и в какие дни, за какую плату ему работать. При крепостном праве крестьянин не смел никуда отлучиться из деревни без разрешения барина. Теперь крестьянин свободен идти, куда хочет, если его отпускает мир, если у него нет недоимок, если ему дадут паспорт, если губернатор или исправник не запретит переселяться. Значит, полной свободы идти, куда хочешь, полной свободы передвижения, у крестьянина и сейчас нет, крестьянин остается еще полукрепостным. Мы дальше будем подробно говорить о том, почему русский крестьянин остается полукрепостным и как ему выйти из этого положения.

При крепостном праве крестьянин не смел приобретать имущества без разрешения барина, не смел покупать земли. Теперь крестьянин свободен приобретать всякое имущество (полной свободы уйти из мира, полной свободы распорядиться как угодно своей землей крестьянин и теперь не имеет). При крепостном праве крестьянин мог быть телесно наказан помещиком. Теперь крестьянин не может быть наказываем своим помещиком, хотя крестьянин до сих пор не освобожден от телесного наказания.

Вот эта свобода называется *гражданской* свободой—свобода в делах семейных, в делах личных, в делах имущественных. Крестьянин и рабочий свободны (хотя и не вполне) устраивать свою семейную жизнь, свои личные дела, распоряжаться своим трудом (выбирать себе хозяина), распоряжаться своим имуществом.

Но ни русские рабочие, ни весь русский народ не имеют до сих пор свободы распоряжаться своими *общенародными* делами. Народ весь, целиком, остается таким же крепостным у чиновников, как крестьяне были крепостными у помещиков. Русский народ не имеет права выбирать чиновников, не имеет права избирать выборных людей, которые бы составляли законы для всего государства. Русский народ не имеет даже права устраивать сходки для обсуждения *государственных* дел. Без разрешения чиновников, поставленных над нами без нашего согласия, как барин в старое время назначал бурмистра без согласия крестьян, — мы не смеем даже печатать газеты и книги, мы не смеем говорить перед всеми и для всех о делах всего государства!

Как крестьяне были рабами помещиков, так русский народ остается до сих пор рабом чиновников. Как крестьяне при крепостном праве не имели гражданской свободы, так русский народ не имеет до сих пор *политической* свободы. Политическая свобода означает свободу народа распоряжаться своими общенародными, государственными делами. Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в государственную думу (парламент). Все законы должны обсуждаться и издаваться, все налоги и подати назначаться только этой выбранной самим

народом государственной думой (парламентом). Политическая свобода означает право народа самому выбирать себе всех чиновников, устраивать всякие сходки для обсуждения всех государственных дел, издавать, без всяких разрешений, какие угодно книги и газеты.

Все остальные европейские народы давно уже завоевали себе политическую свободу. Только в Турции да в России народ остается в политическом рабстве у правительства султана и у царского самодержавного правительства. Царское самодержавие означает неограниченную власть царя. Народ не принимает никакого участия в устройстве государства и в управлении государством. Все законы издает, всех чиновников назначает царь один, по своей единоличной, неограниченной, самодержавной власти. Но царь, разумеется, *не может даже знать* все русские законы и всех русских чиновников. Царь не может даже знать того, что делается в государстве. Царь просто утверждает волю нескольких десятков самых крупных и самых знатных чиновников. Один человек при всем своем желании не мог бы управлять таким огромным государством, как Россия. Управляет Россией не царь,—это только говорить можно о самодержавии одного человека! — управляет Россией кучка самых богатых и знатных чиновников. Царь узнает только то, что угодно бывает этой кучке сообщить ему. Царь не имеет никакой возможности идти против воли этой кучки сановитых дворян: царь сам помещик и дворянин; с самого детства он только среди таких знатных людей и жил; они же его воспитывали и обучали; обо всем русском народе он знает только то, что знают и эти знатные дворяне, богатые помещики и немногие из самых богатых купцов, имеющих доступ к царскому двору.

В каждом волостном правлении вы можете найти такую картину: на картине представлен царь (отец нынешнего, Александр III). Царь говорит речь волостным старшинам, прибывшим на его коронацию. Царь приказывает им: «*слушайтесь ваших предводителей дворянства!*». И нынешний царь, Николай II, повторял то же самое. Значит, цари и сами признают, что управлять государством они не могут иначе, как при помощи дворян, чрез посредство дворян. Надо твердо помнить эти царские речи о повиновении крестьян дворянам. Надо ясно понять, какую ложь говорят народу те люди, которые стараются выставить царское правленье самым лучшим правленьем. В других странах, — говорят эти люди, — правленье выборное; там выбирают богатых, а богатые правят несправедливо, притесняют бедных. В России же правление не выборное; правит всем самодержавный царь. Царь выше всех, и бедных и богатых. Царь справедлив, дескать, ко всем, и бедным и богатым одинаково.

Такие речи — одно лицемерие. Всякий русский человек знает, какова справедливость нашего правленья. Всякий знает, может ли

у нас простой рабочий или крестьянин-батрак попасть в государственный совет. А во всех других европейских странах в государственные думы (парламенты) попадали и рабочие с фабрики и батраки от сохи: и они свободно говорили перед всем народом о бедственной жизни рабочих, призывали рабочих к объединению и к борьбе за лучшую жизнь. И никто не смел остановить такие речи народных выборных, ни один полицейский не смел тронуть их пальцем.

В России нет выборного правленья, а правят не только одни богатые и знатные, но самые худшие из них. Правят те, кто лучше наушничает при царском дворе, кто искуснее подставляет ножку, кто лжет и клевещет царю, льстит и заискивает. Правят тайком, народ не знает и не может знать, какие законы готовятся, какие войны собираются вести, какие новые налоги вводятся, каких чиновников и за что награждают, каких смещают. Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России. И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес, — простому рабочему человеку никогда не продраться через этот лес, никогда не добиться правды. Ни одна жалоба на чиновников за взятки, грабежи и насилия не доходит до света: всякую жалобу сводит на-нет казенная волокита. Голос одинокого человека никогда не доходит до всего народа, а теряется в этой темной чаще, душится в полицейском застенке. Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции.

Вот почему рабочие выходят на улицу и пишут на своих знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». Вот почему и десятки миллионов деревенской бедноты должны поддержать, подхватить этот боевой клич городских рабочих. Подобно им, деревенские рабочие и неимущие крестьяне должны, не боясь преследований, не страшась никаких угроз и насилий врага, не смущаясь первыми неудачами, выступить на решительную борьбу за свободу всего русского народа и потребовать прежде всего *созыва народных представителей.* Пусть народ сам выберет по всей России своих гласных (депутатов). Пусть эти гласные составят верховное собрание, которое учредит выборное правленье на Руси, освободит народ от крепостной зависимости перед чиновниками и полицией, обеспечит народу право свободных сходок, свободной речи и свободной печати!

Вот чего хотят прежде всего социал-демократы. Вот что означает их первое требование: *требование политической свободы.*

Мы знаем, что политическая свобода, свобода выбора в государственную думу (парламент), свобода сходок, свобода печати еще не избавит сразу трудящийся народ от нищеты и угнетения. Такого средства и на свете нет, чтобы сразу избавить городскую и деревенскую бедноту от работы на богатых. Рабочему народу не на кого надеяться, не на кого рассчитывать, *кроме как на самого себя.* Рабочего человека никто не освободит от нищеты, *если он сам себя не освободит.* А чтобы освободить себя, рабочие должны объединиться по всей стране, во всей России, в один союз, в одну партию. Но миллионы рабочих не могут объединиться вместе, если самодержавное полицейское правительство запрещает всякие сходки, всякие рабочие газеты, всякие выборы рабочих депутатов. Чтобы объединиться, надо иметь право устраивать всякие союзы, надо иметь свободу союзов, надо иметь политическую свободу.

Политическая свобода не избавит рабочий народ сразу от нищеты, *но она даст рабочим оружие для борьбы с нищетой.* Нет другого средства и не может быть другого средства для борьбы с нищетой, кроме *соединения самих рабочих.* Нет возможности соединиться миллионам народа, если нет *политической свободы.*

Во всех европейских странах, где народ завоевал себе политическую свободу, рабочие и начали уже давно соединяться. Таких рабочих, которые не имеют ни земли, ни мастерских, которые всю жизнь работают по найму в чужих людях, — таких рабочих во всей Европе называют *пролетариями.* Больше пятидесяти лет тому назад раздался призыв к объединению рабочего народа. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — эти слова обошли за последние пятьдесят лет весь мир, эти слова повторяются на десятках и сотнях тысяч рабочих собраний, эти слова вы прочтете в миллионах социал-демократических книжек и газет на всех и всяких языках.

Разумеется, соединить в один союз, в одну партию миллионы рабочих — дело очень и очень нелегкое, требующее времени, настойчивости, упорства и мужества. Рабочие задавлены нуждой и нищетой, притуплены вечной каторжной работой на капиталистов и помещиков, рабочие часто не имеют времени и подумать о том, почему они вечно остаются нищими, как им от этого избавиться. Рабочим всячески мешают соединяться: либо прямым и зверским насилием в таких странах, как Россия, где нет политической свободы, — либо отказами брать на работу таких рабочих, которые проповедуют учение социализма, — либо, наконец, обманом и подкупом. Но никакие насилия, никакие преследования не останавливают рабочих-пролетариев, борющихся за великое дело освобождения всего рабочего народа от нищеты и угнетения. Число рабочих социал-демократов постоянно возрастает.

Вот в соседнем государстве, Германии, есть выборное правление. Прежде в Германии тоже было неограниченное самодержавное королевское правление. Но германский народ уже давно, больше пятидесяти лет тому назад, разрушил самодержавие и взял себе силою политическую свободу. Законы издаются в Германии не кучкой чиновников, как в России, а *собранием народных выборных*, парламентом, или *имперским сеймом*, как называют его немцы. Выбирают депутатов в этот сейм все взрослые мужчины. Поэтому можно сосчитать, сколько голосов подано за социал-демократов. В 1887 году *одна десятая часть* всех голосов была подана за социал-демократов. В 1898 году (когда были последний раз выборы в немецкий имперский сейм) число голосов социал-демократических *увеличилось почти втрое*. Уже *более четвертой части* всех голосов было подано за социал-демократов. *Более двух миллионов* взрослых мужчин выбрали *социал-демократических депутатов* в парламент. Среди деревенских рабочих социализм распространен в Германии еще мало, но теперь он особенно быстро шагает там вперед. И когда масса батраков, поденщиков и неимущего, обнищавшего крестьянства присоединится к своим городским братьям,— немецкие рабочие победят и устроят такие порядки, при которых не будет нищеты и угнетения трудящихся.

Каким же образом хотят рабочие-социал-демократы избавить народ от нищеты?

Чтобы знать это, надо ясно понять, отчего происходит нищета громадных масс народа при теперешних общественных порядках. Растут богатые города, строятся роскошные магазины и дома, проводятся железные дороги, вводятся всякие машины и улучшения и в промышленности и в земледелии,— а миллионы народа все не выходят из нищеты, все продолжают работать за одно только содержание семьи всю свою жизнь. Да мало того: все больше становится безработных. Все больше становится и по деревням и по городам людей, которые совсем не могут найти никакой работы. В деревнях они голодают, в городах они наполняют босые команды и золотые роты, ютятся, как звери, в землянках городских предместий или в таких ужасных трущобах и подвалах, как на Хитровом рынке в Москве.

Как же это может быть? Богатства и роскоши становится все больше, а те миллионы и миллионы, которые своим трудом создают все богатства, остаются все-таки в бедности и нищете? Крестьяне вымирают от голода, рабочие бродят без работы,— а из России торговцы вывозят за границу миллионы пудов хлеба. Фабрики и заводы стоят, потому что некуда девать товары, негде сбывать их?

Происходит это прежде всего от того, что громадная масса земли, а также фабрики, заводы, мастерские, машины, здания,

пароходы — принадлежат в собственность небольшому числу богачей. На этих землях, в этих фабриках и мастерских работают десятки миллионов народа, — а принадлежат они нескольким тысячам или нескольким десяткам тысяч богачей, помещиков, купцов и фабрикантов. На этих богачей народ работает по найму, за плату, за кусок хлеба. Все, что вырабатывается сверх нищенского содержания рабочих, все это идет в руки богачей, все это составляет их прибыль, их «доходы». Все выгоды от машин, от улучшений в работе идут на пользу землевладельцам и капиталистам: они накопляют миллионные богатства; а работникам достаются из этого богатства жалкие крохи. Работники соединяются вместе для работы: в крупных имениях и на больших фабриках работает по нескольку сот, иногда даже по нескольку тысяч рабочих. От такого соединения труда, при употреблении самых различных машин, работа становится более успешной: один рабочий вырабатывает гораздо больше, чем прежде десятки рабочих, трудившихся в одиночку и без всяких машин. Но пользуются этой успешностью, производительностью труда не все трудящиеся, а только ничтожное число крупных землевладельцев, купцов и фабрикантов.

Часто можно слышать, что помещики и купцы «*дают* работу» народу, «дают» заработок бедным людям. Говорят, например, что местных крестьян «*кормит*» соседняя фабрика или соседняя экономия. На самом же деле рабочие своим трудом *кормят* и самих себя и всех тех, кто сам не работает. *Но за позволение* работать на помещичьей земле, на фабрике или на железной дороге рабочий *отдает даром* собственнику все, что вырабатывается, получая сам только на скудное содержанье. Значит, на самом деле, не помещики и не купцы дают работу рабочим, а рабочие своей работой содержат всех, отдавая даром большую часть своего труда.

Далее. Нищета народа происходит во всех современных государствах оттого, что работники изготовляют всякие предметы на продажу, на рынок. Фабрикант и мастеровой, помещик и зажиточный крестьянин производит те или иные изделия, выращивает скот, сеет и собирает хлеб *для продажи*, для выручки *денег*. Деньги везде стали теперь главной силой. На деньги выменииваются все и всякие продукты человеческого труда. На деньги можно купить все, что хочешь. На деньги можно даже купить человека, т. е. заставить человека неимущего работать на того, у кого есть деньги. Прежде главной силой была земля, — так было при крепостном праве; у кого была земля, у того была и сила и власть. А теперь главной силой стали деньги, капитал. На деньги можно купить сколько угодно земли. Без денег не много сделаешь и с землей: не на что будет купить плуга или других орудий, купить скота, одежды и всяких других городских товаров, не говоря об уплате податей. Из-за денег чуть не все помещики поза-

кладывали свои имения в банке. Чтобы достать денег, правительство делает займы у богатых людей и у банкиров во всем свете и платит процентов по этим займам сотни миллионов рублей в год.

Из-за денег все ведут теперь свирепую войну друг против друга. Каждый старается дешевле купить, дороже продать, каждый старается обогнать другого, продать как можно больше товара, сбить цену, скрыть от другого выгодное место сбыта или выгодную поставку. Маленьким людям, мелкому ремесленнику и мелкому крестьянину, тяжеле всех достается в этой общей свалке из-за денег: они всегда остаются позади богатого купца или богатого крестьянина. У них никогда нет никакого запаса, они живут со дня на день, им приходится при каждом затруднении, при каждом несчастном случае закладывать последние пожитки или продавать за бесценок рабочий скот. Попав раз в лапы какого-нибудь кулака или ростовщика, они уже редко-редко в силах выбиться из пут, а большей частью разоряются вконец. Каждый год десятки и сотни тысяч мелких крестьян и ремесленников запирают свои хаты, отдают надел обществу задаром и становятся наемными рабочими, батраками, чернорабочими, пролетариями. А богатые люди все более и более наживаются в этой борьбе из-за денег. Богатые люди собирают деньги в банки миллионами и сотнями миллионов рублей и наживаются не только на свои собственные деньги, но и на чужие, которые вкладываются в банк. За свои десятки или сотни рублей, которые маленькие люди кладут в банки или сберегательные кассы, они получают процента три или четыре копейки на рубль, а богачи составляют из этих десятков — миллионы, расширяют на эти миллионы свой оборот и наживают по десяти и двадцати копеек на рубль.

Вот почему рабочие-социал-демократы говорят, что единственное средство положить конец народной нищете, это — изменить снизу доверху теперешние порядки во всем государстве и установить *порядки социалистические*, то-есть: отнять у крупных землевладельцев их имения, у фабрикантов их фабрики и заводы, у банкиров их денежные капиталы, уничтожить их *частную собственность* и передать ее в руки всего рабочего народа во всем государстве. Тогда распоряжаться трудом рабочих будут не богатые люди, живущие чужим трудом, а сами же рабочие и их выборные. Тогда плоды общего труда и выгоды от всех улучшений и машин будут идти на пользу всем трудящимся, всем рабочим. Тогда богатство будет расти еще быстрее, потому что рабочие на самих себя будут работать лучше, чем на капиталистов, и рабочий день будет короче, содержание рабочих будет лучше, вся жизнь их совсем переменится.

Но изменить все порядки во всем государстве — дело нелегкое. Для этого нужно много труда, много длинной и упорной борьбы.

Все богатые люди, все собственники, вся *буржуазия* *) будет отстаивать свои богатства всеми силами. На защиту всего *богатого класса* встанут чиновники и войско, потому что самое правительство находится в руках богатого класса. Рабочие должны сомкнуться как один человек для борьбы против всех, кто живет чужим трудом; рабочие должны объединиться сами и объединить всех неимущих в один *рабочий класс*, в один *класс пролетариата*. Борьба будет нелегка для рабочего класса, но эта борьба непременно кончится победой рабочих, потому что буржуазия, или люди, живущие чужим трудом, составляет ничтожную долю народа. А рабочий класс — громадное большинство в народе. Рабочие против собственников — это значит миллионы против тысяч.

И рабочие в России начинают уже объединяться для этой великой борьбы в одну рабочую социал-демократическую партию. Как ни трудно объединяться тайком, хоронясь от полиции, а все же объединение крепнет и растет. Когда же русский народ завоюет себе политическую свободу, тогда дело объединения рабочего класса, дело социализма пойдет вперед несравненно быстрее, еще быстрее, чем идет оно вперед у немецких рабочих.

3. БОГАТСТВО И НИЩЕТА, СОБСТВЕННИКИ И РАБОЧИЕ В ДЕРЕВНЕ.

Мы знаем теперь, чего хотят социал-демократы. Они хотят бороться со всем богатым классом за освобождение народа от нищеты. А в деревне у нас нищеты не меньше, а пожалуй даже и больше, чем в городах. Как велика деревенская нищета, об этом мы здесь говорить не будем: всякий рабочий, бывавший в деревне, и всякий крестьянин очень хорошо знает о деревенской нужде, голоде, холоде и разорении.

Но крестьянин не знает, *отчего* он бедствует, голодает и разоряется, и *как* ему от этой нужды избавиться. Чтобы узнать это, надо прежде всего понять, отчего всякая нужда и нищета происходит и в городе и в деревне. Мы об этом уже коротенько говорили и видели, что неимущие крестьяне и деревенские рабочие должны соединяться с городскими рабочими. Но этого мало. Надо дальше узнать, какой народ в деревне пойдет за богатых, за собственников, и какой — за рабочих, за социал-демократов. Надо узнать, много ли таких крестьян, которые не хуже помещиков умеют наживать капитал и жить чужим трудом. Если

*) Буржуа — значит собственник. Буржуазия — все собственники вместе. Крупный буржуа значит крупный собственник. Мелкий буржуа — мелкий собственник. Буржуазия и пролетариат это все равно, что собственники и рабочие, богатые и неимущие, люди, живущие чужим трудом, и люди, работающие на других из-за платы.

этого досконально не разобрать, — так тогда никакие толки о нищете ни к чему не приведут, и деревенская беднота не будет понимать, *кому* в деревне надо между собой и с городскими рабочими объединиться и *как* сделать так, чтобы это был *верный* союз, чтобы крестьянина не надул, кроме помещика, и свой брат — богатый мужик.

Чтобы разобрать это, мы и посмотрим теперь, какова сила помещиков в деревне и какова сила богатых крестьян.

Начнем с помещиков. Об их силе можно судить прежде всего по количеству земли, которая находится в их частной собственности. Всех земель в Европейской России, и крестьянских надельных, и земель в частной собственности, считалось около 240 миллионов десятин *) (кроме казенных земель, о которых мы скажем особо). Из этих 240 миллионов десятин в руках крестьян, т.-е. в руках *более чем десяти миллионов дворов*, находится 131 миллион надельных земель. А в руках частных собственников, т.-е. в руках *менее полумиллиона семей*, находится 109 миллионов десятин. Значит, если бы даже сосчитать на круг, то на одну крестьянскую семью пришлось бы по 13 десятин, а на одну семью частного собственника по 218 десятин! Но неравенство в распределении земли еще гораздо сильнее, как мы сейчас увидим.

Из 109 миллионов десятин земли у частных владельцев *семь* миллионов находится в руках *удела*, т.-е. в частной собственности членов царской фамилии. Царь со своей семьей — первый из помещиков, самый крупный помещик на Руси. У *одной* фамилии *больше* земли, чем у *полумиллиона* крестьянских семей! Далее, у церквей и монастырей — около *шести* миллионов десятин земли. Наши попы проповедуют крестьянам нестяжание да воздержание, а сами набрали себе правдой и неправдой громадное количество земли.

Затем около двух миллионов десятин считают у городов и посадов и столько же у разных торговых и промышленных обществ и компаний. 92 миллиона десятин земли (точная цифра — 91.605.845, но мы будем приводить, для простоты, круглые цифры) принадлежат *менее чем полумиллиону* (481.358) семей частных собственников. Половина этого числа семей — совсем мелкие собственники; у каждого из них меньше десяти десятин земли. И у всех их вместе меньше миллиона десятин. А *шестнадцать тысяч* семей имеют каждая *больше тысячи* десятин земли; всего у них *шестьдесят пять миллионов десятин*. Какие необъятные

*) Все эти и следующие цифры о количестве земли сильно уже устарели. Они относятся к 1877 — 78 годам. Но более новых цифр не имеется. Русское правительство может держаться только в потемках, и поэтому у нас так редко собираются полные и правдивые сведения о народной жизни по всему государству.

количества земли собраны в руках крупных землевладельцев, это видно еще из того, что *немногим менее тысячи семей* (924) владеют каждая *больше чем десятью тысячами десятин земли*, и у всех их *двадцать семь миллионов десятин!* Одна тысяча семей имеет столько же, сколько два миллиона крестьянских семей.

Понятно, что миллионы и десятки миллионов народа *должны* бедствовать и голодать и *всегда будут* бедствовать и голодать, покуда в руках у нескольких тысяч богатеев будут такие необъятные количества земли. Понятно, что и государственная власть, само правительство (хотя бы и царское правительство) будет до тех пор плясать под дудку этих крупных землевладельцев. Понятно, что деревенской бедноте не от кого и неоткуда ждать помощи, пока она сама не соединится, не сомкнется в один класс для упорной, отчаянной борьбы с этим помещичьим классом.

Здесь надо заметить, что у нас очень многие люди (и даже многие из образованных людей) имеют совершенно неправильный взгляд на силу помещичьего класса, говоря, что еще гораздо больше земли у «государства». «Уже теперь — говорят такие плохие советчики крестьянина — большая доля территории (т.-е. всей земли) России принадлежит государству» (эти слова взяты из газеты «Революционная Россия» № 8, стр. 8)[98]). Ошибка этих людей произошла вот отчего. Они слыхали, что *казне* принадлежит у нас в Европейской России 150 миллионов десятин. Это действительно так. Но они забыли, что эти полтораста миллионов десятин — почти целиком *неудобные земли и леса на дальнем севере*, в губерниях Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Вятской и Пермской. За казной, значит, остались только такие земли, которые до сих пор совершенно не годились для хозяйства. Удобных же земель у казны *менее четырех миллионов десятин*. И эти удобные казенные земли (например, в Самарской губернии, где их особенно много) снимаются в аренду за-дешево, за бесценок богачами. Богачи берут по тысячам и по десяткам тысяч десятин этих земель, а потом раздают их крестьянству втридорога.

Нет, совсем это плохие советчики крестьянина, которые говорят: у казны земель много. Действительно, много хороших земель у крупных частных землевладельцев (и у царя лично в том числе), и эти крупные помещики самое казну держат в своих руках. И пока деревенская беднота не сумеет объединиться и сделаться чрез свое объединение грозной силой, до тех пор «государство» всегда останется покорным слугой помещичьего класса. И надо не забывать еще вот чего: прежде помещиками почти только одни дворяне и были. У дворян и теперь масса земли (у 115 тысяч дворян считалось в 1877—78 году 73 миллиона десятин). Но главной силой стали теперь

деньги, капитал. Очень и очень много земли накупили себе купцы и зажиточные крестьяне. Считают, что за тридцать лет (с 1863 по 1892 год) дворяне потеряли земель (т.-е. продали больше, чем купили) на шестьсот с лишним миллионов рублей. А купцы и почетные граждане приобрели земель на 250 миллионов рублей. Крестьяне, казаки и «другие сельские обыватели» (как называет наше правительство людей простого звания в отличие от «благородной» и «чистой публики») приобрели земли на 300 миллионов рублей. Значит, каждый год средним числом крестьяне по всей России прикупают себе земли в частную собственность на 10 миллионов рублей.

Стало быть, крестьяне есть разные: одни бедствуют и голодают, другие богатеют. Стало быть, все больше становится таких богатых крестьян, которые тянут к помещикам, которые будут держать сторону богатых против рабочих. И деревенской бедноте, которая хочет объединиться с городскими рабочими, надо хорошо подумать об этом, надо разобрать, много ли таких богатых крестьян, какова их сила и какой союз нужен нам для борьбы с этой силой. Мы сейчас упоминали о плохих советчиках крестьянина. Эти плохие советчики любят говорить: у крестьян есть уже союз. Этот союз — мир, общество. Мир — большая сила. Мирское соединение тесно сплачивает крестьян; организация (то-есть объединение, союз) мирского крестьянства колоссальна (то-есть огромна, необъятна).

Это неверно. Это — сказка. Хоть и добрыми людьми выдуманная, а все-таки сказка. Если мы сказки слушать будем, мы только испортим свое дело, дело союза деревенской бедноты с городскими рабочими. Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько кругом себя: похоже ли мирское соединение, похоже ли крестьянское общество на союз бедноты для борьбы со *всеми* богатеями, со *всеми*, кто живет чужим трудом? Нет, непохоже и не может быть похоже. В каждой деревне, в каждом обществе есть много батраков, много обнищавших крестьян, и есть богатеи, которые сами держат батраков и покупают себе землю «на-вечно». Эти богатеи тоже общественники, и они верховодят в обществе, потому что они сила. А разве нам такой союз нужен, в который входят богатеи, в котором верховодят богатеи? Совсем нет. Нам нужен союз *для борьбы* с богатеями. Значит, мирской союз совсем для нас не годится.

Нам нужен добровольный союз, союз только таких людей, которые поняли, что им надо соединиться с городскими рабочими. А общество — не добровольный союз, а казенный союз. В общество не те люди входят, которые работают на богатеев, которые хотят вместе бороться с богатеями. В общество входят всякие люди не по своей воле, а потому, что их родители на этой земле жили, на этого помещика работали, потому что их начальство

к этому обществу приписало. Из общества бедные крестьяне не могут свободно выйти; в общество они не могут свободно чужого человека принять, который приписан полицией к другой волости, а нам, для нашего союза, требуется, может быть, именно здесь. Нет, нам совсем другой союз нужен, добровольный союз одних только работников и бедных крестьян для борьбы со всеми, кто живет чужим трудом.

Давно прошли уже те времена, когда мир был силою. И не вернутся эти времена никогда. Мир был силою, когда среди крестьян почти не было батраков и рабочих, бродящих по всей России за заработком, когда не было почти и богатеев, когда всех давил одинаково барин-крепостник. А теперь главной силой стали деньги. Из-за денег и однообщественники между собою не хуже лютых зверей борются. Денежные мужики своих собственных однообщественников теснят и грабят почище иного помещика. Теперь нужен нам не мирской союз, а союз против *власти денег*, против власти капитала, союз всех деревенских работников и неимущих крестьян разных обществ, союз всей деревенской бедноты с городскими рабочими для борьбы против помещиков и богатых крестьян одинаково.

Какова сила помещиков, мы видели. Надо посмотреть теперь, много ли богатых крестьян и какова их сила.

О силе помещиков мы судили по величине их имений, по количеству земли у них. Помещики свободно распоряжаются своей землей, свободно покупают и продают ее. Поэтому об их силе можно очень точно судить по количеству земли у них. Крестьяне же до сих пор не имеют у нас права свободно распоряжаться своей землей, до сих пор они остаются полукрепостными, привязанными к своему обществу. Поэтому о силе богатых крестьян нельзя судить по количеству надельной земли у них. Богатые крестьяне не на своих наделах разживаются: они *покупают* помногу земли, покупают и «на-вечно» (то-есть в свою частную собственность) и «на-года» (то-есть снимают в аренду), покупают и у помещиков, и у своего брата-крестьянина, у того, кто бросает землю, кто из нужды сдает наделы. Всего вернее будет, поэтому, отделить богатых, средних и неимущих крестьян по количеству лошадей у них. Многолошадный крестьянин почти всегда — богатый крестьянин; если он держит много рабочего скота — значит, у него и посева много и земля есть, кроме одной надельной, и деньги в запасе есть. Притом же у нас есть возможность узнать, сколько по всей России (Европейской России, не считая ни Сибири, ни Кавказа) есть многолошадных крестьян. Разумеется, не надо забывать, что обо всей России можно говорить только на-круг: в отдельных уездах и губерниях очень много различия. Например, около городов часто бывают такие богатые крестьяне-земледельцы, у которых вовсе немного лошадей.

Одни занимаются выгодным огородным промыслом, другие держат мало лошадей, да много коров и торгуют молоком. Есть везде по России и такие крестьяне, которые наживаются не на земле, а на торговом деле: заводят маслобойки, круподерки и другие заводы. Всякий, кто живет в деревне, очень хорошо знает богатых крестьян в своем селе или в округе. Но нам надо узнать, сколько их по всей России, какова их сила, чтобы бедный крестьянин не на авось шел, не с завязанными глазами, а чтобы он точно знал, каковы его друзья и каковы его враги.

Так вот мы и посмотрим, много ли крестьян богатых и бедных лошадьми. Мы уже говорили, что всего крестьянских дворов считают в России около *десяти миллионов.* Всего лошадей у них теперь, вероятно, около *пятнадцати миллионов* (лет четырнадцать тому назад было семнадцать миллионов, но теперь стало меньше). Значит, на-круг приходится на каждые *десять* дворов по *пятнадцати* лошадей. Но все дело в том, что у одних, у немногих — по многу лошадей, а у других, и притом у очень многих, либо совсем нет, либо мало. Безлошадных крестьян *не меньше трех миллионов,* да около трех с половиною миллионов *однолошадных.* Это все либо совсем разоренные, либо неимущие крестьяне. Мы называем их деревенской беднотой. Их *шесть с половиной* миллионов из десяти, то-есть *почти две трети!* Потом идут средние крестьяне, у которых по одной паре рабочего скота. Таких крестьян *около двух* миллионов дворов и у них *около четырех* миллионов лошадей. За ними идут богатые крестьяне, которые имеют больше, чем по паре рабочего скота. Таких крестьян *полтора миллиона* дворов, но у них *семь с половиной* миллионов лошадей*). Это значит: у одной, примерно, шестой доли дворов находится в руках половина всего числа лошадей.

Зная это, мы можем довольно точно судить о силе богатых крестьян. Числом их очень немного: в разных обществах, в разных волостях их наберется один-два десятка на каждую сотню дворов. Но эти немногие дворы — самые богатые. Поэтому у них оказывается, по всей России, почти столько же лошадей, сколько

*) Повторяем еще раз, что мы берем здесь цифры на-круг, приблизительно. Может быть, богатых крестьян не ровно полтора миллиона, а миллион с четвертью или миллион три четверти, или даже два миллиона. Это уже разница небольшая. Не в том тут дело, чтобы каждую тысячу или сотню тысяч усчитать, а в том, чтобы ясно понять, какова сила богатых крестьян, каково их положение, чтобы уметь определить своих врагов и своих друзей, чтобы не обманываться всякими россказнями или пустыми словами, а узнать точно и положение бедноты и особо положение богатых

Пусть каждый деревенский работник приглядится хорошенько к своей волости и к соседним волостям. Он увидит, что наш расчет правильный, что на-круг везде так и выйдет: из каждой сотни дворов один, много два десятка богатеев, десятка два средних крестьян, а все остальные — беднота.

у всех остальных крестьян, вместе взятых. Значит, и посевов у них почти половина всех крестьянских посевов. Такие крестьяне собирают хлеба гораздо больше, чем нужно их семьям. Они продают по многу хлеба. Им хлеб не только для прокормления служит, а больше всего — для продажи, для наживы денег. Такие крестьяне могут копить деньги. Они кладут их в сберегательные кассы и в банки. Они покупают себе земли в собственность. Мы уже говорили, как много земли по всей России покупается каждый год крестьянами; почти все эти земли достаются вот этим немногим богатым крестьянам. Деревенской бедноте не о покупке земли приходится думать, а о том, как бы прокормиться. Им и на хлеб-то часто не хватает денег, а не то что на покупку земли. Поэтому всякие банки вообще и крестьянский банк в особенности помогает добывать землю вовсе не всем крестьянам (как уверяют иногда люди, обманывающие мужика или очень уже большие простячки), а только ничтожному числу крестьян, только богатеям. Поэтому и те плохие советчики мужика, о которых мы упоминали, говорят неправду про крестьянскую покупку земель, будто эта земля перетекает от капитала к труду. К труду, то-есть к неимущему рабочему человеку, земля никогда не может перетекать, потому что за землю платят деньги. А у бедноты лишних денег и в заводе никогда не бывает. Земля перетекает только к богатым денежным крестьянам, к капиталу, только к таким людям, с которыми деревенской бедноте надо вести *борьбу* в союзе с городскими рабочими.

Богатые крестьяне не только покупают землю на-вечно, но они же больше всего нанимают земли и на-года, арендуют землю. Они отбивают землю у деревенской бедноты, снимая большие участки. Вот, например, по одному уезду Полтавской губернии (Константиноградскому) было сосчитано, сколько земли арендовали богатые крестьяне. И что же оказалось? Таких, которые арендовали по 30 и более десятин на двор, было совсем мало, всего по два двора из каждых 15 дворов. Но эти богатеи забрали в свои руки *половину* всей снятой земли, и на каждого богатея приходилось по *75 десятин* съемной земли! Или вот в Таврической губернии сосчитали, сколько захватили богатеи из той земли, которую крестьяне сняли *миром*, обществами, у казны. Оказалось, что богатеи, числом всего *одна пятая* доля дворов, захватили себе *три четверти* всей съемной земли. Землю везде по деньгам делят, а деньги только у немногих богатеев и водятся.

Далее, много земли сдают теперь и сами крестьяне. Бросают наделы, потому что нет скота, нет семян, нечем вести хозяйство. Без денег ныне и с землей ничего не поделаешь. Например, в Новоузенском уезде Самарской губернии у богатых крестьян из каждых трех дворов один, а то и два, *снимают*

надельную землю в своем же собственном или в чужом обществе. А сдают наделы безлошадные и однолошадные. В Таврической губернии целая *треть* крестьянских дворов сдает наделы. Сдается *четвертая* часть всех крестьянских наделов, четверть миллиона десятин. И из этой четверти миллиона — полтораста тысяч десятин (три пятых доли) попадает в руки богатых крестьян! Мы опять тут видим, годится ли для бедноты мирской союз, общество. В обществе деревенском у кого деньги, у того и сила. А нам нужен союз бедноты из всяких обществ.

Так же, как насчет покупки земли, обманывают крестьянина и разговоры о дешевой покупке плугов, жаток и всяких других усовершенствованных орудий. Устраивают земские склады, артели и говорят: усовершенствованные орудия улучшат положение крестьянства. — Это один обман. Достаются все эти лучшие орудия одним только богатеям, а бедноте не достаются почти вовсе. Ей не до плугов и не до жаток, а быть бы только живу! Вся такая «помощь крестьянству» есть помощь богатеям и больше ничего. А массе бедноты, у которой ни земли, ни скота, ни запаса нет, — не поможешь тем, что лучшие орудия дешевле будут. Вот, например, в одном уезде Самарской губернии сосчитали все улучшенные орудия у крестьян богатых и у бедных. Оказалось, что у одной *пятой* доли дворов, т. е. у самых зажиточных, почти *три четверти* всех улучшенных орудий, у бедноты же, у *половины* дворов, всего-на-всего *одна тридцатая доля.* Безлошадных и однолошадных в этом уезде 10 тысяч дворов из всего числа 28 тысяч; и у этих 10 тысяч всего-на-всего *семь* улучшенных орудий из всего числа 5.724 улучшенных орудий у всех крестьянских дворов во всем уезде. Семь орудий из 5.724 — вот каково участие деревенской бедноты во всех этих улучшениях хозяйства, распространениях плугов и жаток, которые помогают будто бы «всему крестьянству»! вот чего должна ждать деревенская беднота от людей, толкующих об «улучшении крестьянского хозяйства»!

Наконец, одна из самых главных особенностей богатого крестьянства состоит в том, что оно *нанимает батраков и поденщиков.* Подобно помещикам богатые крестьяне тоже живут чужим трудом. Подобно помещикам, они богатеют потому, что разоряется и нищает масса крестьянства. Подобно помещикам, они стараются выжать как можно больше работы из своих батраков и заплатить им как можно меньше. Если бы миллионы крестьян не были вконец разорены и вынуждены идти на работу в чужие люди, идти в наймиты, продавать свою рабочую силу, — тогда богатые крестьяне не могли бы существовать, не могли бы вести хозяйства. Тогда им негде было бы подбирать «упалые» наделы, негде было бы находить себе рабочих. А по всей России все полтора миллиона богатых крестьян нанимают, наверно,

не меньше *миллиона* батраков и поденщиков. Понятно, что в великой борьбе между классом собственников и классом неимущих, между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом, — богатые крестьяне станут на сторону собственников против рабочего класса.

Теперь мы знаем положение и силу богатого крестьянства. Посмотрим, каково живется деревенской бедноте.

Мы уже говорили, что к деревенской бедноте принадлежит громадное большинство, почти две трети всех крестьянских дворов по всей России. Прежде всего, безлошадных дворов никак не менее *трех миллионов*, — вероятно, даже более, до трех с половиной миллионов в настоящее время. Каждый голодный год, каждый неурожай разоряет десятки тысяч хозяйств. Население увеличивается, жить становится все теснее, а вся лучшая земля уже прибрана к рукам помещиками и богатыми крестьянами. И вот каждый год все больше и больше народа разоряется, уходит в города и на фабрики, поступает в батраки, становится чернорабочими. Безлошадный крестьянин это — такой, который стал уже совсем неимущим. Это — пролетарий. Живет он (покуда живет, и вернее сказать, что перебивается, а не живет) не землей, не хозяйством, а *работой по найму*. Это — родной брат городского рабочего. Безлошадному крестьянину и земля ни к чему: половина безлошадных дворов *сдают свои наделы*, иногда даже даром отдают их в общество (а то так и платят еще сами верхи!), потому что им не под силу обрабатывать землю. Безлошадный крестьянин сеет какую-нибудь десятину, много — две. Ему всегда приходится прикупать хлеб (если есть на что купить), — своим хлебом никогда не прокормиться. Немногим дальше ушли и однолошадные крестьяне, которых по всей России около $3^1/_2$ миллионов дворов. Конечно, бывают исключения, и мы уже сказали, что кое-где есть средне-живущие и даже богатые однолошадные. Но мы говорим не об исключениях, не об отдельных местностях, а обо всей России. Если взять всю массу однолошадных, то несомненно, что это масса бедноты и нищеты. Однолошадный крестьянин сеет даже в земледельческих губерниях десятины три-четыре, редко пять; своим хлебом тоже не обходится. Кормится он даже и в хороший год не лучше безлошадного, — стало быть, постоянно не доедает, постоянно голодает. Хозяйство совсем в упадке, скот плохой, корму ему мало, землю охаживать как следует — сил нет. На все свое хозяйство (кроме корма скота) однолошадный крестьянин может расходовать — например, в Воронежской губернии — не больше *двадцати рублей в год!* (Богатый мужик расходует *вдесятеро больше.)* Двадцать рублей в год — и на аренду земли, и на покупку скота, и на починку сохи и других орудий, и на пастуха, и на все прочее! Разве это хозяйство? Это —

одна склока, одна каторга, вечная маета. Очень понятно, что у однолошадных крестьян тоже есть такие, и не мало таких, которые *сдают свои наделы.* Нищему и с землей немного пользы. Денег нет, и от земли не только денег, а и прокормления не получишь. А деньги нужны на все: и на пищу, и на одежду, и на хозяйство, и на подати. В Воронежской губернии с однолошадного крестьянина одних податей сходит в год обыкновенно *рублей восемнадцать,* а ему всего-на-всего, на *все* расходы не достать в год больше 75 рублей. Тут только в насмешку можно говорить о покупке земли, об улучшенных орудиях, о сельских банках: совсем это не для бедноты придумано.

Откуда же взять денег? Приходится искать «заработков». Однолошадный крестьянин, как и безлошадный, тоже только «заработками» и перебивается. А что это значит — «заработки»? Это значит работа в чужих людях, работа по найму. Это значит, что однолошадный крестьянин на половину перестал быть хозяином, а стал наймитом, пролетарием. Вот почему таких крестьян и называют *полупролетариями.* Они тоже родные братья городского рабочего, потому что их тоже обирают на все лады всякие хозяева. Им тоже нет иного выхода, нет иного спасения, кроме как соединиться сообща с социал-демократами для борьбы против всех богатеев, против всех собственников. Кто работает на постройке железных дорог? кого грабят подрядчики? кто ходит на рубку и сплав леса? кто служит в батраках? кто занимается поденщиной? кто исполняет черные работы в городах и на пристанях? Это все — деревенская беднота. Это все — безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все — деревенские пролетарии и полупролетарии. И какая масса такого народа на Руси! Сосчитали, что каждый год выбирается по всей России (кроме Кавказа и Сибири) восемь, а иногда и девять *миллионов* паспортов. Это все — отхожие рабочие. Это — крестьяне только по названию, а на самом деле наймиты, рабочие. Они все должны объединиться в один союз с городскими рабочими, и каждый луч света и знания, попадающий в деревню, будет усиливать и укреплять этот союз.

Надо еще не забывать одной вещи насчет «заработков». Всякие чиновники и люди, думающие по-чиновничьи, любят потолковать о том, что крестьянину, мужичку «нужны» две вещи: земля (только не очень много, — да много и взять неоткуда, потому что богатые уже прибрали!) и «заработки». Поэтому, дескать, чтобы помочь народу, надо заводить в деревне побольше промыслов, надо «давать» больше «заработку». Такие речи — одно лицемерие. Для бедноты заработки, это — наемная работа. «Давать заработок» крестьянину — значит превращать крестьянина в наемного рабочего. Хороша помощь, нечего сказать! Для богатых крестьян есть другие «заработки», требующие

капитала, — например, устройство мельницы или другого заведения, покупка молотилки, торговля и тому подобное. Смешивать эти заработки денежных людей с *наемной работой* бедноты, значит обманывать бедноту. Богатым, конечно, выгоден такой обман, им выгодно представить дело так, как будто все «заработки» по плечу и по карману *всем* крестьянам. А кто хочет действительно добра для бедноты, тот говорит ей *всю правду и только правду*.

Нам остается теперь сказать о среднем крестьянстве. Мы уже видели, что средним крестьянином можно считать на-круг по всей России такого, у кого есть пара рабочего скота, и что таких крестьянских дворов из десяти миллионов около двух миллионов. Средний крестьянин стоит посередине между богатым и пролетарием, — поэтому он и называется средним. И живет он средне: в хороший год сводит концы с концами на своем хозяйстве, но нужда у него всегда за спиною стоит. Сбережений у него либо никаких нет, либо совсем мало. Поэтому хозяйство его шаткое. Деньги доставать трудно: со своего хозяйства редко-редко соберет он столько денег, сколько нужно, да и то в обрез. А на заработки идти — значит хозяйство бросать, в хозяйстве упущения пойдут. Многим средним крестьянам все же без заработков никак не обойтись: приходится в наймиты идти, нужда заставляет помещикам закабаляться, в долги входить. А с долгами среднему крестьянину развязаться почти никогда не удается: доходов у него прочных нет, как у богатого мужика. Поэтому раз вошел в долги — все равно, что накинул на себя петлю. Так и не выходит из долгов, покуда совсем не разорится. Средний крестьянин всего больше в кабалу помещику идет, потому что помещику для сдельных работ нужен мужик неразоренный, чтобы у него и лошадей была пара и снаряды были все по хозяйству. На сторону идти среднему крестьянину трудно, — вот он и кабалит себя помещикам и за хлеб, и за выпас, и за съемку отрезных земель, и за зимний долг деньгами. Кроме помещика и кулака, теснит среднего крестьянина и богатый сосед: он у него всегда землю перебьет и никогда не упустит случая притеснить его чем сможет. Так и живет средний крестьянин: ни то рыба, ни то птица. Ни ему хозяином настоящим, заправским быть, — ни рабочим. Все средние крестьяне за хозяевами тянутся, собственниками хотят быть, — но удается это очень и очень немногим. Очень мало таких, которые даже и батраков или поденщиков нанимают, сами стараются на чужом труде нажиться, на чужой спине пролезть в богатеи. А большинству средних крестьян не то что нанимать, — самим наниматься приходится.

Везде, где начинается борьба между богатыми и беднотой, между собственниками и рабочими, — средний крестьянин посе-

редке оказывается и не знает, куда идти. Богатые на свою сторону зовут: ты, мол, тоже хозяин, собственник, тебе нечего с голышами-рабочими делать. А рабочие говорят: богатые тебя надуют и тебя же оберут, и нет тебе иного спасенья, кроме как нам помогать в борьбе со всеми богатыми. Этот спор из-за среднего мужика везде идет, во всех странах, где рабочие социал-демократы борются за освобождение рабочего народа. В России этот спор теперь как раз начинается. Поэтому нам надо особенно хорошо рассмотреть это дело и ясно понять, какими обманами завлекают среднего мужика богатые, как нам эти обманы вывести на чистую воду, как нам помочь среднему крестьянину найти его настоящих друзей. Если русские рабочие-социал-демократы сразу станут на верный путь, то нам удастся гораздо скорее, чем немецким товарищам-рабочим, устроить прочный союз деревенского рабочего народа с городскими рабочими и быстро придти к победе над всеми врагами трудящихся.

4. КУДА ИДТИ СРЕДНЕМУ КРЕСТЬЯНИНУ? НА СТОРОНУ СОБСТВЕННИКОВ И БОГАТЫХ ИЛИ НА СТОРОНУ РАБОЧИХ И НЕИМУЩИХ?

Все собственники, вся буржуазия старается привлечь среднего крестьянина на свою сторону тем, что обещает ему всякие меры для улучшения хозяйства (дешевые плуги, сельские банки, введение посева трав, дешевую продажу скота и удобрений и тому подобное), а также тем, что делает крестьянина участником всяких сельско-хозяйственных союзов (коопераций, как их называют в книжках), союзов между всякими хозяевами с целью улучшения хозяйства. Таким путем буржуазия старается отвлечь от союза с рабочими среднего и даже мелкого крестьянина, даже полупролетария, старается побудить их стоять за богатых, за буржуазию, в ее борьбе с рабочими, с пролетариатом.

Рабочие-социал-демократы отвечают на это: улучшение хозяйства — вещь хорошая. Ничего в том дурного нет, чтобы дешевле покупать плуги; теперь даже всякий неглупый купец старается дешевле продавать, чтобы покупателей привлечь. Но когда бедному и среднему крестьянину говорят, что улучшение хозяйства и удешевление плугов поможет им всем из нужды выбиться и на ноги встать, не трогая вовсе богатых людей, — то *это обман.* От всех этих улучшений, удешевлений и коопераций (союзов для продажи и закупки товаров) *гораздо больше выигрывают богатые.* Богатые становятся все сильнее, все больше теснят и бедноту, и средних крестьян. Покуда богатые остаются богатыми, покуда они держат в своих руках большую часть и земли, и скота, и орудий, и денег, — до тех пор не только

бедноте, но и средним крестьянам *никогда* из нужды не выбиться. Один-другой средний мужик пролезет в богатые при помощи этих улучшений, да коопераций, а весь народ и все средние мужики еще глубже в нужде застрянут. Чтобы *всем* средним мужикам в богатые пролезть, — для этого надо самих богатых убрать, а убрать их может только союз городских рабочих с деревенской беднотой.

Буржуазия говорит среднему (и даже мелкому) крестьянину: мы тебе продадим дешевую землю, дешевые плуги, а ты нам продай свою душу, ты за это откажись от борьбы против всех богатых.

Рабочий-социал-демократ говорит: ежели действительно дешево продают, то отчего же при деньгах не купить: дело торговое. Ну, а души своей никогда продавать не следует. Отказаться от борьбы вместе с городским рабочим против всей буржуазии, это значит вечно остаться в нищете и нужде. От удешевления товаров богатый еще больше выиграет, еще больше наживется. А у кого денег в заводе не бывает, тому никакие дешевки не помогут, покуда он этих денег не отберет у буржуазии.

Возьмем пример. Сторонники буржуазии носятся, как с писаной торбой, со всякими кооперациями (союзами для дешевой закупки и выгодной продажи). Находятся даже люди, которые называют себя «социалистами-революционерами» и тоже кричат, вслед за буржуазией, что всего нужнее крестьянину кооперации. Начинают заводить всякие кооперации и у нас в России, но у нас еще очень мало их, и до тех пор будет мало, покуда не будет политической свободы. А вот в Германии есть очень много всяких коопераций среди крестьян. И посмотрите, кому больше всего помогают эти кооперации. Во всей Германии 140 тысяч сельских хозяев участвует в товариществах для сбыта молока и молочных продуктов, и у этих 140 тысяч хозяев (мы берем опять круглые цифры, для простоты) 1.100 тысяч коров. Бедных крестьян считают во всей Германии *четыре миллиона.* Из них только 40 тысяч участвует в товариществах: значит, из каждой сотни бедняков *только один* пользуется этими кооперациями. Коров у этих 40 тысяч бедняков всего только 100 тысяч. Далее, средних хозяев, средних крестьян — *один миллион;* из них 50 тысяч участвуют в кооперации (значит, пять человек из сотни) и коров у них 200 тысяч. Наконец, богатых хозяев (т.-е. и помещиков и богатых крестьян вместе) *одна треть миллиона;* из них участвуют в кооперации 50 тысяч (значит, *семнадцать* человек из каждой сотни!) и коров у них 800 тысяч!

Вот кому помогают прежде всего и больше всего кооперации. Вот как водят за нос мужика люди, которые кричат о спасении среднего крестьянина всякими подобными союзами

для дешевой покупки и выгодной продажи. Уж очень дешево хочет буржуазия «откупить» мужика от социал-демократов, которые зовут и бедноту и среднего крестьянина на свою сторону.

У нас тоже заводят разные сыроваренные артели, да сборные молочные. У нас тоже сколько угодно имеется людей, которые кричат: артели, да мирской союз, да товарищества — вот что мужику надобно. А посмотрите-ка, кому эти артели, да товарищества, да мирские аренды идут на-руку. У нас из каждой сотни дворов не меньше двух десятков вовсе не имеют коров; три десятка имеют по одной корове: эти продают молоко из горькой нужды, дети остаются без молока, голодают и мрут, как мухи. Богатые же мужики имеют по 3, по 4 коровы и больше, и у этих богатых мужиков половина всех крестьянских коров. Кому же на пользу идут сыроваренные артели? Ясное дело, что прежде всего помещикам и крестьянской буржуазии. Ясное дело, что *им выгодно*, чтобы средние крестьяне и беднота тянулись за ними, чтобы средством избавления от нужды считали не борьбу всех рабочих со всей буржуазией, а стремление отдельных хозяйчиков выкарабкаться из своего положения и пролезть в богатеи.

Это стремление поддерживают и поощряют на все лады все сторонники буржуазии, прикидываясь сторонниками и друзьями мелкого крестьянина. И многие наивные люди не узнают волка в овечьей шкуре и повторяют буржуазный обман, думая принести пользу мелкому и среднему крестьянину. Например, доказывают в книжках и в речах, что мелкое хозяйство самое выгодное, самое доходное, что мелкое хозяйство процветает; поэтому, дескать, так много повсюду мелких хозяев в земледелии, поэтому-де они так крепко за землю держатся (а не потому, что все лучшие земли заняты буржуазией, все деньги тоже у нее в руках, а беднота теснится и мается всю жизнь на клочках земли!). Мелкому крестьянину много денег не нужно, говорят эти сладкоречивые люди; мелкий и средний крестьянин бережливее и старательнее крупного и притом умеет жить попроще: вместо того, чтобы сена прикупить скоту, он соломкой обойдется; вместо того, чтобы дорогую машину покупать, он пораньше встанет да подольше потрудится и за машиной угонится; вместо того, чтобы за всякую починку денежки чужим людям отдавать, он в праздник сам топор возьмет, поплотничает — выйдет много дешевле, чем у крупного хозяина; вместо того, чтобы дорогую лошадь или вола кормить, он и коровой обойдется для пахоты — у немцев все бедные крестьяне коровами пашут, да и у нас народ так разорен, что не только на коровах, и на людях пахать начинают! И как же это выгодно! как это дешево! Как это похвально, что средний и мелкий крестьянин такой прилежный, такой усердный, так просто живет, баловством не занимается, о социализме не думает,

а думает только о своем хозяйстве! Не за рабочими тянется которые против буржуазии стачки устраивают, а за богатыми идет, в хорошие люди выйти норовит! Вот кабы все были такие же усердные, прилежные, жили бы просто, не пьянствовали, побольше бы денег сберегали, поменьше на всякие ситцы тратили, поменьше бы детей рожали, — тогда все бы хорошо жили, и никакой нищеты и нужды не было бы!

Такие сладкие речи напевает среднему крестьянину буржуазия, и находятся простячки, которые в эти песни верят и сами их повторяют! *). На самом деле, эти сладкие речи — один обман, одна издевка над крестьянином. Дешевым и выгодным хозяйством эти сладкоречивые люди называют нужду, горькую нужду, которая заставляет среднего и мелкого крестьянина работать с утра до ночи, урезывать себя на каждом куске хлеба, отказывать себе в каждом грошовом расходе деньгами. Конечно, чего уже «дешевле» и «выгоднее», как по три года одни портки носить, летом без сапогов ходить, соху веревочкой подвязывать, а корову гнилой соломой с крыши кормить! Посадить бы на такое «дешевое» и «выгодное» хозяйство любого буржуа или богатого крестьянина, — небось, скоро бы свои сладкие речи забыли!

Люди, которые расхваливают мелкое хозяйство, хотят иногда принести пользу крестьянину, а на самом деле приносят ему один только вред. Сладкими речами они так же обманывают мужика, как обманывает народ *лотерея*. Я сейчас расскажу, что такое лотерея. Есть у меня, например, корова, стоит 50 рублей. Я хочу разыграть эту корову в лотерею и предлагаю всем билеты по одному рублю. За один рубль может корова достаться! Народ льстится, целковые так и сыплются. Когда набирается сто рублей, тогда я устраиваю розыгрыш: чей билет вынется, тому корова за один рубль досталась, а остальные ни с чем уходят. «Дешево» ли народу обошлась эта корова? Нет, очень дорого, потому что заплачено вдвое против цены, потому что два человека (кто лотерею устраивал и кому корова досталась) нажились без всякого труда и притом нажились насчет девяносто девяти человек, которые потеряли свои деньги. Значит, тот, кто говорит, что лотереи выгодны для народа, просто обманывает народ. Точно

*) У нас в России те простячки, которые желают добра мужику и все-таки нет-нет да и собьются на эти сладкие речи, называются «народниками» или также «сторонниками мелкого хозяйства». За ними, по неразумию, плетутся также «социалисты-революционеры». У немцев тоже сладкоречивых людей немало. Один из них, Эдуард Давид написал недавно толстую книгу [99]). В этой книге он говорит, что мелкое хозяйство несравненно выгоднее крупного, потому что мелкий крестьянин лишних расходов не делает, для пахоты лошадей не держит, а той же самой коровой обходится, которая и молоко дает.

так же обманывает крестьян тот, кто обещает избавление от нищеты и нужды посредством всяких коопераций (союзов для выгодной продажи и дешевой закупки), всяких улучшений хозяйства, всяких банков и тому подобного. Как в лотерее один выиграл, а остальные в накладе, так и тут: один средний крестьянин изловчился, вышел в богатеи, а девяносто девять его товарищей всю жизнь гнули спину, не выходя из нужды и даже разоряясь все больше. Пусть каждый деревенский житель присмотрится хорошенько к своему обществу и ко всей своей округе: много ли средних крестьян выходят в богатеи и забывают о нужде? А сколько таких, что всю жизнь от нужды избавиться не могут? Сколько таких, что разоряются и уходят из деревень? У нас по всей России считают, как мы видели, не больше двух миллионов средних крестьянских хозяйств. Предположим, что всяких союзов для дешевой покупки и выгодной продажи стало вдесятеро больше, чем теперь. К чему это приведет? Много-много, если сто тысяч средних крестьян поднимутся до богатых. А это что значит? Это значит: пять человек из сотни середняков разбогатели. А остальные девяносто пять? Им все так же трудно, а многим еще гораздо труднее жить стало! А беднота еще больше разорилась!

Буржуазии, понятное дело, только того и надо, чтобы как можно больше средних и мелких крестьян тянулось за богатыми, чтобы они *верили* в возможность избавиться от нужды без борьбы с буржуазией, чтобы они *надеялись* на свое усердие, на свою прижимистость, на свое обогащение, а не на союз с деревенскими и городскими рабочими. Буржуазия всеми силами старается поддерживать эту обманчивую веру и надежду в мужике, старается убаюкать его всякими сладкими речами.

Чтобы разоблачить обман всех таких сладкоречивых людей, достаточно задать им три вопроса.

Первый вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда в России из двухсот сорока миллионов десятин удобной земли сто миллионов десятин принадлежит частным землевладельцам? Когда у шестнадцати тысяч крупнейших землевладельцев находится в руках шестьдесят пять миллионов десятин?

Второй вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда полтора миллиона богатых крестьянских дворов (из всего числа десяти миллионов) забрали в свои руки половину всех крестьянских посевов, всех крестьянских лошадей, всего крестьянского скота и гораздо больше половины всех крестьянских запасов и денежных сбережений? Когда эта крестьянская буржуазия продолжает все больше и больше богатеть, притесняя бедноту и среднее крестьянство, наживаясь чужим трудом батраков и поденщиков? Когда шесть с половиной миллионов

крестьянских дворов — разоренная беднота, всегда голодная, добывающая жалкий кусок хлеба всяческой работой по найму?

Третий вопрос. Может ли рабочий народ избавиться от нужды и нищеты, когда главной силой стали деньги, когда на деньги можно все купить: и фабрику, и землю, и даже людей купить в наемные работники, в наемные рабы? Когда без денег нельзя ни жить, ни вести хозяйства? Когда мелкий хозяин, бедняк, должен вести борьбу с крупным хозяином из-за добывания денег? Когда несколько тысяч помещиков, купцов, фабрикантов и банкиров забрали в свои руки сотни миллионов рублей и, кроме того, распоряжаются всеми банками, в которых собираются тысячи миллионов рублей?

От этих вопросов никакими сладкими речами о выгодах мелкого хозяйства или кооперации не отвертишься. На эти вопросы ответ может быть один: настоящая «кооперация», которая может спасти рабочий народ, это — *союз* деревенской бедноты с городскими рабочими-социал-демократами для борьбы против всей буржуазии. Чем скорее будет расширяться и крепнуть *такой* союз, тем скорее средний крестьянин поймет всю ложь буржуазных обещаний, тем скорее средний крестьянин станет на нашу сторону.

Буржуазия знает это и потому, кроме сладких речей, она распространяет всякую ложь о социал-демократах. Она говорит, что социал-демократы хотят отнять собственность у среднего и мелкого крестьянина. *Это ложь.* Социал-демократы хотят отнять собственность только у крупных хозяев, *только у того, кто живет чужим трудом.* Социал-демократы *никогда не отнимут собственности у мелких и средних хозяев, не нанимающих рабочих.* Социал-демократы защищают и отстаивают интересы всего рабочего народа, не только городских рабочих, которые всех более сознательны и всех более объединены, но и сельских рабочих, а также и мелких ремесленников и крестьян, если они не нанимают рабочих и не тянутся за богатыми, не переходят на сторону буржуазии. *Социал-демократы борются за все улучшения в жизни рабочих и крестьян,* какие только можно предпринять сейчас же, пока мы не разрушили еще господство буржуазии, и какие облегчат эту борьбу с буржуазией. Но социал-демократы не обманывают крестьянина, они говорят ему *всю правду,* они заранее и прямо говорят, что никакими улучшениями нельзя избавить народ от нужды и нищеты, покуда господствует буржуазия. Чтобы *весь народ* знал, что такое социал-демократы и чего они хотят, социал-демократы составили свою *программу.* Программа, это значит — короткое, ясное и точное заявление *всего, чего партия добивается и за что она борется.* Социал-демократическая партия есть единственная партия, которая выставляет ясную и точную программу, чтобы весь народ знал и видел ее,

чтобы в партии могли быть только люди, действительно желающие бороться за освобождение от гнета буржуазии всего рабочего народа, притом люди, понимающие правильно, кому надо соединиться для такой борьбы и как надо вести эту борьбу. Кроме того, социал-демократы считают, что надо прямо, открыто и точно *объяснить* в программе, *отчего происходит нужда и нищета рабочего народа* и почему союз рабочих становится все шире и все сильнее. Мало этого — сказать, что плохо живется и призывать к бунту; это и всякий крикун сумеет сделать, да толку от этого немного. Надо, чтобы рабочий народ ясно понял, *отчего* он бедствует, и *с кем ему соединиться* надо для борьбы за освобождение от нужды.

Мы уже сказали, чего хотят социал-демократы; сказали, отчего происходит нужда и нищета рабочего народа; сказали, с кем надо бороться деревенской бедноте и с кем соединиться для такой борьбы.

Теперь мы скажем, *какие улучшения* мы можем *сейчас же* отвоевать своей борьбой, улучшения и в жизни рабочих, и в жизни крестьян.

5. КАКИХ УЛУЧШЕНИЙ ДОБИВАЮТСЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ДЛЯ ВСЕГО НАРОДА И ДЛЯ РАБОЧИХ?

Социал-демократы борются за освобождение всего рабочего народа от всякого грабежа, от всякого угнетения, от всякой несправедливости. Чтобы освободиться, рабочий класс должен прежде всего объединиться. А чтобы объединиться, надо иметь свободу соединяться, право соединяться, надо иметь *политическую свободу.* Мы уже говорили, что самодержавное правление есть закрепощение народа чиновникам и полиции. Политическая свобода нужна поэтому всему народу, кроме кучки придворных и имеющих доступ ко двору тузов и сановников. Но всего более нужна политическая свобода рабочим и крестьянам. Богатые люди могут откупаться от произвола, от самодурства чиновников и полиции. Богатые люди могут высоко дойти со своей жалобой. Поэтому полиция и чиновники гораздо реже позволят себе придраться к богатым людям, чем к бедноте. Рабочим и крестьянам откупиться от полиции и чиновников нечем, жаловаться некому, судиться не под силу. Рабочим и крестьянам никогда не избавиться от поборов, самодурства и надругательства полиции и чиновников, пока нет в государстве *выборного правления,* пока нет *народного собрания депутатов.* Только такое народное собрание депутатов может освободить народ от закрепощения чиновникам. Всякий сознательный крестьянин должен стоять за социал-демократов, которые требуют от царского правительства

прежде всего и главнее всего *созыва народного собрания депутатов.* Депутатов должны выбирать все, без различия сословий, без различия богатых и бедных. Выбор должен быть свободный, без всякой помехи чиновников; за порядком выборов должны смотреть доверенные люди, а не урядники и не земские начальники. Тогда депутаты от всего народа сумеют обсудить все народные нужды, сумеют установить лучшие порядки на Руси.

Социал-демократы требуют, чтобы без суда полиция не смела никого сажать в тюрьму. За произвольный арест чиновники должны быть строго наказываемы. Чтобы прекратить самоуправство чиновников, надо сделать так, чтобы народ сам выбирал чиновников, чтобы каждый имел право подать жалобу прямо в суд на каждого чиновника. А то какой толк жаловаться на урядника земскому или на земского губернатору? Конечно, земский только покроет урядника, а губернатор покроет земского, да еще жалобщику же достанется. Засадят его в тюрьму или сошлют в Сибирь. Только тогда чиновникам острастка будет, когда у нас в России (как во всех других государствах) всякий будет иметь право подавать жалобу и в народное собрание, и в выборный суд, и говорить свободно о своих нуждах или печатать в газетах.

Русский народ по сю пору находится в крепостной зависимости у чиновников. Без разрешения чиновников народ не смеет ни сходки устроить, ни книжки или газеты напечатать! Разве это не крепостная зависимость? Если нельзя свободной сходки устроить, свободной книжки напечатать, то как же на чиновников и на богатых управу найти? Разумеется, чиновники и запрещают всякую правдивую книжку, запрещают всякое правдивое слово о народной нужде. Вот и эту книжку социал-демократическая партия должна печатать тайно и распространять тайно: всякого, у кого эту книжку найдут, пойдут по судам да по тюрьмам таскать. Но рабочие-социал-демократы не боятся этого: они все больше печатают, все больше раздают читать народу правдивые книжки. И никакие тюрьмы, никакие преследования не остановят борьбы за народную свободу!

Социал-демократы требуют, чтобы были уничтожены сословия, чтобы все граждане государства были совершенно равноправны. Теперь у нас есть неподатные и податные сословия, есть привилегированные и непривилегированные, есть белая кость и черная кость; для черного народа даже и розга еще оставлена. Ни в одной стране нет такого принижения рабочих и крестьян. Ни в одной стране нет разных законов для разных сословий, кроме России. Пора и русскому народу потребовать, чтобы каждый мужик имел *все те права,* которые есть и у дворянина. Не позор ли это, что сорок с лишним лет спустя после отмены

крепостного права все еще держится розга, все еще есть *податное* сословие?

Социал-демократы требуют для народа полной свободы передвижения и промыслов. Что это значит: *свобода передвижения?* Это значит, чтобы крестьянин имел право идти куда хочет, переселяться куда угодно, выбирать любую деревню или любой город, не спрашивая ни у кого разрешения. Это значит, чтобы и в России были уничтожены паспорта (в других государствах давно уже нет паспортов), чтобы ни один урядник, ни один земский не смел мешать никакому крестьянину селиться и работать, где ему угодно. Русский мужик настолько закрепощен еще чиновникам, что не может свободно перевестись в город, не может свободно уйти на новые земли. Министр распоряжается, чтобы губернаторы не допускали *самовольных* переселений! Губернатор лучше мужика знает, куда мужику идти! Мужик — дитя малое, без начальства и двинуться не смеет! Разве это не крепостная зависимость? Разве это не надругательство над народом, когда всякий промотавшийся дворянчик командует взрослыми хозяевами-земледельцами?

Есть книжка «*Неурожай и народное бедствие*» (голод), написанная теперешним «министром земледелия», господином Ермоловым. В этой книжке прямо говорится: не следует мужику переселяться, когда на месте господам помещикам рабочие руки нужны. Министр открыто говорит, не стесняется, думает, что мужик не услышит таких речей и не поймет их. Зачем отпускать народ, когда господам помещикам дешевые работники надобны? Чем теснее живет народ, тем выгоднее для помещиков, тем больше нужды, тем дешевле наниматься будут, тем смирнее будут сносить всякие прижимки. Прежде бурмистры за барской выгодой смотрели, а теперь смотрят земские да губернаторы. Прежде бурмистры распоряжались на конюшне наказывать, а теперь земские распоряжаются в волостном правлении пороть.

Социал-демократы требуют, чтобы постоянное войско было уничтожено, а вместо него чтобы введено было народное ополчение, чтобы весь народ был вооружен. Постоянное войско, это — войско, отделенное от народа и подготовляемое для того, чтобы в народ стрелять. Если бы солдата не запирали на несколько лет в казарму и не муштровали его там бесчеловечно, разве бы мог солдат стрелять в своих братьев, в рабочих и крестьян? Разве бы мог солдат идти против голодных мужиков? Для защиты государства от нападения неприятеля вовсе не нужно постоянное войско; для этого достаточно народное ополчение. Если каждый гражданин государства будет вооружен, тогда никакой неприятель не может быть страшен России. А народ избавлен бы был от гнета военщины: на военщину уходят *сотни*

миллионов рублей в год, все эти деньги собираются с народа, от этого и подати так велики и жить становится все труднее. Военщина еще более усиливает власть чиновников и полиции над народом. Военщина нужна, чтобы грабить чужие народы, например, чтобы отнимать землю у китайцев. Народу от этого не легче, а еще тяжелее по случаю новых налогов. Замена постоянного войска вооружением всего народа принесла бы огромное облегчение всем рабочим и всем крестьянам.

Точно также огромным облегчением для них была бы *отмена косвенных налогов,* которой добиваются социал-демократы. Косвенными налогами называются такие налоги, которые не прямо берутся с земли или с хозяйства, а выплачиваются народом *косвенно,* в виде более высокой платы за товары. Казна облагает налогом сахар, водку, керосин, спички и всякие другие предметы потребления; налог этот платит в казну торговец или фабрикант, но платит, разумеется, не из своих денег, а из тех денег, которые ему платят покупатели. Цена на водку, сахар, керосин, спички повышается, и каждый покупатель бутылки водки или фунта сахара платит не только цену товара, но и налог на него. Например, если вы платите, скажем, четырнадцать копеек за фунт сахара, то четыре (примерно) копейки составляют налог: сахарозаводчик уже заплатил этот налог в казначейство и теперь выбирает заплаченную сумму с каждого покупателя. Таким образом, косвенные налоги, это — налоги на предметы потребления, налоги, которые уплачивает покупатель в виде повышенной цены товара. Говорят иногда, что косвенные налоги — самые справедливые: кто сколько покупает, тот столько и платит. Но это неправда. Косвенные налоги — самые несправедливые налоги, потому что бедным гораздо тяжелее платить их, чем богатым. Богатый получает дохода вдесятеро больше, чем крестьянин или рабочий, а то даже и во сто раз больше. Но разве богатому нужно во сто раз больше сахара? Вдесятеро больше водки или спичек? или керосина? Конечно, нет. Богатая семья купит керосину, водки, сахара вдвое или, самое большее, втрое против бедной. А это значит, что богатый заплатит из своего дохода *меньшую долю* в виде налога, чем бедный. Положим, доход бедного крестьянина — двести рублей в год; положим он купит на шестьдесят рублей таких товаров, которые обложены пошлиной и которые вздорожали поэтому (на сахар, спички, керосин — наложен *акциз,* т.-е. пошлину платит еще раньше выпуска товара на рынок фабрикант; на казенную водку казна прямо подняла цену; на ситцы, железо и другие товары цена вздорожала, потому что дешевые заграничные товары не пропускаются в Россию без высокой пошлины). Из этих шестидесяти рублей — *двадцать рублей* будет составлять налог. Значит, из каждого рубля своих доходов бедняк отдаст

десять копеек в виде косвенных налогов (не считая прямых налогов, выкупных, оброчных, поземельных, земских, волостных, мирских). А у богатого крестьянина доход — тысяча рублей; товаров, обложенных пошлиной, он купит на полтораста рублей; налогу заплатит (в числе этих полутораста) — *пятьдесят рублей.* Значит, богатый из каждого рубля своих доходов отдаст в виде косвенных налогов только *пять копеек.* Чем богаче человек, тем *меньше* он платит из своих доходов косвенного налога. Поэтому косвенные налоги — *самые несправедливые.* Косвенные налоги, это — налоги на бедных. Крестьяне и рабочие вместе составляют $^9/_{10}$ всего населения и платят $^9/_{10}$ или $^8/_{10}$ всех косвенных налогов. А из всех доходов крестьяне и рабочие получают, наверное, не больше $^4/_{10}$! И вот, социал-демократы требуют отмены косвенных налогов и установления *прогрессивного* налога на доходы и наследства. Это значит: чем больше дохода, тем выше должен быть налог. У кого тысяча рублей дохода, пусть платит по копейке с рубля, у кого 2.000, — по две копейки и так далее. Самые маленькие доходы (например, доходы не свыше четырехсот рублей) совсем ничего не платят. Самые крупные богачи платят самые крупные налоги. Такой налог, *подоходный* или, вернее, *прогрессивно-подоходный* налог, был бы гораздо справедливее косвенных налогов. Социал-демократы и добиваются поэтому отмены косвенных налогов и учреждения прогрессивно-подоходного налога. Но понятное дело, что все собственники, вся буржуазия не хочет этого и противодействует этому. Только крепкий союз деревенской бедноты с городскими рабочими может *отвоевать* у буржуазии это улучшение.

Наконец, очень важное улучшение для всего народа, а для деревенской бедноты особенно, состоит в *даровом обучении* детей, которого требуют социал-демократы. В настоящее время в деревне гораздо меньше школ, чем в городах, и притом везде только богатые классы, только буржуазия имеет возможность давать детям хорошее образование. Только даровое и обязательное обучение *всех детей* может избавить народ хотя бы отчасти от теперешней темноты. А деревенская беднота особенно страдает от темноты и особенно нуждается в образовании. Но, конечно, нам нужно настоящее, свободное образование, а не такое, какого хотят чиновники и попы.

Социал-демократы требуют далее, чтобы каждый имел полное право исповедывать какую угодно веру совершенно свободно. Только в России да в Турции из европейских государств остались еще позорные законы против людей иной, не православной веры, против раскольников, сектантов, евреев. Эти законы либо прямо запрещают известную веру, либо запрещают распространять ее, либо лишают людей известной веры некоторых прав.

Все эти законы — самые несправедливые, самые насильственные, самые позорные. Каждый должен иметь полную свободу не только держаться какой угодно веры, *но и распространять любую веру и менять веру.* Ни один чиновник не должен даже иметь права спрашивать кого-ни-на-есть о вере: это дело совести, и никто тут не смеет вмешиваться. Не должно быть никакой *«господствующей»* веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом. Священникам разных вер могут давать содержание те, которые принадлежат к их верам, а государство из казенных денег не должно поддерживать ни одной веры, не должно давать содержание никаким священникам, ни православным, ни раскольничьим, ни сектантским, никаким другим. Вот за что борются социал-демократы, и пока эти меры не будут проведены без всяких отговорок и без всяких лазеек, до тех пор народ не освободится от позорных полицейских преследований за веру и от не менее позорных полицейских подачек одной какой-либо вере.

* *
*

Мы рассмотрели, каких улучшений добиваются социал-демократы для всего народа и в особенности для бедноты. Теперь посмотрим, каких улучшений добиваются они для рабочих, не только фабричных и городских, но и сельских рабочих. Фабричные и заводские рабочие живут теснее, скученнее; работают они в крупных мастерских; им легче пользоваться помощью социал-демократов из образованных людей. По всем этим причинам городские рабочие гораздо раньше всех других начали борьбу с хозяевами и добились более значительных улучшений, добились также издания фабричных законов. Но социал-демократы ведут борьбу за такие же улучшения для *всех* рабочих: и для кустарей, работающих на хозяев по домам, как в городах, так и в селах,— и для наемных рабочих у мелких мастеров и ремесленников, — и для строительных рабочих (плотников, каменщиков и прочих), — и для лесных рабочих, и для чернорабочих,— *и для сельских рабочих точно так же.* Все эти рабочие начинают теперь по всей России объединяться, вслед за фабричными и при помощи фабричных, объединяться для борьбы за лучшие условия жизни, за более короткий рабочий день, *за более высокую плату.* И социал-демократическая партия ставит своей задачей поддерживать *всех* рабочих в их борьбе за лучшую жизнь, помогать всем им организовать (объединить) в крепкие союзы самых твердых и надежных рабочих, помогать им распространением книжек и листков, посылкой опытных рабочих к новичкам и вообще помогать всем, чем только можно. Когда мы добьемся политической свободы, тогда у нас будут и в народном собрании

депутатов свои люди, депутаты-рабочие, социал-демократы, и они будут, подобно своим товарищам в других странах, требовать издания законов в пользу рабочих.

Мы не будем здесь перечислять *всех* тех улучшений, которых добивается социал-демократическая партия для рабочих: эти улучшения перечислены в программе и объяснены подробно в книжке «Рабочее дело в России» [100]). Здесь нам достаточно будет назвать главные из этих улучшений. Рабочий день должен быть не более восьми часов в сутки. Один день в неделю должен быть всегда свободен от работы для отдыха. Сверхурочные работы должны быть совершенно запрещены, а также и ночная работа. Дети должны получать даровое образование до 16 лет и потому не должны быть допускаемы на работы по найму до этого возраста. Во вредных производствах женщины не должны работать. За всякие увечья при работе наниматель должен вознаграждать рабочих,— например, за увечья, причиняемые работающим при молотилках, веялках и тому подобное. Расплата должна быть всем наемным рабочим и всегда *еженедельная*, а не раз в два месяца или в четверть года, как часто бывает при найме на сельские работы. Рабочим очень важно получать плату аккуратно каждую неделю и притом непременно чистыми деньгами, а не товарами. Наниматели очень любят навязывать рабочим в счет платы всякие дрянные товары втридорога; чтобы прекратить это безобразие, надо безусловно запретить законом выдачу заработной платы товарами. Затем, престарелые рабочие должны получать пенсию от государства. Рабочие содержат своим трудом все богатые классы и все государство, а потому они не менее имеют права на пенсию, чем чиновники, получающие ее. Чтобы хозяева не смели злоупотреблять своим положением и нарушать правила, постановленные в пользу рабочих,— должны быть назначены инспектора не только над фабриками, но и за крупными помещичьими хозяйствами, вообще за всеми предприятиями, употребляющими наемных рабочих. Но эти инспектора должны быть не чиновниками, должны назначаться не министрами или губернаторами, не на службе у полиции быть. Инспекторами должны быть *рабочие выборные;* казна должна давать жалованье тем доверенным людям от рабочих, которых рабочие сами свободно выберут. И такие выборные рабочие депутаты должны смотреть и за тем, чтобы рабочие квартиры были хорошо содержимы, чтобы хозяева не смели заставлять рабочих жить в каких-то собачьих конурах и в землянках (как это часто бывает при сельских работах), чтобы соблюдались правила о рабочем отдыхе, и так далее. При этом не надо забывать, что никакие выборные депутаты от рабочих не принесут никакой пользы, пока нет политической свободы, пока полиция всевластна и перед народом неответственна. Всякий знает, что полиция арестует

теперь без суда не только рабочих депутатов, но и всякого рабочего, который посмеет говорить за всех, раскрывать нарушения закона и призывать рабочих к объединению. Но когда у нас будет политическая свобода, тогда депутаты от рабочих будут приносить очень много пользы.

Всем нанимателям (фабрикантам, помещикам, подрядчикам, богатым крестьянам) следует *совершенно запретить* самовольно делать какие бы то ни было вычеты из заработной платы рабочих, например, вычеты за бракованный товар, вычеты в виде штрафа и т. д. Это — беззаконие и насилие, что наниматели *самовольно* делают вычеты из заработной платы. Уменьшать плату рабочему ни под каким видом и никакими вычетами хозяин не должен. Хозяин должен не сам чинить суд и расправу (хорош судья, который себе в карман кладет вычеты с рабочего!), а обращаться в *суд настоящий*, и этот суд должен быть выбран из депутатов от рабочих и от хозяев поровну. Только такие суды могут по справедливости разбирать всякие недовольства хозяев на рабочих и рабочих на хозяев.

Вот каких улучшений для всего рабочего класса добиваются социал-демократы. Рабочие в каждом имении, в каждой экономии, у каждого подрядчика должны стараться сообща обсудить с надежными людьми, каких улучшений им надо добиваться, какие требования им выставить (на разных заводах, в разных экономиях, у разных подрядчиков требования рабочих будут, конечно, разные).

Социал-демократические комитеты помогают рабочим по всей России точно и ясно определить свои требования, а также выпускать печатные листки с изложением этих требований, чтобы их знали все рабочие, и хозяева, и начальство. Когда рабочие дружно, как один человек, стоят за свои требования, то хозяевам приходится уступать и соглашаться. В городах рабочие уже многих улучшений добились таким путем, а теперь и кустари, и ремесленные рабочие, и сельские рабочие тоже начинают объединяться (организоваться) и бороться за свои требования. Пока у нас нет политической свободы, мы ведем эту борьбу тайком, прячась от полиции, которая запрещает всякие листки и всякие соединения рабочих. А когда мы завоюем политическую свободу, тогда мы поведем эту борьбу еще шире и открыто перед всеми, чтобы весь рабочий народ по всей России соединялся и дружнее отстаивал себя от притеснений. Чем больше рабочих объединится в *рабочую социал-демократическую партию*, тем больше будет их сила, тем скорее они добьются и полного освобождения рабочего класса от всякого угнетения, от всякой работы по найму, от всякой работы на буржуазию.

* * *

Мы уже сказали, что социал-демократическая рабочая партия добивается улучшений не только для рабочих, но и для *всех крестьян.* Посмотрим теперь, каких улучшений для всех крестьян она добивается.

6. КАКИХ УЛУЧШЕНИЙ ДОБИВАЮТСЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ДЛЯ ВСЕХ КРЕСТЬЯН?

Для полного освобождения всех трудящихся деревенская беднота должна, в союзе с городскими рабочими, вести борьбу против всей буржуазии, а в том числе и против богатых крестьян. Богатые крестьяне будут стараться заплатить своим батракам подешевле и заставить их работать дольше и тяжеле, а городские и деревенские рабочие будут добиваться, чтобы батраки и у богатого крестьянина получали лучшую плату и работали легче, с отдыхом. Значит, деревенская беднота должна составлять свои особые союзы, без богатых крестьян, — мы об этом уже говорили и всегда будем повторять это.

Но в России крестьяне все вместе, и богатые и бедные, остаются еще во многом по-прежнему крепостными: все они составляют *низшее, черное, податное сословие;* все они закрепощены полицейским чиновникам и земским начальникам; все они очень часто работают по-прежнему на барина за отрезные земли, за водопой, за выпас, за луг — точь в точь, как работали на барина и при крепостном праве. *Все* крестьяне хотят освободиться от этого нового крепостного состояния, *все* хотят быть полноправны, *все* ненавидят помещиков, которые до сих пор заставляют их *на барщину ходить* — «отрабатывать» господам дворянам и землю, и выпас, и водопой, и луга, и «за потравы» работать, и «за честь» посылать баб жать. Беднота от всяких этих отработков еще более страдает, чем богатый мужик. Богатый мужик иногда откупается от своей работы на барина, но все же и богатого мужика большей частью сильно притесняют помещики. Значит, деревенская беднота должна бороться против своего бесправия, против всякой барщины, против всяких отработков вместе с богатыми крестьянами. От *всей* кабалы, от *всякой* нищеты мы избавимся только тогда, когда осилим *всю* буржуазию (и богатых крестьян в том числе). Но есть такая кабала, от которой мы *раньше* избавимся, потому что и богатому мужику эта кабала солоно приходится. Есть еще много у нас на Руси таких мест и таких округов, где крестьяне все вместе до сих пор остаются сплошь да рядом совсем как крепостные. Поэтому всем русским рабочим и всей деревенской бедноте надо *обеими руками на две стороны борьбу вести:* одной рукой — *борьбу против всех буржуа,* в союзе со всеми рабо-

чими; другой рукой — *борьбу с чиновниками в деревнях, с помещиками-крепостниками,* в союзе со всеми крестьянами. Если деревенская беднота не составит своего особого союза, отдельно от богатых крестьян, тогда богатые крестьяне ее надуют, ее обойдут, сами в помещики выйдут, а бобыля не только бобылем оставят, но и не дадут ему свободы соединения. Если деревенская беднота не будет бороться вместе с богатыми крестьянами против крепостной кабалы, тогда она будет оставаться связанной, прикрепленной к месту, тогда у нее тоже не будет полной свободы для соединения с городскими рабочими.

Деревенской бедноте сначала надо на помещиков ударить и хотя бы только самую злую, самую вредную барскую кабалу с себя сшибить; — в этом многие богатые крестьяне и сторонники буржуазии тоже за бедноту будут, потому что помещичья спесь всем оскомину набила. Но как только мы помещичью власть посократим,— так богатый крестьянин сейчас себя покажет и свои лапы ко всему протянет, а лапы у него загребущие, и сейчас уже много загребли. Значит, надо держать ухо востро и заключить крепкий, ненарушимый союз с городским рабочим человеком. Городские рабочие и помещика сшибить со старой барской повадки помогут, да и богатого крестьянина поусмирят (как они поусмирили уже немного и своих хозяев фабрикантов). Без союза с городскими рабочими *никогда* не избавится деревенская беднота от всякой кабалы, от всякой нужды и нищеты; кроме них *никто* ей в этом не поможет, и ни на кого, кроме как на самих себя, рассчитывать нельзя. Но есть такие улучшения, которых мы раньше добьемся, которые мы можем сейчас же получить, в самом начале этой великой борьбы. Есть в России много такой кабалы, которой в других странах давно уже нет, и вот от этой чиновной кабалы, от этой барской, крепостной кабалы *все русское крестьянство* может *сейчас же* избавиться.

Мы рассмотрим теперь, каких улучшений добивается прежде всего, в первую голову, рабочая социал-демократическая партия, чтобы избавить все русское крестьянство хотя бы от самой злой крепостной кабалы и чтобы развязать руки деревенской бедноте в борьбе со всей русской буржуазией.

Первое требование рабочей социал-демократической партии: сейчас же отменить все выкупные платежи, все оброчные подати, все повинности, которые лежат на «податном» крестьянстве. Когда дворянские комитеты и дворянское правительство русского царя «освобождали» крестьян от крепостной зависимости, то крестьян заставили *выкупать их собственные* земли, выкупать земли, которые крестьяне искони пахали! Это был *грабеж.* Дворянские комитеты прямо *грабили* крестьян, при помощи царского правительства. Царское правительство во многих местах посылало войска для введения уставных грамот *силою,*

для военной экзекуции над крестьянами, которые не хотели принимать «нищенских» обрезанных наделов. Без помощи войска, без истязаний и расстреливаний никогда не могли бы дворянские комитеты так нагло ограбить крестьян, как они сделали это во время освобождения от крепостной зависимости. Крестьянам следует всегда помнить, как надували и грабили их помещичьи, дворянские комитеты,— потому что и теперь еще царское правительство тоже назначает всегда дворянские или чиновничьи комитеты, когда дело идет о новых законах для крестьян. Недавно царь выпустил манифест (от 26 февраля 1903 года): там обещает он пересмотреть и улучшить законы о крестьянах. Кто будет пересматривать? кто будет улучшать? — Опять дворяне, опять чиновники! Крестьяне всегда будут обманываемы, пока не добьются, чтобы были учреждены *крестьянские комитеты* для улучшения крестьянской жизни. Довольно командовали помещики, земские начальники и всякие чиновники над крестьянами! Довольно этой крепостной зависимости от всякого урядника, от всякого пропившегося дворянского сынка, которого называют земским начальником, исправником или губернатором! Крестьяне должны требовать, чтобы им дали свободу *самим* устраивать свои дела, *самим* обдумать, указать и провести новые законы. Крестьяне должны потребовать свободных, выборных *крестьянских комитетов,* — покуда они не добьются этого, их всегда будут обманывать и грабить дворяне и чиновники. Никто не освободит мужиков от чиновных пиявок, если мужики сами себя не освободят, если они не объединятся, чтобы взять свою судьбу в *свои собственные* руки.

Социал-демократы требуют не только полной и немедленной отмены выкупных платежей, оброчных платежей и всяких повинностей, но кроме того они требуют еще *возвращения народу* взятых с него выкупных денег. Сотни миллионов рублей переплатили мужики по всей России со времени освобождения их дворянскими комитетами от крепостного права. Эти деньги крестьяне должны потребовать назад. Пусть правительство наложит особый налог на крупных дворян-землевладельцев, пусть отберут земли у монастырей и у удельного ведомства (т.-е. у царской фамилии), пусть народное собрание депутатов распорядится этими деньгами на пользу крестьян. Нигде на свете нет такого приниження, такого обнищания крестьянина, такого ужасного вымирания голодной смертью миллионов крестьян, как в России. Крестьянина довели у нас до голодной смерти, потому что его ограбили еще дворянские комитеты, потому что его грабят с тех пор каждый год, выколачивая старую дань старым крепостникам-последышам, выколачивая выкупные и оброчные. Пусть те, кто грабит, и ответят за это. Пусть с дворян крупных помещиков и будут взяты деньги, чтобы оказать серьезную помощь голо-

дающим. Голодающему мужику не надо милостыни, не надо грошовых подачек. Пусть он потребует возвращения ему тех денег, которые он годами и годами платил помещикам и государству. Тогда народное собрание депутатов и крестьянские комитеты сумеют оказать настоящую, серьезную помощь голодающим.

Далее. Социал-демократическая рабочая партия требует тотчас же полной отмены круговой поруки и *всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей.* Царский манифест от 26 февраля 1903 года обещает отмену круговой поруки. Теперь вышел уже закон об ее отмене. Но этого мало. Надо кроме того немедленно отменить *все законы,* которые стесняют крестьянина в распоряжении его землей. Иначе крестьянин и без круговой поруки останется не вполне свободным, останется полукрепостным. Крестьянин должен получить *полную свободу* распоряжаться своей землей: отдавать ее и продавать кому хочет, никого не спрашивая. Вот этого царский указ не позволил: все дворяне, купцы и мещане могут свободно распоряжаться землей, а крестьянин не может. Мужик — дитя малое. К нему надо земского приставить, чтобы за ним смотрел, вроде няньки. Мужику надо запретить продавать свой надел, а то мужик деньги промотает! — Вот как рассуждают крепостники, и находятся простачки, которые им верят и, желая добра мужику, говорят, что надо запретить ему продавать землю. Даже народники (о которых мы говорили раньше) и люди, называющие себя «социалисты-революционеры», тоже на это сдаются и находят, что лучше пускай немножечко крепостным остается наш мужик, а земли пускай не продает.

Социал-демократы говорят: это одно лицемерие, одно барство, одни только сладкие слова! Когда мы добьемся социализма, когда рабочий класс победит буржуазию, — тогда вся земля будет общей, тогда *никто* не будет иметь права продавать землю. Ну, а до тех пор как? Дворянин и купец может продавать, а крестьянин не может!? Дворянин и купец свободны, а крестьянин все еще полукрепостным будет!? крестьянин все еще у начальства будет разрешения выпрашивать!?

Это — один обман, хоть и прикрытый сладкими речами, а все же обман.

Пока дворянину и купцу позволяют продавать землю, до тех пор и крестьянин должен иметь *полное право* свою землю продавать и распоряжаться ею *совершенно свободно,* совершенно так же, как дворянин и купец.

Когда рабочий класс победит всю буржуазию, тогда он отнимет землю у крупных хозяев, тогда он устроит на крупных экономиях *товарищеское хозяйство,* чтобы землю обрабатывали рабочие вместе, сообща, выбирая свободно доверенных людей

в распорядители, имея всякие машины для облегчения труда, работая посменно не больше восьми (а то и шести) часов в день каждый. Тогда и мелкий крестьянин, который захочет еще по-старому в одиночку хозяйничать, будет хозяйничать не на рынок, не на продажу первому встречному, а на товарищества рабочих: мелкий крестьянин будет доставлять товариществу рабочих хлеб, мясо, овощи, а рабочие будут без денег давать ему машины, скот, удобрения, одежду и все, что ему нужно. Тогда не будет борьбы между крупным и мелким хозяином из-за денег, тогда не будет работы по найму, на чужих людей, а все работники будут работать на себя, все улучшения в работе и машины пойдут на пользу самим рабочим, для облегчения их труда, для улучшения их жизни.

Но всякий разумный человек понимает, что сразу нельзя добиться социализма: для этого надо вести отчаянную борьбу со всей буржуазией, со всеми и со всякими правительствами, для этого надо соединить в прочный, ненарушимый союз всех городских рабочих по всей России и деревенскую бедноту вместе с ними. Это — великое дело, и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать. А покуда мы еще не добились социализма, до тех пор крупный хозяин всегда будет вести борьбу с мелким из-за денег: неужели же крупный будет свободен и землю продавать, а мелкий крестьянин нет? Повторяем: крестьяне не дети малые и никому не позволят над собой командовать; крестьяне должны получить *все те права*, без всякого ограничения все права, какие есть у дворян и купцов.

Говорят еще: у крестьянина земля не своя, а общественная. Нельзя разрешить каждому общественную землю продавать.— И это тоже один обман. Разве у дворян и купцов не бывает также обществ? разве дворяне и купцы не соединяются тоже в компании, не покупают вместе земли и фабрик и чего угодно? Почему же для дворянских обществ не выдумывают никаких стеснений, а для мужика всякая полицейская сволочь норовит придумать ограничение да запрещение? Никогда крестьяне ничего доброго не видали от чиновников, а видали только битье, поборы да обиды. Никогда крестьяне не дождутся добра, пока сами все свои дела не возьмут в свои руки, пока не добьются полной равноправности и полной свободы. Хотят крестьяне, чтобы земля их была общественная, — никто не смеет им мешать, и они по добровольному соглашению составят себе общество из кого хотят и как хотят, напишут себе общественный договор, какой хотят, совершенно свободно. И чтобы никакой чиновник не смел в крестьянские общественные дела совать свой нос. И чтобы никто не смел над крестьянином мудрить и выдумывать для мужика стеснения да запрещения.

* *
*

Наконец, еще одного и важного улучшения добиваются для крестьян социал-демократы. Они хотят сейчас же, немедленно ограничить барскую кабалу, крепостную кабалу мужика. Всей кабалы нам, конечно, не избыть, пока есть нужда на свете, а нужды не избыть, пока земля и фабрики находятся в руках буржуазии, пока главная сила на свете — деньги, пока не введено *социалистическое общество.* Но в России по деревням осталось много еще особенно злой кабалы, которой нет в других странах, хотя там и не введен еще социализм. В России много еще *крепостнической кабалы*, которая полезна всем помещикам, которая давит всех крестьян, которую можно и должно уничтожить сейчас же, немедленно, в первую голову.

Объясним, какую кабалу мы называем крепостнической кабалой.

Всякий деревенский житель знает такие случаи. Помещичья земля находится рядом с крестьянской. У крестьян при освобождении их отрезали необходимые для них земли, отрезали выпас, выгон, отрезали лес, отрезали водопой. Крестьянам некуда деться без этой отрезной земли, без выпаса, без водопоя. Хочешь — не хочешь, а приходится к помещику идти, просить дать пропуск скоту к воде или дать выпас и тому подобное. А помещик своего хозяйства не ведет и денег, может быть, никаких не имеет, а только тем и живет, что кабалит крестьян. Крестьяне на него за отрезные земли работают без денег, пашут своими лошадьми его землю, убирают его хлеб и его луга, молотят на него, даже в некоторых местах возят на барскую землю свой, крестьянский, навоз, носят на барский двор и полотна, и яйца, и живность всякую. Совсем как при крепостном праве! Тогда крестьяне в чьей вотчине жили, на того даром работали, и теперь очень часто на барина даром работают, за ту же самую землю, которая отошла от крестьян при освобождении их дворянскими комитетами. Это — та же самая барщина. Крестьяне сами называют эту работу в некоторых губерниях барщиной или панщиной. Вот это мы и называем крепостнической кабалой. Помещичьи, дворянские комитеты нарочно устраивали так, во время освобождения от крепостного права, чтобы им можно было кабалить крестьян по-старому, нарочно обрезывали мужицкие наделы, вгоняли помещичью землю клином, чтобы мужику было некуда курицы выпустить, нарочно переселяли крестьян на худшую землю, нарочно загораживали помещичьей землей дорогу к водопою, — одним словом, подстраивали так, чтобы крестьяне в западне очутились, чтобы крестьян по-прежнему голыми руками можно было в плен взять. И сколько у нас еще таких деревень, числа им нет, где крестьяне в плену у соседних помещиков, в таком же плену, как были и при крепостном праве. В таких деревнях и богатый и бедный мужик вместе связаны по рукам и по ногам

и помещику с головой выданы. Бедному еще гораздо тяжелее от этого приходится, чем богатому мужику. Богатый мужик и свою землю иногда имеет и батрака вместо себя посылает на барщину, а бедному деться совсем некуда, и помещик из него веревки вьет. Бедному крестьянину при такой кабале часто и вздохнуть некогда, и на сторону уйти нельзя из-за работы на барина, и подумать нельзя о том, чтобы свободно соединиться в один союз, в одну партию со всей деревенской беднотой и с городскими рабочими.

Так вот, нет ли какого-нибудь средства, чтобы теперь же, сейчас, сразу такую кабалу уничтожить? Социал-демократическая рабочая партия предлагает крестьянам *два* средства для этой цели. Но мы еще раз повторим, что от всей и всякой кабалы один только социализм избавит всю бедноту, ибо покуда богатые силу имеют, они всегда так или иначе притеснят бедных. Совершенно уничтожить всю кабалу сразу нельзя, но можно сильно стеснить самую злую, самую гнусную, крепостническую кабалу, которая и бедных, и средних, и даже богатых крестьян давит, можно сейчас добиться облегчения для крестьянства.

Средства для этого два.

Первое средство — свободно выбранные суды из доверенных людей от сельских батраков и от беднейших крестьян, а также от богатых крестьян и помещиков.

Второе средство — свободно выбранные *крестьянские комитеты*. Эти крестьянские комитеты должны иметь право не только обсудить и принять всякие меры для уничтожения барщины, для уничтожения остатков крепостного права, но они должны также иметь право *отобрать отрезные земли и вернуть их крестьянам*.

Рассмотрим немножко подробнее оба эти средства. Свободно выбранные суды из доверенных людей будут рассматривать все дела по жалобам крестьян на кабалу. Такие суды будут иметь право понижать арендную плату за землю, если помещики назначили ее слишком высоко, пользуясь нуждой крестьян. Такие суды будут иметь право избавлять крестьян от чрезмерных платежей, — например, если мужика нанял помещик зимой на летнюю работу за пол-цены, то суд рассмотрит дело и положит справедливую плату. Такой суд должен состоять, конечно, не из чиновников, а из свободно выбранных доверенных людей, и чтобы от сельских батраков и от деревенской бедноты были непременно свои выборные и не меньше числом, чем от богатых крестьян и от помещиков. Такие суды будут разбирать также все дела между рабочими и хозяевами. Рабочим и всей деревенской бедноте легче будет отстаивать свои права при таких судах, легче будет соединиться между собою и вызнать точно, какие люди могут надежно и верно стоять за бедноту и за рабочих.

Другое средство еще более важное. Это — свободные *крестьянские комитеты*, выбранные из доверенных людей от батраков, от бедных, средних и богатых крестьян по каждому уезду (или по нескольку комитетов на уезд, если крестьяне найдут нужным; может быть даже они устроят крестьянские комитеты в каждой волости и в каждом большом селе). Никто лучше самих крестьян не знает, какая кабала их давит. Никто лучше самих крестьян не сумеет изобличить помещиков, живущих и по сю пору крепостнической кабалой. Крестьянские комитеты разберут, какие отрезные земли, или луга, или выпасы, и тому подобное, отошли от крестьян несправедливо, разберут, следует ли даром отобрать эти земли или дать, на счет крупных дворян, вознаграждение тем, кто купил такие земли. Крестьянские комитеты высвободят крестьян, по крайней мере, хоть от тех ловушек, в которые загнали их очень многие дворянские, помещичьи комитеты. Крестьянские комитеты избавят крестьян от вмешательства чиновников, покажут, что крестьяне сами хотят и могут устраивать свои дела, помогут крестьянам сговориться о своих нуждах и разузнать хорошо людей, способных стоять верно за деревенскую бедноту и за союз с городскими рабочими. Крестьянские комитеты — *первый шаг* к тому, чтобы и по захолустным деревням крестьяне встали на свои собственные ноги и взяли свою судьбу в свои собственные руки.

Вот почему рабочие-социал-демократы предупреждают крестьян:

Не верьте никаким дворянским комитетам, никаким чиновничьим комиссиям.

Требуйте всенародного собрания депутатов.

Требуйте учреждения крестьянских комитетов.

Требуйте полной свободы печатать всякие книжки и газеты.

Когда все и каждый будут иметь право свободно, никого не боясь, высказывать свои мнения и свои желания и во всенародном собрании депутатов, и в крестьянских комитетах, и в газетах, — тогда очень скоро будет видно, кто идет на сторону рабочего класса, кто идет на сторону буржуазии. Теперь громадное большинство людей вовсе не думает об этом, некоторые скрывают свое настоящее мнение, некоторые сами еще не знают, некоторые нарочно обманывают. А тогда все об этом думать станут, скрываться не зачем будет, и все дело скоро выяснится. Мы уже говорили, что буржуазия привлечет на свою сторону богатых крестьян. Чем скорее и чем больше удастся уничтожить крепостную кабалу, чем больше настоящей свободы добьются себе крестьяне, тем скорее объединится между собой деревенская беднота, тем скорее объединится со всей буржуазией и богатое крестьянство. И пускай их объединяются: мы этого не боимся,

хотя мы отлично знаем, что богатое крестьянство станет сильнее от этого объединения. Мы ведь тоже объединимся, и *наш союз* — союз деревенской бедноты с городскими рабочими — будет неизмеримо многочисленнее, будет союзом десятков миллионов против союза сотен тысяч. Мы знаем также, что буржуазия будет стараться (она и теперь уже старается!) привлечь на свою сторону и средних и даже мелких крестьян, стараться обмануть их, стараться завлечь их, разъединить их, пообещать каждому из них вытянуть его тоже в богатые. Мы уже видели, какими средствами и какими обманами завлекает буржуазия среднего крестьянина. Мы должны поэтому наперед раскрывать глаза деревенской бедноте, наперед укреплять ее особый союз с городскими рабочими против всей буржуазии.

Пусть каждый деревенский житель посмотрит хорошенько вокруг себя. Как часто мужики-богатеи говорят против господ, против помещиков! Как они жалуются на притеснение народа, на то, что у господ земля зря пустует! Как они любят покалякать (с глаза на глаз), что надо бы дескать прибрать землю к мужицким рукам!

Можно ли верить тому, что говорят богатеи? Нет. Они не для народа хотят земли, а для себя. Они и теперь уже понабрали себе и купчей земли и съемной, да им еще мало. *Значит, деревенской бедноте недолго придется идти вместе с богатеями против помещиков.* Только первый шаг мы можем вместе с ними сделать, а там придется врозь идти.

Вот почему надо ясно отделить этот первый шаг от других шагов и от нашего последнего, главного шага. Первый шаг в деревне — полное освобождение крестьянина, полные права ему, устройство крестьянских комитетов для возвращения отрезков. А последний наш шаг и в городе и в деревне один будет: *отберем все земли, все фабрики у помещиков и у буржуазии и устроим социалистическое общество.* Между первым и последним шагом нам еще немало борьбы пережить придется, *и кто смешивает первый шаг с последним, тот вредит этой борьбе, тот, сам того не ведая, засоряет глаза деревенской бедноте.*

Первый шаг деревенская беднота сделает со всеми крестьянами вместе: разве некоторые кулаки отстанут, разве одному из сотни мужиков никакая кабала не претит. А вся громада тут еще за одно пойдет: равные права всему крестьянству нужны. Помещичья кабала всех по рукам и по ногам вяжет. Ну, а последнего шага никогда не сделают все крестьяне вместе: тут уже все богатое крестьянство против батраков встанет. Тут уже нам нужен крепкий союз деревенской бедноты с *городскими рабочими-социал-демократами.* Кто говорит крестьянам, что они сразу могут и первый и последний шаг сделать, тот обманывает мужика. Тот забывает о великой борьбе между самими крестьянами,

о великой борьбе между деревенской беднотой и крестьянами-богатеями.

Вот почему социал-демократы не сулят крестьянину *сразу* молочных рек и кисельных берегов. Вот почему социал-демократы прежде всего требуют полной свободы для борьбы, для великой, широкой, всенародной борьбы всего рабочего класса против всей буржуазии. Вот почему социал-демократы указывают *первый шаг маленький, но верный.*

Некоторые люди думают, что наше требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и возвращения отрезков есть какой-то забор, какая-то загородка. Стой, дескать, тут и дальше не ходи. Такие люди очень плохо вдумались в то, чего хотят социал-демократы. Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть *дверь.* В эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы идти дальше,* для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти *до самого конца,* до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси. Пока крестьянство из этой двери не вышло, оно остается в темноте, в кабале, без полных прав, без полной, настоящей свободы, оно не может даже между себя окончательно разобрать, кто друг рабочего человека и кто его враг. Поэтому социал-демократы указывают на эту дверь и говорят, что прежде всего всем миром, всем народом на эту дверь напирать надо и выломать ее дочиста. А то вот есть люди, называющие себя народниками и социалистами-революционерами, которые тоже добра хотят мужику, шумят, кричат, руками махают, помочь хотят, а *двери этой не видят!* Настолько даже слепы эти люди, что говорят: не надо вовсе давать мужику право свободно распоряжаться своей землей! Хотят добра мужику, а рассуждают иногда все равно, как крепостники! От таких друзей помощи мало будет. Что из того, что ты желаешь мужику всего лучшего, коли ты не видишь ясно самой первой двери, которую выломать надо? Что из того, что ты тоже стремишься к социализму, коли ты не видишь, как выйти на дорогу свободной народной борьбы за социализм не только в городе, но и в деревне, не только с помещиками, но и *с богатеями внутри общества, внутри мира?*

Вот почему социал-демократы указывают так настойчиво на эту ближнюю и первую дверь. Не в том трудность теперь, чтобы всяких хороших пожеланий наговорить, а в том, чтобы верно дорогу указать, чтобы ясно понять, *как надо сделать самый первый шаг.* Что русский мужик задавлен кабалой, что русский мужик наполовину крепостным остался, — об этом уже сорок лет говорят и пишут все друзья мужика. Как безобразно грабят и кабалят мужика помещики посредством всяких отрезных земель, — об этом много книг написано всеми друзьями мужика

задолго еще до того, как появились на Руси социал-демократы. Что мужику надо помочь сейчас же, немедленно, что из кабалы надо его хоть сколько-нибудь освободить, — это теперь уже все честные люди видят, об этом даже чиновники нашего полицейского правительства говорить начинают. Весь вопрос: *как взяться за дело, как первый шаг* сделать, в какую дверь прежде всего ломиться.

На этот вопрос дают разные люди (из тех, что хотят добра мужику) два разные ответа. Всякий деревенский пролетарий должен постараться яснее понять оба ответа и составить себе определенное и твердое мнение. Один ответ дают народники и социалисты-революционеры. Прежде всего надо, говорят они, развивать в крестьянстве всякие товарищества (кооперации). Мирской союз надо укрепить. Каждому крестьянину не надо давать права свободно распоряжаться своей землей. Пусть мирское общество больше права имеет и постепенно пусть вся земля в России мирской землей будет. Крестьянам надо всякие облегчения сделать на счет покупки земли, чтобы земля легче перетекала от капитала к труду.

Другой ответ дают социал-демократы. Крестьянин должен прежде всего добиться себе всех, без изъятия, тех прав, какие есть у дворянина и купца. Крестьянин должен иметь полное право свободно распоряжаться своей землей. Для уничтожения самой гнусной кабалы должны быть учреждены крестьянские комитеты для возвращения отрезков. Не мирской союз нужен нам, а союз деревенской бедноты из разных сельских обществ по всей России, союз деревенских пролетариев с городскими пролетариями. Всякие товарищества (кооперации) и мирская покупка земли всегда будут приносить больше пользы крестьянским богатеям, да обманывать среднего крестьянина.

Правительство русское видит, что надо дать облегчение крестьянам, но оно хочет отделаться пустяками, оно хочет все чиновниками сделать. Крестьяне должны быть начеку, потому что чиновничьи комиссии так же обманут их, как обманули дворянские комитеты. Крестьяне должны требовать выбора свободных крестьянских комитетов. Не в том дело, чтобы от чиновников ждать облегчения, а чтобы самим крестьянам взять в руки свою судьбу. Пусть сначала только один шаг сделаем, пусть сначала только от злейшей кабалы освободимся, — лишь бы крестьяне почуяли свою силу, лишь бы они свободно сговорились и объединились. Ни один добросовестный человек не может отрицать, что отрезные земли служат часто к самой безобразной, крепостной кабале. Ни один добросовестный человек не может отрицать, что наше требование самое первое и самое справедливое требование: пусть крестьяне свободно выберут *свои* комитеты, без чиновников, для уничтожения всякой крепостной кабалы.

В свободных крестьянских комитетах (и точно также в свободном всероссийском собрании депутатов) социал-демократы сейчас же и всеми силами будут закреплять особый союз деревенских пролетариев с городскими пролетариями. Социал-демократы будут отстаивать все меры в пользу деревенских пролетариев и помогать им вслед за первым шагом делать как можно скорее и как можно дружнее второй шаг и третий, и так далее, до самого конца, до полной *победы пролетариата*. Но можно ли теперь уже, сразу сказать, какое требование встанет на очередь завтра, для второго шага? Нет, этого сказать нельзя, потому что мы не знаем, как будут себя держать завтра богатые крестьяне и многие образованные люди, занятые всякими кооперациями и всяким перетеканием земли от капитала к труду.

Может быть, они еще не успеют завтра же сойтись с помещиками и захотят добить помещичью власть до конца. Отлично. Социал-демократам это очень желательно, и социал-демократы будут советовать деревенским и городским пролетариям требовать отнятия всей земли у помещиков и отдачи ее свободному народному государству. Социал-демократы будут зорко смотреть, чтобы деревенские пролетарии не оказались при этом обманутыми, чтобы они укрепились еще лучше для окончательной борьбы за полное освобождение пролетариата.

Но, может быть, будет совсем иначе. И даже вероятнее, что будет иначе. Богатые крестьяне и многие образованные люди могут завтра же, как только худшая кабала будет ограничена и урезана, завтра же соединиться с помещиками, и тогда против всего деревенского пролетариата встанет вся деревенская буржуазия. Тогда нам смешно было бы бороться с одними помещиками. Тогда мы должны бороться со всей буржуазией и требовать прежде всего как можно больше свободы и простора для такой борьбы, требовать облегчения жизни рабочему для облегчения его борьбы.

Во всяком случае, будет ли так или иначе, наше первое, наше главное и непременное дело: *укрепить союз деревенских пролетариев и полупролетариев с городскими пролетариями*. Для этого союза нам нужна сейчас и немедленно *полная политическая свобода народу, полная равноправность крестьянина и уничтожение крепостной кабалы*. А когда этот союз создастся и укрепится, — тогда мы легко разоблачим всякие обманы, которыми завлекает буржуазия среднего крестьянина, тогда мы легко и скоро сделаем против всей буржуазии, против всех сил правительства, и второй, и третий, и последний шаг, тогда мы неуклонно пойдем к победе и быстро завоюем *полное освобождение всего рабочего народа*.

7. КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ.

Что такое *классовая борьба?* Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии. И в русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство наконец уступило, боясь общего восстания всех крестьян.

Крепостное право отменили, но не совсем. Крестьяне остались без прав, остались низшим, податным, черным сословием, остались в когтях у крепостной кабалы. И крестьяне продолжают волноваться, продолжают искать полной, настоящей воли. А между тем после отмены крепостного права успела вырасти новая классовая борьба, *борьба пролетариата с буржуазией.* Богатства стало больше, настроили железных дорог и крупных фабрик, города стали еще многолюднее и еще роскошнее, но все эти богатства забирало в свои руки совсем небольшое число людей, а народ все беднел, разорялся, голодал, уходил на работы по найму в чужих людях. Городские рабочие начали новую, великую борьбу всех бедных против всех богатых. Городские рабочие объединились в *социал-демократическую партию* и ведут свою борьбу упорно, стойко и дружно, подвигаясь шаг за шагом, готовясь к великой, окончательной борьбе, требуя политической свободы для всего народа.

Наконец, не стерпели и крестьяне. Весной прошлого, 1902-го года поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и других губерний и пошли на помещиков, отпирали их амбары, делили между собою их добро, давали голодным хлеб, посеянный и собранный мужиком, но захваченный в собственность помещиком, требовали нового раздела земли. Крестьяне не вынесли безмерного угнетения и стали искать лучшей доли. Крестьяне решили, — и решили совершенно правильно, — что лучше умирать в борьбе

с угнетателями, чем умирать без борьбы голодною смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли. Царское правительство объявило их простыми бунтовщиками и грабителями (за то, что они отбирали у грабителей помещиков крестьянами же посеянный и убранный хлеб!), царское правительство послало против них войско, как против неприятелей, и крестьяне были разбиты, в крестьян стреляли, многих убили, крестьян пересекли зверски, засекали до смерти, истязали так, как никогда турки не истязают своих врагов — христиан. Царские посланцы, губернаторы, истязали больше всех, как настоящие палачи. Солдаты насиловали крестьянских жен и дочерей. А после всего крестьян же судили судом чиновников, крестьян же заставили уплатить в пользу помещиков восемьсот тысяч рублей и на суде, на этом позорном, тайном, застеночном суде, не позволили даже защитникам рассказать, как истязали и мучили крестьян царские посланцы, губернатор Оболенский и другие царские слуги.

Крестьяне боролись за правое дело. Русский рабочий класс всегда будет чтить память мучеников, застреленных и засеченных царскими слугами. Эти мученики были борцами за свободу и счастье рабочего народа. Крестьяне были разбиты, но они поднимутся еще и еще, они не падут духом от первого поражения. Сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы как можно больше рабочего народа в городах и в деревнях знало о крестьянской борьбе и готовилось к новой, более успешной борьбе. Сознательные рабочие всеми силами постараются помочь крестьянам *ясно понять, почему было подавлено первое крестьянское восстание* (1902 г.) *и как надо сделать, чтобы победа осталась за крестьянами и рабочими, а не за царскими слугами.*

Крестьянское восстание было подавлено, потому что это было восстание темной, несознательной массы, восстание без определенных, ясных *политических* требований, т.-е. без требования изменить *государственные* порядки. Крестьянское восстание было подавлено, потому что оно было *неподготовлено*. Крестьянское восстание было подавлено, потому что у деревенских пролетариев не было еще союза с городскими пролетариями. Вот три причины первой крестьянской неудачи. Чтобы восстание было успешно, надо, чтобы оно было сознательное и подготовленное, надо, чтобы оно охватило всю Россию и в союзе с городскими рабочими. И каждый шаг рабочей борьбы в городах, каждая социал-демократическая книжка или газета, каждая речь сознательного рабочего к деревенским пролетариям приближает к нам то время, когда восстание повторится, когда оно кончится победой.

Крестьяне поднялись несознательно, просто потому, что им стало невтерпеж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления. Крестьяне так исстрадались от всякого грабежа,

угнетения и мучительства, что они не могли хоть на минуту не поверить темным слухам о царской милости, не могли не поверить, что всякий разумный человек признает справедливым раздел хлеба между голодными, между теми, кто всю свою жизнь работал на других, сеял и убирал хлеб, а теперь умирает от голода подле амбаров «господского» хлеба. Крестьяне как-будто забыли, что лучшие земли, все фабрики и заводы захвачены богатыми, захвачены помещиками и буржуазией именно для того, чтобы голодный народ шел работать на них. Крестьяне забыли, что в защиту богатого класса не только говорятся поповские проповеди, а поднимается также все царское правительство со всей тьмой чиновников и солдат. Царское правительство напомнило крестьянам об этом. Царское правительство зверски жестоко показало крестьянам, что такое государственная власть, кому она служит, кого она защищает. Нам надо только почаще напоминать крестьянам об этом уроке, и они легко поймут, почему необходимо *изменение государственных порядков*, почему необходима *политическая свобода*. Крестьянские восстания перестанут быть бессознательными, когда большее и большее количество народа поймет это, когда всякий грамотный и думающий мужик узнает *три главных требования*, за которые надо бороться прежде всего. Первое требование — созыв *всенародного собрания депутатов для устройства на Руси народного выборного, а не самодержавного правления*. Второе требование — *свобода всем и каждому печатать всякие книжки и газеты*. Третье требование — *признание законом полной равноправности крестьян с другими сословиями и созыв выборных крестьянских комитетов для уничтожения прежде всего всякой крепостной кабалы*. Это — главные коренные требования социал-демократов, и крестьянам будет теперь очень нетрудно понять эти требования, понять, *с чего надо начать* борьбу за народную свободу. А когда крестьяне поймут эти требования, тогда они поймут также, что надо заранее, долго, упорно и стойко *готовиться* к борьбе и готовиться не в одиночку, а вместе с городскими рабочими — социал-демократами.

Пусть каждый сознательный рабочий и крестьянин собирает подле себя самых разумных, надежных и смелых товарищей. Пусть старается объяснить им, чего хотят социал-демократы, чтобы все поняли, какую борьбу надо вести и чего надо требовать. Пусть сознательные социал-демократы начнут исподволь, осмотрительно, но неуклонно обучать крестьян своему учению, давать читать социал-демократические книжки, разъяснять эти книжки на маленьких сходках верных людей.

Но разъяснять социал-демократическое учение надо не только по книгам, но и на каждом примере, на каждом случае угнетения и несправедливости, какой мы видим подле себя. Социал-демократическое учение есть учение о борьбе против

всякого гнета, против всякого грабежа, против всякой несправедливости. Только такой человек есть настоящий социал-демократ, который знает причины угнетения и *во всей своей жизни борется с каждым случаем угнетения.* Как это делать? Сознательные социал-демократы, собравшись вместе в своем городе, в своей деревне, должны сами решить, как это надо делать, чтобы принести больше пользы всему рабочему классу. Для примера, приведу один или два случая. Положим, что рабочий-социал-демократ пришел на побывку в свою деревню, или не в свою деревню попал какой-ни-на-есть городской рабочий-социал-демократ. Деревня вся целиком, как муха в паутине, в лапах у соседа-помещика, не выходит из кабалы всю жизнь и некуда деться ей от этой кабалы. Надо сейчас выбрать самых толковых, разумных и надежных крестьян, которые ищут правды и не убоятся первой полицейской собаки, и разъяснить этим крестьянам, отчего происходит их безысходная кабала, рассказать, как помещики надували крестьян и обирали их в дворянских комитетах, рассказать про силу богатых и поддержку их царским правительством, рассказать о требованиях рабочих-социал-демократов. Когда крестьяне поймут всю эту нехитрую механику, тогда надо хорошенько обдумать сообща, нельзя ли дать дружный отпор этому помещику, нельзя ли крестьянам заявить свои первые и главные требования (подобно тому, как в городах рабочие заявляют свои требования фабрикантам). Если закабалено этим помещиком большое село или несколько деревень, то лучше бы всего было достать от ближнего социал-демократического комитета через доверенных людей *листовку:* в листовке социал-демократический комитет напишет, как следует, с самого начала, от какой кабалы страдают крестьяне и чего они в первую голову требуют (чтобы плата за съемную землю была дешевле или чтобы при зимней наемке рассчитывали по настоящим ценам, а не за полцены, или чтобы за потравы так не преследовали, не теснили, или разные другие требования). Из такой листовки все грамотные крестьяне узнают хорошо, в чем дело, да и неграмотным объяснят. Тогда крестьяне увидят ясно, что социал-демократы стоят за них, что социал-демократы всякий грабеж осуждают. Тогда крестьяне понимать начнут, каких облегчений, хоть самых небольших, а все же облегчений, можно добиться сейчас, сразу, если дружно стоять, — и каких больших улучшений во всем государстве надо добиваться великой борьбой вместе с городскими рабочими-социал-демократами. Тогда крестьяне все больше да больше станут готовиться к этой великой борьбе, станут учиться, как надо надежных людей находить, как надо сообща за свои требования стоять. Может быть иногда удастся стачку устроить, как городские рабочие делают. Правда, в деревне это труднее, а все же иногда возможно, и в других странах

бывали удачные стачки, например, в рабочую пору, когда помещики и богатые посевщики до-зарезу нуждаются в рабочих. Если деревенская беднота подготовлена к стачке, если все давно уже согласились насчет общих требований, если эти требования в листовках объяснены или просто на сходках хорошо растолкованы, — тогда все дружно будут стоять, и помещику уступить придется или хоть немного посдержать себя в грабеже. Если стачка дружная и в горячее время устроена, то помещику и даже начальству с войском трудно что-нибудь выдумать, — время идет, помещику разорение, он тогда скоро сговорчивым станет. Конечно, это дело новое. Новое дело часто сначала не спорится. Рабочие в городах тоже сначала не умели вести дружной борьбы, не знали, какие им требования сообща заявлять, а просто шли машины ломать, да фабрику разносить. Ну, а теперь вот рабочие обучились дружной борьбе. Всякому новому делу надо сначала обучиться. Теперь рабочие понимают, что сразу можно только облегчений добиться, если дружно встать, — а между тем народ привыкает к дружному отпору и все больше готовится к великой, решительной борьбе. Так и крестьяне научатся разбирать, как давать отпор самым жестоким грабителям, как требовать дружно облегчения и как надо готовиться исподволь, стойко и повсюду к великой битве за свободу. Число сознательных рабочих и крестьян будет становиться все больше, союзы деревенских социал-демократов все крепче, и каждый случай помещичьей кабалы, поповских поборов, полицейского зверства и притеснений начальства будет все больше и больше раскрывать глаза народу, приучать его к дружному отпору и к мысли о необходимости силой добиться изменения государственных порядков.

Мы говорили уже в самом начале этой книжки, что городской рабочий народ выходит теперь на улицы и площади и открыто перед всеми требует *свободы*, пишет на знаменах и кричит: «долой самодержавие!». Скоро настанет день, когда рабочий народ в городах поднимется не для того только, чтобы пройтись по улицам с криками, а поднимется для великой, окончательной борьбы, когда рабочие, как один человек, скажут: «мы умрем в борьбе или добьемся свободы!», когда на место сотен убитых и павших в борьбе встанут тысячи новых, еще более решительных борцов. И крестьяне поднимутся тогда, поднимутся по всей России и пойдут на помощь городским рабочим, пойдут биться до конца за крестьянскую и рабочую свободу. Никакие царские полчища не устоят тогда. Победа будет за рабочим народом, и рабочий класс пойдет по просторной, широкой дороге к избавлению всех трудящихся от всякого гнета, рабочий класс воспользуется свободой для борьбы за социализм!

ПРОГРАММА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ ГАЗЕТОЙ «ИСКРА» ВМЕСТЕ С ЖУРНАЛОМ «ЗАРЯ».

Мы уже сказали о том, что такое программа, зачем она нужна, почему одна только социал-демократическая партия выступает с определенной, ясной программой. Окончательно принять программу может один лишь съезд нашей партии, то-есть собрание представителей от всех партийных работников. Теперь такой съезд и подготовляется Организационным Комитетом. Но очень многие комитеты нашей партии заявили уже открыто о своем согласии с «Искрой», о признании «Искры» руководящей газетой. Поэтому, до съезда, наш проект (предложение) программы вполне может служить для точного знакомства с тем, чего хотят социал-демократы, и мы считаем необходимым полностью привести этот проект в приложении к нашей книжке.

Конечно, без объяснения не всякий рабочий поймет все, что сказано в программе. Много великих социалистов работало над созданием социал-демократического учения, законченного Марксом и Энгельсом, много пережили рабочие всех стран, чтобы приобрести тот опыт, которым мы хотим воспользоваться, который мы хотим положить в основу нашей программы. Поэтому рабочий должен учиться социал-демократическому учению, чтобы понять каждое слово программы, *своей* программы, *своего* знамени борьбы. И рабочие особенно легко понимают и усваивают социал-демократическую программу, потому что эта программа говорит о том, что видел, испытывал каждый думающий рабочий. Пусть не отпугивает никого «трудность» понимания программы сразу: чем дальше будет читать и думать каждый рабочий, чем больше будет у него опыта в борьбе, тем полнее он будет понимать ее. Но пусть всякий человек обдумает и обсудит *всю* программу социал-демократов, пусть у каждого будет постоянно в памяти *все то, чего хотят социал-демократы, и что они думают об освобождении* всего рабочего народа. Социал-демократы хотят, чтобы все и каждый ясно и точно знали всю правду, до конца, о том, что такое социал-демократическая партия.

Подробно объяснять всю программу мы здесь не можем. Для этого нужна особая книжка. Мы только вкратце укажем, о чем говорит программа, и посоветуем читателю достать себе на помощь две книжки. Одна книжка немецкого социал-демократа, Карла Каутского, под названием «*Эрфуртская программа*», переведенная на русский язык. Другая книжка русского социал-демократа, Л. Мартова, «*Рабочее дело в России*». Эти книжки помогут понять всю нашу программу.

Теперь назовем каждую часть нашей программы особой буквой (смотри программу ниже) и укажем, о чем говорится в каждой части.

А) С самого начала говорится о том, что пролетариат во всем мире борется за свое освобождение, и русский пролетариат есть только один отряд всемирной армии рабочего класса всех стран.

Б) Далее говорится о том, каковы буржуазные порядки во всех почти странах мира, и в России в том числе. Как нищенствует и бедствует большинство населения, работая на землевладельцев и капиталистов, как разоряются мелкие ремесленники и крестьяне, а растут крупные фабрики, как давит капитал и самого рабочего и его жену и детей, как ухудшается положение рабочего класса, увеличивается безработица и нужда.

В) Потом говорится о союзе рабочих, о борьбе их, о великой цели борьбы: освободить всех угнетенных, уничтожить совершенно всякий гнет богатых над бедными. Тут объясняется также, почему все сильнее и сильнее становится рабочий класс, почему он непременно победит всех своих врагов, всех защитников буржуазии.

Г) Затем говорится о том, для чего учреждены социал-демократические партии во всех странах, как они помогают рабочему классу вести борьбу, объединяют и направляют рабочих, просвещают их, готовят их к великой борьбе.

Д) Далее говорится о том, почему в России еще хуже живется народу, чем в других странах, какое великое зло—царское самодержавие, как нам прежде всего необходимо низвергнуть его и установить на Руси выборное народное правление.

Е) Какие улучшения должно принести всему народу выборное правление? Мы говорим об этом в своей книжке, и об этом же говорится в программе.

Ж) Потом программа указывает, каких улучшений надо сейчас же добиваться для всего рабочего класса, чтобы ему было легче жить и свободнее бороться за социализм.

З) Особо указаны в программе те улучшения, которых надо в первую голову добиваться для всех крестьян, чтобы деревенской бедноте было легче и свободнее вести классовую борьбу и с деревенской и со всей русской буржуазией.

И) Наконец, социал-демократическая партия предупреждает народ не верить никаким полицейским и чиновничьим обещаниям и сладким речам, а бороться твердо за немедленный созыв свободного всенародного собрания депутатов.

LES BEAUX ESPRITS SE RENCONTRENT.

ПО-РУССКИ ПРИМЕРНО: СВОЙ СВОЕМУ ПОНЕВОЛЕ БРАТ.

Знаменитая аграрная программа-минимум наших социалистов революционеров (кооперация и социализация) обогатила русскую социалистическую мысль и русское революционное движение в июне 1902 года. Немецкая книга известного оппортуниста (бернштейнианца тож) Эдуарда Давида: «Социализм и сельское хозяйство» вышла в свет в феврале 1903 года. Повидимому, не может быть и речи о том, чтобы последующее произведение оппортунистической мысли заключало в себе оригинал предъидущих упражнений «социалистско-революционной» мысли? Но как же объяснить тогда поразительное, бросающееся в глаза сходство и даже принципиальное тождество программы русских соц.-рев. и немецких оппортунистов? Не является ли уже «оригиналом» «Рев. Россия», а копией — «капитальный» (по отзыву корреспондента «Русск. Вед.») [101]) труд Давида? Две основные идеи, и соответственно им два главных пункта программы, проходят красной нитью через весь «труд» Давида. Он воспевает сельско-хозяйственные кооперации, ожидая от них всех благ, требуя содействия их развитию со стороны соц.-демократии и не замечая (совсем как наши соц.-рев.) буржуазного характера этих союзов мелких хозяйчиков с мелкими и крупными капиталистами в земледелии. Давид требует превращения крупных земледельческих хозяйств в мелкие, восторгаясь выгодностью и рациональностью, экономностью и производительностью хозяйств «des Arbeitsbauern» — по-русски буквально: «трудового крестьянина», выставляя верховное право собственности общества на землю и пользование землею вот этих мелких «трудовых крестьян». Положительно, немецкий оппортунист совершил плагиат у русских «социалистов-революционеров»! Мелко-буржуазности «трудового крестьянина» в современном обществе, его промежуточного, переходного положения между буржуазией и пролетариатом, его стремления «выйти в люди» (т.-е. стать заправским буржуа) путем бережливости, усердия, недоедания и чрезмерной работы, его стремле-

ния к эксплуатации труда сельских «работников», — ничего этого не видит, конечно, ни немецкий мелкий буржуа-оппортунист, ни русские мелкие буржуа — «социалисты-революционеры».

Да, да, les beaux esprits se rencontrent, и в этом заключается разгадка столь трудной, на первый взгляд, задачи: определить, где копия и где оригинал. Идеи, выражающие потребности, интересы, стремления и вожделения известного класса, носятся в воздухе, и скрыть тождество этих идей не в силах никакое разнообразие костюма, никакие варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы. Шила в мешке не утаишь.

Во всех европейских странах, в России в том числе, неуклонно идет вперед и «утеснение» и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающийся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности. Все ополчается против нее: и технический прогресс крупных хозяйств в промышленности и в земледелии, и развитие крупных магазинов, и рост предпринимательских союзов, картелей и трестов, и даже рост потребительных товариществ и муниципальных предприятий. А на-ряду с этим «утеснением» мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет нарождение и развитие «нового среднего сословия», как говорят немцы, нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой тоже все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя. Совершенно естественно, что отсюда с полной неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелко-буржуазных идей и учений. Совершенно естественно, что русский «социалист-революционер», всецело плененный идеями мелко-буржуазного народничества, оказывается «поневоле братом» европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма. Именно этим последним термином и характеризовал Каутский совершенно справедливо программу и точку зрения Давида.

Мы сказали: «когда хочет быть последовательным» и подошли таким образом к той существенной особенности, — отличающей современных соц.-рев. и от старого русского народника и от некоторых, по крайней мере, европейских оппортунистов, — которую нельзя не назвать авантюризмом. Авантюризм не думает о последовательности, стараясь только уловить момент, воспользоваться борьбой идей для оправдания и сохранения безыдейности. Старый русский народник хотел быть последовательным и отстаивал, проповедывал и исповедывал свою особую

программу. Давид хочет быть последовательным и решительно восстает против всей «марксистской аграрной теории», решительно проповедует и исповедует превращение крупных хозяйств в мелкие, не боясь, по крайней мере, иметь смелость своего мнения, не боясь открыто выступить сторонником мелкого хозяйства. Наши соц.-революционеры..., как бы это помягче выразиться?.. гораздо «благоразумнее». Они никогда не восстают решительно против Маркса, — боже сохрани! Они, напротив, походя щиплют цитатами и Маркса и Энгельса, уверяя со слезами на глазах, что они с ними *почти* во всем согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутского, — напротив, они глубоко и искренно убеждены, что Либкнехт был соц.-революционер, — ей богу, был соц.-революционер. Они не выступают принципиально сторонниками мелкого хозяйства, — напротив, они горой стоят за «социализацию земли», и только невзначай случается им проговориться, что эта всеобъемлющая, русско-голландская социализация означает все что угодно: и переход земли в собственность общества и в пользование трудящихся (совсем как у Давида!), и просто переход земли в руки крестьян, и, наконец, совсем уже «просто»: даровую прирезку...

«Благоразумные» приемы наших соц.-рев. до такой степени уже знакомы нам, что мы позволим себе, в заключение, дать им один благой совет.

Вы попали в не очень ловкое положение, господа, что и говорить. Все время уверяли, что не имеете ничего общего ни с оппортунизмом и реформизмом на Западе, ни с мелкобуржуазными симпатиями к «выгодному» мелкому хозяйству, — и вдруг является книга заведомого оппортуниста и сторонника мелкого хозяйства, который с трогательной скрупулезностью «копирует» вашу «социально-революционную» программу! Положение, можно сказать, хуже губернаторского. Но не смущайтесь: из него легко выпутаться. Стоит только... цитировать Каутского.

Пусть не думает читатель, что это описка. Нисколько. Каутский ополчается против прудониста Давида, — *именно поэтому* солидарные с Давидом соц.-рев. должны цитировать Каутского совершенно так же, как они уже цитировали раз Энгельса. Возьмите № 14 «Рев. России» [102]), и вы прочтете там на странице седьмой, что «перемена тактики» у соц.-дем. по отношению к крестьянству «была узаконена» (!!) одним из отцов научного социализма, Энгельсом, — Энгельсом, который ополчился против менявших тактику французских товарищей! Как можно доказать это фокусническое положение? Очень просто. Надо, во-первых, «цитировать» слова Энгельса, что он стоит решительно на стороне мелкого крестьянина (и умолчать о том, что именно эту самую мысль выражает программа русских соц.-дем., зовущая

всех трудящихся на сторону пролетариата!). Надо, во-вторых, по поводу «уступок бернштейнианству» со стороны менявших тактику французских товарищей, сказать: «*смотри превосходную критику этих уступок у Энгельса*». Вот этот самый, испытанный, прием мы советуем господам соц.-рев. употребить и теперь. Книга Давида узаконила перемену тактики в аграрном вопросе. Теперь уже нельзя не сознаться, что можно оставаться в рядах соц.-дем. партии с программной «кооперацией и социализацией»; только догматики и ортодоксы могут не видеть этого. Но, с другой стороны, надо признаться, что Давид, в отличие от благородных соц.-рев., делает некоторые уступки бернштейнианству. «*Смотри превосходную критику этих уступок у Каутского*».

Право, господа, попробуйте. Может быть, и еще разок выгорит.

«Искра» № 58, 15 апреля 1905 г.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

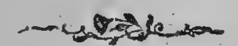
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Объ аграрной программѣ Икса.

Отвѣтъ на критику нашего проекта программы

Н. ЛЕНИНА.

Изданіе Лиги Русской Революціонной Соціалъ-Демократіи.



ЖЕНЕВА
Тип. Лиги Русск. Революц. Соц.-Дем., Rue Coulouvrenière, 27.
1903

Обложка брошюры, в которой напечатана статья В. И. Ленина: «Ответ на критику нашего проекта программы» — 1903 г.

ОТВЕТ НА КРИТИКУ НАШЕГО ПРОЕКТА ПРОГРАММЫ [103])

Товарищ Икс отвергает третий и четвертый пункты аграрной части нашего проекта и предлагает свой проект с видоизменением всех пунктов, а равно и общего введения к аграрной программе. Рассмотрим сначала возражения тов. Икса против нашего проекта, а потом его собственный проект.

Против третьего пункта тов. Икс возражает, что предлагаемая нами конфискация монастырских (мы охотно добавили бы: и церковных) и удельных имений означала бы расхищение земель за бесценок капиталистами. Именно грабители крестьян на награбленные деньги и скупили бы эти земли, говорит он. Мы заметим на это, что, говоря о продаже конфискованных имений, тов. Икс делает произвольное заключение, которое еще не содержится в нашей программе. Конфискация означает отчуждение собственности без вознаграждения. Только о таком отчуждении и говорится у нас. О том, продавать ли эти земли, кому и как, в каком порядке и на каких условиях продавать, — наш проект программы не говорит ни слова. Мы не связываем себе рук, предоставляем себе определить наиболее целесообразную форму распоряжения конфискованными имуществами тогда, когда они будут конфискованы, когда будут ясны все социальные и политические условия такой конфискации. Проект товарища Икса отличается в этом отношении от нашего, требуя не только конфискации, но и передачи конфискованных земель «во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением». Следовательно, тов. Икс исключает одну из форм распоряжения конфискованным (распродажу) и не определяет точно какой-либо определенной формы (ибо остается неясным, в чем именно состоит или состоять будет, или должно состоять «наиболее удобное» пользование и какие именно классы «населения» и на каких условиях получат право пользования). Таким образом, полной определенности в вопросе о способе распоряжения конфискованными землями тов. Икс все равно не вносит

(да и нельзя определить этого заранее), а распродажу, как один из способов, он исключает напрасно. Неправильно было бы сказать, что при всяких условиях и всегда социал-демократия будет против распродажи. В полицейско-классовом, хотя бы и конституционном, государстве класс собственников может быть нередко гораздо более прочным оплотом демократии, чем класс арендаторов, зависящих от этого государства. Это с одной стороны. А с другой стороны, превращение конфискации в «подарок капиталистам» предусматривается (поскольку может вообще идти речь о предусматривании этого в формулировке программы) гораздо больше нашим проектом, чем проектом тов. Икса. В самом деле, допустим самое худшее: допустим, что рабочая партия несмотря на все свои усилия не могла обуздать своеволия и корысти капиталистов *). В этом случае формулировка тов. Икса представляет полный простор «наиболее удобному» пользованию конфискованными землями со стороны капиталистического класса «населения». Наоборот, наша формулировка, не связывая основного требования с формой его реализации, предусматривает однако одно строго определенное назначение сумм, полученных от такой реализации. Когда тов. Икс говорит, что «с.-д. партия не может взять на себя задачу вперед предрешить, в какой конкретной форме народное представительство использует земельный фонд, находящийся в его руках», то он смешивает две различные вещи: *способ* реализации (иначе: «форму использования») фонда и *назначение* полученных от реализации сумм. Оставляя совершенно неопределенным вопрос о назначении этих сумм и связывая себе хотя отчасти руки в вопросе о способе реализации, тов. Икс вносит двоякое ухудшение в наш проект.

Равным образом неправ, по нашему мнению, тов. Икс, когда возражает нам: «получить выкупные платежи обратно от дворян также нельзя, так как многие из них все промотали». Это, собственно говоря, вовсе не возражение, ибо мы и не предлагаем просто «получить обратно», а предлагаем особый налог. Тов. Икс сам приводит в своей статье данные, что крупные землевладельцы особенно большую долю крестьянской земли «отрезывали» в свою пользу, захватывая иногда до *трех четвертей* крестьянской земли. Совершенно естественно поэтому требование именно крупных землевладельцев-дворян обложить особым налогом. Совершенно естественно также дать добытым этим путем суммам именно то особое назначение, которого мы требуем, ибо *сверх* общей задачи возвращения народу всех доходов, получаемых государством (задачи, осуществимой вполне лишь при социализме), перед освобожденной Россией неминуемо встанет еще специальная

*) А если мы *сможем* обуздать, то и распродажа не превратится в расхищение и в подарок капиталистам.

и особенно настоятельная задача поднятия жизненного уровня крестьян, задача серьезной помощи той массе нищих и голодных, которая так непомерно быстро растет при нашем самодержавном строе.

Перейдем к четвертому пункту, который тов. Икс отвергает целиком, хотя рассматривает исключительно первую его часть — об отрезках, и ни слова не говорит о второй части, предусматривающей устранение остатков крепостного права, различных в различных местностях государства. Начнем с одного формального замечания автора: он видит противоречие в том, что мы требуем уничтожения сословий и учреждения крестьянских, т.-е. сословных, комитетов. На самом деле, тут противоречие только кажущееся: для уничтожения сословий требуется «диктатура» низшего, угнетенного сословия, — точно так же, как для уничтожения классов вообще и класса пролетариев в том числе требуется диктатура пролетариата. Вся наша аграрная программа имеет целью уничтожение крепостнических и сословных традиций в области аграрных отношений, а для такого уничтожения возможно апеллировать единственно к низшему сословию, к угнетенным этими остатками крепостного порядка.

По существу дела, главным возражением автора является следующее: «едва ли доказуемо», что отрезки являются главнейшим базисом отработочной системы, ибо величина этих отрезков зависела от того, были ли крестьяне при крепостном праве оброчными и, следовательно, многоземельными, или барщинными и, следовательно, малоземельными. «Размеры отрезков и их значение обусловливается комбинацией исторических условий» и, например, в Вольском уезде в небольших имениях процент отрезков ничтожен, а в крупных имениях — громаден. Так рассуждает автор, не замечая, что он уходит в сторону от вопроса. Несомненно, что отрезки распределены крайне неравномерно и в зависимости от комбинации самых различных условий (в том числе и от такого условия, как существование барщины или оброка при крепостном праве). Но что же это доказывает? Разве отработочная система не распределена тоже крайне неравномерно? Разве ее существование не определяется тоже комбинацией самых различных исторических условий? Автор берется опровергнуть *связь* между отрезками и отработочной системой, а рассуждает только о причинах отрезков и различий в их величине, ровно ничего не говоря об этой связи. Только однажды автор выставляет утверждение, подходящее вплотную к сути его тезиса, и именно в этом утверждении он *совершенно неправ*. «Следовательно — говорит он, подводя итог своим рассуждениям о влиянии оброка или барщины, — там, где крестьяне были барщинными (*главным образом в центральном земледельческом районе*), *эти отрезки будут ничтожными*, а там, где были

оброчными,—вся помещичья земля может составлять «отрезки»». Подчеркнутые нами слова заключают в себе крупную ошибку, разрушающую всю аргументацию автора. Именно в центральном земледельческом районе, этом главном центре отработков и всяких остатков крепостничества, отрезки не «ничтожны», а громадны, отрезки гораздо выше, чем в нечерноземной полосе с ее преобладанием оброка над барщиной. Вот данные по этому вопросу, доставленные мне одним товарищем, статистиком по специальности. Он сравнил данные Военно-Статистического Сборника о землевладении помещичьих крестьян до реформы с данными статистики поземельной собственности 1878 года и определил таким образом величину отрезков по каждой губернии. Оказалось, что в девяти нечерноземных губерниях *) у помещичьих крестьян было до реформы 10.421 тысяча десятин, а осталось в 1878 г.— 9.746 тыс. десятин, т.-е. отрезано 675 тыс. дес. или 6,5% земли, отрезано по 72,8 тыс. дес. в среднем на губернию. Напротив, в 14 черноземных губерниях **) у крестьян было 12.795 т. дес., а осталось 9.996 т. дес., т.-е. отрезано 2.799 т. дес. или 21,9%, отрезано в среднем на губернию по 199,1 т. дес. Исключением является только третий район, степной, где в пяти губерниях ***) у крестьян было 2.203 т. дес., а осталось 1.580 т. дес., т.-е. отрезано 623 т. дес. или 28,3%, отрезано в среднем на губернию по 124,6 тысяч дес. ****). Этот район является исключением, ибо здесь преобладает капиталистическая система над отработочной, тогда как процентный размер отрезков здесь наибольший. Но это исключение скорее подтверждает общее правило, ибо здесь влияние отрезков было парализовано такими крупными обстоятельствами, как наибольшие наделы у крестьян, несмотря на отрезки, и наибольшее количество свободного земельного фонда для аренды земли. Таким образом, попытка автора усомниться в существовании связи между отрезками и отработочной системой совершенно неудачна. *В общем и целом*, не подлежит сомнению, что

---

*) Псковская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Смоленская, Калужская, Ярославская и Костромская.

**) Орловская, Тульская, Рязанская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Нижегородская, Симбирская, Казанская, Пензенская, Саратовская, Черниговская, Харьковская и Полтавская (37% земли отрезано).

***) Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Донская (приблизительный расчет) и Самарская.

****) Сопоставляя эти данные об отрезках в трех районах с данными о проценте барщинных крестьян к общему числу крестьян (по материалам редакционных комиссий: см. т. 32, стр. 686 Энциклопедического словаря, статью «Крестьяне») [104]) получаем такое соотношение. Нечерноземный район (9 губ.): отрезки — 6,5%; барщинных крестьян — 43,9% (среднее из 9 погубернских данных). Средний черноземный район (14 губ.): отрезки—21,9%; барщинных крестьян — 76,0%. Степной район (5 губ.): отрезки — 28,3%; барщинных крестьян — 95,3%. Следовательно, соотношение получается обратное тому, которое хочет установить тов. Икс.

центр отработочной системы в России (среднечерноземный район) есть в то же время и центр отрезков. Мы подчеркиваем «в общем и целом» для ответа на следующее недоумение автора. К словам нашей программы о возвращении тех земель, которые отрезаны и служат орудием кабаления, автор ставит в скобках вопрос: «а которые не служат?». Мы ответим ему, что программа — не проект закона о возвращении отрезков. Мы определяем и объясняем общее значение отрезков, а не говорим об отдельных случаях. И неужели можно еще, после всей народнической литературы о положении пореформенного крестьянства, сомневаться в том, что отрезки, в общем и целом, служат орудием крепостнической кабалы? Неужели можно еще, спросим мы дальше, отрицать связь отрезков с отработочной системой, когда эта связь вытекает из самых основных понятий о пореформенной экономике России? Отработочная система есть соединение барщины с капитализмом, «старого режима» и «современного» хозяйства, системы эксплуатации посредством наделения землей и системы эксплуатации посредством отделения от земли. А какой же может быть более рельефный пример современной барщины, как не система хозяйства за отрезные земли (система, описанная, *как таковая*, как особая система, а не случайность, народнической литературой еще в то доброе старое время, когда о шаблонных и узких марксистах и слуху не было)? Неужели можно думать, что современное прикрепление крестьян к земле держится *только* отсутствием закона о свободе передвижения, а не существованием кроме того *(и отчасти в основе того)* кабального хозяйства за отрезные земли?

Не доказавши совершенно ничем основательности своего сомнения в наличности связи между отрезками и кабалой, автор рассуждает дальше следующим образом. Возвращение отрезков есть наделение мелкими участками земли, основанное не столько на потребностях крестьянского хозяйства, сколько на историческом «предании». Как и всякое наделение недостаточным количеством земли (о достаточном и речи быть не может), оно не уничтожит, а создаст кабалу, ибо *вызовет* аренду недостающих земель, аренду из нужды, аренду продовольственную, будет, следовательно, реакционной мерой.

Рассуждение опять-таки бьющее мимо цели, ибо наша программа вовсе не «обещает» в своей аграрной части устранение всякой нужды вообще (это обещает она лишь в своей общесоциалистической части), а только устранение (некоторых хотя бы) остатков крепостного права. Наша программа говорит именно не о наделении вообще всякими мелкими участками, а об устранении хоть одного из видов кабалы, уже сложившегося. Автор уклонился от того хода мысли, который положен в основу нашей программы, и произвольно, неправильно придал ей иное значение.

В самом деле, посмотрите на его аргументацию. Он отодвигает (и в этом отношении он, конечно, прав) толкование отрезков в смысле одной лишь чересполосности и говорит: «если отрезки являются добавочным наделением землей, то нужно рассмотреть, достаточно ли отрезков для уничтожения кабальных отношений, так как с этой точки зрения кабальные отношения есть результат малоземелья». Решительно нигде не утверждает наша программа, что отрезков достаточно для уничтожения кабалы. Вся и всяческая кабала может быть уничтожена только социалистической революцией, мы же в аграрной программе стоим на почве буржуазных отношений и требуем некоторых мер «в целях устранения» (не говорим даже, чтобы это могло быть полным устранением) остатков крепостного права. Вся суть нашей аграрной программы состоит в том, что сельский пролетариат должен вместе с богатым крестьянством бороться за уничтожение остатков крепостничества, за отрезки. Кто внимательно всмотрится в это положение, тот поймет неправильность, *неуместность* и нелогичность возражений вроде того: почему *только* отрезков, раз этого недостаточно? Потому, что *вместе с богатым крестьянством* пролетариат *не сможет и не должен* идти дальше уничтожения крепостничества, дальше отрезков и т. под. *Дальше этого* пролетариат вообще и сельский в особенности *пойдет один;* не вместе с «крестьянством», не вместе с богатым мужиком, а *против него*. Не потому мы не идем дальше отрезков, что не хотим добра мужику или боимся запугать буржуазию, а потому, что не хотим, чтобы сельский пролетарий помогал богатому мужику *свыше необходимого,* свыше необходимого для пролетария. От крепостнической кабалы страдает и пролетарий и богатый мужик; против *этой* кабалы они могут и должны идти вместе, а против *остальной* кабалы пролетариат пойдет один. Поэтому выделение крепостнической кабалы от всякой другой является в нашей программе необходимым результатом *строгого соблюдения классовых интересов пролетариата.* Мы бы нарушили эти интересы, мы бы покинули классовую точку зрения пролетариата, если бы допустили в нашей программе, что «крестьянство» (т. е. богатеи плюс беднота) пойдет вместе дальше уничтожения остатков крепостного права; мы *затормозили бы* этим безусловно необходимый и самый важный с точки зрения социал-демократа процесс окончательного *обособления сельского пролетариата* от хозяйственного крестьянства, процесс роста пролетарского классового сознания в деревне. Когда люди старой веры, народники, и люди без всякой веры и без всяких убеждений, социалисты-революционеры, разводят руками по поводу нашей аграрной программы, то происходит это от того, что они (напр., г. Рудин и К°) понятия не имеют о действительном экономическом строе нашей деревни и его эволюции, понятия не имеют о складывающихся и почти сложившихся

буржуазных отношениях внутри общины, о силе буржуазного крестьянства [105]). Со старыми народническими предрассудками или чаще с обрывками этих предрассудков подходят они к нашей аграрной программе и начинают критиковать отдельные пункты или их формулировку, не понимая даже, какую цель преследует наша аграрная программа, на какие общественно-экономические отношения она рассчитана. Когда им говорят, что в нашей аграрной программе речь идет не о борьбе с буржуазным строем, а о введении деревни в условия буржуазного строя, то они только протирают глаза, не сознавая (по свойственной им теоретической беззаботности), что их недоумение есть простой отзвук борьбы между народническим и марксистским миросозерцанием.

Для марксиста, приступающего к составлению аграрной программы, вопрос об остатках крепостничества в буржуазной и капиталистически развивающейся русской деревне есть уже решенный вопрос, и только полная беспринципность социалистов-революционеров мешает им видеть, что для критики *по существу* они должны противопоставить хоть что-нибудь связное и цельное нашему решению этого вопроса. Для марксиста задача состоит лишь в том, чтобы избежать двух крайностей: с одной стороны, не впасть в ошибку тех людей, которые говорят, что с точки зрения пролетариата нам дела нет ни до каких ближайших и временных непролетарских задач, а с другой стороны, не допустить, чтобы участие пролетариата в решении ближайших демократических задач могло вести к затемнению его классового сознания и его классовой особности. В области собственно поземельных отношений эта задача сводится к следующей: дать определенный лозунг такого аграрного преобразования на почве существующего общества, которое бы всего полнее смело остатки крепостного права и всего скорее высвободило сельский пролетариат из сплошной массы сплошного крестьянства.

Думается, что наша программа решила эту задачу. И нас нисколько не смущает вопрос товарища Икса: как быть, если крестьянские комитеты потребуют не отрезков, а всей земли? Мы сами требуем всей земли, только, конечно, не «в целях устранения остатков крепостного порядка» (каковыми целями ограничивается аграрная *часть* нашей программы), а в целях социалистического переворота. И мы всегда и при всяких обстоятельствах неустанно указываем и будем указывать «деревенской бедноте» именно эту цель. Нет более грубой ошибки, как думать, что социал-демократ может идти в деревню только с аграрной частью своей программы, что социал-демократ может хотя бы на минуту свернуть свое социалистическое знамя. Если же требование всей земли будет требованием национализации или перехода земли к современному хозяйственному крестьянству, то мы оценим это требование с точки зрения интересов пролетариата, приняв во

внимание все обстоятельства дела; мы не можем наперед сказать, напр., выступит ли наше хозяйственное крестьянство, когда революция пробудит его к политической жизни, в качестве демократически-революционной партии или в качестве партии порядка. Мы должны так составить свою программу, чтобы быть готовыми и к самому худшему, а осуществление лучших комбинаций только облегчит нашу работу и даст ей новый толчек.

Нам остается еще, по данному вопросу, остановиться на следующем рассуждении товарища Икса. «На это,—пишет он по поводу своего положения, что наделение отрезками упрочит продовольственную аренду, — на это может быть возражение, что наделение отрезками имеет значение, как средство уничтожить кабальные формы аренды *этих* отрезков, а не увеличение и упрочение мелкого продовольственного хозяйства. Однако не трудно заметить, что в этом возражении есть логическое противоречие. Наделение клочками земли есть *наделение землей в недостаточном количестве* для ведения прогрессирующего хозяйства и достаточное для упрочения продовольственного арендующего хозяйства. Следовательно, наделением недостаточным количеством земли продовольственное хозяйство делается прочнее. Но уничтожаются ли этим кабальные формы аренды, — это нужно еще доказать. Мы доказывали, что они упрочиваются, так как увеличат число мелких собственников — конкурентов при аренде помещичьей земли».

Мы выписали целиком все это рассуждение тов. Икса, чтобы читателю легче было судить, *где* заключается действительное «логическое противоречие». По общему правилу, крестьяне сейчас пользуются отрезками на условиях крепостнической кабалы. По возвращении отрезков они будут пользоваться ими как свободные собственники. Неужели «нужно еще доказать», что это возвращение *уничтожит* крепостническую кабалу посредством этих отрезков? Речь идет об особых участках земли, создавших уже особую форму кабалы, а автор ставит на место этого частного понятия общую категорию «недостаточного количества земли»! Это значит перепрыгнуть через вопрос. Это значит предположить, что отрезки в настоящее время не порождают никакой особой кабалы: тогда действительно возвращение их было бы *просто* «наделением недостаточным количеством земли», тогда действительно мы не могли бы стоять за эту меру. Но всякий прекрасно видит, что это не так.

Далее. Автор напрасно смешивает крепостническую кабалу (отработочную *систему* хозяйства), порождаемую отрезками, с продовольственной арендой, с арендой из нужды вообще. Эта последняя аренда существует во всех европейских странах: при капиталистическом хозяйстве *везде и всегда* конкуренция мелких собственников и мелких арендаторов вздувает продажные и аренд-

ные цены на землю до «кабальных» размеров. *Этого рода* кабалы нам не избыть никак *), покуда мы не избавимся от капитализма. Но разве же это — возражение против особых мер борьбы с особыми, чисто-русскими, видами кабалы? Тов. Икс рассуждает так, как если бы он возражал против сокращения рабочего дня ссылкой на увеличение интенсивности труда вследствие такого сокращения. Сокращение рабочего дня есть частичная реформа, уничтожающая только один из видов кабалы, именно кабалу посредством удлинения работы. Другие виды кабалы, напр., кабала посредством «подгоняния» рабочих *этой* реформой не устраняется, а все вообще виды кабалы никакими реформами на почве капитализма не могут быть устранены.

Когда автор говорит: «наделение отрезками является мерой реакционной, закрепляющей кабалу», то он выставляет положение, находящееся в таком вопиющем противоречии со всеми данными о пореформенном крестьянском хозяйстве, что он сам не удерживается на этой позиции. Он сам противоречит себе, говоря несколько выше: ...«Насаждать капитализм, разумеется, не дело соц.-дем. партии. Это помимо желания какой бы то ни было партии случится, если крестьянское землепользование расширится»... Но если расширение крестьянского землепользования вообще поведет к развитию капитализма, то *тем более* неизбежен этот результат при расширении земле*владения* крестьян насчет специальных участков, порождающих специально-крепостническую кабалу. Возвращение отрезков поднимет жизненный уровень крестьянства, увеличит внутренний рынок, усилит спрос на наемных рабочих в городах, а равно и на наемных рабочих у богатых крестьян и у помещиков, теряющих некоторую опору отработочного хозяйства. Что же касается до «*насаждения* капитализма», то это уже совсем странное возражение. Насаждением капитализма возвращение отрезков было бы лишь тогда, если бы оно нужно и полезно было *исключительно* буржуазии. Но это не так. Оно нужно и полезно не менее, если не более, деревенской бедноте, страждущей от кабалы и отработков. Сельский пролетарий *вместе* с сельским буржуа угнетен крепостнической кабалой, основанной в значительной степени именно на отрезках. Поэтому сельский пролетарий не может освободить себя от этой кабалы, не освобождая *тем самым* и сельского буржуа. Усматривать тут «насаждение» капитализма могут только гг. Рудины и подобные социалисты-революционеры, не помнящие родства с народниками.

Еще менее убедительны соображения тов. Икса по вопросу об осуществимости возвращения отрезков. Его данные по Воль-

*) Ограничение, обуздание этой кабалы возможно посредством предоставления судам права понижать арендные цены, — чего мы и требуем в своей программе.

скому уезду говорят против него: почти пятая часть имений (18 из 99) осталась в руках старых владельцев, — т.-е. отрезки могли бы перейти прямо и без всяких выкупов в руки крестьян. Еще треть имений перешла целиком в другие руки, — т.-е. здесь пришлось бы выкупить отрезки насчет крупного дворянского землевладения. И только в 16 случаях из 99 пришлось бы выкупить у крестьян же и других владельцев, купивших землю по частям. Мы решительно отказываемся понять «неисполнимость» возвращения отрезков при такого рода условиях. Возьмем данные по той же самой Саратовской губернии. Перед нами лежат новейшие «Материалы к вопросу о нуждах сельско-хозяйственной промышленности в Саратовской губ.» (Саратов, 1903 г.). Размер всех отрезков у бывших помещичьих крестьян определяется в 600 тысяч десятин или 42,7% *). Если земские статистики в 1896 г. могли определить величину отрезков по извлечениям из уставных грамот и других документов, то почему бы не определить этой величины еще точнее крестьянским комитетам в каком-нибудь, скажем, 1906 г.? И если бы взять норму Вольского уезда, то оказалось бы, что около 120 тыс. дес. можно бы было вернуть крестьянам сразу и без всякого выкупа, затем около 200 тысяч дес. выкупить (за счет дворянских земель) сразу из состава имений, перешедших в другие руки полностью, и только относительно остальных земель процедура выкупа (за счет дворянского землевладения), обмена и т. п. была бы несколько сложнее, но во всяком случае не представила бы ничего «неисполнимого». Какое значение имело бы для крестьян возвращение своих 600 тыс. дес., видно, напр., из того, что вся сумма аренды частно-владельческой земли в Саратовской губернии составляла в конце 90-х годов около 900 тысяч десятин. Мы не думаем, само собою разумеется, утверждать, чтобы все отрезные земли арендовывались в настоящее время, — мы хотим только наглядно показать отношение количества земли, подлежащей возвращению в собственность, к земле, снимаемой теперь *сплошь да рядом* на кабальных и на крепостнически-кабальных условиях. Это сравнение свидетельствует весьма внушительно о том, какой чувствительный удар нанесло бы возвращение отрезков крепостнически-кабальным отношениям, какой толчок дало бы оно революционной энергии «крестьянства» и — что всего важнее с точки зрения социал-демократа — в каких громадных размерах

*) Заметим, что эти новейшие земско-статистические данные вполне подтверждают мнение вышеупомянутого товарища-статистика, что сообщенные им данные об отрезках *преуменьшены*. По *тем* данным отрезки составляют в Саратовской губернии всего 512 тыс. десятин (=38 %). Между тем и сумма 600 тыс. десятин *ниже действительной величины отрезков*, ибо охватывает, во-первых, *не все* общины бывших помещичьих крестьян, а, во-вторых, *только удобные земли*.

ускорило бы оно идейный и политический разрыв между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией. Ибо ближайшим и неизбежным результатом экспроприационной работы крестьянских комитетов был бы именно этот решительный и бесповоротный разрыв, а отнюдь не объединение всего «крестьянства» на «полу-социалистических», «уравнительных» требованиях всей земли, как мерещится современным эпигонам народничества. Чем революционнее выступит «крестьянство» против помещиков, тем скорее и глубже будет этот разрыв, который выступит тогда не из статистических выкладок марксистского исследования, а из политических действий крестьянской буржуазии, из борьбы партий и классов внутри крестьянских комитетов.

И заметьте: выставляя требование вернуть отрезки, мы намеренно ограничиваем свою задачу рамками существующего строя: мы *обязаны* это делать, если мы говорим о программе-minimum и если мы не хотим впасть в то беспардонное прожектерство, стоящее на границе шарлатанства, когда «на первый план» выдвигаются, с одной стороны, кооперации, с другой стороны, социализация. Мы даем ответ на вопрос, который поставлен не нами *), на вопрос о реформах завтрашнего дня, обсуждаемых и нелегальной печатью, и «обществом», и земством, и, пожалуй, даже правительством. Мы были бы анархистами или простыми болтунами, если бы отстранились от этого настоятельного, по

*) До какой степени «не нами» поставлен вопрос об аграрной реформе на почве существующего строя, это видно, например, из следующей цитаты, которую мы заимствуем у одного из *самых выдающихся* теоретиков народничества, г. В. В., и при том из статьи, относящейся к лучшей эпохе его деятельности («Отечественные Записки», 1882, №8 и 9) [106]. «Рассматриваемые порядки,— писал тогда г. В. В. о строе нашего земледелия,— унаследованы нами от крепостного права... Крепостное право рухнуло, но пока лишь с юридической и некоторых других сторон, сельско-хозяйственные же порядки остались прежние, дореформенные... Крестьяне не могли продолжать вести промысел исключительно на своем обрезанном наделе; им нужно было непременно пользоваться отошедшими угодьями... Дабы обеспечить правильный ход мелкого земледельческого промысла, нужно гарантировать крестьянину пользование, по крайней мере, теми угодьями, которые... так или иначе находились в его распоряжении во времена крепостного права. Это minimum желаний, какие можно предъявить во имя мелкой культуры». Вот постановка вопроса, данная людьми, которые верили в народничество и открыто исповедывали его, а не играли в прятки недостойным образом, как гг. соц.-революционеры. И социал-демократия оценила народническую постановку по существу, как всегда оценивает она буржуазные и мелко-буржуазные требования. Положительную и прогрессивную часть требований (борьба с всеми остатками крепостного права) она переняла целиком, выбросив за борт мещанские иллюзии, показав, что уничтожение остатков крепостничества очистит и ускорит именно капиталистическое, а не иное какое развитие. Именно в интересах общественного развития и развязывания рук пролетарию, а не «во имя мелкой культуры» выставляем мы свое требование вернуть отрезки, отнюдь не обязываясь помогать «мелкой» *крестьянской буржуазии* не только против крепостного права, но и против крупной буржуазии.

вовсе не социалистического вопроса, выдвинутого всей пореформенной историей России. Мы должны дать *правильное*, с социал-демократической точки зрения, решение этого не нами поставленного вопроса, мы должны определить свою позицию по отношению к тем аграрным реформам, которых все либеральное общество уже потребовало и без которых ни один разумный человек не представляет себе политического освобождения России. И мы определяем *свою* позицию в этой либеральной (в научном, т.-е. в марксистском, смысле слова либеральной) реформе, оставаясь безусловно верными своему принципу поддержки действительно демократического движения на-ряду с неустанным и неуклонным развитием классового сознания пролетариата. Мы даем практическую линию поведения в такой реформе, которую не сегодня-завтра должны предпринять правительство или либералы. Мы даем такой лозунг, который толкает к революционной развязке реформу, действительно выдвинутую жизнью, а не сочиненную фантазией расплывчатого, гуманного Allerwelts *)-социализма.

Именно этим последним грехом грешит проект программы тов. Икса. На вопрос о том, как держать себя в предстоящих либеральных преобразованиях аграрных отношений, нет никакого ответа. Зато нам дают (в п.п. 5 и 7) ухудшенную и противоречивую формулировку требования национализации земли. Противоречивую, ибо уничтожение ренты проектируется то путем налога, то путем передачи земли обществу. Ухудшенную, ибо налогом ренты не уничтожишь, а передача земли (вообще говоря) желательна в руки демократического государства, а не *мелких* общественных организаций (вроде современного или будущего земства). Доводы против принятия в нашу программу требования национализации земли приводились уже не раз, и мы не станем повторять их.

Пункт восьмой вовсе не относится к практической части программы, а п. 6 тов. Икс формулировал так, что в нем не осталось ничего «аграрного». Почему он устраняет суды и понижение арендной платы, остается неизвестным.

Пункт первый автор формулирует менее ясно, чем это сделано в нашем проекте, а добавление: «в интересах защиты мелких собственников (а не развития мелкой собственности)» является опять-таки не-«аграрным», неточным (нанимающих рабочего мелких собственников нечего и защищать) и излишним, ибо поскольку мы защищаем *личность*, а не собственность мелкого буржуа, мы делаем это посредством требования точно определенных социальных, финансовых и проч. реформ.

Написано в июне 1903 г.

Впервые напечатано в июле 1903 г. в брошюре, изданной «Лигой». *Печатается по тексту брошюры.*

*) — всемирного. *Ред.*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

В проекте партийной программы мы выставили требование республики с демократической конституцией, обеспечивающей, между прочим, «признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Такое программное требование многим казалось недостаточно ясным, и в № 33, говоря о манифесте армянских соц.-демократов, мы объяснили значение этого пункта следующим образом*). Социал-демократия всегда будет бороться против всякой попытки путем насилия или какой бы то ни было несправедливости извне влиять на национальное самоопределение. Но безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения. Социал-демократия, как партия пролетариата, ставит своей положительной и главной задачей содействие самоопределению не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности. Мы должны всегда и безусловно стремиться к *самому тесному* соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся к созданию нового классового государства или к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.

Такое толкование нашей программы по национальному вопросу вызвало решительный протест со стороны Польской Социалистической Партии (П. П. С.) [107]. В статье: «Отношение российской социал-демократии к национальному вопросу» («Przedświt» **), март 1903 г.) П. П. С. возмущается этим «удивительным» толкованием и «туманностью» нашего «таинственного» самоопределения, обвиняет нас и в доктринерстве и в «анархическом» взгляде, будто «рабочему нет дела ни до чего, кроме

---

*) См. настоящий том, стр. 241. *Ред.*
**) — «Рассвет». *Ред*

совершенного уничтожения капитализма, так как, мол, язык, национальность, культура и т. п. суть только буржуазные вымыслы» и пр. Стоит остановиться со всей подробностью на этой аргументации, обнаруживающей едва ли не все столь обычные и столь распространенные недоразумения среди социалистов по национальному вопросу.

Почему так «удивительно» наше толкование? почему усматривается в нем отступление от «буквального» смысла? Неужели признание *права* на самоопределение наций требует *поддержки* всякого требования всякой нации самоопределяться? Ведь признание *права* всех граждан устраивать свободные союзы вовсе не обязывает нас, социал-демократов, *поддерживать* образование всякого нового союза, вовсе не мешает нам высказываться и агитировать против нецелесообразности и неразумности идеи образовать такой-то новый союз. Мы признаем *право* даже иезуитов вести свободную агитацию, но мы боремся (не полицейски боремся, конечно) против союза иезуитов и пролетариев. Поэтому, когда «Przedsvit» говорит: «если это требование свободного самоопределения должно быть понято буквально (а такое значение ему мы доселе придавали), в таком случае оно бы нас удовлетворило», — то совершенно очевидно, что от буквального смысла программы отступает именно П. П. С. Нелогичность ее вывода с формальной стороны несомненна.

Но мы не хотим ограничиться формальной проверкой нашего толкования. Поставим прямо вопрос и по существу: безусловно ли должна социал-демократия требовать всегда национальной независимости или лишь при известных условиях и при каких именно? П. П. С. всегда решала этот вопрос в пользу безусловного признания, и нас нисколько не удивляет поэтому ее нежность к русским социалистам-революционерам, которые требуют федеративных государственных порядков, высказываясь за «полное и безусловное признание права на национальное самоопределение» («Рев. Россия», № 18, статья: «Национальное порабощение и революционный социализм»). К сожалению, это не более, как одна из тех буржуазно-демократических фраз, которые в сотый и в тысячный раз показывают настоящую природу так-наз. партии так-называемых социалистов-революционеров. Поддаваясь на приманку этих фраз, прельщаясь этой шумихой, П. П. С. в свою очередь доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы *подчинять* требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает,

что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости.

Если нужно еще доказывать, что марксист не может иначе, как условно и именно под указанным выше условием, признавать требование национальной независимости, то мы приведем слова писателя, *защищавшего* с марксистской точки зрения выставление польскими пролетариями требования независимой Польши. Карл Каутский писал в 1896 году в статье «Finis Poloniae?» *): «Раз только польский пролетариат займется польским вопросом, он не может не высказаться за независимость Польши, он не может, следовательно, не приветствовать каждого шага, который уже теперь может быть сделан в этом направлении, поскольку такой шаг вообще совместим с классовыми интересами международного борющегося пролетариата.

«Эту оговорку, — продолжает Каутский, — во всяком случае необходимо сделать. *Национальная независимость не так неразрывно связана с классовыми интересами борющегося пролетариата, чтобы должно было стремиться к ней безусловно, при всяких обстоятельствах***). Маркс и Энгельс с величайшей решительностью выступали за объединение и освобождение Италии, но это не помешало им высказаться в 1859 году против союза Италии с Наполеоном» («Neue Zeit» XIV, 2, S. 520)[108].

Вы видите: Каутский категорически отвергает *безусловное* требование независимости наций, категорически требует постановки вопроса не только на историческую вообще, но именно на классовую почву. И если мы обратимся к постановке польского вопроса Марксом и Энгельсом, то мы увидим, что именно так ставили его и они с самого начала. «Новая Рейнская Газета» уделила много места польскому вопросу и решительно требовала не только независимости Польши, но и войны Германии с Россией за свободу Польши. В это же самое время, однако, Маркс обрушился на Руге, который говорил за свободу Польши в Франкфуртском парламенте, решая польский вопрос при помощи одних только буржуазно-демократических фраз о «позорной несправедливости», без всякого исторического анализа. Маркс не принадлежал к числу тех педантов и филистеров от революции, которые всего больше боятся «полемики» в революционные

---

*) — «Конец Польше?». *Ред.*
**) Курсив наш.

исторические моменты. Маркс осыпал беспощадными сарказмами «гуманного» гражданина Руге, показывая ему на примере угнетения южной Франции северною, что не всякое национальное угнетение и не всегда вызывает законное, с точки зрения демократии и пролетариата, стремление к независимости. Маркс ссылался на особые социальные условия, в силу которых «Польша сделалась революционною частью России, Австрии и Пруссии... Даже польское дворянство, стоявшее еще частью на феодальной почве, примкнуло с беспримерным самоотвержением к демократически аграрной революции. Польша была уже очагом европейской демократии, когда Германия прозябала еще в самой пошлой конституционной и напыщенно-философской идеологии... Покуда мы (немцы) помогаем угнетать Польшу, покуда мы приковываем часть Польши к Германии, — мы остаемся сами прикованными к России и к русской политике, мы не можем и у себя дома освободиться радикально от патриархально-феодального абсолютизма. Создание демократической Польши есть первое условие создания демократической Германии».

Мы процитировали эти заявления так подробно, ибо они наглядно показывают, при каких исторических условиях сложилась та постановка польского вопроса в международной социал-демократии, которая держалась почти всю вторую половину XIX века. Не обращать внимания на изменившиеся с тех пор условия, отстаивать старые решения марксизма, значит быть верным букве, а не духу учения, значит повторять по памяти прежние выводы, не умея воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации. Тогда и теперь, — эпоха последних буржуазных революционных движений и эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской, отличаются между собою самым явным образом. *Тогда* революционною была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы; память Домбровского и Врублевского неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих. *Тогда* полная победа демократии в Европе была действительно невозможна без восстановления Польши. *Тогда* Польша была действительно оплотом цивилизации против царизма, передовым отрядом демократии. *Теперь* правящие классы Польши, шляхта в Германии и Австрии, промышленные и финансовые тузы в России выступают в качестве сторонников правящих классов в угнетающих Польшу странах, а наряду с польским пролетариатом, геройски перенявшим великие традиции старой

революционной Польши, борется за свое освобождение пролетариат немецкий и русский. *Теперь* передовые представители марксизма в соседней стране, внимательно наблюдающие политическое развитие Европы и полные сочувствия к геройской борьбе поляков, признают тем не менее прямо: «Петербург сделался в настоящее время гораздо более важным революционным центром, чем Варшава, русское революционное движение имеет уже более крупное международное значение, чем польское». Так отозвался Каутский еще в 1896 г., защищая допустимость требования восстановления Польши в программе польских социал-демократов. А в 1902 году Меринг, исследуя эволюцию польского вопроса с 1848 года по настоящее время, пришел к такому выводу: «Если бы польский пролетариат захотел написать на своем знамени восстановление польского классового государства, о котором и слышать не хотят сами господствующие классы, то он разыграл бы историческую шуточную комедию: с имущими классами такое приключение бывает (как, например, с польским дворянством в 1791 году), но рабочий класс не должен опускаться до этого. Если же эта реакционная утопия извлекается на свет божий для того, чтобы привлечь на сторону пролетарской агитации те слои интеллигенции и мелкой буржуазии, среди которых находит еще известный отклик национальная агитация, тогда эта утопия вдвойне заслуживает осуждения, как проявление того недостойного оппортунизма, который приносит в жертву ничтожным и дешевым успехам минуты глубокие интересы рабочего класса.

«Эти интересы категорически повелевают, чтобы польские рабочие во всех трех государствах, разделивших Польшу, боролись вместе со своими товарищами по классовому положению плечо с плечом, без всякой задней мысли. Прошли те времена, когда буржуазная революция могла создать свободную Польшу; в настоящее время возрождение Польши возможно лишь посредством социальной революции, когда современный пролетариат разобьет свои цепи» [109]).

Мы вполне подписываемся под таким выводом Меринга. Заметим только, что этот вывод остается безупречно правильным и в том случае, если в аргументации мы не пойдем так далеко, как идет Меринг. Несомненно, что теперешнее положение польского вопроса коренным образом отличается от того, что было 50 лет тому назад. Но нельзя считать вечным это теперешнее положение. Несомненно, что классовый антагонизм далеко отодвинул теперь на задний план национальные вопросы, но нельзя категорически утверждать, не рискуя впасть в доктринерство, что невозможно временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса. Несомненно, что восстановление Польши до падения капитализма крайне невероятно, но нельзя

сказать, чтобы оно было абсолютно невозможно, чтобы польская буржуазия не могла при известных комбинациях встать на сторону независимости и т. д. И русская социал-демократия нисколько не связывает себе рук. Она считается со *всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями, когда выставляет в своей программе признание права на самоопределение наций. Эта программа нисколько не исключает того, чтобы польский пролетариат ставил своим лозунгом свободную и независимую республику польскую, хотя бы даже вероятность осуществимости этого до социализма была совершенно ничтожна. Эта программа требует лишь, чтобы действительно социалистическая партия не развращала пролетарское сознание, не затемняла классовой борьбы, не обольщала рабочий класс буржуазно-демократическими фразами, не нарушала единства современной политической борьбы пролетариата. Именно в этом условии, под которым только мы и признаем самоопределение, заключается вся суть. Напрасно старается П. П. С. представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы — вот что не позволяет нам видеть в П. П. С. действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопроса у П. П. С.: «...мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». Или еще: «...мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России». Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. *Так как* одним из возможных (по, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической эволюции является восстановление Польши, *поэтому* польский пролетариат не должен бороться совместно с русским за низвержение царизма, а «лишь» за ослабление его путем отторжения Польши. *Так как* русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецкими, австрийскими и т. д., *поэтому* польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против *одного и того же* гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться П. П. С. *в отличие* от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех

стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее, пролетариата, и за общего союзника ее: царя. А зато *распадение сил пролетариата,* страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки П. П. С., прямым результатом ее преклонения пред буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распадение пролетариата, П. П. С. приходится опускаться до шовинизма, излагать, напр., взгляды русских социал-демократов следующим образом: «мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет». Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а, напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в *свою* программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу. Если, признавая это право, мы *подчиняем* нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может объяснять нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетария к буржуазии. П. П. С. смотрит так, что национальный вопрос *исчерпывается* противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия. «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия *предает* интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает пред ней революционный пролетариат. Мы видели, как французская буржуазия в момент сильнейшего угнетения и унижения французской нации предала себя пруссакам, как правительство национальной обороны превратилось в правительство народной измены, как буржуазия угнетенной нации позвала на помощь к себе солдат угнетающей нации для подавления своих соотечественников-пролетариев, дерзнувших протянуть руку к власти. И вот почему, не смущаясь нисколько шовинистическими и оппортунистическими выходками, мы всегда будем говорить польскому рабочему: только самый полный и самый тесный союз с русским пролетариатом способен удовлетворить требованиям текущей, данной политической борьбы против самодержавия, только такой союз даст гарантию полного политического и экономического освобождения.

То, что мы сказали о польском вопросе, применимо целиком и ко всякому другому национальному вопросу. Проклятая история самодержавия оставила нам в наследство громадную *отчужденность* рабочих классов разных народностей, угнетаемых этим самодержавием. Такая отчужденность есть величайшее зло,

величайшая помеха в борьбе с самодержавием, и мы не должны узаконять этого зла, освящать этого безобразия никакими «принципами» партийной особности или партийной «федерации». Проще и легче, конечно, идти по линии наименьшего сопротивления и устраиваться каждому в своем уголке по правилу: «моя хата с краю», как хочет теперь устроиться и Бунд. Чем больше сознаем мы необходимость единства, чем тверже убеждены мы в невозможности общего натиска на самодержавие без полного единства, чем резче выступает обязательность централистической организации борьбы при наших политических порядках, — тем меньше склонны мы довольствоваться «простым», но кажущимся и глубоко-фальшивым по своей сущности решением вопроса. Если нет сознания вреда от отчужденности, если нет желания покончить во что бы то ни стало и радикально с этой отчужденностью в лагере пролетарской партии, — тогда не надо и фиговых листочков «федерации», тогда не к чему и браться за решение вопроса, который одна «сторона» не хочет в сущности и решать, тогда лучше предоставить урокам жизненного опыта и действительного движения убеждать в необходимости централизма для успеха борьбы пролетариев всякой народности, задавленной самодержавием, против этого самодержавия и против международной, все теснее объединяющейся буржуазии.

«Искра» № 44, 15 июля 1903 г.

ЭРА РЕФОРМ.

Да, мы переживаем, несомненно, эру реформ, как ни странно звучат эти слова в применении к современной России. Застой во всех областях внутренней политики, кроме тех, которые связаны с борьбой против внутреннего врага, и, несмотря на это,— вернее, именно в силу этого,— постоянные, непрекращающиеся попытки реформ, покушения на реформы в области самых больных, самых боевых общественно-политических отношений. Пролетариат, пробуждающийся к сознательно-классовой жизни, выступил уже довольно давно, как настоящий, как главный, как единственно-непримиримый враг нашего полицейского самодержавия. А с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и идти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы, составляющие целую эру. Это не те реформы, конечно, которые знаменуют нисходящую линию политического развития, когда кризис миновал, буря пронеслась, и оставшиеся господами положения приступают к осуществлению своей программы или (бывает и так) к осуществлению программы, завещанной их противниками. Нет, это реформы восходящей линии, когда все более и более широкие массы привлекаются к борьбе, когда кризис еще только близится, когда каждая схватка, снимая с поля битвы сотни, порождает тысячи новых борцов, более озлобленных, более смелых, более обученных.

Такие реформы являются всегда предвестником и преддверием революции. К числу их, несомненно, принадлежат последние, частью осуществленные, частью только намеченные, мероприятия царского правительства: проект закона об обществах взаимопомощи рабочих (проект, неопубликованный правительством и известный лишь из сообщений либерально-буржуазного

«Освобождения») [110]) и законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий, и о фабричных старостах. Мы намерены теперь подробнее остановиться на этом последнем законе.

Суть нового закона состоит в том, что рабочие при известных условиях могут получить право представительства в их сношениях с предпринимателями, право некоторой зачаточной организации. Обставлены эти права невероятным количеством полицейских разрешений, ограничений и стеснений. В самом деле. Прежде всего следует принять во внимание, что по новому закону право представительства рабочих обусловлено согласием и инициативой заводоуправлений и разрешением присутствий по фабричным и горнозаводским делам. Право представительства *могут* давать рабочим хозяева заводов, но они нисколько не обязываются к этому законом, при чем фабричное присутствие может не допустить представительства даже при ходатайстве о нем со стороны фабриканта, может не допустить по каким угодно соображениям и хотя бы без всяких соображений. Таким образом, с самого начала представительство *рабочих* отдано целиком и безусловно, безапелляционно на усмотрение *хозяев и полиции*. Когда хозяевам и полиции сие покажется удобным и желательным, они могут устраивать (на весьма узких началах) рабочее представительство — такова суть реформы. О представительстве на казенных заводах, в скобках будь сказано, закон не говорит ни слова: на частных заводах представители рабочих *могут* оказаться в руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно! Полиция в этой области реформ не требует, — значит, реформа тут и не надобна.

Далее. Самому представительству рабочих придана безобразно-искаженная форма. Рабочие разъединяются, раздробляются на *разряды;* правила о том, как именно делить рабочих на разряды, утверждаются *губернатором,* как и *все вообще правила,* относящиеся к организации представительства по новому закону. Фабриканты и полиция могут составлять и, разумеется, будут составлять разряды таким образом, чтобы всячески затруднять солидарность и соединение рабочих, чтобы вызывать и разжигать рознь не только между профессиями, между цехами, но и между рабочими разных наций, разных полов, разных возрастов, разных степеней выучки, разной высоты заработка и т. д. и т. д. Представительство рабочих может быть и бывает полезно для рабочих исключительно тем, что рабочие соединяются в одну массу, ибо единственный источник силы у забитых, угнетенных, задавленных работой наемных рабов нашей цивилизации, это — их соединение, их организованность, их солидарность. Царское самодержавие хочет дать рабочим *такое* представительство и на *таких* условиях, чтобы всячески *разъединить* и этим обессилить рабочих.

Полицейски составленные разряды должны будут выбирать, на основании подробных полицейских правил, *кандидатов* в старосты, притом стольких кандидатов, скольких велит выбирать полиция. Утверждать одного из кандидатов, по своему усмотрению, будет управление завода, а губернатор всегда имеет право устранить от должности старосту, «не удовлетворяющего, — как сказано в законе — своему назначению».

Не очень же хитра вся эта полицейская механика! «Назначение» старост состоит, очевидно, в том, чтобы быть полезным полиции, быть угодным ей; закон об этом ничего не говорит, ибо о таких условиях не говорят: их *подстраивают*. Подстроить это более чем просто, раз глава местной полиции, губернатор, получает бесконтрольное право смещать неугодного старосту. Еще раз: не вернее ли было бы назвать такого фабричного старосту фабричным дворником? Полиция может назначать выборы очень большого числа кандидатов, из которых только один утверждается, наприм., выбирать повелено будет десять или пять кандидатов каждому разряду, скажем, во 100 или 50 человек. Нельзя ли будет иногда этот список избранных кандидатов превратить в список подлежащих особому надзору, а то даже и подлежащих заарестованию, лиц? Прежде такие списки составляли только шпионы, а теперь, *может быть*, их будут составлять иногда и сами рабочие? Опасного же или даже неудобного для полиции в списке кандидатов ничего нет, ибо утверждать будут всегда худшего, или никого не утверждать, а требовать новых выборов.

В своем стремлении сделать фабричных старост удовлетворяющими полицейскому «назначению», новый закон (как и большинство русских законов) даже переусердствовал. Кандидаты должны быть не моложе 25 лет. Первоначальный законопроект предполагал предельный возраст — 21 г., высшие правительственные сферы сочли более осторожным и государственно-мудрым повысить его еще на 4 года, чтобы заранее устранить «наиболее беспокойный элемент фабричного населения», каковым, «по данным департамента полиции, являются лица в возрасте от 17 до 20 лет» (из объяснительных мотивов министерства финансов, напечатанных в «Вестнике Финансов», с сокращениями, а в «Освобождении» без сокращений). Мало того. Заводоуправление и полиция могут в каждом отдельном случае, т.-е. для каждого отдельного заведения, требовать установления, во-первых, более высокого предельного возраста и, во-вторых, продолжительности службы рабочего в предприятии. Возможно, например, что потребуют возраста не менее 40 лет и не менее 15 лет службы на заводе для того, чтобы иметь право быть выбранным в кандидаты на пост старосты! Об одном, кажется, не подумали составители закона, столь ревниво оберегавшие интересы полиции: охотно ли пойдут

рабочие, при таких условиях, на этот «пост» старосты? Ведь староста почти так же отдан на произвол полиции, как какой-нибудь деревенский десятник. Ведь староста может быть превращен в простого рассыльного, передающего рабочим распоряжения и разъяснения фабричного начальства. Ведь от старосты будут требовать, несомненно, чисто-шпионских услуг и отчетов о тех собраниях разрядов, которые старостами собираются и за порядком в которых старосты наблюдают. А между тем закон, предусматривающий правила об освобождении старост от работы для исполнения их обязанностей, скромно умалчивает о том, будут ли старосты получать вознаграждение и от кого. Неужели составители закона думают, что освобожденные от работы старосты не потребуют себе платы от завода за это «свободное» время? Уж не станут ли они, по воле заводчиков и губернаторов, служить в старостах ради одних только прекрасных глаз этих верных друзей рабочего народа?

Стремление превратить старост в фабричных дворников особенно видно также из пункта третьего нового закона: старосты признаются уполномоченными разрядов для заявлений только по делам, касающимся *исполнения* условий найма. Об *изменении* условий найма старосты *не имеют даже права и заговаривать!* Хороши «уполномоченные» рабочих, нечего сказать. И как нелепо это постановление даже с точки зрения самих составителей закона, которые хотели облегчить «выяснение истинных желаний и нужд рабочих» «в особенности в то время, когда уже возникли неудовольствия и волнения». В девяти случаях из десяти волнения вытекают именно из требований *изменить* условия найма, и отстранить старост от участия в этом деле — значит свести их роль почти на-нет. Составители закона запутались в одном из бесчисленных противоречий самодержавия, потому что дать право рабочим уполномоченным (настоящим, а не с полицейского разрешения, уполномоченным) требовать изменения условий найма значило бы дать свободу слова и неприкосновенность личности.

Вообще не может быть и речи о том, чтобы признать фабричных старост настоящими рабочими уполномоченными. Уполномоченный должен быть выбран только рабочими, без всякого утверждения полицией. Уполномоченный должен быть смещен тотчас, как только выбравшие его рабочие вотировали ему недоверие. Уполномоченный должен являться для отчета на собрания рабочих, по всякому их требованию. А по нашему закону, только старосте *предоставляется* собирать рабочих избравшего его разряда и притом в месте и во время по указанию управления предприятия. Значит, староста может и не собирать, а управление может не давать ни места, ни времени. Целесообразнее было бы, пожалуй, вовсе не заговаривать о рабочем представительстве, чем дразнить рабочих таким представительством в приглядку.

Рабочие собрания внушают такой страх (и законный страх) самодержавию, что собрания разных разрядов вместе оно безусловно запрещает. «Для обсуждения дел, относящихся к нескольким разрядам, — постановляет новый закон, — собираются исключительно старосты этих разрядов». Для капиталистов и для защищающего их полицейского правительства это было бы, в самом деле, очень выгодно: составить маленькие по числу членов разряды из мастеров, служащих и высоко-оплачиваемых рабочих, составить большие по числу участников разряды чернорабочих и простых рабочих — и допустить собрания только старост разных разрядов. Но подобный расчет составлен *без хозяина*: хозяином своей судьбы является сознательный пролетариат, который с презрением отбросит прочь эти жалкие полицейские клетушки, в которые его хотят рассадить. Рабочие будут собираться вместе для обсуждения своих дел и устраивать тайные собрания своих настоящих соц.-демократических старост, несмотря ни на какие запрещения.

Но если эта жалкая реформа до такой степени заражает полицейски-шпионским духом зачатки рабочего представительства, то не следует ли сознательным рабочим совершенно отстраниться от всякого участия в выборах фабричных старост или в собраниях «разрядов»? Мы думаем, что не следует. Отстраняться от активного участия в современной политической действительности, как бы гнусна она ни была, — тактика анархистов, а не социал-демократов. Мы сумеем, мы должны суметь развить широкую рабочую борьбу против каждой гнусной кляузы нового закона, против каждой шпионской проделки посредством нового закона, — и эта борьба будет будить самых отсталых рабочих, будет развивать политическое сознание всех участников российского рабочего полицейско-жандармски-шпионского «представительства». Зубатовские собрания еще гораздо больше, гораздо прямее развращали рабочих, чем будут развращать их угодничающие перед властью старосты, и однако мы посылали на эти собрания сознательных рабочих, которые учились сами и учили других, и однако вся эта зубатовская эпопея кончилась жалким крахом, сделав гораздо больше на пользу социал-демократии, чем на пользу самодержавия: одесские события не оставили и тени сомнения на этот счет.

Самодержавие начинает заговаривать о рабочих собраниях. Воспользуемся этим для самой широкой пропаганды и агитации социал-демократических требований полной свободы собраний и сходок. Самодержавие начинает заговаривать о выборах; воспользуемся этим для ознакомления рабочих масс со значением выборов, со всеми системами выборов, со всеми уловками полиции при выборах. И пусть это ознакомление будет не только по книжкам и по беседам, а и ознакомлением на практике: на примере

российских, полицейски обставленных выборов, участвуя в этих выборах *), сознательные рабочие будут готовить более и более широкие массы к ведению выборной агитации, к ведению собраний, к отстаиванию своих требований и перед собраниями, и перед старостами, к организации постоянного надзора за деятельностью старост. Самодержавие заговаривает о рабочем представительстве. Воспользуемся этим для распространения правильных идей о настоящем представительстве. Представителем рабочих может быть только свободный *рабочий союз,* охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике, не может удовлетворить рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах. Вожди социал-демократической рабочей партии, напр., в Германии не раз восставали против фабричного представительства. И это понятно, ибо гнет капитала слишком силен, и право увольнять рабочих — это священное право капиталистического свободного договора — *всегда* будет обессиливать представительство рабочих на каждой отдельной фабрике. Только рабочий союз, соединяющий рабочих многих фабрик и многих местностей, устраняет зависимость представителей рабочих от отдельного фабриканта. Только рабочий союз обеспечивает все те средства к борьбе, какие только вообще возможны в капиталистическом обществе. А свободные рабочие союзы мыслимы только при *политической свободе,* при условии неприкосновенности личности, свободы сходок и собраний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется по прежнему в тюрьме, без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение. В этой тюрьме правительство прорезывает теперь крошечное отверстие вместо окна, устраивая притом это отверстие так, чтобы оно принесло больше пользы жандармам и шпионам, которые стерегут заключенного, чем самому заключенному. И такую-то реформу палачи русского народа хотят выдать за благодеяние царского правительства! Но русский рабочий класс при помощи этого отверстия вдохнет в себя новые силы к борьбе, он сравняет с землей все стены проклятой всероссийской тюрьмы и завоюет себе свободное классовое представительство в буржуазном демократическом государстве.

«Искра» № 46, 15 августа 1903 г.

---

*) Конечно, организованных рабочих не следует ни в каком случае выбирать в старосты; кандидатами надо выставлять подходящих людей из неорганизованной массы.

ПИСЬМО ЛЕНИНА.

К СТУДЕНЧЕСТВУ.

Задачи революціонной молодежи.

Редакціонное заявленіе газеты "Студент", напечатанная впервые, если мы не ошибаемся, в № 4-м /26/ "Освобожденія" и полученное равным образом "Искрой", свидѣтельствует, на наш взгляд, о значительном шагѣ вперед, и происшедшем в воззрѣніях редакціи послѣ выпуска № I-го "Студента". Г. Струве не ошибся, когда поспѣшил выразить свое несогласіе со взглядами, изложенными в заявленіи: эти взгляды, дѣйствительно, коренным образом расходятся с тѣм направленіем оппортунизма, котораго так послѣдовательно и усердно держится либерально-буржуазный орган. Признав, что "т о л ь к о революціонное чувство не может создать идейнаго объединенія студенчества", что "для этой цѣли необходим соціалистическій идеал, опирающійся на то или иное соціалистическое міровоззрѣніе" и при том "опредѣленное", "цѣльное" міровоззрѣніе, редакція "Студента" порвала уже в принципѣ с идейным безразличіем и теоретическим оппортунизмом, поставив на правильную почву вопрос о средствах революціонизированія студенчества.

Правда, сходячей точки зрѣнія вульгарного революціонизма, идейное объединеніе студенчества не требует цѣльнаго міросозерцанія, а исключает таковое; идейное объединеніе обозначает "терпимое" отношеніе к различнаго рода революціонным идеям, предполагает воздержаніе от рѣшительнаго признанія одного какого либо опредѣленнаго круга идей, одним словом: идейное объединеніе, с точки зрѣнія этих мудрецов политиканства, предполагает нѣкоторую безъидейность /конечно прикрытую болѣе или менѣе искусно, избитыми формулами о широтѣ взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и.т.д.и.т.п./. Довольно благовидным и, с перваго взгляда, очень убѣдительным доводом в пользу такой постановки вопроса служит всегда указаніе на тот общеизвѣстный и неоспоримый факт, что в студенчествѣ есть и не могут не быть весьма различныя группы по их политико-соціальным взглядам, а поэтому требованіе цѣльности и опредѣленности міросозерцанія неминуемо оттолкнет нѣкоторыя из этих групп, -слѣдовательно, помѣшает объединенію, слѣдовательно, вызовет раздоры, вмѣсто дружной работы, слѣдовательно, ослабит силу общаго политическаго натиска и.т.д. без конца.

Присмотримся к этому благовидному разсужденію.

Возьмем, напр. дѣленіе студенчества на группы из № I-го "Студента"-в этом первом № требованіе опредѣленнаго и цѣльнаго міросозерцанія еще не было выдвинуто редакціей, которую поэтому трудно было бы заподозрить в пристрастности к соціальдемократической "узости". Редакціонная статья в № I-м "Студента" различает в современном студенчествѣ четыре крупныя группы: I/ "равнодушная толпа-лица совершенно индифферентно относящіеся к студенческому движенію"; 2/ "академисты-сторонники студенческих движеній на исключительно академической почвѣ; 3/ "противники студенческих движеній вообще-націоналисты, антисемиты и.т.д."; политики"-сторонники борьбы за сверженіе царскаго деспотизма. "Эта группа, в свою очередь состоит из двух противоположных элементов-из чисто буржуазной политической оппозиціи, революціонно настроенной и-из созданія послѣдних дней /только ли послѣдних дней ? Н. Ленин/-соціалистически настроеннаго революціоннаго интеллигентнаго пролетаріата". Если принять во вниманіе что послѣдняя подгруппа в свою очередь дѣлится, как всѣм извѣстно, на студентов соціалистов-революціонеров и студентов соціальдемократов, то окажется, что в современном студенчествѣ имѣется ш е с т ь политических групп: реакціонеры, равнодушные, академисты, либералы, соціалисты революціонеры и соціальдемократы.

Спрашивается: не случайная ли эта группировка? не есть ли это временное распредѣленіе настроеній? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтобы на него был тотчас дан отрицательный отвѣт всяким, сколько нибудь знакомым с дѣлом, человѣком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчествѣ, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенціи, а интеллигенція потому и называется интеллигенціей что всего сознательнѣе, всего рѣшительнѣе и всего точнѣе отражает и выражает развитіе классовых интересов и политических группировок во всем обществѣ

Первая страница статьи В. И. Ленина: «Задачи революционной молодежи», напечатанной отдельным оттиском на мимеографе — 1903 г.
Уменьшено

ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ [111]).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Редакционное заявление газеты «Студент» [112]), напечатанное впервые, если мы не ошибаемся, в № 4 (28) «Освобождения» и полученное равным образом «Искрой», свидетельствует, на наш взгляд, о значительном шаге вперед, происшедшем в воззрениях редакции после выпуска № 1 «Студента». Г. Струве не ошибся, когда поспешил выразить свое несогласие со взглядами, изложенными в заявлении: эти взгляды, действительно, коренным образом расходятся с тем направлением оппортунизма, которого так последовательно и усердно держится либерально-буржуазный орган. Признав, что «*только* революционное чувство не может создать идейного объединения студенчества», что «для этой цели необходим социалистический идеал, опирающийся на то или иное социалистическое мировоззрение» и притом «определенное, цельное» мировоззрение, редакция «Студента» порвала уже в принципе с идейным безразличием и теоретическим оппортунизмом, поставив на правильную почву вопрос о средствах революционизирования студенчества.

Правда, с ходячей точки зрения вульгарного «революционизма», идейное объединение студенчества не требует цельного миросозерцания, а исключает таковое, идейное объединение обозначает «терпимое» отношение к различного рода революционным идеям, предполагает воздержание от решительного признания одного какого-либо определенного круга идей, одним словом, идейное объединение, с точки зрения этих мудрецов политиканства, предполагает некоторую безыдейность (конечно, прикрытую более или менее искусно избитыми формулами о широте взглядов, о важности единства во что бы то ни стало и немедленно и т. д. и т. п.). Довольно благовидным и, с первого взгляда, очень убедительным доводом в пользу такой постановки вопроса служит всегда указание на тот общеизвестный и неоспоримый факт, что в студенчестве есть и не могут не быть весьма

различные группы по их политико-социальным взглядам, а поэтому требование цельности и определенности миросозерцания неминуемо оттолкнет некоторые из этих групп,— следовательно, помешает объединению, следовательно, вызовет раздоры, вместо дружной работы, следовательно, ослабит силу общего политического натиска и т. д. без конца.

Присмотримся к этому благовидному рассуждению. Возьмем, например, деление студенчества на группы из № 1 «Студента» — в этом первом номере требование определенного и цельного миросозерцания еще не было выдвинуто редакцией, которую поэтому трудно было бы заподозрить в пристрастности к социал-демократической «узости». Редакционная статья в № 1 «Студента» различает в современном студенчестве четыре крупные группы: 1) «равнодушная толпа» — лица, совершенно индифферентно относящиеся к студенческому движению; 2) «академисты» — сторонники студенческих движений на исключительно академической почве; 3) «противники студенческих движений вообще — националисты, антисемиты и т. д.»; 4) «политики» — сторонники борьбы за свержение царского деспотизма. «Эта группа, в свою очередь, состоит из двух противоположных элементов — из чисто буржуазной политической оппозиции, революционно настроенной, и — из создания последних дней (только ли последних дней? *Н. Ленин)* — социалистически настроенного революционного интеллигентного пролетариата». Если принять во внимание, что последняя подгруппа в свою очередь делится, как всем известно, на студентов социалистов-революционеров и студентов социал-демократов, то окажется, что в современном студенчестве имеется *шесть* политических групп: реакционеры, равнодушные, академисты, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы.

Спрашивается: не случайная ли эта группировка? не есть ли это временное распределение настроений? Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким, сколько-нибудь знакомым с делом, человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе,— «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе. И для всего русского общества, с его зачаточным

(сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, *культурники*, либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы. Вместо «академистов» я поставил здесь «культурников», т.-е. сторонников легального прогресса без политической борьбы, прогресса на почве самодержавия. Такие культурники есть во всех слоях русского общества, и везде они, подобно студенческим «академистам», ограничиваются маленьким кругом профессиональных интересов, улучшением данных отраслей народного хозяйства или государственного и местного управления, везде они боязливо сторонятся «политики», не различая (как не различают академисты) «политиков» различных направлений и называя политикой все и вся, относящееся до... формы правления. Слой культурников всегда являлся и является поныне широким основанием нашего либерализма: в «мирные» времена (т.-е. в переводе на «русский» язык, во времена политической реакции) понятия культурника и либерала почти совершенно сливаются, да даже и в военные времена, во времена подъема общественного настроения, во времена растущего натиска на самодержавие, различие между этими понятиями нередко остается смутным. Русский либерал, даже когда он выступает перед публикой в свободном заграничном издании с прямым и открытым протестом против самодержавия, все же таки не перестает чувствовать себя больше всего культурником и нет-нет, а примется рассуждать по-рабьи, или, если хотите, по-легальному, по-лойяльному, по-верноподданнически: зри «Освобождение».

Отсутствие определенной и ясно видной для всех грани между культурниками и либералами характерно вообще для всей политической группировки русского общества. Нам могли бы сказать, пожалуй, что вышеприведенное деление на шесть групп неправильно, ибо оно не соответствует классовому делению русского общества. Но такое возражение было бы несостоятельно. Классовое деление является, конечно, самым глубоким основанием политической группировки; оно *в последнем счете* всегда определяет, конечно, эту группировку. Но это глубокое основание вскрывается лишь по мере хода исторического развития и по мере сознательности участников и творцов этого развития. Этот «последний счет» подводится лишь политической борьбой,— иногда результатом долгой, упорной, годами и десятилетиями измеряемой борьбы, то проявляющейся бурно в разных политических кризисах, то замирающей и как бы останавливающейся на время. Недаром, например, в Германии, где особенно острые формы принимает политическая борьба и где особенно сознательно выступает передовой класс — пролетариат,— существуют все еще

*

такие партии (и могучие партии), как центр, прикрывающий вероисповедным отличительным признаком свое разнородное (а в общем безусловно антипролетарское) классовое содержание. Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества.

Передовой класс всякой капиталистической страны, промышленный пролетариат, выступил уже и у нас на путь массового, организованного движения под руководством социал-демократии, под знаменем программы, которая уже давно стала программой всего международного сознательного пролетариата. Разряд равнодушных к политике неизмеримо многочисленнее, конечно, в России, чем в любой европейской стране, но и у нас уже не может быть речи о примитивной и первобытной девственности этого разряда: равнодушие несознательных рабочих,— отчасти и крестьян — все чаще и чаще сменяется вспышками политического брожения и активного протеста, доказывая наглядно, что *это* равнодушие не имеет ничего общего с равнодушием сытых буржуа и мелких буржуа. Этот последний класс, особенно многочисленный в России при ее слабом еще, сравнительно, развитии капитализма, с одной стороны, начинает уже, несомненно, поставлять и реакционеров, сознательных и последовательных,— с другой стороны, и несравненно чаще, он слабо еще выделяется из массы серого и забитого «трудящегося народа», находя себе идеологов в широких слоях разночинской интеллигенции с совершенно неустановившимся миросозерцанием, с бессознательным смешением демократических и примитивно социалистических идей. Именно эта идеология и характерна для старой русской интеллигенции, как правого фланга либерально-народнической ее части, так и самого левого: «социалистов-революционеров».

Я сказал: «старой» русской интеллигенции. Появляется у нас уже и *новая*, либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от примитивного народничества и расплывчатого социализма. Образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К°. Что касается, наконец, до непринадлежащих к интеллигенции либеральных и реакционных слоев русского общества, то связь их с классовыми интересами тех или иных групп нашей буржуа-

зии и наших землевладельцев достаточно ясна для всякого, кто сколько-нибудь знаком, например, с деятельностью наших земств, дум, биржевых, ярмарочных комитетов и т. д.

Итак, мы пришли к несомненному выводу, что политическая группировка нашего студенчества не случайно, а необходимо и неизбежно является именно такой, какой мы обрисовали ее выше, в согласии с № 1 газеты «Студент». Установив этот факт, мы легко уже можем разобраться в спорном вопросе о том, чтó собственно должно понимать под «идейным объединением студенчества», под его «революционизированием» и т. п. На первый взгляд, чрезвычайно странно даже, как мог оказаться спорным такой простой вопрос. Если политическая группировка студенчества соответствует политической группировке общества, то не означает ли это само собою, что под «идейным объединением» студенчества можно понимать только одно из двух: или привлечение возможно большего числа студентов на сторону вполне определенного круга социально-политических идей, или возможно более тесное сближение между студентами определенной политической группы и представителями этой группы вне студенчества? Не ясно ли само собой, что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а, во-вторых, стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве.

Каким образом был запутан и оказался спорным такой простой и ясный вопрос,—это очень интересный и очень характерный эпизод [113]). Спор велся между «Революционной Россией» (№№ 13 и 17) и «Искрой» (№№ 31 и 35) по поводу «открытого письма» Киевского союзного совета объединенных землячеств и студенческих организаций (напечатано в № 13 «Революционной России» и в № 1 «Студента»). Киевский союзный совет нашел «узким» постановление II Всероссийского Студенческого съезда 1902 года о том, чтобы студенческие организации состояли в сношениях с комитетами Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, при чем совершенно очевидный факт сочувствия некоторой части студенчества некоторых местностей «партии социалистов-революционеров» был благовидно прикрыт весьма «беспристрастным» и весьма несостоятельным рассуждением на тему о том,

что «студенчество» как таковое «не может примыкать всецело ни к партии социалистов-революционеров, ни к партии социал-демократов». «Искра» указала на несостоятельность этого рассуждения, а «Революционная Россия», разумеется, горой встала на защиту его, обвинив искровских «фанатиков разъединений и расколов» в «бестактности», в недостатке политической зрелости.

После того, что сказано было выше, несуразность такого рассуждения слишком уже очевидна. Речь идет о той или иной политической роли студенчества. И вот сначала, видите ли, надо закрыть глаза на то, что студенчество не отрезано от остального общества и поэтому всегда и неизбежно отражает в себе всю политическую группировку общества. Потом, с закрытыми глазами, принимаются разглагольствовать о студенчестве, как таковом, или о студенчестве вообще. Вывод получается... о вреде разъединений и расколов, связанных с присоединением к той или иной политической партии. Ясно, как день, что для доведения до конца этого курьезного рассуждения надо было перескочить с политической почвы на почву профессиональную или учебную. И «Революционная Россия» в статье «Студенчество и революция» (№ 17) делает именно такое сальто-мортале, ссылаясь, во-первых, на общестуденческие интересы, на общестуденческую борьбу, а, во-вторых, на учебные цели студенчества, задачи подготовки к предстоящей общественной деятельности, задачи выработки сознательных политических борцов. Обе эти ссылки весьма справедливы, — только к делу-то они не относятся и вопрос лишь запутывают. Вопрос стоит о *политической* деятельности, которая, по самому существу своему, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует *выбора* одной определенной партии. Каким же образом от этого выбора можно отговариваться тем, что для *всякой* политической деятельности нужна серьезнейшая научная подготовка, «выработка» твердых убеждений, или тем, что *всякая* политическая работа не может ограничиваться одними кружками политиков данного направления, а должна направляться в более и более широкие слои населения, должна смыкаться с профессиональными интересами каждого слоя, соединять профессиональное движение с политическим, поднимать первое до второго?? Ведь один уж тот факт, что людям приходится, для защиты своей позиции, прибегать к подобным отговоркам, показывает воочию, до какой степени не достает им самим ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии! С какой стороны ни подходить к делу, вы видите новое и новое подтверждение той старой истины, которую давно проповедуют социал-демократы, преследуя эквилибристику социалистов-революционеров, и в научно теоретическом и в практически-политическом отношении, — между марксизмом, с одной стороны, западно-европейским «критическим»

оппортунизмом, с другой стороны, и русским мелко-буржуазным народничеством, с третьей стороны *).

В самом деле, представьте себе сколько-нибудь развитые политические отношения и взгляните на практическую постановку нашего «спорного вопроса». Допустим, перед нами есть партии клерикалов, либералов и социал-демократов. Они действуют в известных местностях, скажем, среди некоторых слоев студенчества и хотя бы рабочего класса. Они стараются привлечь на свою сторону возможно большее число влиятельнейших представителей того и другого. Спрашивается, мыслима ли такая вещь, чтобы против выбора этими представителями какой-либо одной определенной партии они стали восставать на том основании, что есть известные общие учебные и профессиональные интересы всего студенчества и всего рабочего класса? Это было бы все равно, как если бы необходимость борьбы партий оспаривали ссылкой на искусство книгопечатания, приносящее такую пользу всем партиям без различия. Нет ни одной партии в цивилизованных странах, которая бы не понимала громадной пользы возможно более широких и прочно поставленных учебных и профессиональных союзов, но всякая стремится к тому, чтобы в этих союзах преобладало именно ее влияние. Кто ж не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушевать то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом? А ведь наши гг. социалисты-революционеры, в сущности, именно и поют дифирамбы в честь «беспартийности». Возьмите, например, такую чувствительную тираду «Революционной России» (№ 17-й): «Что же это за близорукая тактика, когда революционная организация непременно желает увидеть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организации *конкурента*, который должен быть уничтожен, в среду которого должно быть непременно внесено разделение, разъединение, дезорганизация?». Это сказано по поводу воззвания московской социал-демократической организации 1896 г., которая упрекает студенчество за то, что оно замкнулось в последние годы в узкий круг своих университетских интересов и которую «Революционная Россия» поучает, что существование студенческой организации никогда не мешает отдавать свои силы на рабочее дело тем, кто «определился в революционном отношении».

---

*) Само собой разумеется, что положение о непоследовательности и внутренней противоречивости программы и тактики социалистов-революционеров требует особого обстоятельного разъяснения. Мы надеемся остановиться на этом вопросе подробно в одном из следующих писем.

Посмотрите, сколько здесь путаницы. Конкуренция возможна (и неизбежна) только между политической и политической же организацией, между политическим и политическим же стремлением. Между обществом взаимопомощи и революционным кружком конкуренция невозможна, и, приписывая последнему желание непременно уничтожить первое, «Революционная Россия» говорит сущие пустяки. Но если в том же обществе взаимопомощи проявилось известное политическое стремление, — например, не помогать революционерам или исключать из библиотеки нелегальные книги, — то конкуренция и прямая борьба *обязательна* для всякого честного «политика». Если есть люди, замыкающие кружки в узко-университетские интересы (а такие люди несомненно есть, и в 1896 году их было гораздо больше!), то *борьба* между ними и людьми, проповедующими не сужение, а расширение интересов, точно также необходима и обязательна. А ведь в открытом письме киевского совета, вызвавшего полемику «Рев. России» с «Искрой», речь шла о выборе не между студенческими *и* революционными организациями, а между революционными организациями разных направлений. Следовательно, *выбирать* начали именно те, кто уже «определился в революционном отношении», а наши «социалисты-революционеры» тащат их *назад* под тем предлогом, что конкуренция между революционной и чисто-студенческой организацией близорука... Очень уже это несвязано, господа!

Революционная часть студенчества начала делать выбор между двумя революционными партиями, а ее угощают таким поучением: «не навязыванием» «определенного» (предпочтительнее, конечно, неопределенность...) «партийного ярлыка» (для кого ярлык, а для кого — знамя), «не насилием над умственною совестью товарищей-студентов» (вся буржуазная пресса всех стран всегда объясняет рост социал-демократии насилием вожаков и науськивателей над совестью мирных товарищей...) «достигалось это влияние», т. е. влияние социалистической части студенчества на остальную. Думается, всякий порядочный студент оценит по заслугам это обвинение социалистов в «навязывании» ярлыков и в «насиловании совести». И эти бесхарактерные, дряблые и беспринципные речи говорятся в России, где так еще безмерно слабы понятия партийной организации, партийной выдержки и чести, партийного знамени!

Революционному студенчеству наши «социалисты-революционеры» ставят в образец прежние студенческие съезды, которые провозглашали свою «солидарность с общеполитическим движением, совершенно отвлекаясь от фракционных раздоров, существующих в революционном лагере». Что такое «общеполитическое» движение? Движение социалистическое плюс либеральное. Отвлечься от этого различия — значит встать на сторону непо-

средственного и ближайшего, т.-е. именно либерального движения. И к этому зовут «социалисты-революционеры»! К отстранению от партийной борьбы зовут люди, именующие себя *особой* партией! Не показывает ли это, что подобная партия не в состоянии провезти своего политического товара под собственным флагом, а вынуждена прибегать к контрабанде? Не явствует ли отсюда то отсутствие у этой партии какого-либо *своего* определенного программного базиса? Мы сейчас увидим это.

Ошибки социалистов-революционеров в их рассуждениях о студенчестве и революции не могут быть объяснены одной только нелогичностью, которую мы старались доказать выше. В известном смысле можно утверждать обратное: нелогичность их рассуждений вытекает из их основной ошибки. Как «партия», они заняли с самого начала такую внутренне-противоречивую, такую скользкую позицию, что на ней не могли удержаться, без постоянных шатаний и падений, люди вполне честные и вполне способные к политическому мышлению. Надо всегда помнить, что не различными ошибками тех или иных писателей, тех или иных деятелей объясняет социал-демократия вред, приносимый делу социализма «социалистами-революционерами», а, наоборот, все эти ошибки она считает неизбежным результатом фальшивой программной и политической позиции. На таком вопросе, как студенческий, эта фальшь выступает особенно наглядно, и становится очевидным противоречие между *буржуазно-демократической* точкой зрения и мишурным облачением революционного социализма. В самом деле, всмотритесь в ход мыслей программной статьи «Революционной России»: «Студенчество и революция». Автор кладет во главу угла «бескорыстность и чистоту стремлений», «силу идеальных мотивов» у «юности». Именно в этом ищет он объяснения ее «новаторских» политических стремлений, а не в тех реальных условиях общественного быта России, которые, с одной стороны, порождают непримиримое противоречие между самодержавием и весьма широкими и весьма разнородными слоями населения, а, с другой стороны, — чрезвычайно затрудняют (скоро надо уже будет говорить: затрудняли) иное проявление политического недовольства, как через посредство университетов.

Автор обрушивается затем на попытки социал-демократов сознательно отнестись к развитию политических групп внутри студенчества, сплотить теснее однородные политические группы и разъединить то, что политически разнородно. Не то, чтобы автор критиковал неправильность той или иной из этих попыток, — смешно было бы утверждать, что все эти попытки и во всем всегда были удачны. Нет, автору чужда совершенно самая

идея о том, что различие классовых интересов неизбежно должно отразиться и на политической группировке, что студенчество не может составить изъятия из всего общества, несмотря на всю свою бескорыстность, чистоту, идеальность и проч., что задача социалиста не затушевывать этого различия, а, напротив, разъяснять его возможно более широкой массе и закреплять его в политической организации. Автор смотрит на вещи с идеалистической точки зрения буржуазного демократа, а не с материалистической — социал-демократа.

Автор не стыдится поэтому выставлять и повторять призыв революционного студенчества к «общеполитическому движению». Для него центр тяжести лежит именно в общеполитическом, т.-е. в общедемократическом движении, которое должно быть едино. Единства этого не должны нарушать «чисто революционные кружки», которые должны группироваться «параллельно с общестуденческой организацией». С точки зрения интересов этого широкого и единого демократического движения преступно, конечно, «навязывание» партийных ярлыков и насилование умственной совести товарищей. Именно так смотрела буржуазная демократия и в 1848 году, когда попытки указать на противоречие классовых интересов буржуазии и пролетариата вызывали «всеобщее» осуждение «фанатиков разъединения и раскола». Именно так смотрит и новейшая разновидность буржуазной демократии,— оппортунисты и ревизионисты, жаждущие единой великой демократической партии, мирно идущей путем реформ, путем сотрудничества классов. Все они всегда были и не могут не быть врагами «фракционных» раздоров и сторонниками «общеполитического» движения.

Вы видите: рассуждения социалистов-революционеров, несуразные и противоречивые до смешного с точки зрения социалиста, становятся вполне понятны и последовательны с точки зрения буржуазно-демократической. Это — потому, что партия социалистов-революционеров есть в сущности не что иное, как *фракция* буржуазной демократии, фракция, по составу своему преимущественно интеллигентская, по точке зрения преимущественно мелко-буржуазная, по теоретическому своему знамени — эклектически соединяющая новейший оппортунизм и стародедовское народничество.

Лучшим опровержением объединительной фразеологии буржуазного демократа является самый ход политического развития и политической борьбы. И в России рост действительного движения успел уже привести к *такому* опровержению. Я имею в виду выделение «академистов», как особой группы студенчества. Покуда не было настоящей борьбы, академисты не выделялись из «общестуденческой» массы, и «единство» всей «мыслящей части» студенчества казалось ненарушимым. Как только

дошло до *дела*, — расхождение разнородных элементов стало неизбежным *).

Прогресс политического движения и прямого натиска на самодержавие тотчас же ознаменовался прогрессом определенности в политической группировке, — вопреки всяческим пустым речам об объединении всех и каждого. В том, что разделение академистов и политиков есть крупный шаг вперед, — едва ли станет сомневаться хоть один человек. Но означает ли это разделение, что студенты-социал-демократы «порвут» с академистами? «Революционной России» кажется, что да (см. № 17, стр. 3).

Но кажется ей это только вследствие той путаницы, которую мы обнаружили выше. Полная размежовка политических направлений отнюдь не означает «разрыва» профессиональных и учебных союзов. Социал-демократ, который поставит своей задачей работу в студенчестве, *непременно* постарается проникнуть сам или через посредство своих агентов в возможно большее число возможно более широких «чисто студенческих» и самообразовательных кружков, постарается расширять кругозор того, кто требует только академической свободы, постарается пропагандировать именно социал-демократическую программу, среди тех, кто еще ищет какой-нибудь программы.

Резюмируем. Известная часть студенчества хочет выработать себе определенное и цельное социалистическое миросозерцание. Конечной целью этой подготовительной работы может быть — для студентов, желающих практически участвовать в революционном движении, — только сознательный и бесповоротный выбор одного из двух направлений, сложившихся в настоящее время в революционной среде. Кто протестует против такого выбора во имя идейного объединения студенчества, во имя его революционизирования вообще и т. п., — тот затемняет социалистическое сознание, тот проповедует на самом деле лишь безъидейность. Политическая группировка студенчества не может не отражать политической группировки всего общества, и долг всякого социалиста — стремиться к возможно более сознательной и последовательной размежовке политически разнородных групп. Призыв, обращенный к студенчеству партией соц.-рев. — «провозгласить свою солидарность с общеполитическим движением и совершенно отвлечься от фракционных раздоров в революционном лагере» — является, по сущности своей, ничем иным, как призывом *назад*, от социалистической к буржуазно-демократической

*) Если верить некоторым сообщениям, то в последнее время обнаруживается все сильнее и дальнейшее расхождение разнородных элементов студенчества, именно выделение социалистов от политиков-*революционеров*, которые и слышать не хотят о социализме. Говорят, что среди сосланных в Сибирь студентов очень определенно выступило это последнее направление. Посмотрим, подтвердятся ли эти сообщения.

точке зрения. В этом нет ничего удивительного, ибо «партия соц.-рев.» есть лишь фракция буржуазной демократии в России. Разрыв студента социал-демократа с революционерами и политиками всех других направлений отнюдь не означает разрыва общестуденческих и образовательных организаций; напротив, только стоя на точке зрения вполне определенной программы, можно и должно работать в самых широких кругах студенчества над расширением академического кругозора и над пропагандой научного социализма, т.-е. марксизма.

P. S. В следующих письмах я хотел бы побеседовать с читателями «Студента» о значении марксизма для выработки цельного миросозерцания, о принципиальных и тактических отличиях соц.-дем. партии и партии соц.-рев., о вопросах студенческой организации и об отношении студенчества к рабочему классу вообще.

«Студент» № 2—3, сентябрь 1903 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ФЕВРАЛЬ 1902 Г.—АВГУСТ 1903 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с февраля 1902 г. по август 1903 г. Вл. И. принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «ИСКРА»:

№ 17 — 15	февраля	1902 г.
№ 18 — 10	марта	1902 г.
№ 19 — 1	апреля	1902 г.
№ 20 — 1	мая	1902 г.
№ 21 — 1	июня	1902 г.
№ 22 —	июль	1902 г.
№ 23 — 1	августа	1902 г.
№ 24 — 1	сентября	1902 г.
№ 25 — 15	сентября	1902 г.
№ 26 — 15	октября	1902 г.
№ 27 — 1	ноября	1902 г.
№ 28 — 15	ноября	1902 г.
№ 29 — 1	декабря	1902 г.
№ 30 — 15	декабря	1902 г.
№ 31 — 1	января	1903 г.
№ 32 — 15	января	1903 г.
№ 33 — 1	февраля	1903 г.
№ 34 — 15	февраля	1903 г.
№ 35 — 1	марта	1903 г.
№ 36 — 15	марта	1903 г.
№ 37 — 1	апреля	1903 г.
№ 38 — 15	апреля	1903 г.
№ 39 — 1	мая	1903 г.
№ 40 — 15	мая	1903 г.
№ 41 — 1	июня	1903 г.
№ 42 — 15	июня	1903 г.
№ 43 — 1	июля	1903 г.
№ 44 — 15	июля	1903 г.
№ 45 — 1	августа	1903 г.

В № 21 «Искры» (1 июня 1902 г.), в отсутствие Вл. И., находившегося в это время во Франции, появилась заметка, выражавшая сочувствие покушению Г. Леккерта на жизнь виленского губернатора фон-

Валя, применившего розги к участникам первомайской демонстрации. В заметке было сказано, что покушение Леккерта является «вполне достойным и при данных условиях неизбежным ответом» на поступок Валя; дальше говорилось о «радостном чувстве сознания, что беспримерное правительственное преступление не осталось безнаказанным». Помещение этой немарксистской заметки, означавшее колебание «Искры» в сторону терроризма, явилось делом двух членов редакции — Мартова и Засулич — и вызвало резкий протест Ленина и Плеханова, не несущих, таким образом, никакой ответственности за появление названной заметки на страницах редактируемой при их участии «Искры».

2) ЖУРНАЛ «ЗАРЯ».

№ 4 — август 1902 г.

3) ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Проект программы Р. С.-Д. Р. П., выработанный редакцией «Искры» и «Зари». Проект первоначально был напечатан в № 21 «Искры» (1 июня 1902 г.), позднее вышел отдельным изданием.

* * *

В издании «Искры», «Зари» и Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии за указанный выше период вышло несколько брошюр, но сведений о непосредственном участии Вл. И. в их редактировании в распоряжении редакции Сочинений не имеется. Точно также редакции неизвестны какие-либо неразысканные произведения Вл. И. за этот период.

СПИСОК ЗАМЕТОК в №№ 17 — 45 «ИСКРЫ», АВТОРОМ КОТОРЫХ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ В. И. ЛЕНИН.

1. *Студенческое движение.* («Искра» № 17, 15 февраля 1902 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
2. *Заметка о брошюре: «Процесс обуховских рабочих».* («Искра № 17, 15 февраля 1902 г. Отдел: Из партии.)
3. *Новый «каторжный приговор».* («Искра» № 19, 1 апреля 1902 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
4. *Редакционное примечание к тексту воззвания «К учащимся средних школ».* («Искра» № 29, 1 декабря 1902 г. Отдел: Из нашей общественной жизни.)
5. *Редакционное примечание к заметке «Трагедия в Златоусте».* («Искра» № 37, 1 апреля 1903 г. Отдел: Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.)

II. СПИСОК ПЕРЕВОДНЫХ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА ПЕРИОДА ЯНВАРЬ 1902 Г.—АВГУСТ 1903 Г.

В июне 1903 г. вышла следующая переводная работа:

Карл Каутский. Социальная революция. I. Социальная реформа и социальная революция. II. На другой день после социальной революции.

Перевод с немецкого Н. Карпова под редакцией Н. Ленина. Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Женева. 1903. Стр. 204.

Брошюра К. Каутского, состоящая из двух выпусков, вышла на немецком языке в 1902 г., в Берлине, под следующим заголовком:

Die Soziale Revolution. I. Sozialreform und soziale Revolution (S.S. 1—56). II. Am Tage nach der sozialen Revolution (S.S. 1—48). Berlin. 1902. Verlag: Expedition der Buchhandlung Vorwärts.

Предисловие к первому выпуску датировано 2 июня 1902 г.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ V ТОМА.

*

«ИСКРА» № 31, 1903 г. [Л. Троцкий.] — Опекаемое студенчество. — 357.
— № 33, 1903 г. [В. И. Ленин.] — О манифесте армянских социал-демократов. — 337.
— № 35, 1903 г. — [Л. Троцкий.] — Как они «примиряют». — 357.
КАК ОНИ «ПРИМИРЯЮТ» — см. ТРОЦКИЙ, Л. Д.
КАНУН РЕВОЛЮЦИИ.—Непериодическое обозрение вопросов теории и тактики. Под редакцией Л. Надеждина, № 1, 1901 г. Издание «революционно-социалистической» группы «Свобода». Стр. 132. — 68, 102, 114, 115.
КАУТСКИЙ, К. — Эрфуртская программа. Перевод с немецкого. Stuttgart. 1903 г. Стр. 120. — 316.
К ЕВРЕЙСКИМ РАБОЧИМ ГОРОДА ЕКАТЕРИНОСЛАВА. — Прокламация Екатеринославского Комитета Р.С.-Д.Р.П. 1902 г. — 245, 246.
К МОСКОВСКОМУ СТУДЕНЧЕСТВУ (Прокламация). Издание Центр. Ком. Рабочего Союза. 1896. Гектографировано. — 359.
«КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ»—Прокламация Донского Комитета Р.С.-Д.Р.П. от 6 ноября 1902 г. («Искра», № 29, 1 декабря 1902 г. Отдел: «Борьба ростовских рабочих»). — 209.
КО ВСЕМ ПОДДАННЫМ РУССКОГО ЦАРЯ (Прокламация). Издание партии соц.-рев. 3-го апреля 1902 г. — 148 — 150, 152, 205.
КРЕСТЬЯНЕ (Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона, полутом 32. Стр. 659 — 725). — 328.
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ («Революционная Россия», № 8, 25 июня 1902 г.) — 158.
КТО СОВЕРШИТ ПОЛИТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ? — см. САНИН, А. А.
К ЧИТАТЕЛЯМ («Студент», № 1, 3 апреля 1903 г.). — 354, 357.
ЛЕВИЦКИЙ, А. — Беглые заметки («Вестник Русской Революции», № 2 февраль 1902 г., стр. 123 — 158). — 146, 154.
ЛЕНИН, В. И. — Аграрная программа русской социал-демократии. («Заря», № 4, 1902 г.) — 50, 177.
Гонители земства и Аннибалы либерализма. («Заря», № 2 — 3, декабрь 1901 г.) — 197, 255 — 257.
— Задачи русских социал-демократов. 2-ое издание. — 162.
— Крепостники за работой. («Искра», № 8, 10 сентября 1901 г.) — 194.
— О манифесте армянских социал-демократов. («Искра», № 33, 1903 г. Отдел: «Из партии».) — 337.
— Отдача в солдаты 183-х студентов. («Искра», № 2, 1901 г.) — 151.
— По поводу государственной росписи. («Искра», № 15, 1902 г.) — 62.
— Рабочая партия и крестьянство. («Искра» № 3, 1902 г.) — 88, 91, 92, 101, 153.
— Революционный авантюризм. («Искра» №№ 23 — 24, 1902 г.) — 164, 200, 204.
— С чего начать? («Искра», № 4, май 1901 г.). — 81.
— Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz, Nachf. (Штутгарт. Издание наследников И. Г. В. Дитца. 1902. Стр. VII + 144. Предисловие датировано: февраль 1902 г. — 81, 138, 140, 162, 167, 168, 211.
«ЛЕТУЧИЙ ЛИСТОК ГРУППЫ «БОРЬБА»», № 1, 1902 г. Объединение (статья). — 167.
МАНИФЕСТ АРМЯНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ. («Пролетариат», № 1, 1903 г. Издание Союза армянских социал-демократов, на армянском языке.) — 241, 242.

«РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ» № 8, 25 июня 1902 г. Крестьянское движение. — 158.
— № 8, 1902 г. От крестьянского Союза партии с.-р. Ко всем работникам революционного социализма в России. — 133, 151, 153 — 158, 276.
— № 9, июль 1902 г. Из партийной деятельности. — 148, 205.
— № 9, 1902 г. Новое выступление русских либералов. — 164.
— № 11, 1902 г. Программные вопросы. — 200 — 205.
— № 13, 1902 г. Письмо киевских студентов. — 357, 358.
— № 14, 1902 г. Программные вопросы. — 320.
— № 16, 1903 г. Из партийной деятельности. Издательская деятельность партии с.-р. за 1902 год. — 235.
— № 17, 1903 г. Студенчество и революция. — 357 — 359, 361 — 363.
— № 18, 1903 г. Национальное порабощение и революционный социализм. — 338.
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ АВАНТЮРИЗМ — см. ЛЕНИН, В. И.
РЕЧЬ П. А. АЛЕКСЕЕВА. Издание 1901 г. Типография «Искры» (в России). (Не найдено.) — 70.
Р. Н. С. — Предисловие и примечания к конфиденциальной записке министра Финансов С. Ю. Витте. «Самодержавие и земство». Печатано «Зарей». Stuttgart. Verlag von J. H. Dietz Nachf. 1901. Стр. XLIV. — 78, 255, 256, 258.
РУДИН, А. — К крестьянскому вопросу. Обзор текущей литературы. («Вестник Русской Революции», № 3, март 1903 г. Стр. 199 — 225.) — 330, 333.
РУДИН, А. — Что говорят социал-демократы «деревенской бедноте»? Издание и типография партии социалистов-революционеров, 1903 г. Стр. 54. — 330, 333.
РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ, 1903 г. № 35. И [оллос]. Берлин, 30-го января (От нашего корреспондента). — 318.
САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря, С. Ю. Витте (1899) 2-ое изд. С двумя пред. Петра Струве и с приложением записки министра финансов о напряжении платежных сил населения. Stuttgart. Изд. ред. «Освобождение» J. H. W. Dietz Nachf. (G. M. b. H.). 1903. Стр. LXXII + + 224. — 255, 256.
САМОДЕРЖАВИЕ И РАБОЧИЙ ВОПРОС. («Освобождение», № 2 (26), 2 июля (15 июля) 1903 г., стр. 24 — 25 и № 3 (27), 19 июля (1 августа), 1903 г., стр. 40 — 42.) — 345 — 347.
САМОДЕРЖАВИЕ И СТАЧКИ. Записка министерства финансов о разрешении стачек (с приложением статьи: «Новая победа русских рабочих», Л. Мартова). Женева. Издание и тип. «Лиги русской революционной социал-демократии». 1902. Стр. 68. + XXVI. — 169, 232.
САНИН, А. А. — Кто совершит политическую революцию? Отдельный оттиск из «Пролетарской Борьбы». Издание Киевского Комитета РСДРП. 1899. Стр. 28. — 130.
«СВОБОДА». Издание и типография «Рабочей партии политического освобождения России» без указания года. (1900.) Стр. 21. — 205.
«СВОБОДА» № 1, 1901 г. Журнал для рабочих. Издание Революционно-социалистической группы «Свобода». Женева. Стр. VIII + 72 + + 87 + IX + 80. — 211.
СЛЕПОВ, Ф. А. — Письмо к издателю. («Московские Ведомости», № 345, 15 (28) декабря 1902 г.) — 220 — 223.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

BEBEL. A. (БЕБЕЛЬ, АВГ.) — Unsere Ziele. Eine Streitschrift gegen die «Demokratische Korrespondenz». 11 Auflage. Berlin. 1903. S.S. 56. (Наши цели. Полемическая брошюра против «Демократической Корреспонденции». 11 издание. Берлин. 1903. Стр. 56.) — 235.

DAVID, E. (ДАВИД, Э.) — Sozialismus und Landwirtschaft. Band I. Die Betriebsfrage. Berlin. 1903. S.S. 703. (Социализм и сельское хозяйство. Том I. Производство. Берлин. 1903. Стр. 703.) — 288, 318.

DIE NEUE ZEIT. IX Jahrgang, 1890 — 1891, II Band, № 49 (S.S. 723 — 730), № 50 (S.S. 749 — 758), № 51 (780 — 791), № 52 (S.S. 814 — 827). Der Entwurf des neuen Parteiprogramms. — 30.

DIE NEUE ZEIT. X Jahrgang. 1891 — 1892. II Band, № 49 S.S. 705 — 713. Статья: K. Kautsky. — Volmar und der Staatssozialismus. — 113, 114.

DIE NEUE ZEIT. XIII Jahrgang. 1894 — 1895. I. Band, № 10. S.S. 292 — 306. Статья: Fr. Engels. — Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. — 29.

DIE NEUE ZEIT. XIV Jahrgang. 1895 — 1896. II Band, № 42 (S.S. 484 — 491), № 43 (S.S. 513 — 525). Статья: K. Kautsky. — Finis Poloniae? — 99, 339.

DIE NEUE ZEIT. XX Jahrgang. 1901 — 1902. I Band, № 1 (S.S. 5 — 13). Статья: Fr. Engels. — Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfs. 1891. — 19, 23, 29, 30, 32, 36, 39.

DIE NEUE ZEIT. XX Jahrgang, 1901 — 1902. I Band, № 3 (S.S. 68 — 82). Статья. K. Kautsky. — Die Revision des Progamms der Sozialdemokratie in Österreich. — 27.

DIE NEUE ZEIT. XI Jahrgang, 1890 — 1891. II Band, № 49 (S.S. 723 — 730), № 50 (S.S. 749 — 758), № 51 (S.S. 780 — 791), № 52 (S.S. 814 — 827). — Der Entwurf des neuen Parteiprogramms. — 30.

ENGELS, FR. (ЭНГЕЛЬС, ФР.). — Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland. (Die Neue Zeit. XIII Jahrgang. 1894 — 95. I Band, № 10. S.S. 292 — 306.) (Крестьянский вопрос во Франции и Германии. «Новое Время», XIII год издания. 1894 — 1895. I том. № 10. Стр. 292 — 306.) — 29.

ENGELS, FR. (ЭНГЕЛЬС, ФР.). — Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenshaft. (Anti-Dühring.) Dritte, durchgesehene und vermehrte Auflage. Stuttgart. 1894. S.S. XX + 354. (Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. Антидюринг. — Третье просмотренное и дополненное издание. Штутгарт. 1894. Стр. XX + 354. — 198.

ENGELS, FR. (ЭНГЕЛЬС, ФР.). — Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891. (Die Neue Zeit. XX Jahrgang. 1901 — 1902. I Band, № 1. (S S. 5 — 13.) (Критика проекта социал-демократической програмы 1891 г. «Новое Время», XX год издания, 1901 — 1902. I том, № 1. Стр. 5 — 13.) — 19, 23, 29, 30, 32, 36, 39.

DER ENTWURF DES NEUEN PARTEIPROGRAMMS. (Die Neue Zeit, IX Jahrgang, 1890 — 1891, II Band, № 49 (S S. 723 — 730), № 50 (S.S. 749 — 758), № 51 (S.S. 780 — 791), № 52 (S.S. 814 — 827.) (Проект новой партийной програмы. «Новое Время», IX год издания, 1890 — 1891, II том. № 49 (стр. 723 — 730), № 50 (стр. 749 — 758), № 51 (стр. 780 — 791), № 52 (стр. 814 — 827).) — 30.

KAUTSKY, K. (КАУТСКИЙ, К.). — Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 1).

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ, ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ «ИСКРЫ» И «ЗАРИ».

Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая свою партию одним из отрядов всемирной армии пролетариата, русская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

Эта конечная цель определяется характером буржуазного общества и ходом его развития. Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т. е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни, и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот-же технический прогресс дает кроме того предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или

менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще больше увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному или даже абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

Но по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими — т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает пред всей остальной трудящейся и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуют сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей:

1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа;

2. Всеобщее равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всякого гражданина, достигшего 20 лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные собрания; жалованье народным представителям;

3. Неприкосновенность личности и жилища граждан;

4. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов;

5. Свободу передвижения и промыслов;

6. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии и расы;

7. Признание права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства;

8. Предоставление всякому гражданину права преследовать всякого чиновника пред судом без жалобы по начальству;

9. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа;

10. Отделение церкви от государства и школы от церкви;

11. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16-ти лет. Снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует: *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1) Ограничения рабочего дня 8-ью час. в сутки для всех наемных рабочих;

2) Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 36 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства;

3) Полного запрещения сверхурочных работ;

4) Воспрещения ночного труда (от 9 ч. вечера до 5 ч. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где он безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями;

5) Воспрещения предпринимателям пользоваться наемным трудом детей до 16-летнего возраста;

6) Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения рожениц от работы в течение 2-х недель до и 4-х недель после родов;

7) Установления законом гражданской ответственности нанимателей за полную или частичную потерю рабочими способности к труду, происшедшую вследствие несчастных случаев или вредных условий производства, и освобождения рабочего от обязательства доказывать, что потеря эта произошла по вине капиталиста;

8) Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты по всем договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время;

9) Выдачи государственной пенсии престарелым рабочим;

10) Увеличения числа фабричных инспекторов; назначения инспектрис в тех отраслях, где преобладает женский труд; надзора выбранных рабочими и оплаченных государством представителей за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценков и браковкой товаров;

11) Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их в наймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан;

12) Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, и бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей;

13) Распространения надзора фабричной инспекции на все отрасли народного хозяйства и на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая и казенных;

14) Установления уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда;

15) Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и проч.);

16) Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей;

17) Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

В целях же устранения остатков крепостного порядка, тяжелым гнетом лежащих на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне партия будет добиваться:

1) Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие;

2) Отмены круговой поруки и всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей;

3) Возвращения народу денежных сумм, взятых с него в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских имуществ и удельных имений, а равно обложения особым налогом земель крупных землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ;

4) Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном Крае и в других областях государства;

5) Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

Стремясь к достижению своих ближайших политических и экономических целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

С своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь *путем низвержения самодержавия и* созыва *учредительного собрания,* свободно избранного всем народом.

«Искра» № 21, 1 июня 1902 года.

№ 2 (k стр. 1).

ПРОГРАММА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ, ПРИНЯТАЯ II СЪЕЗДОМ — 1903 г. *)

(А) Развитие обмена установило такую тесную связь между всеми народами цивилизованного мира, что великое освободительное движение пролетариата должно было стать и давно уже стало международным.

Считая себя одним из отрядов всемирной армии пролетариата, российская социал-демократия преследует ту же конечную цель, к которой стремятся социал-демократы всех других стран.

(Б) Эта конечная цель определяется характером современного буржуазного общества и ходом его развития.

Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем, как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам и своим трудом создавать доход высших классов общества.

Область господства капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприя-

*) Разделение программы на отделы А, Б, В и т. д. принадлежит редакции Сочинений. О значении этого разделения см. примечание 97-ое к настоящему тому. *Ред.*

тий, ведет к вытеснению мелких самостоятельных производителей, превращая часть их в пролетариев, суживая роль остальных в общественно-экономической жизни и местами ставя их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от капитала.

Тот же технический прогресс дает, кроме того, предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как, с другой стороны, он приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации.

Такое положение дел внутри буржуазных стран и постоянно обостряющееся взаимное их соперничество на всемирном рынке делают все более и более затруднительным сбыт товаров, производимых в постоянно возрастающем количестве. Перепроизводство, проявляющееся в более или менее острых промышленных кризисах, за которыми следуют более или менее продолжительные периоды промышленного застоя, представляет собою неизбежное следствие развития производительных сил в буржуазном обществе. Кризисы и периоды промышленного застоя, в свою очередь, еще более разоряют мелких производителей, еще более увеличивают зависимость наемного труда от капитала, еще быстрее ведут к относительному, а иногда и к абсолютному ухудшению положения рабочего класса.

Таким образом, усовершенствование техники, означающее увеличение производительности труда и рост общественного богатства, обусловливает собою в буржуазном обществе возрастание общественного неравенства, увеличение расстояния между имущими и неимущими и рост необеспеченности существования, безработицы и разного рода лишений для все более широких слоев трудящихся масс.

(В) Но, по мере того, как растут и развиваются все эти противоречия, свойственные буржуазному обществу, растет также и недовольство трудящейся и эксплуатируемой массы существующим порядком вещей, растет число и сплоченность пролетариев и обостряется борьба их с их эксплуататорами. В то же время усовершенствование техники, концентрируя средства производства и обращения и обобществляя процесс труда в капиталистических предприятиях, все быстрее и быстрее создает материальную возможность замены капиталистических производственных отношений социалистическими, т.-е. той социальной революции, которая представляет собою конечную цель всей деятельности международной социал-демократии, как сознательной выразительницы классового движения пролетариата.

Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.

(Г) Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся

и эксплуатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, социал-демократия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата.

(Д) На пути к их общей конечной цели, обусловленной господством капиталистического способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран вынуждены ставить себе неодинаковые ближайшие задачи, как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.

В России, где капитализм уже стал господствующим способом производства, сохранились еще очень многочисленные остатки нашего старого докапиталистического порядка, который основывался на закрепощении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. В сильнейшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти остатки не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, содействуя сохранению и усилению самых варварских форм эксплуатации многомиллионного крестьянства государством и имущими классами, и держат в темноте и бесправии весь народ.

Самым значительным из всех этих пережитков и самым могучим оплотом всего этого варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата.

Поэтому, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

(Е) 1. Самодержавие народа, т.-е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет; тайное голосование при выборах; право каждого избирателя быть избранным во все представительные учреждения; двухгодичные парламенты; жалованье народным представителям.

3. Широкое местное самоуправление, областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

4. Неприкосновенность личности и жилища.

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

6. Свободу передвижения и промыслов.

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности.

8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях.

9. Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

10. Право каждого лица преследовать в обычном порядке перед судом присяжных всякого чиновника.

11. Выборность судей народом.
12. Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.
13. Отделение церкви от государства и школы от церкви.
14. Даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоего пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства.

Как основного условия демократизации нашего государственного хозяйства, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия требует *отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивного налога на доходы и наследства.*

(Ж) В интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе, партия требует:

1. Ограничения рабочего дня восемью часами в сутки для всех наемных рабочих.
2. Установления законом еженедельного отдыха, непрерывно продолжающегося не менее 42 часов, для наемных рабочих обоего пола во всех отраслях народного хозяйства.
3. Полного запрещения сверхурочных работ.
4. Воспрещения ночного труда (от девяти часов вечера до 6 час. утра) во всех отраслях народного хозяйства, за исключением тех, где оп безусловно необходим по техническим соображениям, одобренным рабочими организациями.
5. Воспрещения предпринимателям пользоваться трудом детей в школьном возрасте (до 16 лет) и ограничения рабочего времени подростков (16—18 лет) шестью часами.
6. Воспрещения женского труда в тех отраслях, где он вреден для женского организма; освобождения женщин от работы в течение четырех недель до и шести недель после родов, с сохранением заработной платы в обычном размере за все это время.
7. Устройства при всех заводах, фабриках и других предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей; освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через три часа, на время не менее, чем на полчаса.
8. Государственного страхования рабочих на случай старости и полной или частичной потери способности к труду за счет специального фонда, составленного путем особого налога на капиталистов.
9. Воспрещения выдачи заработной платы товарами; установления еженедельного срока расплаты деньгами по всем без исключения договорам о найме рабочих и выдачи заработка в рабочее время.
10. Запрещения предпринимателям производить денежные вычеты из заработной платы, по какому бы поводу и для какого бы назначения они ни делались (штрафы, браковка и прочее).
11. Назначения достаточного количества фабричных инспекторов во всех отраслях народного хозяйства и распространения надзора фабричной инспекции на все предприятия, употребляющие наемный труд, не исключая казенных (труд домашней прислуги входит также в сферу этого надзора); назначение инспектрисс в тех отраслях, где применяется женский труд; участие выбранных рабочими и оплаченных государством представителей в надзоре за исполнением фабричных законов, а также за составлением расценок, приемкой и браковкой материала и результатов работы.
12. Надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы, — в целях ограждения наемных рабочих от вмешательства предпринимателей в жизнь и деятельность их, как частных лиц и граждан.

13. Учреждения правильно организованного санитарного надзора во всех предприятиях, употребляющих наемный труд, при полной независимости всей врачебно-санитарной организации от предпринимателей, бесплатной медицинской помощи для рабочих за счет предпринимателей, с сохранением содержания во время болезни.

14. Установление уголовной ответственности нанимателей за нарушение законов об охране труда.

15. Учреждения во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей.

16. Возложения на органы местного самоуправления обязанности учредить посреднические конторы по найму местных и пришлых рабочих (биржи труда) во всех отраслях производства с участием в их управлении представителей от рабочих организаций.

(3) В целях же устранения остатков крепостного порядка, которые тяжелым гнетом лежат непосредственно на крестьянах, и в интересах свободного развития классовой борьбы в деревне, партия требует прежде всего:

1. Отмены выкупных и оброчных платежей, а также всяких повинностей, падающих в настоящее время на крестьянство, как на податное сословие.

2. Отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землею.

3. Возвращение крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей; конфискации с этой целью монастырских и церковных имуществ, а также имений удельных, кабинетских и принадлежащих лицам царской фамилии, а равно обложения особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой; обращения сумм, добытых этим путем, в особый народный фонд для культурных и благотворительных нужд сельских обществ.

4. Учреждения крестьянских комитетов: а) для возвращения сельским обществам (посредством экспроприации или, — в том случае, если земли переходили из рук в руки, — выкупа государством за счет крупного дворянского землевладения) тех земель, которые отрезаны у крестьян при уничтожении крепостного права и служат в руках помещиков орудием для их закабаления; б) для передачи в собственность крестьян на Кавказе тех земель, которыми они пользуются, как временно обязанные, хизаны и проч., в) для устранения остатков крепостных отношений, уцелевших на Урале, на Алтае, в Западном крае и других областях государства.

5. Предоставления судам права понижать непомерно высокие арендные платы и объявлять недействительными сделки, имеющие кабальный характер.

(II) Стремясь к достижению своих ближайших целей, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка, решительно отвергая в то же время все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением или упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами.

Со своей стороны, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия твердо убеждена в том, что полное последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь *путем низвержения самодержавия* и созыва *Учредительного Собрания*, свободно избранного всем народом.

Протоколы второго очередного съезда Р. С.-Д. Р. П. Издание Ц.К.Р. С Д. Р. П. Женева, 1904 г.

№ 5 (к стр. 81).

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ ИЗДАНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «БОРЬБА» — 1901 г.

Опять новая группа! Еще новый повод для взаимных раздоров и распрей! — так скажут, вероятно, многие из тех, в чьи руки попадет это объявление. Во избежание всяких недоразумений, объяснимся.

Как видно из документов, опубликованных Союзом Русских Социал-Демократов — с одной стороны и Лигой Революционной Социал-Демократии — с другой, наша группа не так «нова», как это может показаться людям, не посвященным в подробности внутренних отношений наших заграничных организаций. Если она не выступала до сих пор с своими изданиями, то лишь потому, что, состоя ближайшими сотрудниками «Искры» и «Зари», члены этой группы не видели никакой надобности в отдельном выступлении. Мы слишком дорожили возможностью совместной работы с товарищами, с которыми мы сходились во взглядах на ближайшие задачи русской социал-демократии, чтобы подчеркивать те разногласия, которые уже очень скоро обнаружились по разным вопросам. Только убедившись, что наши взгляды на приемы и средства достижения общей нам цели расходятся, и не желая брать на себя ответственность за акты, в обсуждении которых мы не участвовали, мы решили выступить отдельно. Что это было актом крайней необходимости, что это не было желанием непременно основать «свою» группу, видно из тех усилий, которые мы делали, чтобы объединить заграничные социал-демократические организации, прежде чем выступить в свет с новыми изданиями. Воспользовавшись первым удобным моментом, — когда весенние события прошлого года резко подчеркнули необходимость объединения всех русских социал-демократов в их борьбе с самодержавием, — мы взяли на себя инициативу созыва женевской конференции из представителей Союза Русских Социал-Демократов, организации «Искры» и «Зари», Революционной Организации «Социал-Демократ» и нашей группы.

Эта конференция поручила представителям нашей группы выработать пункты принципиального соглашения, которые должны были лечь в основу организационного объединения всех заграничных социал-демократических организаций, в том числе нашей группы, в один Заграничный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. На этой же конференции намечены были основные черты организационного соглашения.

Утвердить те и другие и придать им обязательную силу должен был объединительный съезд, который, несмотря на все наши усилия держать все время дебаты на принципиальной высоте, кончился, к сожалению, неудачно.

Очевидно, что наша надежда на то, что заграничные социал-демократические организации, объединившись, облегчат дело организационного объединения российских комитетов и групп, оказалась преждевременной. А между тем это объединение является необходимым условием успешной борьбы с самодержавием: только объединенная, единая и боевая социал-демократическая рабочая партия сможет стать во главе борьбы с абсолютизмом. В то же время, признавая целиком принципиальные резолюции женевской конференции, мы высказываем свое глубокое убеждение, что объединение русских социал-демократов может и должно состояться лишь на почве революционного марксизма, который, худо ли, хорошо ли, нашел свое выражение в этих резолюциях.

Стоя на почве этих резолюций, мы решительно отвергаем все попытки внесения оппортунизма в наше социал-демократическое движение. Поэтому, признавая за Союзом Русских Социал-Демократов те заслуги, которые были

констатированы на женевской конференции, мы глубоко сожалеем, что наши товарищи из Союза своими поправками, предложенными на «объединительном» съезде и потом частью внесенными в новую программу «Рабочего Дела», создают новое препятствие для объединения, отказываясь целиком и без оговорок признать программу революционной социал-демократии со всеми вытекающими из нее практическими применениями, программу, представляющую, повторяем, единственную почву для объединения нашей партии.

Вместе с тем признавая демократический принцип организации необходимым условием успешного развития социал-демократии, мы должны напомнить нашим товарищам из Союза, что в той форме, в какой они его проводят, он уже приводил и опять приведет к беспринципному отражению всякого течения, которое, по тем или иным временным и местным причинам, может возникнуть в среде различных действующих в России групп. Требовать от Заграничного Комитета, чтобы он покорно отражал все программные воззрения, господствующие в каждый данный момент в среде российских комитетов, превращать его в простой исполнительный орган — значит забывать, что он является *частью* партии и такой частью, которая, по самым условиям своей деятельности, может во многих случаях лучше охватить и выяснить общие задачи всего движения, чем находящиеся под постоянным давлением местных условий группы и комитеты. По нашему мнению, и Заграничный Комитет, и российские комитеты в своей деятельности одинаково должны «подчиняться» принципам революционной социал-демократической программы, которая и должна являться верховной инстанцией в случае возникновения разногласий.

Конечно, условия деятельности русской социал-демократии заставляют отказаться от широкого проведения демократического принципа. Но чем теснее круг людей, входящих в каждую данную организацию, чем выше требования, которые мы предъявляем к вновь принимаемым членам, тем строже должен проводиться этот принцип в ее пределах, тем меньше должно быть в ней места тому, что Бебель и Либкнехт назвали Personencultus (культ личностей). Только этим путем мы можем устранить возможность таких явлений, как прикрывание принципиальных разногласий организационными — и наоборот. Такое осложнение одних разногласий другими *не* только не ведет к выяснению принципиальных разногласий, но, напротив, способствует их запутыванию и раздуванию и даже придумыванию несуществующих пунктов расхождения. Особенно опасно в этом отношении мнение, согласно которому каждый программный оттенок в нашем движении приходит к особому организационному плану. Для представителей нашего «экономического и полуэкономического направлений» и *даже для многих принципиально расходящихся с ними товарищей* *) даже не существует тех организационных вопросов, которые для представителей «ортодоксии» самым тесным образом связаны с основными задачами русской социал-демократии».

Мы, наоборот, думаем, что «программные оттенки», поскольку они отличают «представителей ортодоксии» от товарищей, принципиально расходящихся с представителями нашего «экономического и полуэкономического направлений», могут уживаться в пределах одной организации. Иначе «каждый программный оттенок», не находя возможности высказаться в организации, для которой ее организационный план «самым тесным образом связан с основными задачами русской социал-демократии» и которая, в силу такого взгляда, не может допустить на страницах своих изданий критики этого плана членами ее же организации, должен будет, несмотря на свое отвращение к «кружковщине», выделиться в особую группу. Именно в таком положении находимся мы, «сектанты», «ортодоксы»,

*) Курсив наш.

товарищи, принципиально расходящиеся с «представителями нашего экономического и полуэкономического направлений».

По нашему мнению, организационный план «Искры» не имеет ничего общего ни с какой «ортодоксией». Поскольку он развит в статье «С чего начать» *), это план совершенно фантастический, рассчитанный на такой период революционного движения, когда оно находится еще в зародыше, когда дело идет о собирании и сплочении отдельных сочувствующих друг другу *личностей*, а не о слитии или соединении уже *действующих организаций*. Пока этот план является одним из возможных планов организации, предложенных на всеобщее обсуждение, на него можно смотреть, как на безобидное литературное упражнение (а это взгляд многих российских товарищей). Но когда такой план ставится в тесную связь с «ортодоксией», когда люди, несогласные с этим планом, с легким сердцем окрещиваются именем «оппортунистов», мы, «ортодоксы», не можем не протестовать самым энергическим образом во имя самой же «ортодоксии». Нет! Мы до сих пор были убеждены, что революционная социал-демократия не может не быть демократической. Мы помним, что «Союз немецких коммунистов», сыгравший такую крупную роль в революционном движении 40-ых годов, был, как говорит Энгельс, «durchaus demokratisch, mit gewählten und stets absetzbaren Behörden» (вполне демократичен, с выборными и во всякое время сменяемыми исполнительными органами). Мы помним, что главные организаторы немецкой социал-демократической партии, Либкнехт и Бебель, в своей борьбе с лассальянцами всегда выдвигали демократический принцип организации, что именно эйзенахцы настаивали на том, что социал-демократическая рабочая партия должна дать себе «eine einheitliche Organisation, welche es aber auch jedem einzelnen ermöglicht, seinen Einfluss für das Wohl der Gesammtheit geltend zu machen» («единую организацию, которая при том давала бы возможность каждому отдельному лицу проявлять свое влияние для блага целого»). Не мы будем отрицать значение для русской социал-демократии прочной централизованной организации. Но такая организация, если она только не ставит себе целью заговор, если она не хочет носить заговорщический характер, не может не быть демократической.

И именно потому, что мы «ортодоксы», мы не хотим уступить никому организационный принцип, который всегда проводился «ортодоксией», мы не хотим такого положения, при котором «ортодоксы» перестали бы быть хранителями одного из основных принципов революционной социал-демократии.

Наша партия находится теперь в самом хаотическом состоянии. Вернее было бы сказать, что сплоченной и объединенной в программном и тактическом отношении партии нет, а есть только ряд социал-демократических организаций, действующих иногда согласно друг с другом, иногда вразброд. Объединение этих организаций является самой настоятельной необходимостью. Но для того, чтобы это объединение было прочно, необходимо всестороннее выяснение вопросов, волнующих в настоящее время русских социал-демократов. Только таким образом может создаться то принципиальное единство, без которого немыслимо единство организационное. В нашем непериодическом сборнике «Борьба» и отдельных изданиях мы, с своей стороны, постараемся высказаться по всем этим вопросам **).

*) См. IV том Сочинений, стр. 107. *Ред.*

**) Понятно, что, в случае ускорения темпа событий в России, нам придется выбрать более удобную форму, чтобы иметь возможность быстрее откликаться на события.

Скажем еще несколько слов по поводу предполагаемой нами к изданию «Социал-демократической библиотеки». Она распадается на две серии: 1) книжки по истории социализма и рабочего движения и 2) книжки, трактующие о различных программных и тактических вопросах, т.-е. по теории и практике социализма и рабочего движения. Первая серия не требует никаких пояснений. Потребность в знакомстве с историей социализма и рабочего движения в разных странах всегда была сильна и растет вместе с ростом нашего движения.

Но вторая серия требует некоторых объяснений, ибо, по нашему плану, она должна удовлетворить таким потребностям, которые особенно настоятельно дали себя почувствовать в последние годы.

Так называемый «агитационный» период нашего движения (1896—1900), заслуги которого не мы станем отрицать, имел и свои темные стороны. Поглотив все силы, выработанные «кружковщиной» начала 90-х годов, он почти ничего не сделал для выработки новых пропагандистов, которые умели бы связать в одно целое задачи настоящего и задачи будущего. В нашем движении преобладает теперь тип «практиков», которые с головой ушли в местную организационную работу и часто забывают интересы движения в его целом. Это вовсе не значит, что мы отрицаем значение этой работы. Напротив. По нашему мнению, руководство экономической борьбой пролетариата тем более важно для социал-демократии, что оно является лучшим средством воспрепятствовать возникновению и укреплению различных форм «чисто-рабочего» движения. Пренебрегая делом организации пролетариата, предоставляя его в исключительное ведение «экономистов» различных толков, революционная социал-демократия тем самым способствовала бы, хочет ли она этого или нет, укреплению и развитию тех условий, при которых рабочий класс может подпасть под политическое влияние несоциалистических или даже враждебных социализму элементов. Между тем, помогая рабочему классу выяснять и высказывать свои ближайшие требования, приходя к нему на помощь своим опытом, почерпнутым из истории и практики западно-европейского рабочего движения, революционная социал-демократия должна соединить неразрывной связью эти ближайшие требования с задачами движения в его целом, должна, по мере сил своих, превращать массовое рабочее движение в социал-демократическое. Стоя, так сказать, у колыбели рабочего движения, вникая внимательно во все его, даже мелкие, нужды, выступая бесстрашно на защиту его интересов, революционная социал-демократия создает в среде рабочего класса традиции, которые никогда не позволят буржуазной демократии, как бы революционно она ни выступала, тащить на своем буксире рабочее движение.

Вот почему мы думаем отвести широкое место выяснению вопросов организации пролетариата во всех ее формах.

Но есть еще и другая потребность, которая тоже настоятельно требует удовлетворения. Нас, социал-демократов, часто обвиняли в игнорировании крестьянства. Нечего говорить, что это совершенно несправедливое обвинение, основанное на незнакомстве с принципами социал-демократии. Русская социал-демократия уже с первых своих шагов заявила, что ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения. Если практически она не могла взяться за это дело, то ее приходится так же мало винить, как «Народную Волю», которую почему-то не принято обвинять в игнорировании крестьянства. Но в последние годы условия значительно изменились. Социал-демократическое движение росло и в своем росте охватывало все более широкие слои рабочих. Все чаще и чаще, при помощи нашего мудрого правительства, затронутый социал-демократической пропагандой рабочий попадает в деревню. А деревня значительно изменилась в течение последних двадцати лет. Процесс расслоения кре-

стьянства создает все больше элементов для революционной пропаганды и агитации. И попадающие в деревню рабочие — социал-демократы нуждаются в агитационном материале. На социал-демократах лежит обязанность создать такую литературу, которая удовлетворяла бы этой потребности. Особенно важно в этом отношении разрушение легенды о царе-освободителе, выяснение хода, причин и следствий падения крепостного права, критика современного государственного и правового порядка. Вспомним слова Энгельса: «В такой стране, как Германия, в которой половина населения занимается земледелием, необходимо, чтобы социалистические рабочие, а чрез их посредство и крестьяне, узнали, как возникло современное землевладение как крупное, так и мелкое, необходимо, чтобы современной нищете сельских рабочих и современной задолженности мелкого крестьянства противопоставлено было старое общинное пользование свободных людей всем тем, что тогда для них являлось действительно «родиной», унаследованной общинной собственностью». Тем более необходимо это в России, где еще не установилась та общность интересов мелкого крестьянства и крупного землевладения, которая заставляет так часто европейского крестьянина видеть своего *естественного* защитника в крупном землевладельце, где вся правительственная политика по отношению к крестьянству сводится к открытому грабежу его в пользу дворянства. И никто не может выполнить эту задачу так хорошо, как это сделает социал-демократ рабочий, которому не мешает «барство», так затруднявшее пропаганду революционеров 70-х годов.

Нам нечего говорить, что мы отведем широкое место теории «научного социализма» и, в особенности, тем вопросам, которые вызывали в последние годы такие жаркие споры в международной социал-демократии. Одним из крупных недостатков нашей так называемой «рабочей» литературы мы считаем почти полное отсутствие популярных книг, которые разъясняли бы философские основы научного социализма. Только таким пренебрежением к идеальным запросам рабочей интеллигенции можно объяснить рост «культурного» движения среди некоторых слоев рабочего класса. По нашему глубокому убеждению, нелегальная литература должна давать ответ на все запросы рабочих, не заставляя их обращаться к зачастую мутному источнику легального марксизма.

Считая своей главнейшей задачей помощь российским товарищам в их трудной работе организации пролетариата в боевую социал-демократическую рабочую партию, мы надеемся, что предприятие наше не останется без морального и материального содействия наших товарищей в России и заграницей. Особенно дорого было бы нам содействие российских товарищей при создании нашей библиотеки. Оно могло бы выразиться в указаниях, какие книжки в данный момент больше всего требуются, и в присылке своих работ. Мы, разумеется, при этом оставляем за собой право в особом предисловии высказать свой взгляд на затронутый автором вопрос, если он не сходится со взглядом автора.

Отдельное издание группы «Борьба».

№ 4 (к стр. 123).

ПРОГРАММА СЕВЕРНОГО СОЮЗА Р.С.-Д.Р.П. — 1902 г.

1. Признавая полную противоположность и непримиримость интересов буржуазии и пролетариата, как социал-демократическая организация, задающаяся целью руководить рабочим движением, Северный Союз считает конечною целью рабочего движения — уничтожение современного капиталистического строя и переход всех средств производства и земли во владение всего общества.

2. Считая социализм—классовым интересом пролетариата, Северный Союз признает, что достижение этой цели возможно лишь путем долгой и систематической борьбы самого пролетариата, что освобождение рабочих от ига капитала должно быть «делом самих рабочих».

3. Действуя в стране, где иго безграничного абсолютизма проявляется в полном игнорировании человеческой личности, ее законных прав, и в произволе администрации, Северный Союз считает ближайшей и важнейшей задачей выяснить рабочим необходимость для правильной, организованной борьбы за свое окончательное освобождение завоевания политической свободы и, как необходимое условие ее осуществления,—свержение самодержавия, представляющего интересы исключительно господствующих классов и в силу этого несовместного с принципом демократии.

4. В широкой политической свободе и в полном ее использовании заинтересован в России лишь один рабочий класс. Осуществление ее является для него такой же необходимостью, как повышение заработной платы и уменьшение рабочего дня. Ввиду этого Северный Союз считает необходимым, чтобы в предстоящей борьбе социал-демократия выступила с определенной классовой программой и требованиями, не подчиняя их программам либеральной и других революционных (не соц.-дем.) партий и отнюдь не выступая орудием в руках этих последних, хотя бы в критический момент пришлось идти рядом с ними.

5. В своей непосредственной деятельности Северный Союз признает возможность совместного действия с другими революционными партиями, например, в устройстве демонстраций, манифестаций, подачи петиций, если их цель и характер не противоречат програме.

6. Ввиду многочисленных недоразумений последнего времени Северный Союз считает необходимым заявить, что (он) резко различает понятия: класс, как совокупность людей, находящихся в одинаковом общественном положении в процессе производства, и партия, как группу лиц, сознающих положение и роль данного класса не только в настоящем, но и в будущем, и в превидении этого будущего ведущих свою деятельность на пользу данного класса по определенной программе. Поэтому в непосредственной практической деятельности Северный Союз не будет игнорировать конечные цели своей программы, будет выставлять крайние требования и стремиться развивать самосознание рабочих, отнюдь не подчиняя своей деятельности данной степени их развития, с которой будет считаться только как с необходимым базисом.

7. Считая задачей своей деятельности развитие самосознания пролетариата, как класса, поставленного в определенные, конкретные условия, Северный Союз признает единственным средством осуществления этой задачи—воздействие на широкие слои рабочих, т.-е. агитацию, будет широко распространять среди рабочих нелегальную литературу, выпускать листки как общего содержания, так и по поводу различных фактов политической и общественной, в частности, фабричной жизни.

8. Стремясь воздействовать на широкие слои рабочего класса, признавая агитацию единственным средством такого воздействия, Северный Союз признает пропаганду, как форму революционной деятельности, лишь постольку, насколько она задается целью вырабатывать из пропагандированных рабочих опытных и умелых агитаторов и руководителей движения, относясь отрицательно к пропаганде (в кружках саморазвития), задающейся целью вырабатывать только единичных сознательных рабочих, как в форме революционной деятельности, не соответствующей пониманию классовой борьбы современного буржуазного общества.

9. Считая ближайшей целью своей деятельности свержение самодержавия и завоевание политической свободы, Северный Союз считает демонстрации и манифестации по поводу различных фактов общественной

жизни, тех или других мероприятий правительства, лучшим средством политического воспитания рабочих, средством, могущим в данный момент объединить наибольшее число рабочих, развивая в них этим самым сознание общей цели и солидарности в борьбе для ее достижения.

10. Северный Союз признает безусловно необходимым выпускать листки и организовывать манифестации в день 1-го мая, указывая на интернациональный характер праздника, стараясь развивать в рабочих братские чувства к пролетариату всех стран и сознательное отношение к лозунгу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

11. Северный Союз считает необходимым организацию демонстраций в день 19 февраля. В листках по этому поводу, рассматривая недостатки реформы, Северный Союз будет указывать рабочим, что им нечего ждать от самодержавного правительства; разъясняя роль крестьянских бунтов, крымской войны и других факторов общественной жизни того времени, Северный Союз будет стремиться разрушать иллюзию, будто освобождение крестьян было личным делом царя, актом его доброй воли, и возбуждать в рабочих твердую уверенность, что только сила — сила класса — способна одолеть самодержавие.

12. Признавая ближайшей целью своей деятельности завоевание политической свободы и конечною — обобществление средств производства, Северный Союз будет всячески способствовать улучшению положения рабочих при существующих условиях, придавая сознательный характер борьбе рабочих с непосредственными их эксплуататорами, указывая и разъясняя в то же время, что стремление к улучшению своего положения в рамках существующего строя не может быть ни конечной, ни единственной целью рабочего движения.

13. Северный Союз считает необходимым вести не только оборонительную борьбу за сохранение существующих условий труда, но и наступательную за их улучшение.

14. Указывая рабочим на лучшие условия труда в других местностях России и за границей, на громадное значение их для культурного развития рабочего класса, Северный Союз будет по отношению к стачкам играть не только пассивную, но и активную роль, стремясь возбудить рабочих к сознательной борьбе с их непосредственными эксплуататорами за улучшение своего экономического положения.

15. Северный Союз считает стачки лучшим средством борьбы за улучшение положения рабочих. Признавая за частичными забастовками известное значение, Северный Союз в своей непосредственной деятельности будет, однако, всеми средствами стремиться к тому, чтобы стачки принимали более широкие размеры и глубокий характер (к всеобщим забастовкам). С этой целью Северный Союз будет организовывать забастовки одновременно на многих фабриках одного производства и на фабриках целого района. Члены Северного Союза перед каждой стачкой будут выяснять рабочим необходимость выставлять, кроме мелких требований, требования более общего характера, к которым могли бы присоединиться другие фабрики и районы. Во время всеобщих забастовок, в листках, выпускаемых ко всем рабочим, будут использованы все факты стачечной жизни. Присутствие жандармов, полиции и солдат будет давать возможность наглядно разъяснять рабочим специфический характер царского правительства, как защитника всех эксплуататоров. Северный Союз считает всеобщие забастовки одним из лучших агитационных средств в деле развития в рабочих сознания единства их интересов.

P. S. Частная переписка опубликованию не подлежит.

Рукописный экземпляр *)

*) Хранится в архиве Института Ленина. *Ред.*

№ 5 (к стр. 525).

ИКС [П. П. МАСЛОВ]. — ПРОЕКТ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЫ.

В интересах защиты мелких собственников (а не развития мелкой собственности) и уничтожения крепостнических, кабальных отношений, мешающих свободному развитию демократического строя, и для облегчения классовой борьбы в деревне партия будет добиваться:

1) *Отмены всех сословных стеснений крестьян и крестьянской собственности*).* Это требование вытекает из общего требования полной равноправности граждан.

2) *Отмены всех платежей, связанных с сословной обособленностью крестьян.* Это требование вытекает из общего требования отмены существующих налогов и замены их прогрессивным подоходным налогом.

3) *Конфискации церковных, монастырских и удельных земель и передачи их во владение демократического государства для наиболее удобного пользования ими населением.*

Это требование вытекает из требования передачи законодательства выборным народа.

4) Соц.-дем. партия не может взять на себя задачу вперед предрешить, в какой конкретной форме народное представительство использует земельный фонд, находящийся в его руках. Это зависит от многих условий. *Задачей соц.-дем. партии при каких бы то ни было формах капиталистического строя остается требование от органов правления защиты интересов трудящихся масс, лишенных средств производства, т.-е. земледельческого и промышленного пролетариата.*

5) *Обложения прогрессивным налогом земельной ренты крупных землевладельцев, чтобы эта форма дохода перешла в руки демократического государства на нужды народа.*

Земельная рента является доходом, основанным на монопольном пользовании землей и может возрастать не только от развития производительных сил населения, а от его нужды в земле. Поскольку землевладелец является предпринимателем, он получает прибыль от эксплуатации труда, стремясь к наиболее производительной его организации. Поскольку же он является только собственником земли, он получает доход, как монополист. Соц.-дем. партия, стремясь к организации социалистического производства и экспроприации орудий и средств производства, в ближайшем будущем не может уничтожить капиталистических отношений, основанных на праве частной собственности, но она может экспроприировать или землю, или доходы, вытекающие из монопольного владения ею, как противоречащего интересам всех других классов, кроме монопольных владельцев. Прогрессивное обложение земельной ренты поведет лишь к организации более производительного земледельческого хозяйства, так как на ренту землевладельцев уже рассчитывать не может.

6) *Уничтожения долговых обязательств, носящих кабальный характер.*

7) *Соц.-дем. партия стремится, чтобы в ближайшее время часть частновладельческих земель (крупное землевладение), а если возможно и все земли перешли во владение самоуправляющихся крупных общественных организаций (земства).*

---

*) Общинное землевладение является стеснением земельной собственности, поскольку оно является сословным. Городское землевладение является также «общинным», но менее стесненным сословно-бюрократическими путами. Поэтому, второй пункт, само собой разумеется, предоставляет право продажи своего земельного надела или общине, или посторонним лицам.

Но, ставя конечной целью организацию социалистического строя, она не примет непосредственного участия в борьбе из-за расширения права собственности на землю *между* различными сословиями. Ее участие в этой борьбе будет лишь постольку, поскольку возможно расширение общественной собственности на счет личной. Кому бы ни принадлежало в капиталистическом государстве право собственности на землю, земледельческий как и промышленный пролетариат не может избавиться от эксплуатации, пока орудия производства находятся в частном владении. Но пролетариат заинтересован в демократизации земельной собственности, так как этим подрывается в корне сословное государство. Замена дворянского землевладения общественным сама по себе не уничтожит эксплуатации земледельческого пролетариата, а лишь обнажит классовую борьбу, скрытую теперь сословными отношениями. Для этого у соц.-дем. партии есть два пути: или экспроприация земли, возможная в момент революции, или (п. 5) экспроприация земельной ренты в форме налога, т.-е. постепенно.

8) Ставя задачей замену частной собственности на средства производства общественною, соц.-дем. партия может этого достигнуть лишь тогда, когда и земля и капитал будут экспроприированы для планомерного общественного производства. Такого рода экспроприация не может произойти до возникновения или во время возникновения демократического строя. Лишь демократия, достаточно подготовленная к организации общественного производства, может ставить ближайшей целью осуществление социалистического строя. Поэтому, *экспроприация средств производства в настоящее время является максимальным требованием, неосуществимым в ближайшее время, но являющимся исходным пунктом программы соц.-дем. партии.*

Уже по самым своим задачам соц.-дем. партия не может иметь в настоящее время такого успеха среди малосознательного крестьянства, как демократическая партия, которая наряду с демократическими требованиями укрепляет надежду в упрочение мелкой собственности разделом крупной. Лишь внедрение социалистического сознания среди наиболее сознательных передовых элементов крестьянства может пополнить кадры соц.-дем. партии крестьянством. После революции, когда разрушится современный сословный строй, гораздо яснее будет для большинства крестьян, что соц.-демократия составляет единственную партию, которая окончательно поможет ему избавиться от всех форм эксплуатации. Как партия, ставящая задачи бороться *до конца* с эксплуатацией, социал-демократия может смотреть на *демократически* настроенное большинство крестьянства, как на союзников до революции, не поступаясь своими социалистическими задачами. Если не до революции, то после ее большинство демократов крестьян превратится в *социал-демократов.* Это сделает экономическая необходимость — с одной стороны, и соц.-дем. партия с другой, потому что демократизация земельной собственности обострит лишь классовую борьбу не только внутри демократического государства, но и на почве местного самоуправления. Эту борьбу социал-демократическая партия поведет с тем большим успехом, чем целесообразнее она поставит свои задачи в настоящее время.

Брошюра: «Об аграрной программе. Икс.—Ответ на критику нашего проекта программы. Н. Ленин». Издание Лиги Русской Революционной Социал-Демократии. Женева. 1903 г.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Вопрос о составлении редакцией «Искры» и «Зари» проекта партийной программы, на основе которого можно было бы создать идейное единство русской социал-демократии, был впервые поставлен Вл. Ильичем перед членами редакции в письме к П. Аксельроду 9 июля 1901 г. («Ленинский Сборник» III, стр. 192). Так как составление программы требовало «спокойного сосредоточения и обдумывания», а Вл. Ильич был целиком занят организационной работой и редактированием «Искры», то заняться программой мог только или Плеханов или Аксельрод. Составление программы взял на себя Плеханов. В начале января 1902 г. проект программы был готов и разослан всем членам редакции, а 21 января в Мюнхене состоялось специальное совещание редакции, посвященное обсуждению представленного Плехановым проекта. Как отдельные положения проекта, так и проект в целом не удовлетворили Вл. Ильича, и редакционное совещание обнаружило наличие крупных принципиальных разногласий внутри редакции по программным вопросам. Каких-либо документов об этом совещании, в виде протоколов или записей речей и пр., не сохранилось. «Замечания на первый проект программы Плеханова» (с ссылками на страницы плехановской рукописи), напечатанные на стр. 5 настоящего тома, написаны Вл. Ильичем тотчас же после ознакомления с проектом Плеханова, написаны им «для себя», незадолго до совещания. Повидимому, в духе этих замечаний Вл. Ильич выступал на мюнхенском совещании.

Убедившись в неприемлемости плехановского проекта, Вл. Ильич начал работать над составлением своего собственного проекта (стр. 11) и коренным образом переделал первоначальный проект Плеханова. Таким образом, перед редакцией «Искры» и «Зари» было два проекта партийной программы: плехановский и ленинский. Ленина поддерживал Потресов и, с некоторыми поправками, Мартов; еще раньше, во время мюнхенского совещания, к принятию некоторых тезисов Ленина склонялись также Аксельрод и Засулич. В ряде писем к ним Плеханов заявил о полной невозможности для него согласиться с проектом Ленина, при чем указывал, что, если этот проект будет принят, то он, Плеханов, печатно выступит против проекта и, таким образом, «выйдет что-то вроде нового раскола». («Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», т. 2, стр. 167.) В дальнейшем Плеханов переделал свой проект и снова передал на обсуждение членов редакции. Второй проект, также как раньше первый, вновь подвергся резкой критике со стороны Ленина (стр. 18 и 35 наст. тома). Для разрешения создавшегося положения были внесены предложения устроить «конференцию» из Ленина и Плеханова (предложение Аксельрода) или передать вопрос на разрешение членов Лиги, то-есть вынести его из рамок редакции «Искры» (предложение Плеханова). После того как оба эти предложения были отклонены, редакция приняла предложение Засулич создать

комиссию из Мартова, Засулич и Дана для согласования обоих проектов. Составленный Засулич проект соглашения гласил следующее:

«Комиссия: Берг [Мартов. *Ред.*], я [Засулич. *Ред.*], Дан, коли уедет, Евгений [Л. Дейч. *Ред.*], из двух проектов составляет один, при чем авторы проектов делают друг другу следующие уступки:

1. Характеристика капиталистического развития дается такая, которая охватывает и Россию, но, вместе с тем, оттеняется различие в степени развития.

2. Фреевская [Ленинская. *Ред.*] формулировка «вытеснения» (мелкого производства) изменяется в направлении Жоржева [Плеханова. *Ред.*] проекта, т.-е. не все переходят в пролетариат, а частью продолжают существовать, лишь теряя значение. Зато изложение проекта должно быть короче, и должны быть упомянуты социальные последствия капитализма: бедность, гнет, эксплуатация, нищета, унижение и проч.

3. К пункту о классовой борьбе и социальной революции (против проекта Фрея [Ленина. *Ред.*]) добавляется, что социал-демократия борется против угнетения и эксплуатации не только наемных рабочих, но и всех трудящихся и угнетенных, и освободит все трудящиеся массы, но (в противность проекту Жоржа [Плеханова. *Ред.*]) самый пункт о классовой борьбе и социальной революции формулируется строго в духе *пролетарской классовой борьбы* и добавляется диктатура пролетариата.

Составив свой проект, комиссия сообщает его всем членам редакторской группы и выслушивает их замечания. Приняв во внимание все эти замечания и объяснения, комиссия составляет окончательный проект, который все члены редакции обязуются считать своим и защищать перед всеми». («Ленинский Сборник» II, стр. 91—92.)

При выработке проекта программы согласительная комиссия приняла за основу проект Плеханова. Проект комиссии известен в двух редакциях, при чем вторая была сформулирована после того, как Плеханов прислал свои, принятые во внимание согласительной комиссией, замечания на первый, не сохранившийся проект. Ленин ознакомился со вторым проектом комиссии, писанным рукой Мартова, в вагоне поезда, 12 апреля, во время переезда в Лондон, и тут же на полях написал свои замечания (стр. 37 и 47 наст. тома). Окончательное рассмотрение и утверждение комиссионного проекта состоялось в Цюрихе 14 апреля 1902 г. На совещании были: Плеханов, Аксельрод, Засулич, Мартов и Л. Дейч. Ленин на совещании не присутствовал, Потресов тоже (по болезни). Совещание ограничилось внесением в комиссионный проект редакционных и стилистических исправлений. Принятый в Цюрихе проект программы от имени редакции «Искры» и «Зари» был опубликован в № 21 «Искры» (1 июня 1902 г.) и затем, с небольшими изменениями, принят II съездом партии. («Документы и материалы», № 1 и № 2, стр. 380 и 384.) Таким образом, в основу принципиальной или теоретической части искровской программы лег проект Плеханова (за исключением аграрной программы, написанной в основном Лениным).

Подробнее о процессе выработки программы и о возникших на этой почве разногласиях в редакции «Искры» см. «Ленинские Сборники» II, III и IV; о положениях, включенных в программу по настоянию Вл. Ильича, см. «Сочинения», т. IV, стр. 546—547, примечание Ленина к статье В. Воровского.

Сущность программных разногласий видна из печатаемых в настоящем томе критических возражений Ленина против плехановского и комиссионного проектов, для удобства читателей воспроизведенных параллельно с текстом Вл. Ильича. — 1.

[2]) *«Эрфуртская программа»*, считавшаяся наиболее выдержанной с точки зрения марксизма программой в эпоху II Интернационала и долгое время служившая образцом для всех других соц.-дем. партий, была принята на съезде германской социал-демократии в Эрфурте 14—20 октября

1891 г., взамен устаревшей Готской программы, явившейся результатом компромисса двух направлений в германском социализме (лассальянцы и эйзенахцы). В основу Эрфуртской программы лег проект, предложенный Каутским; им же был написан (1892 г.) получивший широкую известность и переведенный на все языки комментарий к программе. Эрфуртская программа оставалась программой германской с.-д. до 1925 г., когда на съезде в Гейдельберге была принята (18 сентября) новая программа, откровенно ревизионистского характера, знаменовавшая полную победу бернштейнианства в официальной идеологии германской социал-демократии.

Работая над составлением проекта программы Р.С.-Д.Р.П., Вл. Ильич пользовался немецким текстом Эрфуртской программы, давая собственный перевод интересовавших его формулировок. — 6.

[3]) Проект программы германской социал-демократии, написанный Каутским, был предварительно сообщен им некоторым видным деятелям рабочего движения, в том числе Энгельсу. Ознакомившись с проектом, Энгельс высказал по поводу его ряд замечаний, пересланных им Каутскому 29 июля 1891 г. Эти замечания были опубликованы через 10 лет в «Neue Zeit» (XX Jahrgang, 1901—1902, I Band, № 1, S.S. 5—13) под заглавием «Zur Kritik des sozialdemokratischen Programmentwurfes 1891» («Критика проекта социал-демократической программы 1891 г.»).—19.

[4]) «*Русские Ведомости*»—московская газета, выходившая с 1863 г. по 1918 г. и группировавшая вокруг себя либерально-народнические профессорские круги. С 1905 г. — орган правого крыла кадетов. — 23.

[5]) Вл. Ильич имеет в виду статью Каутского «Die Revision des Programms der Sozialdemocratie in Österreich» («Пересмотр программы австрийской социал-демократии»), направленную против опубликованного в августе 1901 г. проекта новой программы австрийской социал-демократии и напечатанную в «Neue Zeit» (XX Jahrgang, 1901—1902, I Band, № 3, S.S. 68—82). Критика Каутского была вызвана теми уступками бернштейнианству, которые были сделаны в проекте программы ее авторами, главным образом В. Адлером (см. примечание 191 к IV тому). — 27.

[6]) Вл. Ильич имеет в виду написанную Энгельсом в 1894 г. и напечатанную в «Neue Zeit» (XIII Jahrgang, 1894 — 1895, I Band, № 10, S.S. 292 — 306) статью под заглавием: «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland» («Крестьянский вопрос во Франции и Германии»). Русского перевода этой статьи в период «Искры» не было. — 29.

[7]) Цитируемый Вл. Ильичем проект Эрфуртской программы был опубликован в «Neue Zeit» (IX Jahrgang, 1890 — 1891, II Band, №№ 49 — 52) под заглавием «Der Entwurf des neuen Parteiprogramms» («Проект новой партийной программы»). — 30.

[8]) «*Заря*» — социал-демократический научно-политический журнал, издавался в Штутгарте под редакцией Г. Плеханова, Н. Ленина, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Засулич и А. Потресова.

Всего вышло три книги «Зари»: № 1 — апрель 1901 г. (фактически № 1 вышел 23 марта нов. ст.), № 2 — 3 — декабрь 1901 г., № 4 — август 1902 г. В журнале напечатаны статьи: Ленина («Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Г.г. критики в аграрном вопросе», «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа российской социал-демократии»), Плеханова («Еще раз социализм и политическая борьба», «Критика наших критиков», «Kant против Канта»), Потресова, Мартова, Засулич, Каутского, Парвуса, Линдова (Лейтейзена), Рязанова, Стеклова, Дейча и др.

Во время возникших в 1902 г. разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Плеханов выдвигал проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция обоих органов оставалась все время общей. — 45.

[9]) «*Вестник Русской Революции*» — журнал по вопросам политики и теории («социально-политическое обозрение»); № 1 (июль 1901 г.) вышел в Париже под редакцией К. Тарасова (Н. С. Русанова, он же Н. Кудрин), как издание «Группы старых народовольцев». После образования партии социалистов-революционеров, куда вошла и названная «Группа», журнал со второго номера (февраль 1902 г.) стал официальным теоретическим органом эсеровской партии. Второй номер редактировался также К. Тарасовым, остальные два (№ 3 — март 1903 г.; № 4, последний, — март 1905 г.) — редакционной коллегией. Ближайшее участие в «Вестнике» принимали М. Р. Гоц (М. Рафаилов), Н. А. Рубанович, Ю. Гарденин (В. Чернов), Л. Шишко, А. Левицкий, Е. Брешковская.

Вл. Ильич цитирует здесь заметку под заглавием «Pro domo sua» из библиографического отдела № 2 «Вестника Русской Революции». Эта заметка является ответом на библиографическую заметку Л. Мартова о № 1 «Вестника» в № 2—3 «Зари». — 48.

[10]) «*Русское Богатство*» — ежемесячный журнал, перешедший в начале 90-х годов в руки народников и ставший главным их органом в борьбе против марксизма. В 1892—1895 г. г. журнал редактировался С. Н. Кривенко и В. П. Воронцовым («В. В.»), В 1895 — 1904 г.г. во главе журнала стоял Н. К. Михайловский. Ближайшими сотрудниками журнала были: В. Г. Короленко, А. Г. Горнфельд, Дионео, А. В. Пешехонов, Л. Шишко (Батин), Реус (Рейснер), С. Венгеров, Н. А. Рубакин, В. М. Чернов, Н. Кудрин (Н. Русанов), Н. Ф. Анненский, Н. И. Кареев и др. В 1906 г. журнал выходил, вследствие приостановки его правительством, под названием «Современные Записки» и «Современность» (редактор В. А. Мякотин), в 1914 г. — «Русские Записки». Издание «Р. Б.» прекратилось в 1918 г.

Журнал группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся позднее, в эпоху революции 1905 г., в народно-социалистическую (н.-с.) партию, отчасти же вошедшую в партию эсеров. — 49.

[11]) «*Комментарием*» Вл. Ильич называет свою статью «Аграрная программа русской социал-демократии» (стр. 83 настоящего тома), которая к этому времени была уже написана и теперь обсуждалась членами редакции «Искры». О «социально-революционных требованиях», выдвигаемых социал-демократией в пользу крестьянства, см. в особенности стр. 95 настоящего тома. — 50.

[12]) Слова Чернышевского из неоконченного им романа «Пролог пролога» (написано в 60-х годах), вложенные автором в уста Волгина (под этим именем Чернышевский вывел в романе самого себя). В «Прологе» Чернышевский показал буржуазный характер крестьянской реформы 1861 г. См. соответствующие цитаты из Чернышевского и оценку их Вл. Ильичем на стр. 178—180 I тома Сочинений. «Пролог пролога» напечатан впервые в Женеве, в 1877 г., затем в Полном Собрании Сочинений Н. Г. Чернышевского, т. X, ч. 1. — 50.

[13]) Вл. Ильич цитирует здесь «Письма о голоде» Л. Толстого, написанные им под впечатлением громадного голода 1891 г., охватившего значительную часть России. Первоначально письма в урезанном цензурой виде появились под заглавием «Помощь голодным» в январской «Книжке Недели» за 1892 г. Полностью «Письма» были изданы за-границей «Фондом Вольной Русской Прессы». — 56.

[14]) Фельетоны под заголовком «*Из экономической жизни России*» появились в № 17 «Искры» (I. Сберегательные кассы) и в № 20 (II. Рабочие на русских торфяных болотах). Первый очерк написан Лениным, второй — Мартовым. Этот отдел «Искры», несмотря на желание редакции давать периодически статьи, посвященные экономической жизни и экономическому развитию России, не получил, однако, развития, и больше статей под этим заглавием в «Искре» напечатано не было. — 57.

[15]) Вл. Ильич имеет в виду «Отчет государственных сберегательных касс за 1899 год», изданный Управлением государственных сберегательных касс, повидимому, в 1900 г. (на отчете год издания не указан). — 58.

[16]) Доклад редакции «Искры» был предназначен для так называемой *Белостокской конференции*, созванной в марте 1902 г. по инициативе Заграничного Союза русских социал-демократов, находившегося в руках экономистов, и Бунда, поддерживавшего экономистов. Первоначально экономисты намеревались созвать в Белостоке *съезд* русских организаций, рассчитывая таким путем упрочить свое положение в русской социал-демократии и парализовать растущее влияние «Искры». Однако, ввиду малочисленности делегатов и настояния представителя «Искры», собравшиеся конституировались не как съезд, а как конференция. На конференции присутствовали: от Заграничного Союза р. с.-д. — М. Коган-Гриневич, Заграничного Ц.К Бунда — П. И. Розенталь, Русского Ц.К Бунда — А. Кремер и Нойэх, Петербургского Комитета — Краснуха и Зельдов, Екатеринославского Комитета — Ф. Шипулинский-Лупин, «Южного Рабочего» — О. А. Ерманский-Коган, редакции «Искры» — Ф. Дан. Конференция ограничилась утверждением общепартийной первомайской прокламации и созданием О. К. по созыву заграницей II съезда. Однако, вскоре после конференции все делегаты, за исключением Краснухи, были арестованы, и О. К. распался. Краснуха вошел затем в состав того О. К., который был создан на совещании в Пскове, в ноябре того же года (см. примечание 83).

Присутствовавший на конференции Дан получил предварительно от редакции «Искры», главным образом от Вл. Ильича, указания на счет той позиции, которой он должен будет держаться на конференции. Инструкция «Искры» была Даном в точности выполнена.

Ниже мы приводим два проекта резолюций, предложенных на конференции Даном, для сравнения их с теми принципиальными и организационными положениями, которые были высказаны Вл. Ильичем в его докладе.

Проект резолюции о конституировании собрания. «Принимая во внимание, что, благодаря отсутствию более или менее широкой общепартийной деятельности, за последние годы не выработалась еще такая общепартийная организация, которая бы в столь короткий срок могла удовлетворительно подготовить в программном и технически-конспиративном отношении II съезд Р.С.-Д.Р.П., а также принимая во внимание, что на собрании не было представлено достаточно организаций, и вопросы не были всеми организациями в достаточной степени разработаны, — собрание объявляет себя предварительною конференциею, имеющею целью подготовить в ближайшем будущем созыв такого съезда, положить начало фактическому объединению партии и решить неотложные практические задачи».

Проект принципиальной резолюции. «Признавая в согласии с Манифестом I съезда Р.С.-Д.Р.П. основные принципы революционной международной социал-демократии, конференция безусловно отвергает всякие попытки внесения оппортунизма в классовое движение пролетариата, выразившегося в так называемом экономизме, бернштейнианстве и мильеранизме, и признает, что задача партии состоит в выражении конечных интересов пролетариата во всей их полноте и руководстве борьбою пролетариата во всех ее проявлениях. Признавая, что ближайшею задачею русской социал-демократии является низвержение самодержавия, конференция безусловно отвергает все попытки сузить социал-демократическую борьбу под предлогом необходимости или особых преимуществ непосредственной связи политической борьбы рабочих с борьбою их за улучшение условий труда. Исходя из этих принципов и принимая во внимание условия деятельности в России, конференция признает безусловно необходимым создание крепко сплоченной, централизованной бое-

вой партийной организации, которая одна только способна поставить массовое движение пролетариата на высоту исторических задач, выпадающих на его долю, и обеспечить за ним возможно большую сумму силы и влияния в момент крушения самодержавного режима.

Лучшим способом для того, чтобы положить начало такой организации и поставить политическую деятельность партии на надлежащую высоту, конференция считает создание общепартийного органа, на почве постановки и распространения которого скорее всего возникнет идейное и организационное единство действующих в России соц.-дем. организаций и групп». — 66.

[17]) *«Накануне»* — журнал («социально-революционное обозрение»), издававшийся с 1 января 1899 года в Лондоне, под редакцией Е. А. Серебрякова. С января 1899 г. по февраль 1902 г. вышло 37 номеров. В журнале, связанном с «Фондом Вольной Русской Прессы», принимал участие Е. Е. Лазарев, анархист В. Черкезов. Н. Чайковский, Б. Оленин (Чернов). Журнал не имел определенной программы, проповедуя в довольно расплывчатой форме обще-демократические взгляды. — 67.

[18]) *«Свобода»* — небольшая и не пустившая прочных корней «революционно-социалистическая» группа (возникла в мае 1901 г.), возглавлявшаяся Л. Надеждиным (Е. Зеленским), единственным видным представителем группы и ее публицистом, развившим довольно значительную литературную деятельность. Отмежевываясь от социал-демократов, эсеров и народовольцев, группа под видом «синтеза» «глубоко верных идей, завоеванных нами лишь в последнее время», проповедывала в теории бесформенный и расплывчатый эклектизм. Признавая исключительно важную роль рабочего класса в борьбе за политическую свободу и низвержение самодержавия и солидаризируясь в этом пункте с социал-демократией, «Свобода» отстаивала в то же время «эксцитативный», возбуждающий террор, который должен форсировать революционное движение пролетариата. В программе и деятельности группы колебания между принципом классовой борьбы и индивидуальным террором, между революционной политикой и экономизмом переплетались с элементами авантюризма и демагогии. В борьбе искровского и экономического течений в петербургской организации (1902 г.) «Свобода» всецело поддержала экономистов против искровцев. Группа прекратила существование в 1903 г. Группой изданы: «Возрождение революционизма», «Свобода» (журнал для рабочих), «Канун революции», «Отклики» и др. — 67.

[19]) *Партия социалистов-революционеров* возникла в конце 1901 г. в результате объединения следующих революционно-народнических групп: действовавшей на западе России «Рабочей партии политического освобождения России» (программная брошюра «Свобода»); работавшего на востоке и севере «Союза социалистов-революционеров» (орган: «Революционная Россия»); южной «Партии социалистов-революционеров» («Манифест»), заграничной «Группы старых народовольцев» (орган: «Вестник Русской Революции») и заграничной «Аграрно-социалистической Лиги».

После объединения партии «Революционная Россия» и «Вестник Русской Революции» стали ее официальными органами.

В отличие от социал-демократии, признававшей только пролетариат последовательно революционным классом, способным до конца бороться за социализм, соц.-революционеры отказывались видеть классовые различия между пролетарием и мелким собственником и, затушевывая классовые противоречия внутри крестьянства, рассматривали пролетариат, крестьянство и интеллигенцию, как такие общественные силы, на которые в равной мере может опираться революционная партия, стремящаяся осуществить социалистические идеалы. Поэтому, марксистское понятие классовой борьбы с.-р. подменяли борьбой «всех» трудящихся и эксплуатируемых. Являясь по своему классовому содержанию партией

революционной интеллигенции и мелко-буржуазного крестьянства, социалисты-революционеры представляли собой крайнее левое крыло буржуазной демократии.

Теоретические воззрения партии соц.-революционеров, соединявшей народничество с ревизионистски «переработанным» марксизмом, носили явный отпечаток эклектизма. Являясь в области теории крайне правыми ревизионистами и реформистами, эсеры заимствовали свои теоретические воззрения, главным образом в вопросах аграрном и кооперативном, у таких признанных ревизионистов, как Э. Бернштейн, Ф. Герц, Э. Давид, Э. Вандервельде. «Критическое» отношение к марксизму с.-р. в особенности проявляли в «аграрном вопросе»: по их мнению общие закономерности капиталистического развития не распространяются на сельское хозяйство.

Не имея ясного представления о классовом содержании буржуазно-демократической революции и ее отличии от революции социалистической, с.-р. открывали в крестьянских волнениях 1902 г. и в крестьянском движении 1905 г. «полусоциалистические» тенденции. В качестве лозунгов для крестьянского движения с.-р. выдвигали «социализацию земли» и принцип «уравнительности», считая их мерами социалистического характера. В кооперации они видели путь к эволюционному социалистическому преобразованию капиталистического общества, не понимая, что при господстве капиталистических отношений различные формы кооперации являются лишь орудием капиталистического развития. Признавая в принципе значение массовых движений, но в то же время по-интеллигентски противопоставляя «героев» «толпе», с.-р. видели один из основных методов борьбы в терроре, который и применяли широко в период первой революции; тем самым активность масс ослаблялась, создание массовых организаций отодвигалось на задний план, центр тяжести от революционной активности масс передвигался к узким организациям. Для проведения террора была создана самостоятельная «боевая организация», во главе которой стоял сначала Г. Гершуни, затем Е. Азеф (известный провокатор). Пропаганда с.-р. до революции 1905 г. пользовалась успехом среди интеллигенции, студенчества, отчасти среди крестьян, значительно меньше — среди рабочих. В период революции с.-р. приобрели заметное влияние среди некоторых слоев пролетариата, еще сохранявших экономические связи с крестьянским хозяйством, и поэтому представляли для соц.-демократии серьезного противника.

Лидеры партии с.-р.: В. Чернов (вождь и теоретик партии), Г. Гершуни, М. Гоц, Е. Брешко-Брешковская, Н. Минор, Б. Савинков, Е. Азеф, Н. Авксентьев, В. Зензинов, Н. Ракитников и др. — 67.

[20]) «*Почти законченный уже реферат одного из членов редакции об аграрной программе русской социал-демократии*» — это статья Вл. Ильича об аграрной программе, напечатанная на стр. 83 настоящего тома. — 72.

[21]) Письмо за подписью «Старые земцы», размножавшееся на гектографе летом 1901 г. во время тайного съезда земских деятелей, предшествовавшего сессии губернских земских собраний, почти одновременно с «Искрой» было опубликовано и эсеровской печатью, в № 4 «Революционной России» (февраль — 1902 г.), при чем текст письма «Р. Р.» несколько отличен от того текста, который приведен в статье Вл. Ильича.

Состав группы «старых земцев» неизвестен. Повидимому, этой же группе принадлежит и другое письмо за той же подписью, напечатанное в № 13 «Освобождения» (1 января 1903 г. н. ст.) и призывавшее земцев, в ответ на правительственные репрессии, прибегать по примеру студентов и рабочих к «обструкциям и забастовкам». — 74.

[22]) «*Борьба*» — заграничная социал-демократическая группа, состоявшая из Д. Б. Рязанова, Ю. М. Стеклова (Невзоров) и Э. Л. Гуревича (В. Даневич, Е. Смирнов). Первоначально Рязанов и Стеклов близко стояли к искров-

цам и сотрудничали в «Искре» и «Заре». В то же время члены группы рассчитывали на возможность примирения революционного («Искра») и оппортунистического («Рабочее Дело») направлений в русской социал-демократии и с этой целью предприняли несколько объединительных попыток, не увенчавшихся, однако, успехом. После неудачи так называемого «объединительного» съезда (в октябре 1901 г.) члены группы, не найдя для себя возможным примкнуть к одному из борющихся направлений, решили образовать самостоятельную литературную группу («Борьба») и в ноябре 1901 г. выпустили программное объявление (см. «Документы и материалы» № 4, стр. 389 настоящего тома).

В области программно-теоретической группа «Борьба» стремилась стоять, в общем, на позиции ортодоксального марксизма, истолковывая его, однако, в ряде случаев, в доктринерско-схоластическом духе. Что касается взглядов «Борьбы» на формы и методы построения партии, то она относилась резко враждебно к организационным идеям «Искры», при чем организационные принципы Вл. Ильича, изложенные им в ряде работ, служили для «Борьбы» предметом постоянной критики и нападок. Равным образом «Борьба» отрицательно относилась к той тактике, которая проводилась «Искрой», рассматривавшей пролетариат как вождя и руководителя общедемократического движения, и называла эту тактику «оппортунизмом в мундире ортодоксии» (название одной из глав в брошюре Рязанова «Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов». 1903 г.).

Группой изданы: «Социал-демократический календарь на 1902 год», «Летучий Листок», № 1 (1902 г.), три выпуска «материалов для выработки партийной программы» и несколько других, более мелких изданий. Прочных корней в соц.-дем. рабочем движении группа, просуществовавшая до II съезда, не имела. — 81.

[23]) Статья «*Аграрная программа русской социал-демократии*» представляет собой комментарий к написанной в основном Лениным аграрной части программы, выработанной редакцией «Искры» и «Зари». Статья была прочитана и подверглась обсуждению 15 апреля 1902 г. на совещании редакции в Цюрихе (Плеханов, Засулич, Аксельрод, Мартов; кроме того присутствовал Л. Дейч). В своем письме Вл. Ильичу 16 апреля Аксельрод писал следующее об «итогах» чтения статьи: «Прочитали мы вчера Вашу статью об аграрной программе. Статья очень хорошая, есть места прямо прекрасные. Но кое-где необходимо поправить. Хотя почин или инициатива предложения поправок исходили то от одного, то от другого из нас, но они без споров быстро принимались всеми, а формулировались чаще всего Алексеем [Мартовым. *Ред.*]. Я не могу представить себе, чтобы Вы вполне и безусловно не согласились с нами — trotz [— вопреки. *Ред.*] «Вашему упорству». За исключением одного пункта, все требуемые поправки, частью литературного, а частью политическо-дипломатического характера, словом, частности». («Ленинский Сборник» II, стр. 136).

Об этой же статье писал Вл. Ильичу и Мартов — 17 апреля: «Читали сообща статью об отрезках и на днях отошлем ее тебе со своими коллективными замечаниями о необходимых изменениях. Думаю, что ты не найдешь требуемых изменений слишком «строгими»; статья, имеющая быть редакционной, должна не вызывать ни в одном члене редакции Bedenken [— сомнения. *Ред.*], вроде того, что это навлечет на нас подозрение в том, что мы прежде всего хотим откреститься от мысли, что нас интересуют бедствия крестьянства просто, как бедствия etc. — главный довод Вел. Дм. [Засулич. *Ред.*] и Пав. Бор. [Аксельрода. *Ред.*], а отчасти и Г. В. [Плеханова. *Ред.*]. Устранение места о национализации земли, равно как и «обилия Мартынова», кажется и мне не менее необходимым». («Ленинский Сборник» III, стр. 402). Получив статью и замечания членов редакции, Вл. Ильич «исправил ее, приняв во внимание *все* указания и требования высокой коллегии» (из письма Ленина Аксельроду 3 мая 1902 г. «Ленинский

Сборник» III, стр. 417). По исправлении статья была переслана для просмотра Плеханову, вернувшему ее со множеством новых замечаний и поправок, совершенно не выдвигавшихся редакционным совещанием в Цюрихе. Эти замечания и поправки носили настолько резкий и вызывающий, «личный» характер, в них настолько явно чувствовалось недовольство Плеханова своим положением в «Искре», при котором он уже не мог играть роль верховной, единоличной и безапелляционной инстанции в спорных вопросах с.-д. движения (это особенно сказалось при выработке партийной программы, когда проекту Плеханова Ленин противопоставил свой собственный проект, отнесясь резко критически к проекту Плеханова), что Ленин немедленно по получении замечаний Плеханова, ответил (14 мая) письмом о разрыве отношений. Таким образом внутри редакции возник чрезвычайно острый конфликт, едва не приведший к распаду «Искры». Благодаря вмешательству остальных членов редакции, конфликт, спустя месяц, был ликвидирован — письмом Плеханова Ленину 20 июня. Ради примирения Вл. Ильич согласился исключить по предложению Плеханова одно место об отрезках и все, чрезвычайно важное для истории взглядов Вл. Ильича на аграрную программу, место о национализации земли. После четырехмесячного обсуждения и переписки статья, наконец, увидела свет.

Подробнее об обстоятельствах, сопровождавших обсуждение статьи Вл. Ильича, см. «Ленинский Сборник» III, где приведены все поправки и замечания на статью членов редакции, в частности Плеханова, и ответы Вл. Ильича. — 83.

[24]) Здесь и дальше Вл. Ильич имеет в виду статью А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба» («Рабочее Дело», № 10, сентябрь 1901 г., стр. 37 — 64). — 88.

[25]) Упомянутая здесь книга Каутского — это его «Аграрный вопрос» («Die Agrarfrage. Eine Übersicht über die Tendenzen der modernen Landwirtschaft und die Agrarpolitik der Sozialdemokratie». 1899). — 97.

[26]) Вл. Ильич цитирует статью К. Каутского «Finis Poloniae?» («Конец Польше?»), напечатанную в «Neue Zeit», XIV Jahrgang, 1895 — 1896, II Band, №№ 42 и 43. — 99.

[27]) «*Московские Ведомости*»—орган дворянско-крепостнических, черносотенных кругов, редактировались с 1863 г. крайним реакционером и ненавистником малейших прогрессивных проявлений общественной мысли М. Н. Катковым, позже Грингмутом, поощрявшими и поддерживавшими все правительственные мероприятия по охране и укреплению самодержавия и подавлению всякого общественного движения. «Моск. Вед.» просуществовали до Октябрьской революции 1917 г.—119.

[28]) «*Северный Союз Р.С.-Д.Р.П.*» или «Северный Рабочий Союз» («Семен Семенович» в конспиративной переписке) — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Ярославской и Костромской (впоследствии и Тверской) губерний с центром в Иваново-Вознесенске. Возник летом 1900 г. по инициативе группы местных работников (В. А. Носков — Б. Глебов, О. А. Варенцова), высланных в Воронеж, вместе с некоторыми другими с.-д. (А. И. Любимов, Л. Я. Карпов, А. А. Кардашев и Д. В. Костеркин), создавших в Воронеже искровскую организацию и оттуда поддерживавших тесную связь с северными губерниями. Летом 1901 г. организация уже вполне оформилась и развернула широкую деятельность. Весной и летом 1902 г. Союз первой формации был разгромлен охранкой.

Съезд, на котором была принята программа Союза, происходил 1—5 января 1902 г. в Воронеже. На съезде присутствовали: Любимов, Носков, Карпов, Кардашев, Костеркин, Варенцова, Н. Н. Панин, М. А. Багаев и Вайсман — А. Волох.

Письмо Вл. Ильича по поводу принятой съездом программы до Союза, повидимому, не дошло. Возможно, что кроме письма Ленина были крити-

ческие замечания и других членов редакции «Искры», так как в воспоминаниях О. А. Варенцовой («Северный Рабочий Союз». Иваново-Вознесенск, 1925) по поводу программы имеется следующее сообщение: «Эта программа, отправленная заграницу, подверглась основательной критике со стороны заграничных товарищей-искровцев, которые своими критическими замечаниями заполнили 80 страниц. К величайшему сожалению, эта критика не дошла по назначению: провалилась по дороге» (стр. 27—28). Возможно также, что критические замечания «Искры» ограничивались одним письмом Ленина; в таком случае число страниц «критики» (80) является преувеличенным. — 123.

[29]) Брошюра, собственно статья, «Кто совершит пролетарскую революцию?» написана А. А. Саниным, помещена в сборнике «Пролетарская Борьба» (№ 1, 1899 г.), изданном «Уральской социал-демократической группой» (М. М. Бершинская Эссен, Н. Н. Кудрин, А. А. Санин и др.). О Сборнике см. примечание 150-ое к IV тому Сочинений. — 130.

[30]) Вл. Ильич имеет в виду статью «Мировой рост и кризис социализма» из № 2 «Вестника Русской Революции» (февраль 1902 г.). — 131.

[31]) Партия «*Народной Воли*» возникла в 1879 г. в результате раскола партии «Земля и Воля», распавшейся на «Народную Волю» и «Черный Передел». Самая сильная и наиболее героическая из организаций, созданных крайним революционным крылом русской интеллигенции. Теоретические взгляды партии отражали общую неразвитость классовых отношений России 80-ых годов и были проникнуты эклектизмом, в котором сочетались народнический (мелкобуржуазный) социализм и стремление к политической свободе, часто в весьма умеренной форме. «Народная Воля» отказалась на деле от аполитического анархизма предшествовавших ей революционных организаций русской интеллигенции, но, не умея решить вопроса о сочетании социализма и политической борьбы, фактически отодвинула на задний план социалистические задачи.

Метод борьбы «Народной Воли» — террор, проводимый строго централизованной и законспирированной организацией с Исполнительным Комитетом во главе; в перспективе — переворот, осуществляемый путем заговора и восстания. Партия имела связи в среде интеллигенции, студенчества, офицерства, вела отчасти пропаганду среди передового слоя рабочих («Народной Волей» изданы два номера «Рабочей Газеты»).

Исполнительный Комитет партии, куда входили А. Желябов, С. Перовская, Н. Морозов, Зунделевич, А. Михайлов, В. Фигнер, Л. Тихомиров (позже—ренегат) и др., с громадной энергией вел террористическую борьбу с самодержавием; одно покушение следовало за другим, пока серия террористических актов не завершилась убийством Александра II 13 (1) марта 1881 г. Партия не сумела найти дорогу к широким массам, и ее террористическая борьба не сопровождалась каким-либо массовым революционным движением, что дало возможность правительству жестокими преследованиями, казнями и провокацией разбить и разгромить партию. Исчерпавший свои силы в неравной борьбе с самодержавием Исполнительный Комитет «Народной Воли» после 1885 г. более не возобновлялся, и партия «Народной Воли» сошла с исторической сцены.

В 1886 г. возникла террористическая группа с А. И. Ульяновым (брат Вл. Ильича) и П. Я. Шевыревым во главе, примыкавшая к традициям «Нар. Воли» и пытавшаяся организовать покушение на Александра III («второе 1 марта»). Группа была раскрыта, и активные участники ее казнены.

Партией «Н. В.» издавалось социально-революционное обозрение «Народная Воля» (с октября 1879 г. по октябрь 1885 г. вышло 12 номеров), «Листок Народной Воли», журнал (заграничный) «Вестник Народной Воли» (№№ 1—5). — 131.

[32]) Вл. Ильич имеет в виду программное обращение Крестьянского союза партии социалистов-революционеров «Ко всем работникам револю-

ционного социализма в России» («Революционная Россия» № 8, 25 июня 1902 г.). Крестьянский союз возник после аграрных волнений в Полтавской и Харьковской губерниях весною 1902 г., как филиальное отделение эсеровской партии, объединяющее те партийные группы и связанные с ними активные элементы крестьянства, которые вели революционную деятельность непосредственно среди крестьян, главным образом на юге и востоке России. — 133.

[32]) Цитаты из статьи «Террористический элемент в нашей программе» («Революционная Россия» № 7, июнь 1902 г.); отдельные места этой статьи посвящены полемике с отрицательно относившейся к террору «Искрой». — 134.

[34]) Письма Вл. Ильича к И. И. Радченко относятся к периоду борьбы «Искры» за овладение петербургской организацией, в которой были особенно сильны традиции экономизма. Задачи искровцев в Петербурге заключались в том, чтобы, во-первых, добиться со стороны петербургских соц.-демократов признания «Искры» руководящим органом и, во-вторых, организационно перестроить петербургскую организацию на началах строжайшего централизма и устранения выборности, отменив прежде всего архаическое деление Комитета на «рабочую» и «нерабочую» часть, на собственно «Комитет» и «Комитет рабочей организации». Задача идейно завоевать Петербургскую организацию и реформировать ее была возложена, главным образом, на И. И. Радченко, П. Н. Лепешинского (2а 36) и П. А. Красикова, которыми, путем переписки, руководил Вл. Ильич. Планы искровцев встретили ожесточенное сопротивление со стороны экономистов, руководимых А. С. Токаревым (Вышибало), как раз в июле 1902 г. выпущенным из тюрьмы (см. начало второго письма Вл. Ильича к Радченко).

Употребляя в конспиративных письмах условные обозначения: «Ваня», «Маня» и др., Вл. Ильич тут же «раскрывает» их значение: Ваня — Петербургский Союз, Маня — рабочая организация. Это объясняется тем, что подлинник письма Вл. Ильича оставался в редакции «Искры», с письма снималась переписанная секретарем редакции Н. Крупской копия, соответствующие места зашифровывались и в таком уже законспирированном виде письмо отправлялось по назначению.

Упоминаемая в письме «Соня» — русская организация «Искры» — была представлена Г. и З. Кржижановскими, находившимися в Самаре.

О ходе дальнейшей борьбы искровцев с экономистами в Петербурге см. примечание 52. — 135.

[35]) Статья «Революционный авантюризм», напечатанная первоначально в №№ 23 и 24 «Искры», была издана затем отдельной брошюрой. Сообщение о выходе брошюры помещено в № 25 «Искры» от 15 сентября 1902 г.

О статье см. заметку в № 11 «Революционной России» (сентябрь 1902 г.): «По поводу полемики Искры». — 145.

[36]) Намерение Вл. Ильича «*вернуться в журнале или статье*» к более подробному изложению и разбору взглядов эсеровской партии осталось неосуществленным. Поднятых в «Революционном авантюризме» вопросов Вл. Ильич частично коснулся еще в статьях «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами» (стр. 200 настоящего тома) и «Les beaux esprits se rencontrent» (стр. 318 настоящего тома). — 146.

[37]) Цитаты из статьи А. Левицкого «Беглые заметки» («Вестник Русской Революции», № 2, февраль 1902 г.). — 146.

[38]) Цитируемая Вл. Ильичем прокламация, изданная на другой день после убийства С. Балмашовым министра внутренних дел Сипягина, обращена «Ко всем подданным русского царя». В связи с этой прокламацией в № 7 «Революционной России» (июнь 1902 г.) в отделе «Из партийной деятельности» была помещена нижеследующая, упоминаемая Вл. Ильичем на стр. 148 настоящего тома, заметка:

«По поводу того же события (т.-е. убийства Сипягина. *Ред.*) одной группой соц.-рев. выпущена отпечатанная в общепартийной типографии прокламация «Ко всем подданным русского царя». Не разделяя целиком преувеличенной, с точки зрения партии, оценки значения террористических актов, отметим лишь ту общую постановку вопроса о террористической борьбе, которая целиком совпадает с партийным воззрением: «Мы зовем к террору *не вместо* работы в массах, а именно *для этой самой работы и одновременно с нею.* Мало того, мы глубоко убеждены в целесообразности терроризма в настоящий момент, именно потому, что в массах он пробудит сочувственное эхо. «Народная Воля» была разбита только потому, что в самый решительный момент она оказалась одинокой. Страшен террор, как меч, падающий на головы слуг самодержавия, но его всегда надеются сломить, пока не видят за ним масс. Если Александр II уже подписал в самый день своей смерти указ о созыве земских представителей, то только потому, что за террористами ему виделось народное сочувствие. Выстрел Карповича может быть и не заставил бы царя пойти на уступки перед студентами, если бы не восторг, с которым встретило его множество самых мирных людей. Массовые движения и террор должны действовать *слитно*».

Поставленного Вл. Ильичем вопроса о прокламации 3 апреля 1902 г. «Революционная Россия» снова коснулась в заметке «по поводу полемики Искры» («Р.Р.» № 11, октябрь 1902 г.); на заметку Вл. Ильич ответил в конце своей статьи «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами» (стр. 204 настоящего тома). — 148.

[39]) Цитата из обращения Крестьянского союза партии социалистов-революционеров «Ко всем работникам революционного социализма в России» («Революционная Россия», № 8, 25 июня 1902 г.) — 151.

[40]) Вл. Ильич цитирует здесь библиографическую заметку «Вестника Русской Революции» (№ 1, июль 1901 г.), посвященную трем первым номерам «Искры». — 153.

[41]) Слова из «Житейского правила» И. С. Тургенева («Стихотворения в прозе», 1882 г.). — 155.

[42]) Вл. Ильич имеет в виду заметку «Ответ Заре» в № 4 «Революционной России» (февраль 1902 г.), содержащую в себе полемику с рецензией Л. Мартова («Заря», № 2—3, декабрь 1901 г.) на № 2 «Революционной России» и № 1 «Вестника Русской Революции». — 155.

[43]) «*Партия народного права*» — партия мелко-буржуазной интеллигенции народнического толка, основанная в 1893 г. М. А. Натансоном, Аптекманом, Тютчевым, Гедеоновским, Манцевичем, В. Черновым и др. Близко стояли к ней и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм и своей задачей, «насущным вопросом», считали безоговорочное объединение всех оппозиционных и революционных сил для борьбы с самодержавием во имя политической свободы. Партия успела издать свой «Манифест», брошюру А. Богдановича «Насущный вопрос» и была разгромлена правительством в апреле 1894 года. Большинство народоправцев впоследствии вошло в состав партии эсеров и народных социалистов.

Об этой партии Вл. Ильич упоминает в «Друзьях народа» (I том Сочинений, стр. 219—221) и в особенности в «Задачах русских социал-демократов» (II том Сочинений, стр. 184—185). — 163.

[44]) Вл. Ильич имеет в виду статью «Новое выступление русских либералов» («Революционная Россия» № 9, июль 1902 г.), написанную в связи с появлением первого номера «Освобождения» (под редакцией П. Струве). В статье указывалась возможность для буржуазного либерализма двух тактик: «Или они (либералы. *Ред.*) могут опять попытаться напугать правительство революцией, чтобы легче вступить в перемирие с напуганным врагом и попользоваться от него, в силу полюбовного соглашения, частицей его прерогатив для совместного властвования над трудовой массой и борьбы

с ее представителями — революционными социалистами; или они могут пойти рука об руку с представителями революционного социализма для непримиримой борьбы против самодержавия и против всякой олигархии за настоящее народоправление, за равную свободу для всех». В случае, если либерализм станет на путь непримиримой борьбы с царизмом, «взаимная помощь и поддержка» революционеров и либералов «возможна, уместна и желательна». В заключение «Рев. Россия» выражала уверенность, что договаривающиеся стороны будут «честно исполнять по отношению друг к другу все союзные обязательства», и пожелание, чтобы русские либералы «на этот раз избежали прежних ошибок». — 164.

[45]) «*Sozialistische Monatshefte*» («Социалистический Ежемесячник») — журнал («международное обозрение социализма»), выходящий с 1897 г. в Берлине, главный орган ревизионистов. В журнале сотрудничали: Э. Бернштейн, Конрад Шмит, Фр. Герц, Эд. Давид, Вольфганг Гейне, М. Шиппель и др.

Библиографическая заметка X. Житловского «Oswoboschdenije» напечатана в № 9 «S. M.» (сентябрь 1902 г.) — 164.

[46]) «*Освобождение*» — двухнедельник, орган либеральной оппозиционной буржуазии, редактировавшийся П. Б. Струве, издавался нелегально с 1 июля 1902 г. н. ст., в Штутгарте, с 15 октября 1904 г. в Париже. Последний № (79) вышел 18 октября 1905 г. Заявив в программной статье № 1, что «Освобождение» не будет революционным органом, что оно опирается на умеренные элементы общества и что его задачей является — осознание и оформление либерально-демократического движения в стране, Струве всецело присоединился к напечатанной в том же номере программе «русских конституционалистов». Являясь наиболее влиятельным органом среди либеральной интеллигенции и либеральных земцев, «Освобождение» подготовило своей деятельностью почву для образования в 1905 г. конституционно-демократической (кадетской) партии. — 164.

[47]) Группа «Борьба» (Д. Рязанов, Ю. Стеклов-Невзоров, В. Даневич-Смирнов-Гуревич) выпустила в июне 1902 г. № 1 (и единственный) «Летучего Листка группы Борьба». В передовой статье «Листка», посвященной вопросу об объединении с.-д. сил, «Борьба» отнеслась резко отрицательно к организационному плану Ленина, изложенному им в статье «С чего начать?» и брошюре «Что делать?». — 167.

[48]) Очередной партейтаг (съезд) германской социал-демократии в 1902 г. происходил в Мюнхене, с 14 по 20 сентября. Центральным вопросом, стоявшим в порядке дня съезда, были предстоявшие в 1903 г. выборы в рейхстаг. Поездка Аксельрода на съезд не состоялась. — 168.

[49]) Записка министерства финансов о пересмотре статей закона, карающих забастовки и досрочные расторжения договоров о найме, и о желательности установления организации рабочих в целях самопомощи, была издана в сентябре 1902 г. в Женеве Лигой русской революционной социал-демократии, в виде брошюры («Самодержавие и стачки»), с приложением статьи Л. Мартова «Новая победа русских рабочих». — 169.

[50]) Вл. Ильич имеет в виду передовую статью в № 4 «Освобождения» (15 августа н. ст. 1902 г.), без заглавия, посвященную оценке той же записки министерства финансов, которую разбирает Вл. Ильич в «Проекте нового закона о стачках». Вслед за статьей начата печатанием и названная выше записка. — 175.

[51]) «*Южный Рабочий*» — соц.-демократическая газета, издававшаяся группой того же наименования и имевшая значительное влияние на юге России. В своей издательской и литературной деятельности группа опиралась на южно-русские с.-д. организации, главным образом — екатеринославский и харьковский комитеты. № 1 «Ю. Р.» вышел в январе 1900 г., № 12 — в апреле 1903 г. В период, к которому относится настоящее письмо Ленина, деятельное участие в организационной и литературной работе

группы «Ю. Р.» принимали В. Н. Розанов и Е. Я. и Е. С. Левины. По своему направлению «Ю. Р.» был близок «Искре», выдвигая, в противовес экономизму, революционно-политические задачи рабочего класса и необходимость свержения самодержавия. В области организационной группа «Ю Р.» не разделяла полностью искровских методов построения партии (централизм) и стремилась к сохранению и закреплению своей самостоятельности. О своей солидарности с «Искрой» группа официально заявила в № 10 «Ю. Р.» (декабрь — 1902 г.). Группа «Ю. Р.» прекратила свое существование в силу постановления II съезда партии, распустившего все отдельные самостоятельные группы и организации. — 177.

[52]) Заявление С. Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П. (Союза борьбы за освобождение рабочего класса), обращенное «Ко всем российским соц. дем. организациям» и явившееся результатом победы в Петербургской организации искровского направления над экономическим, было выпущено отдельным изданием в июле 1902 г., перепечатано в № 26 «Искры» (15 октября 1902 г.). В своем заявлении Комитет прежде всего отметил, что «надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?» ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разноголосицы», так как в противном случае неизбежно усиление других революционных и оппозиционных течений за счет социал-демократии. В заключение Комитет заявлял «о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии». Петербургские экономисты, возглавляемые Токаревым («Вышибало»), не примирились с создавшимся положением и пытались продолжать борьбу, объявив незаконным принятое П. К. решение о солидарности с «Искрой». Борьба носила затяжной характер. Несмотря, однако, на ожесточенное сопротивление экономистов, искровцы прочно заняли господствующее положение в петербургской с.-д. организации. — 177.

[53]) *«Письмо к товарищу о наших организационных задачах»* явилось ответом на письмо петербургского соц.-демократа «Еремы» (он же «Фридрих» — А. А. Шнейерсон, искровец, после II съезда меньшевик), выдвинувшего проект организации соц.-дем. работы в Петербурге. Письмо Вл. Ильича было отпечатано на гектографе и получило широкое распространение; в июне 1903 г. оно было издано Сибирским Комитетом Р.С.-Д.Р.П. В 1904 г. Вл. Ильич издал письмо отдельной брошюрой с предисловием и послесловием. — 179.

[54]) *«Финляндская Газета»* — официальная газета русского правительства в Финляндии, издавалась в Гельсингфорсе с 1900 г. под редакцией П. А. Баженова, являлась проводником руссификаторской и великодержавной политики царизма.

Вл. Ильич имеет здесь в виду передовую статью в № 142 «Ф. Г.» от 19 сентября 1902 г., под заглавием: «Высочайшее постановление об изменении в некоторых частях учреждения императорского финляндского сената». — 193.

[55]) Вл. Ильич имеет в виду закон от 8 июля 1901 г. об отводе частным лицам казенных земель в Сибири, разобранный им в статье «Крепостники за работой» («Искра» № 8, 10 сентября 1901 г. См. IV том Сочинений, стр. 169). — 194.

[56]) Официальный текст речей Николая II, произнесенных им в сентябре 1902 г. в Курске и обращенных к дворянам, земцам и крестьянам, и в Петербурге — к рабочим Балтийского завода, напечатан в №№ 191, 192 и 202 «Правительственного Вестника» за 1902 г. — 194.

[57]) Цитата из корреспонденции, приведенной в передовой статье № 7 «Освобождения» (1 октября 1902 г. н. ст.) и передающей содержание беседы Плеве с Д. Н. Шиповым. — 195.

[58]) Против «уступок» правительству со стороны земцев «Освобождение» высказалось в передовых статьях № 5 и № 6 (от 1 сентября и 15 сентября 1902 г. н. ст.). «Серьезных уступок — писал Струве в № 6 — правительство не хочет дать и не даст. Первейший долг земства и земцев теперь — занять твердую позицию, не смущаясь ни неудовольствиями, ни угрозами, ни ласками. Всякая уступка со стороны земства, всякая политика, которая состояла бы в стараниях не раздражать верхи и ради этого обходить насущные вопросы исторического момента, была бы непростительной слабостью». — 196.

[59]) Цитируемая Вл. Ильичем статья Антона Старицкого (псевдоним) из № 7 «Освобождения» носит заглавие «Ложный шаг»; статья «земского гласного Т.» — «Мирная оппозиция или революционная борьба?» — 196.

[60]) В передовой статье № 8 «Освобождения» (15 октября 1902 г.) Струве отметил «крупные ошибки», совершенные Д. Н. Шиповым, который отказался отстаивать наиболее существенные требования земцев, в особенности требование участия выборных представителей губернских земств в особом совещании о нуждах сельско-хозяйственной промышленности и в сельско-хозяйственном Совете при министерстве земледелия, и «дал г. Плеве обольстить себя». — 196.

[61]) Оценка первых двух номеров «Освобождения» дана в статье Л. Мартова «Программа русских либералов» («Искра» № 23, 1 августа 1902 г.). — 197.

[62]) Цитата из «Антидюринга» Ф. Энгельса («Herrn Eugen Dühring Umwälzung der Wissenschaft. — Anti-Dühring». 1-е издание в 1878 г. (написано в 1877 г.). — 198.

[63]) По поводу убийства Сипягина эсерами 3 апреля 1902 г. были изданы две прокламации: одна за подписью «Боевой организации партии социалистов-революционеров» и другая, вызвавшая полемику между Вл. Ильичем и «Революционной Россией», — была издана одной эсеровской группой (см. примечание 38-ое к настоящему тому). — 205.

[64]) «*Рабочая партия политического освобождения России*» — эсеровская организация, действовавшая в западном крае, главным образом в Минске. Кружки, из которых потом образовалась «Р. П.», оформившаяся в 1899 г., возникли в 1897 г. Главными деятелями «Р. П.» были Л. М. Клячко-Родионова и Е. Гальперин. На образование «Р. П.» и выработку ее взглядов оказали большое влияние Г. А. Гершуни и Е. Брешко-Брешковская. Главной своей задачей «Р. П.» считала завоевание политической свободы путем, главным образом, террористической деятельности. «Боевая роль партии — писала «Р. П.» в своей программной брошюре «Свобода» (1900) — кончится в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода, когда будет открыт путь для свободной борьбы пролетариата, для осуществления социалистического строя». По достижении политической свободы задача партии должна будет состоять в охране завоеванной конституции. Теоретические представления «Р. П.» о социализме и о методах его осуществления носили туманный и расплывчатый характер и в практической агитации и пропаганде отодвигались на задний план во имя борьбы за политическую свободу, требующей объединения всех революционных и оппозиционных сил. В 1900 г. «Р. П.» выпустила брошюру «Свобода» и первомайскую прокламацию. Весной того же года «Р. П.» была разгромлена охранным отделением. Уцелевшие группы продолжали разрозненное существование до лета 1902 г., когда они вошли в объединенную партию социалистов-революционеров. — 205.

[65]) В подстрочном примечании к статье «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социал-революционерами» Вл. Ильич имеет в виду следующие программные заявления различных групп, составивших партию социалистов-революционеров:

«Наши Задачи» (основные положения программы союза социалистов-революционеров) были изданы в 1898 г. на гектографе тем «Союзом с.-р.», центр которого находился в Саратове. В 1900 г. «Наши задачи» были переизданы за-границей с послесловием С. Григоровича (Х. Житловского).

«Манифест партии социалистов-революционеров», принятый на съезде в Харькове (1900 г.) нескольких южных революционных групп (из них наиболее влиятельной была Воронежская), составивших «партию» социалистов-революционеров. Позже эта южная «партия» вошла как часть в ту партию социалистов-революционеров, которая возникла из объединения разных групп; поэтому Вл. Ильич и говорит о ней, как о «бывшей» партии. Выдержки из «Манифеста» приведены в статье Г. Плеханова «Новое вино в старых мехах» («Искра» № 5, июнь 1901 г.).

«Наша программа» — редакционная статья в № 1 «Вестника Русской Революции» (июль 1901 г.).

«Программные вопросы» освещены в следующих статьях «Революционной России»: «Террористический элемент в нашей программе» (№ 7, июнь 1902 г.), «От крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма в России» (№ 8, 25 июня 1902 г.), «Программные вопросы: Классовая борьба в деревне» (№ 11, сентябрь 1902 г.).

Брошюра «Свобода» написана Л. Клячко-Родионовой, проредактирована А. Гершуни, издана в 1900 г. в Минске «Рабочей партией политического освобождения России».

Заметка о соединении «Рабочей партии политического освобождения России» с партией социалистов-революционеров была напечатана в № 9 «Революционной России» (июль 1902 г.), в отделе «Из партийной деятельности». — 205.

[66]) Прокламация Донского Комитета Р.С.-Д.Р.П. «Ко всем гражданам», датированная 6 ноября 1902 г., была перепечатана в № 29 «Искры» (1 декабря 1902 г.) в отделе: «Борьба ростовских рабочих». — 209.

[67]) Цитата из марксовой «Критики готской программы» (Замечания на программу германской рабочей партии), написанной в 1875 г. — 209.

[68]) Вл. Ильич имеет в виду речи обвиняемых за участие в демонстрациях 1 и 5 мая нижегородских рабочих: Заломова, Быкова, Самылина и Михайлова, произнесенные ими перед судом московской судебной палаты 28 — 31 октября 1902 г. Речи были первоначально изданы Нижегородским Комитетом отдельным листком, затем перепечатаны «Искрой» (№ 29 от 1 декабря 1902 г.) в виде фельетона: «Нижегородские рабочие на суде».— 209.

[69]) Заметка «*О группе «Свобода»*» представляет собой подстрочное примечание к статье Л. Мартова «Борьба направлений — пожива демагогам» («Искра» № 30, 15 декабря 1902 г.), посвященной положению, создавшемуся в Петербургской организации в связи с борьбой «Комитета рабочей организации» (экономисты) против С.-Петербургского Комитета Р.-С.-Д.Р.П. (искровцы), и направленной против попытки «Свободы» поддержать петербургских экономистов и воспользоваться расколом для закрепления своей собственной позиции. Заголовок заметке дан редакцией Сочинений. Принадлежность заметки перу Вл. Ильича указана Л. Троцким («О Ленине. Материалы для биографа». Госуд. Изд-во, 2-ое изд. 1927 г. Стр. 19 — 20). — 211.

[70]) Революционно-социалистической группой «Свобода» было издано два номера «журнала для рабочих» под тем же названием («Свобода»), причем № 2 вышел летом 1902 г., после появления «Что делать?». Приводимые Вл. Ильичем цитаты взяты, однако, не из № 2 «журнала для рабочих», как можно было бы предполагать по тексту, а из другого издания той же группы «Свобода», именно: из вышедшего в декабре 1902 г. отдельного «Приложения» к № 1 «рабочей социал-демократической газеты»

журнала» «Отклики» (больше номеров «Откликов» не выходило), из статьи «По поводу письма из Петербурга». — 211.

[71]) Вл. Ильич имеет в виду статью «Терновая кислота министерства финансов» из приложения к № 1 «Откликов». Статья посвящена разбору упоминаемой Вл. Ильичем в статье «Проект нового закона о стачках» (стр. 168 настоящего тома) записки министерства финансов. — 211.

[72]) Статья «*К вопросу о докладах комитетов и групп Р.С.-Д.Р.П. общепартийному съезду*», напоминающая по своему характеру анкету, сохранилась лишь в копии, переписанной неизвестной рукой. В тексте копии имеются некоторые пропуски (см. например, IV. 16) — 212.

[73]) «*Рабочая Газета*» — орган киевских социал-демократов. Вышло всего два номера: № 1 — август 1897 г. и № 2 — ноябрь (декабрь — по Эйдельману) 1897 г.; оба печатались нелегально в Киеве. Участие в «Рабочей Газете» принимали: Б. Эйдельман, П. Тучапский, Н. Вигдорчик, В. Перазич и др. I съезд Р.С.-Д.Р.П. (1898 г.) признал «Рабочую Газету» центральным органом партии. Однако возобновить издание «Рабочей Газеты» не удалось (см. примечание 79 ко II тому Сочинений), и № 3 не вышел. — 215.

[74]) «*Работник*» — непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896 — 1899 г.г. за границей под редакцией группы «Освобождение Труда». Всего вышло 6 номеров «Работника» в трех книгах. Кроме «Работника» выходили еще «*Листки Работника*», причем №№ 1 — 8 (1896 — 1898 г.г.) вышли под той же редакцией, а последний номер (9 — 10) вышел в ноябре 1898 г. под временной редакцией, после того, как группа «Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов». — 215.

[75]) «*Жизнь*» — легальный марксистский журнал, издававшийся с 1899 по 1901 г. по инициативе группы легальных марксистов, во главе со Струве и Туган-Барановским, взамен закрытого «Нового Слова» и «Начала», и редактировавшийся В. А. Поссе. Далеко зашедшая к этому времени эволюция легального марксизма в сторону буржуазного либерализма наложила на журнал явно выраженный бернштейнианский отпечаток. После закрытия журнала правительством, Поссе перенес его издание за границу, где выпустил в 1902 г. 6 номеров «Жизни» и 12 номеров «Листков Жизни» в качестве «внефракционного» с. д. органа. — 215.

[76]) *Махаевщина* — близкое к анархо-синдикализму течение, названное так по имени Махайского (писал под псевдонимом А. Вольского, ум. в 1927 г.) В своей книге «Умственный рабочий» Махайский развил теорию, согласно которой социализм является особой идеологической формой обмана рабочих интеллигенцией, заинтересованной в порабощении пролетариата путем создания такого общества, где власть будет принадлежать монополистам знания и образования. Поэтому провозглашаемая марксизмом борьба за политическую свободу, социальную революцию и захват власти выгодна лишь интеллигенции, является орудием достижения ее собственных целей. Резко враждебное отношение к марксизму, социализму и интеллигенции, которую Махайский считает «паразитическим» классом, в том числе и к ее социалистической части — таково специфическое содержание махаевщины, сближавшее ее с черносотенством. Положительная программа махаевцев сводилась к туманному требованию «равного дохода» для всех при сохранении классов. 1-й выпуск «Умственного рабочего» был напечатан на гектографе в Сибири, в 1898 г., 2-й вышел там же в следующем году, 3-й — напечатан в 1904 г. в Женеве, где в 1905 г. были переизданы все 3 части. В 1902 г. в Иркутске махаевцами была выпущена первомайская прокламация. В революцию 1905 — 7 г.г. махаевцы не имели какого-либо значительного влияния на рабочие массы; отдельные группы махаевцев имелись в Одессе, Варшаве и Петербурге. — 219.

[77]) «*Русское Собрание*», о котором говорит приводимое в статье письмо московского рабочего-зубатовца Ф. Слепова, — это общество в Петербурге,

объединявшее высшее чиновничество и черносотенную интеллигенцию, оказывавшую поддержку Зубатову в его «рабочей» политике.

О зубатовщине см. примечание 140 к IV тому Сочинений. — 220.

[78]) «*Свет*» — издававшаяся в Петербурге с 1882 г. ежедневная газета ура-патриотического направления, редактировалась В. В. Комаровым. — 211.

[79]) «*Русский Вестник*» — журнал реакционного направления, основан в 1856 г. М. Катковым, в 900 годах редактировался В. А. Величко. — 221.

[80]) «*Осколки*» — юмористический журнал, бульварного типа, начавший выходить в 1881 году, превращенный позже в иллюстрированный еженедельник, редактировавшийся Н. А. Лейкиным. — 221.

[81]) Список петербургских рабочих зубатовцев дан в статье Л. Троцкого «Зубатовщина в Петербурге». («Искра» № 30, 15 декабря 1902 г.).—221.

[82]) Речь Самылина напечатана в фельетоне под заглавием «Нижегородские рабочие на суде» («Искра» № 29, 1 декабря 1902 г.). Фельетон был выпущен также отдельным изданием. — 222.

[83]) *Организационный Комитет по созыву 2 съезда Р.С.-Д.Р.П.* был создан по инициативе «Искры», главным образом, Ленина, в ноябре 1902 г., в Пскове. Первоначально О. К. составился из трех лиц: В. П. Краснухи (от Петербургского Комитета), Е. Я. Левина (от группы «Южного Рабочего») и И. И. Радченко (от организации «Искры»). Представитель Бунда отсутствовал, так как приглашение Бунду принять участие в составлении О. К. опоздало. Путем кооптации в О. К. были введены: Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник, П. А. Красиков и П. Н. Лепешинский. Краснуха, Радченко и Лепешинский вскоре были арестованы. Оставшиеся члены О. К. выпустили «Извещение об образовании О. К.». В дальнейшем в О. К. были кооптированы: К. Портной (от Бунда), Р. С. Гальберштадт, Е. М. Александрова, В. Н. Розанов (от «Южного Рабочего») и А. М. Стопани (от «Северного Союза»). Пленум О. К. состоялся в феврале 1903 г. в Орле. На пленуме был принят проект устава по созыву съезда. О. К. просуществовал до II съезда Р.С.-Д.Р.П., по созыву которого он провел громадную организационно-практическую работу. — 225.

[84]) В подлиннике письмо Вл. Ильича имеет следующий заголовок: «Несколько мыслей по поводу письма 7 ц 6 ф». Сбоку имеется приписка рукой Вл. Ильича «Зарину от Л[енин]а». Зарин—это Ф. В. Ленгник — видный социал-демократ «искровец», потом большевик, член О. К. по созыву Р.С.-Д.Р.П., член ЦК после II съезда, в настоящее время член ЦКК. «7 ц 6 ф» — повидимому его условное обозначение в конспиративной переписке. В то время, когда Вл. Ильич писал настоящее письмо Ф. Ленгнику, последний был агентом «Искры» и работал в Киеве. — 231.

[85]) «*Вперед*» — одна из первых социал-демократических газет в России. № 1 (на гектографе), вышедший в январе 1897 г., был издан киевской с.-д. группой «Рабочее Дело» (Ю. Мельников, Тучапский, Вигдорчик, Эйдельман), позднее «Вперед» выходил как орган Киевского «Союза борьбы» (Комитета Р.С.-Д.Р.П.). Последний № (7) вышел в сентябре 1899 г. Отрицательное отношение Вл. Ильича к газете «Вперед» вызвано, повидимому, ее последними номерами.—234.

[86]) «*Красное Знамя*» — издание заграничного Союза русских социал-демократов, выходило взамен прекратившегося «Рабочего Дела». Всего вышло 3 номера — с ноября 1902 по январь 1903 г. — 234.

[87]) «*Народное Дело*» — популярное издание партии социалистов-революционеров «для городских и сельских рабочих». Вышло 4 номера (№ 1— август 1902 г., № 2 — сентябрь 1902 г., № 3 — январь 1903 г. и № 4—июнь 1903 г.) — 234.

[88]) «*Лучина*» — популярный сборник, который «революционно-социалистическая» группа «Свобода» предполагала в 1902 — 1903 г.г. издавать для крестьян.—234.

[89]) «*Последние Известия*» — издание заграничного Комитета Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунда). Всего вышло 256 №№ (1901—1906 г.г.).

Из № 106 «Последних Известий» (3 февраля 1903 г. н. ст.) Вл. Ильич цитирует датированное январем 1903 г. «Заявление Центрального Комитета Бунда по поводу «Извещения об образовании Организационного Комитета». Этому заявлению предшествует вводная заметка редакции, без заголовка. — 236.

[90]) Полемика между «Искрой» и «Бундом» по вопросу об организационных отношениях Бунда с Р.С.-Д.Р.П. была вызвана решением IV съезда Бунда (апрель 1901 г.) отстаивать федеративный принцип во внутрипартийных отношениях (см. примечание 227 к IV тому Сочинений). «Искра» реагировала на это решение Бунда, пересматривавшее постановление I съезда Р.С.-Д.Р.П. (1898 г.), заметкой Мартова в № 7 «Искры» (август 1901 г.). Ц. К. Бунда ответил на заметку письмом, напечатанным в № 8 «Искры» (10 сентября 1901 г.), вместе с ответом редакции. На этом полемика между «Искрой» и Бундом по вопросу об организационном сепаратизме Бунда и его националистических тенденциях временно прекратилась. Дальнейшее продолжение полемика получила в начале 1903 г. в связи с позицией, занятой Бундом по отношению к Организационному Комитету по подготовке II съезда Р.С.-Д.Р.П. — 237.

[91]) Заметка «*О манифесте армянских социал-демократов*» напечатана в № 33 «Искры», в отделе «Из партии». Заголовок заметки принадлежит редакции Сочинений. В конце заметки Вл. Ильич обещает еще раз вернуться к вопросу о федеративности и национальности. Исполнением обещанного является статья «Национальный вопрос в нашей программе» (стр. 337 настоящего тома).

В «Союз армянских социал-демократов», издававший «Пролетариат», входили: А. Зурабов, С. Ханоян, А. Хумарян и др. — 241.

[92]) Издание редакцией «Искры» брошюры, которая включала бы прокламацию Екатеринославского Комитета Р.С.-Д.Р.П. «К еврейским рабочим г. Екатеринослава» (конец 1902 г.) и статью Заграничного Комитета Бунда «По поводу одной прокламации» («Последние Известия» № 105, 28 января 1903 г. н. ст.), осуществлено не было. — 246.

[93]) Имеется в виду переведенная на еврейский язык вышедшая по-немецки в 1902 году брошюра К. Каутского «Die Soziale Revolution» «Социальная революция». — 248.

[94]) В № 17 «Освобождения», вышедшем 1 марта 1903 г. нов. ст., помещена статья С. С. «К очередным вопросам», снабженная длинным послесловием «редактора», т.-е. П. Струве. Помимо № 17 «Освобождения» Вл. Ильич в настоящей статье («Г. Струве, изобличенный своим сотрудником») разбирает предисловие Струве ко второму изданию конфиденциальной записки (1899 г.) министра финансов С. Витте «Самодержавие и земство», вышедшему в 1903 г. — 255.

[95]) «*Новое Слово*» — журнал, начавший выходить в 1894 г., как орган правых народников, с С. Н. Кривенко в качестве руководителя. В 1897 г., начиная с апрельской книжки, журнал перешел в руки «легальных» марксистов и, несмотря на цензурные преследования, продержался до конца года (последняя, декабрьская, книжка была конфискована при выходе в свет, а журнал был прекращен постановлением четырех министров). В редактировании журнала принимали участие: П. Струве (П. С., Novus), М. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова, В. Поссе. Сотрудничали, кроме того: Г. В. Плеханов (Н. Каменский), В. И. Засулич (В. Иванов), В. И. Ленин (К. Т-н), Ю. Мартов (А. Егоров), С. Булгаков (Nemo), М. Горький, В. Вересаев и др.

Ниже Вл. Ильич цитирует заметку П. Струве об «Экономических этюдах» Н. В. Водовозова из книги десятой «Нового Слова» за 1896—1897 г.г. — 258.

[96]) № 18 «Освобождения» вышел 15 марта 1903 г. н. ст. — 259.

[97]) Брошюра *«К деревенской бедноте»*, ставящая своей задачей популяризацию социал-демократической программы среди крестьян, начата в марте, закончена в начале апреля, вышла из печати в мае 1903 г. «Я засел теперь за популярную брошюру *для крестьян* о нашей аграрной программе — писал Вл. Ильич Плеханову 15 марта. — Мне очень хочется разъяснить нашу идею о классовой борьбе в деревне на *конкретных* данных о четырех слоях деревенского населения (помещики, крестьянская буржуазия, среднее крестьянство и полупролетарии вместе с пролетариями)... Из Парижа (в Париже Вл. Ильич читал 3 — 6 марта реферат об аграрной программе соц.-демократии. *Ред.*) я вывез убеждение, что только такой брошюрой можно рассеять недоумения насчет отрезков etc. (— и так далее. *Ред.*)» («Ленинский Сборник» IV, стр. 223). Л. Мартов в письме к П. Аксельроду высказал предположение, что «брошюра, пожалуй, произведет впечатление не менее сильное, чем «Что делать?»» («Письма Ю. О. Мартова и П. Б. Аксельрода». 1924 г., Берлин, стр. 83).

К брошюре Вл. Ильич приложил текст программы Р. С.-Д. Р. П., разбив ее, для удобства пользования, на несколько отделов (А, Б, В и т. д.) и предпослав программе несколько вступительных замечаний (см. стр. 316 — 317 настоящего тома). Редакция Сочинений внесла эту разбивку на отделы в тот текст программы, который приложен к настоящему тому (см. «Документы и материалы», № 2, стр. 348).

Брошюра была переиздана в 1904 г. (вышла в издании Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. — 261.

[98]) Цитата из обращения Крестьянского союза партии социалистов-революционеров «Ко всем работникам революционного социализма в России» («Революционная Россия» № 8, 25 июня 1902 г.). — 276.

[99]) Вл. Ильич имеет в виду большую работу Э. Давида (703 страницы) под названием «Sozialismus und Landwirtschaft», Band I, «Die Betriebsfrage» («Социализм и сельское хозяйство» т. I. «Производство»). — 288.

[100]) Автор книги «Рабочее дело в России» — Л. Мартов. Здесь имеется в виду второе издание этой книги, вышедшее в 1903 г. в Женеве, в издании Лиги русской революционной социал-демократии. — 297.

[101]) Отзыв о книге Э. Давида напечатан в № 35 «Русских Ведомостей» за 1903 г., в корреспонденции из Берлина, датированной 30 января и подписанной буквой «И.» (Иоллос). — 318.

[102]) Вл. Ильич цитирует статью «Программные вопросы» (1. Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве), напечатанную в № 14 «Революционной России» (декабрь 1902 г.). — 320.

[103]) Настоящая статья Ленина является ответом на статью Икса (П. П. Маслова) «Об аграрной программе». В этой статье П. Маслов подверг критике аграрную часть выработанной «Искрой» и «Зарей» программы Р. С.-Д. Р. П. (автором аграрной программы является, как известно, Ленин), и приложил к статье свой собственный проект аграрной программы (См. «Документы и материалы», № 5, стр. 396 настоящего тома). Статья Маслова (Икса) и «Ответ» Ленина были изданы отдельной брошюрой в Женеве (Издание Лиги русской революционной социал-демократии). — 325.

[104]) Статья «Крестьяне», без подписи, взята из энциклопедического словаря Ф. Брокгауза и И. Ефрона, 32 том. — 328.

[105]) Вл. Ильич имеет в виду брошюру А. Рудина (псевдоним А. И. Потапова) «К крестьянскому вопросу», вышедшую в 1902 г. в издании «Аграрно-социалистической Лиги». — 331.

[106]) *«Отечественные Записки»* — журнал, основанный в 1818 г. П. П. Свиньиным, в 1838 г. перешел к Краевскому, который привлек к участию в «О. З.» Белинского, своим сотрудничеством создавшего громадный престиж журналу среди разночинной интеллигенции. С 1868 г. журнал стал

органом революционного народничества и, под руководством Некрасова, Елисеева, Салтыкова-Щедрина и Михайловского, оказывал огромное влияние на революционную часть русской интеллигенции. Закрыт правительством в 1884 году.

Вл. Ильич цитирует статью В. В. «Наше крестьянское хозяйство и агрономия» («Отеч. Зап.» №№ 8 и 9, 1882 г.). — 335.

[107]) *Польская социалистическая партия* (*П. П. С.*) — возникла в 1892 г.: в 1906 г. раскололась на два крыла: правое («правица»), узконационалистическое, образовавшее в 1919 г. нынешнюю П. П. С., и левое («левица»), более близкое к социализму (из «левицы» и соц.-демократии Польши и Литвы в 1918 г. возникла польская коммунистическая партия). Основное программное требование П. П. С.: завоевание пролетариатом независимой польской республики, объединяющей все три части Польши: русскую, германскую и австрийскую. Метод борьбы: вооруженное восстание против царского самодержавия и террористическая борьба против агентов царизма в Польше. Националистические и патриотические лозунги П. П. С. нашли почву среди польской мелкой буржуазии и мелко-буржуазной революционной интеллигенции и некоторой части польского пролетариата. Эклектизм в теоретических и программных вопросах, методы политической деятельности и, наконец, те классы и общественные группы, на которые опиралась П. П. С., сближали ее до некоторой степени с русскими социалистами-революционерами. Руководящие органы П. П. С.: «Przedświt» («Рассвет») и «Robotnik» («Работник»). Лидерами П. П. С. в разное время были: Войцеховский, Пилсудский, Дашинский, Перль и др. — 337.

[108]) Цитата из статьи К. Каутского «Finis Poloniae?» («Конец Польше?»), напечатанной в «Neue Zeit», XIV Jahrgang, 1895 — 1896 г., II Band, №№ 42 и 43. — 331.

[109]) Цитата из написанного при участии Р. Люксембург введения Ф. Меринга к 3 тому изданного им полного Собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса за период с 1841 по 1850 г. г. (Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841 bis 1850. Dritter Band. Herausgegeben von Franz Mehring. Stuttgart. 1902. Verlag von J. W. Dietz). — 341.

[110]) Сообщение о существовании в правительственных кругах проекта об обществах взаимопомощи рабочих имеется в передовой статье № 4 (28) «Освобождения» от 15 августа н. ст. 1903 года. — 346.

[111]) Статья «*Задачи революционной молодежи*», напечатанная в № 2 — 3 «Студента» с подзаголовком «Письмо первое», была издана также отдельно, за исключением постскриптума, на гектографе, под таким заглавием (на обложке): «К студенчеству. Задачи революционной молодежи (социал-демократия и интеллигенция)». Дальнейших «писем», продолжающих статью из № 2 — 3 «Студента», не было. — 353.

[112]) «*Студент*» — революционно-социалистический студенческий орган, выходил в 1903 г., всего вышло два номера, из них один двойной (№№ 1 и 2 — 3). В № 1 редакция журнала, высказавши полное одобрение и сочувствие террористическому акту С. Балмашова, памяти которого был посвящен номер, выразила в то же время надежду на кратковременность расхождений между социал-демократами («Искра») и социал-революционерами («Революционная Россия»). Поскольку, однако, редакция «Студента» пока еще не примкнула прочно и окончательно к одному из двух борющихся в революционной среде основных течений, она предложила их представителям изложить точку зрения социал-демократов и социал-революционеров в № 2 — 3 в порядке свободной дискуссии. В результате в № 2 — 3 в отделе «Свободная Трибуна» была напечатана статья-письмо Ленина «Задачи революционной молодежи» и «Открытое письмо редакции Студента» Ю. Гарденина (В. Чернова).

Упоминаемое Вл. Ильичем редакционное заявление было напечатано также в № 2 — 3 «Студента». — 353.

[113]) Упоминаемое ниже «Открытое письмо союзным Советам и Организационным Комитетам высших учебных заведений России», составленное 12 октября 1902 г. Киевским союзным Советом объединенных землячеств и организаций и Организационным Комитетам Киевского политехнического Института, было напечатано в № 13 «Революционной России» (ноябрь 1902 г.) и в № 1 «Студента» (3 апреля 1903 г.), причем «Р. Р.» предпослала письму (содержание его изложено Вл. Ильичем) замечание о том, что «не следует вводить в студенчество междуфракционной борьбы, столь вредной для успеха революционно-социалистического дела». На письмо студентов и заметку «Р. Р.» «Искра» откликнулась статьей «Опекаемое студенчество» (№ 31, 1 января 1903 г., статья Л. Троцкого). Далее по тому же вопросу последовали еще две статьи: «Студенчество и революция» («Р. Р.» № 17, 1 февраля 1903 г.) и «Как они примиряют» («Искра» № 35, 1 марта 1903 г., статья Л. Троцкого). — 357.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — один из идеологов и лидеров меньшевизма и II Интернационала. В 70-х годах принимал участие в народническом движении, примыкая к бакунистам; после раскола «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым и другими основал Группу «Освобождение Труда». С 1900 г. был одним из редакторов «Искры» и «Зари». В 1903 г. на II съезде партии один из лидеров меньшинства, которому дал принципиальное обоснование в своих статьях в новой «Искре», выступая с тех пор в качестве одного из самых непримиримых противников большевизма. Ему принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за время существования меньшевистской партии. Осенью 1905 г. выдвигает оппортунистическую идею «рабочего съезда». На IV Объединительном съезде (1906 г.) защищает тактику «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». В годы реакции возглавляет ликвидаторство. Был представителем О. К. (меньшевиков) на Циммервальдской и Кинтальской конференциях, где стоял на крайне-правом крыле. К Октябрьской революции отнесся чрезвычайно враждебно, заняв позицию весьма близкую к взглядам «активистов» (Либер и др.). В 1920 г. выступает с резкой критикой меньшевистского Ц. К., считая борьбу последнего с большевизмом недостаточно решительной. Участвует в создании Венского Интернационала. Был членом Международного Социалистического Бюро. Один из вдохновителей вооруженной интервенции С. С. С. Р. — 88, 168.

АЛЕКСАНДР II (1818 — 1881). — 79.

АЛЕКСАНДР III (1845 — 1894). — 194, 250, 268.

АЛЕКСЕЕВ, П. А. (1849 — 1891) — известный революционер 70-х г. г., рабочий-ткач. 16 — 17 лет самоучкой научился читать и писать, вскоре примкнул к московскому народническому кружку пропагандистов (Бардиной, Здановича и др.) и начал активно выступать как агитатор и пропагандист социализма среди рабочих. После ареста и двухлетнего пребывания в тюрьме судился в 1877 г., вместе с другими членами кружка, особым присутствием сената («процесс 50»). На суде отказался от защитника и в своей ярко революционной речи, получившей широкую известность, обрисовал ужасные условия, в которых жил тогда рабочий класс, закончив речь предсказанием неизбежного падения самодержавия. Был присужден к 10 годам каторги, отбыв которые, был поселен в глухом улусе Якутской области, где в 1891 г. убит якутами с целью грабежа. Речь П. Алексеева неоднократно переиздавалась. — 70.

Б.

БАБЕФ, ГРАКХ (1760 — 1797) — видный деятель великой французской революции, вождь коммунистического заговора «равных» в эпоху термидорианской реакции (1795 — 1797). Отрицательно относясь к террору

якобинцев, Б. считал в то же время недостаточно радикальной якобинскую программу общественных преобразований. После падения якобинской диктатуры Б. пришел к мысли о необходимости новой революции во имя интересов социальных низов и стал во главе тайного общества, задача которого заключалась в осуществлении революционного переворота в целях создания коммунистического общества. Заговор Б. был раскрыт, и 27 мая 1797 г. Б. был казнен. Несмотря на недостаточно ясную классовую позицию Б., не понимавшего исторической роли тогда еще только что зарождавшегося крупно-промышленного пролетариата, Б. может быть рассматриваем как один из предшественников революционного марксизма.— 159.

БАЛМАШЕВ, С. В. (1882—1902) — социалист-революционер, убивший в знак протеста против свирепых репрессий правительства по отношению к общественному движению, в особенности студенческому, министра внутренних дел Сипягина, студент. Принимал активное участие в студенческом движении, был в числе 183 студентов Киевского университета, сданных в начале 1901 г. в солдаты «за учинение скопом беспорядков». По возвращении осенью с военной службы сблизился с революционными организациями и вел работу в соц.-демократических и эсеровских рабочих кружках. Террористический акт совершил в качестве члена руководимой Гершуни боевой организации партии социалистов-революционеров. Казнен по приговору военного суда. — 146, 147, 150.

БАСТИА, ФРЕДЕРИК (1801—1850) — французский экономист, пропагандировавший идеи манчестерской школы (свобода торговли), ярый апологет буржуазного общества и частной собственности. Во время революции 1848 г. выступил против представителей французского социализма (Л. Блана, Прудона) с рядом экономических памфлетов, пользовавшихся большим успехом среди буржуазии; в особенности Б. нападал на популярный среди рабочих лозунг «право на труд». В своем главном труде («Harmonies économiques», 1850) Б. доказывал «гармоничность» буржуазного общества, в котором свободная борьба экономических сил ведет будто бы к устранению антагонизмов и к постепенному перераспределению общественных благ с постоянным повышением доли трудящихся классов. — 63.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840—1913) — один из основателей немецкой социал-демократической партии и ее вождь. Б. — сын прусского солдата, круглый сирота с 12 лет. 14 лет поступил в токарную мастерскую учеником. В течение двух лет, будучи ремесленным подмастерьем, странствовал по Германии, Австрии и Швейцарии. Встретившись в 1865 г. с В. Либкнехтом, стал социалистом и примкнул к Интернационалу. На выборах 1867 г., производившихся впервые на основе всеобщего избирательного права, был выбран в рейхстаг. В 1869 г. Б. и В. Либкнехт на Эйзенахском конгрессе основали Германскую социал-демократическую партию. Во время франко-прусской войны Б. вместе с Либкнехтом воздержался от голосования военных кредитов, а после сентябрьского переворота во Франции и провозглашения республики голосовал против займа и протестовал против аннексии Эльзаса и Лотарингии. Б. неуклонно боролся против всяких попыток превратить социал-демократию в демократическую реформистскую партию (Дюринг, Бернштейн, Фольмар). Признавая себя учеником Маркса и Энгельса, Б. отстаивал как непосредственные рабочие требования, так и общие цели движения. Противодействуя правым течениям в социал-демократии, Б. выше всего ставил формальное единство партии, вследствие чего часто принужден был идти на компромиссы с правыми, отмежевываясь от нарождавшегося в последние годы перед войной лево-радикального течения во главе с Р. Люксембург. Лидер II Интернационала в довоенные годы. — 232, 235.

БЕМ-БАВЕРК, ЕВГЕНИЙ (1851—1914) — австрийский экономист, профессор, наиболее выдающийся представитель «австрийской школы» в

политической экономии, пытающейся объяснить все экономические явления с точки зрения «субъективных оценок» (теория «предельной полезности»). Ожесточенный противник марксизма, оказавший значительное влияние на все развитие современной буржуазной экономической науки. Автор ряда работ: «Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes» 1886 («Основы теории ценности хозяйственных благ», СПБ. 1903); «Kapital und Kapitalzins», I, II, 1884—1889 г. (По-русски переведен I том: «Капитал и прибыль». СПБ., 1909 г.), «Zum Abschluss des Marxschen Systems», 1896 г. (по-русски — «Теория К. Маркса и ее критика», СПБ., 1897 г.). Критику теории Б.-Б. см. у Н. Бухарина «Политическая экономия рантье», М. 1925, и у Р. Гильфердинга, «Бем-Баверк, как критик Маркса». М. 1924 г. — 47.

БЕРДЯЕВ, Н. А. (р. 1874) — публицист и философ, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901), в которой бернштейнианское выхолащивание марксизма сочетается с кантовской философией. Во время первой революции — кадет. После поражения революции был в числе сотрудников «Вех», закончил свою эволюцию полным примирением с православием, а после Октябрьской революции выступил апологетом нового средневековья, как единственного спасения от растущего коммунизма, и окончательно оформил свою мистическую и реакционную социальную метафизику. С 1922 г. эмигрант. — 47, 356.

БЕРНШТЕЙН, ЭДУАРД (р. 1850) — германский социал-демократ, в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии «Der Sozial-Demokrat» («Социал-Демократ») (1879—1888), выходившего в Цюрихе. В середине 90-х годов выступил со своими статьями в теоретическом органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое Время»), где пытался подвергнуть пересмотру («ревизии» — отсюда: «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицания социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем его постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное и оформленное изложение своих взглядов Б. дал в книге «Die Voraussetzung n de Sozialismus und die Aufgaben der Sozial-demokratie» («Предпосылки социализма и задачи социал-демократии»), вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., вызвавшие тотчас же резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Г. Плеханова и после некоторых колебаний К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной социал-демократии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В годы войны Б. — центрист, социал-пацифист. В настоящее время — один из лидеров II Интернационала. Его ревизионистские воззрения целиком победили в германской социал-демократической партии и нашли свое отражение в ее новой программе. — 63, 88.

БОГОЛЕПОВ, Н. П. (1846—1901) — министр народного просвещения с 1898 г., преемник Делянова, профессор. Главной задачей своего министерства считал борьбу с либеральным и революционным движением в высшей школе. При Б. были приняты известные «Временные правила», предоставлявшие министерству право сдавать в солдаты студентов за участие в «беспорядках». Применение этих правил в конце 1900 и начале 1901 г.г. вызвало громадное волнение среди студенчества. 14 февраля 1901 г. Б. был тяжело ранен на приеме студентом-эсером Карповичем и через несколько дней умер. — 52, 55.

БРАККЕ, В. (1842—1880) — видный германский социал-демократ, примыкавший первоначально к лассальянцам. Во время франко-прусской войны после недолгого колебания занял анти-военную позицию, принимал деятельное участие в издании Центральным Комитетом социал-демократической партии воззвания к рабочим с призывом начать борьбу про-

тив войны, за что был заключен в крепость. Член рейхстага. Автор популярной брошюры «Долой социал-демократов!», переведенной на ряд языков. — 232.

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», впоследствии эволюционировал к идеализму, а затем и к православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.) и в особенности в двухтомной работе «Капитализм и земледелие» (1900 г.) Б. порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность основных положений марксистской теории вообще и в области аграрных отношений — в частности. В последующих работах пришел к выводу о невозможности какого-либо прогноза в области социальных наук и стал рассматривать социализм не как необходимый этап развития общества, а как нравственный идеал свободной человеческой воли. В 1907 г. был депутатом II Государственной Думы, примыкал к кадетской партии; являлся одним из вождей общественной реакции, господствовавшей после поражения революции 1905 — 7 годов. Участник сборника «Вехи». После Октябрьской революции стал священником (о. Сергий) и дошел до монархической реакции. В настоящее время — эмигрант. — 48, 58, 63, 88, 95, 100, 158, 356.

В.

ВАЛУЕВ, П. А. (1814 — 1890) — один из главных деятелей царствования Александра II, граф. Министр внутренних дел (1861 — 1868), государственных имуществ (1872 — 1877), председатель комитета министров (1877 — 1881). Представлял собою соединение бюрократической школы Николая I с обликом европейского либерализма 40-х годов, поэтому в теории был либералом, а на практике придерживался традиционных репрессивных методов. Автор двух конституционных проектов (1863 и 1879 г.г.). При нем были введены земская и цензурная реформы. Председательствовал в образованной по его инициативе комиссии по изучению положения сельского хозяйства в России, получившей название «Валуевской комиссии». Конец его карьере был положен скандальным процессом его сотрудников, уличенных в злоупотреблениях при раздаче башкирских земель. Ценен дневник В., содержащий ряд злых и метких характеристик правительственных кругов. — 104.

ВАННОВСКИЙ, П. С. (1822 — 1904) — генерал, военный министр, один из ближайших сотрудников Александра III. В 1899 г. председательствовал в комиссии по расследованию причин студенческих волнений в высших учебных заведениях. После убийства Боголепова, 25 марта 1901 г. назначен был министром народного просвещения с задачей успокоить студенчество. «Реформы» В. (освобождение студентов, сданных при Боголепове в солдаты; легализация института студенческих старост), рекламировавшиеся казенной и либеральной печатью, как начало новой эры «сердечного попечения» правительства о студентах, были проникнуты полицейским духом, студентов не удовлетворили и никакого успокоения в процесс революционного брожения в студенчестве не внесли. В 1902 г. В. оставил свой пост, в виду полной неудачи своей миссии. — 52, 53.

В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847 — 1917), одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Окончив медико-хирургическую академию, в течение восьми лет работал земским врачом, затем занялся литературной деятельностью. Главные сочинения: «Судьбы капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Решительно выступал против

марксизма и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцева (В. В.)». — 158, 203, 335.

ВЕЛИЧКО, В. Л. (1860 — 1904) — писатель и поэт, редактор официозной газеты «Кавказ» в Тифлисе, затем журнала «Русский Вестник» в Петербурге. Состоял членом Совета организованного для содействия Зубатову в Петербурге «Русского Собрания». — 221.

ВИЛЬГЕЛЬМ II ГОГЕНЦОЛЛЕРН (р. 1859) — германский император (1888 — 1918); свергнут революцией 9 ноября 1918 года. В настоящее время находится в Голландии. — 258.

ВИТТЕ, С. Ю. (1849 — 1915) — один из крупнейших министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов (введение золотой валюты, усиление покровительственной системы, винная монополия, железнодорожное дело и пр.) много способствовавший развитию капитализма в России. После неудачной для романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г. — председатель совета министров. В виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок. Автор манифеста 17 октября 1905 года. Вынужден был уйти с политической сцены после поражения революции 1906 — 07 годов. — 60, 76, 78, 118, 235, 255.

ВОДОВОЗОВ, В. В. (р. 1864) — литератор, экономист, член народно-социалистической партии, редактор левых газет «Наша Жизнь» и «Товарищ» (1904 — 1908 г.г.) и сотрудник народнического «Русского Богатства». В 1918 г. сотрудник «Дня». Ныне эмигрант. — 258.

ВРУБЛЕВСКИЙ — польский революционер, эмигрировавший во Францию; во время Парижской Коммуны один из ее генералов, вместе с Домбровским руководивший обороной Коммуны. — 340.

Г.

ГЕРЦ, ФР. — австрийский экономист, соц.-демократ, один из критиков Маркса в аграрном вопросе; в своей книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» пытался доказать живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе и его способность противостоять конкуренции крупного хозяйства. В России книга Г. была широко использована народниками для борьбы с марксистами. — 58, 63, 88, 153.

ГОЛИЦЫН, Д. П. (р. 1860) — князь, писатель (псевдоним Муравлин), автор нескольких романов из великосветской жизни, крупный чиновник министерства народного просвещения, оказывал горячую поддержку Зубатову в его стремлении парализовать развитие революционного движения рабочего класса, состоял председателем зубатовского «Русского Собрания» в Петербурге. — 223.

ГОРЕМЫКИН, И. Л. (1839 — 1917) — министр внутренних дел (1895 — 1899 г. г.), типичный представитель русской реакционной бюрократии. Издал «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния» (1891). В 1906 г., после ухода Витте, был назначен председателем Совета министров и руководил борьбой с революционным движением во время первой Думы. С 1914 г. по 1916 г. снова председатель Совета министров, опирался на Распутина и покинул этот пост накануне Февральской революции. — 75, 258.

ГОФШТЕТТЕР, И. А. — один из самых реакционных сторонников народничества, считавший себя последователем В. В., который, якобы, доказал «невозможность» развития в России крупного капиталистического производства. Обвиняя марксистов в стремлении «насаждать» капитализм и «ускорять обезземеление крестьянства и разорение мелких хо-

зяев», Г. связывал свои резко враждебные марксизму теоретические воззрения с надеждой на разумную политику царского правительства, которое правильной системой налогов и кредита может содействовать развитию и упрочению мелкого производства за счет крупного. Взгляды Г. изложены им в брошюре «Доктринеры капитализма» (1895), направленной против «Критических заметок» Струве. —158.

ГРИНГМУТ, В. А. (1851—1907) — реакционный публицист, с 1896 г. и до своей смерти редактор реакционных «Московских Ведомостей», органа дворянско-землевладельческих кругов, преследовавший малейшее проявление освободительного и революционного движения. В эпоху революции 1905 г. организатор черносотенного «Союза русского народа» в Москве, один из вдохновителей еврейских погромов. — 220.

ГЭД, ЖЮЛЬ (1845—1922) — вождь и теоретик французских ортодоксальных марксистов. До войны боролся против ревизионистов (Мильеран и поддерживающий его Жорес) и анархо-синдикалистов. С момента объявления империалистской войны занял крайнюю оборончскую позицию, проповедуя union sacré (священное единение с буржуазией). Министр без портфеля в буржуазных министерствах «защиты отечества». Один из влиятельнейших вождей II Интернационала. —232.

ГЮЙО, ИВ (р. 1843) — французский политический деятель, публицист и экономист, был в 1889—1892 г.г. министром общественных работ. Сторонник манчестерской школы и яростный противник социализма. В своих многочисленных работах доказывал святость частной собственности и проводил ту мысль, что свободная конкуренция в среде рабочих и капиталистов является наилучшим обеспечением общественного благосостояния. —258.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863) — крайний правый германский социал-демократ, бернштейнианец, экономист; сын протестантского священника. Предпринял «ревизию» марксизма в области аграрного вопроса. В выпущенной им в 1903 г. книге «Социализм и сельское хозяйство» пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. В годы империалистской войны был крайним социал-шовинистом. После ноябрьской революции 1918 г. занимал ряд государственных постов, отстаивая интересы буржуазии против рабочих. В 1919 г. был некоторое время председателем Национального Собрания, затем — министром без портфеля. После Капповского путча вышел в отставку. С 1921 г. — представитель центрального правительства в Гессене. Блестящую критику воззрений Д. см. в статье Ленина «Аграрный вопрос» и «критики Маркса»» (XI том Сочинений, стр. 291—300).—58, 88, 288, 318—321.

2а 3б — см. **ЛЕПЕШИНСКИЙ, П. Н.**

ДИКШТЕЙН, Ш. — польский социалист и писатель, редактировал теоретический орган польской партии «Пролетариат» «Walka Klass» в Париже, автор популярной агитационной брошюры «Кто чем живет?» (1881), переведенной на ряд языков. — 232, 235.

ДОМБРОВСКИЙ, Я. (1838—1871) — один из руководителей польского революционного движения 1863 г., эмигрировавший после ликвидации восстания за границу. Принимал деятельное участие в Парижской коммуне, был одним из ее генералов, руководил обороной Коммуны против версальских войск и погиб 23-го мая 1871 г. на баррикадах. —340.

ДЮРИНГ, ЕВГЕНИЙ (1833—1921) — немецкий экономист и философ В 1864—1877 г.г. приват-доцент Берлинского университета, ярый противник Маркса и научного социализма, пытавшийся дать свою собственную «социалитарную теорию», в духе буржуазного реформаторства. В экономических работах повторял американского экономиста Кэри. Уничтожающую критику взглядов Д. дал Энгельс в книге «Herrn Eug.

Dühring's Umwälzung der Wissenschaft» («Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом») («Анти-Дюринг»). В России большим почитателем Д. был Н. К. Михайловский. —198.

Е.

ЕРМОЛОВ, А. С. (1846—1917) — министр земледелия в 1892—1905 г.г., в 1905 г. член Государственного Совета. В 1892 г. издал книгу «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать сельско-хозяйственную политику правительства. —293.

Ж.

ЖИТЛОВСКИЙ, Х. («ГРИГОРОВИЧ») (р. 1863) — народник, один из теоретиков эсеровской партии, позднее один из идеологов еврейского национального, буржуазно-демократического движения. Рано эмигрировав за-границу, Ж. возглавлял с 1894 г. в Берне группу «Союз русских социалистов-революционеров», считавшую себя продолжательницей народовольцев и издававшую (до 1899 г.) газету «Русский Рабочий». Группа явилась одним из элементов будущей партии социалистов-революционеров. Не порывая связей с народническими кругами, Ж. постепенно сосредоточил свою деятельность на пропаганде идеи самостоятельного национального и культурного существования еврейского народа, резко критикуя марксизм, с точки зрения «недооценки» им роли национального фактора в историческом процессе. В 1903 г. организовал группу «Возрождение», объединявшую еврейскую буржуазную интеллигенцию. После октябрьского манифеста 1905 г. Ж. вернулся в Россию, но затем снова эмигрировал в Америку. В ряде своих работ Ж. отстаивал субъективный метод Лаврова и Михайловского. —164.

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851—1919) — в конце 70-х годов стреляла в петербургского генерал-губернатора Трепова, приказавшего наказать розгами политического арестованного Боголюбова. Судом присяжных была оправдана. Эмигрировав за-границу, была в числе основателей Группы «Освобождение Труда» (1883 г.); в 1896 г. на международном социалистическом конгрессе представляла петербургский «Союз Борьбы». Участница II съезда Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.), входила до съезда в первую редакцию «Искры», на съезде не была в нее введена. После раскола примкнула к меньшевикам. С 1903 г. в партийной жизни заметной роли не играла. В годы войны стояла в рядах социал-патриотов, в 1917 г.—член группы «Единство».—48.

ЗОМБАРТ, В. (р. 1863) — виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные сочинения З.: «К критике политической экономии К. Маркса», «Социализм и социальное движение в XIX веке», «Современный капитализм» и др. З. усиленно пропагандировали «ревизионисты» как в Европе, так и в России. Об его отношении к с.-д. см. любопытные «Мемуары социалистки» Лили Браун (есть русский перевод). —95.

И.

ИГНАТЬЕВ, А. П. (1842—1906) — граф, киевский генерал-губернатор, затем член Государственного Совета. Поддерживал политику Зубатова в рабочем вопросе. После революции 1905 г. один из руководителей и организаторов крайнего правого крыла реакционного дворянства, требовавшего полной ликвидации уступок, сделанных царизмом в 1905 г., и

восстановления самодержавия в том виде, в каком оно существовало до революции. В 1906 г. убит эсером Ильинским. —220.

ИКС — см. **МАСЛОВ, П. П.**

К.

КАБЛИЦ, И. И. — см. **ЮЗОВ.**

КАБЛУКОВ, Н. А. (1849—1919) — экономист и статистик народнического направления, профессор Московского университета, заведывал статистическим отделом Московского земства, провел ряд образцово поставленных обследований хозяйственной жизни Московской губернии. В главных своих трудах: «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» (1884), «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» (1889) пытался доказать преимущества мелкого хозяйства в земледелии. Критику его взглядов В. И. Ленин дает в «Развитии капитализма в России». —58.

КАРАЗИН, Н. Н. (1842—1908) — журналист и художник, беллетрист бульварного типа, корреспондент «Нового Времени», сторонник Зубатова.—221, 223.

КАРПОВИЧ, П. В. (1874—1917) — социалист-революционер, убивший в 1901 г. министра народного просвещения Боголепова за проводившуюся Боголеповым политику жестоких репрессий по отношению к участникам студенческого движения. Приговоренный к 20 годам каторги, бежал в 1907 г. за-границу, где стал ближайшим помощником Азефа в «Боевой организации» партии эсеров. —52.

КАРЫШЕВ, Н. А. (1855—1905) — профессор политической экономии и статистики в московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: «Крестьянские вненадельные аренды»), сотрудник «Русского Богатства» и «Русских Ведомостей». Развивал обычные народнические взгляды. —58.

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854) — германский социал-демократ, крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. Вступил в австрийскую социал-демократию в 1874 г., примкнув к ее полуанархическому крылу, руководимому Шеем и Мостом. Марксистом стал под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса. В эпоху исключительного закона (1878—1890) сотрудничал в цюрихском нелегальном органе германской социал-демократии — «Социал-Демократ». В 1883 г. основал научно-литературный журнал «Die Neue Zeit», редактором которого оставался до 1917 года. В 90-х годах написал ряд марксистских работ («Аграрный вопрос» и др.). В 1898 г., после больших колебаний, выступает против ревизионизма Эд. Бернштейна («Анти-Бернштейн»). Однако уже в произведениях К. этого периода имеется много недомолвок и отступлений от марксизма (вопрос о диалектике, о пролетарской диктатуре, примиренческое отношение к философии Маха и т. п.). В оценке революции 1905 г. стоял ближе к большевикам, чем к меньшевикам. В начале 1909 г. в своей работе «Путь к власти» К. в общем выражал еще марксистские взгляды, но с этого времени оппортунистические, центристские тенденции, которые всегда были сильны у К., берут решительный перевес во всей его политической и теоретической деятельности. Он становится наиболее видным представителем «центра» на Западе, являющегося одной из разновидностей оппортунизма. Во время войны К. окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. Он был одним из основателей Независимой социал-демократической партии Германии, стоя затем на ее правом крыле. После Октябрьской революции выступил против советской системы, отстаивая «чистую» демократию и парламентаризм. После ноябрьской революции в Германии вошел товарищем министра иностранных дел в первое правительство Эберта — Шейдемана, где проводил политику

рабских услуг Антанте, всячески тормозя возобновление сношений с Советской Россией. На Бернской конференции выступал самым враждебным образом против Советской России. Был одним из основателей Венского ($II^1/_2$) Интернационала. В 1922 г. содействовал его возвращению в ряды II Интернационала. В последних работах К. и особенно в его двухтомном «Материалистическом понимании истории» (1927 г.) проституирование марксизма доведено до крайних пределов. Будучи одним из самых озлобленнейших врагов С. С. С. Р., открыто проповедует против него войну и интервенцию (особенно в бр. «Большевизм в тупике», 1930 год). О К. см. брошюру Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (XXIII том Сочинений). — 27, 97, 99, 113, 120, 248, 316, 319 — 321, 339, 341.

КОМАРОВ, В. В. (1838—1908) — журналист реакционного лагеря, славянофил, во время сербско-турецкой войны был начальником штаба у генерала Черняева. Издавал газету «Русский Мир», потом «Петербургские Ведомости» и «Свет». Сторонник Зубатова. — 221, 223.

КРАВЧИНСКИЙ, С. М. (СТЕПНЯК) (1852—1895) — революционер-народник и писатель, член партии «Земля и Воля», первоначально участник кружка «чайковцев», в 1874 г. «ходил в народ». Эмигрировав за-границу, принимал участие в Герцеговинском восстании (1876) и в Беневентском (Италия) восстании (1877). Вернувшись в Россию, убил шефа жандармов Мезенцева (1878), после чего вновь бежал за-границу. Вместе с Волховским основал в Лондоне «Фонд Вольной Русской прессы». Погиб, случайно попав под поезд. Главные произведения К., рисующие жизнь и быт революционеров 70-х годов: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов», «Домик на Волге», «Павел Руденко». — 199.

КРАСИКОВ, П. А. (р. 1870) — большевик, «искровец» в 1900—1903 г.г., революционную деятельность начал в 1892 г. в качестве пропагандиста в петербургских рабочих кружках; в том же году ездил за-границу для установления связи с Группой «Освобождение Труда». Позже был сослан в Сибирь. По возвращении из ссылки работал в искровской группе во Пскове. Кооптированный в Организационный комитет по созыву 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П. принимал деятельное участие в подготовке съезда. Делегат от большевиков на Амстердамском конгрессе (1904 г.) II Интернационала. В последующие годы революции и реакции вел активную партийную работу. После Октябрьской революции был председателем следственной комиссии по борьбе с контр-революцией, а затем — членом Коллегии Наркомюста. В настоящее время — прокурор Верховного суда С.С.С.Р. — 135.

КРИВЕНКО, В. С. (р. 1854) — деятельный сотрудник «Нового Времени», бывший офицер, потом крупный чиновник и гласный Петербургской Думы. Сторонник Зубатова. — 220.

Л.

ЛАФАРГ, П. (1842—1911) — один из руководителей французской социалистической партии, ближайший единомышленник и сотрудник Гэда; экономист, последователь Маркса; принимал участие в Интернационале, Парижской Коммуне, испанском социалистическом движении; автор ряда статей и книг, популяризирующих идеи марксизма в различных отраслях знания и ряда памфлетов («Право на леность», «Религия капитала» и др.), направленных против буржуазного строя. — 232.

ЛЕВИТСКИЙ, Н. В. (р. 1859) — народник, пропагандировавший создание земледельческих артелей. Основанные им в Херсонской губернии артели усиленно расхваливались народнической прессой, как способ предотвращения капитализма в деревне. В действительности эти артели способствовали расслоению крестьянства и выделению сельской буржуазии и вскоре распались. Об артелях Л. см. статью С. Булгакова: «Земледельческие артели Херсонской губернии» (в «Новом Слове» за 1897 г.)

и статью А. Потресова (Старовера): «Артельная эпопея» (см. его сборник: «Этюды о русской интеллигенции» 1906 г.). В настоящее время работает по кооперации. — 159, 160.

ЛЕЙКИН, Н. А. (1841—1906) — писатель, главной темой своих многочисленных, но не глубоких и не художественных произведений избравший купеческий быт, с 80-х годов издавал и редактировал юмористический журнал «Осколки». Сторонник Зубатова. — 221.

ЛЕНИН, В. И. (1870—1924). — 11, 14—16, 167, 168, 211, 258.

ЛЕПЕШИНСКИЙ, П. Н. (в письмах Ленина — 2а, 36) (р. 1868) — большевик, видный «искровец», революционную деятельность начал в Петербурге в студенческом кружке народовольческого направления, был арестован в декабре 1895 г., в тюрьме и ссылке окончательно самоопределился как марксист и социал-демократ. По возвращении из ссылки, по предложению Ленина поселился в Пскове, где принимал деятельное участие в организации искровской группы, являясь в то же время корреспондентом «Искры». Вошел в состав Организационного Комитета по созыву II-го съезда партии, но вскоре был арестован. В конце 1903 г. эмигрировал в Швейцарию, где примкнул к большевикам. В 1905—1906 г.г. работал в Екатеринославе и Петербурге. В эпоху реакции продолжал поддерживать связи с партией. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, Истпарте и МОПР'е. В настоящее время директор Исторического музея в Москве. — 134, 135.

ЛИБКНЕХТ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1826—1900) — один из основателей германской социал-демократии, участвовал в революции в 1848 г., вследствие чего был вынужден эмигрировать в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. По амнистии 1860 г. получил возможность вернуться в Германию, где боролся сначала с влиянием Лассаля, а потом сменившего его Швейцера. По выборам 1867 г., которые впервые происходили на основе всеобщего избирательного права, получил депутатские полномочия; во время франко-прусской войны воздержался вместе с Бебелем при голосовании военного займа, после свержения Наполеона III голосовал против военных кредитов. По обвинению в государственной измене в 1872 г. был приговорен к двум годам тюремного заключения. По отбытии тюрьмы продолжал работу в парламенте и в рабочих массах, под игом исключительного закона против социалистов, отстаивая принципы революционной социал-демократии против всякой попытки их принижения (Фольмар, Бернштейн и др.). — 232, 320.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1871—1919) — лидер левых в германской социал-демократии и одна из основателей Коммунистической партии Германии, участница германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда теоретических работ по экономическим и др. вопросам. Родилась в Польше; в 1889 г. эмигрирует в Цюрих. В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже «Социал-демократии Польши и Литвы»). С 1897 г. почти непрерывно работает в рядах германской социал-демократии, заняв выдающееся положение в ней, как и во II Интернационале, после блестяще проведенной борьбы с бернштейнианством и мильеранизмом. В 1904 г. в организационном вопросе отстаивает точку зрения меньшевиков; впоследствии отходит от них. В 1907 г. на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. вместе с большевиками выступает против них. В том же году, осенью, на Штутгартском конгрессе вместе с Лениным вносит революционно-марксистские поправки в резолюцию о войне. Задолго до войны выступила против Каутского и других представителей «центра», возглавляя лево-радикальную оппозицию в партии, но не ставя вопроса о разрыве с ними. В борьбе большевиков с ликвидаторством занимала примиренческую позицию, поддерживая в ряде принципиальных вопросов меньшевиков. С начала войны заняла интернационалистскую позицию, не решаясь, однако, организационно порвать с социал-демократией. Почти в течение всей войны (с февраля 1915 г.)

находилась в тюрьме, сотрудничая в нелегальных «Письмах Спартака», составляя «руководящие положения» — платформу интернационалистов — принятые в январе 1916 г. на Всегерманском совещании группы «Интернационал» (К. Либкнехт, Меринг и др.). Весной того же года (в тюрьме) написала под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», в которой указала на необходимость основания III Интернационала. В тюремной брошюре «Русская революция» (сентябрь 1918 г.) допустила ряд ошибочных положений в оценке Октябрьской революции, бо́льшую часть которых впоследствии исправила. После ноябрьской 1918 г. революции в Германии порывает с социал-демократией, основывает и редактирует «Rote Fahne» и принимает руководящее участие на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии. После подавления январского восстания 1919 г. была арестована шейдемановским правительством и убита. Имея огромные революционные заслуги перед всемирным рабочим движением, Л. в то же время допустила в своих теоретических и тактических взглядах («люксембургианство») ряд крупных ошибок полу-меньшевистского характера (в вопросе о роли партии, об империализме, в национально-колониальном и крестьянском вопросах, в вопросе о перманентной революции и др.). Характеристику Л. Лениным см. в статье «Заметки публициста» (XXVII том Сочинений, стр. 197—205). — 99.

М.

МАРКС, КАРЛ (MARX, K.) (1818—1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г. (XVIII том Сочинений). — 29, 32, 47, 93, 154, 198, 201, 209, 210, 316, 320, 339, 340.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873—1923) — один из виднейших лидеров и публицистов меньшевизма. Революционную деятельность начал в 1895 году. Участник Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», член редакции «Искры» и «Зари». На II съезде Р.С.-Д. Р.П. стал во главе меньшевизма и с тех пор оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма. Будучи арестован и выслан в 1906 г. за границу, руководил меньшевистской фракцией во время выборов во II Думу, отстаивая блок с кадетами. В эпоху реакции становится одним из лидеров ликвидаторства и редактирует ликвидаторский «Голос Социал-Демократа». Возвратившись в конце 1913 г. в Россию, руководил в качестве редактора «Рабочей Газеты» борьбой правого крыла социал-демократии против большевиков. В первые дни войны, будучи вновь за границей, занимал интернационалистскую позицию, но затем скатывается к центризму, прикрывая социал-шовинизм революционной фразой. Член Заграничного секретариата О. К., сотрудник его «Известий» и сборника «Интернационал и война». Участник Циммервальдской конференции (центр), февральского расширенного совещания И. С. К. и Кинтальской конференции. После Февральской революции, вернувшись через Германию в Россию, стал в оппозицию к официальному меньшевизму, поддерживая группу «Новая Жизнь», но не порывая с меньшевизмом. На II съезде Советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эс-эров. Вскоре, однако, занял непримиримо враждебную позицию по отношению к Советской власти. В 1920 г. эмигрировал в Берлин, где основал и редактировал «Социалистический Вестник», центральный орган меньшевиков. — 316.

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИККЕР) (р. 1865) — старый социал-демократ. В революционном движении принял участие с половины 80-х г.г. в организациях партии «Народной Воли». Был сослан в Сибирь и в конце 90-х г.г. вернулся из ссылки социал-демократом; в 1900 г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских социал-демократов» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела», был теоретиком и лидером «экономизма». В 1901 —

1902 г.г. вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры». Его взгляды как в этот период, так и позднее неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина. На II съезде партии М. был делегатом от «Союза русских социал-демократов». После раскола на съезде примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов. Брошюра М. «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., и развитые в ней взгляды легли в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 года. С 1905 г. по 1907 г. работал в России в Петербурге, а затем снова эмигрировал за границу; принимал видное участие в ликвидаторском четырехтомнике; во время империалистской войны занимал колеблющуюся позицию по отношению к войне, примыкая к группе Мартова; в 1919 г. отошел от меньшевизма и затем вступил в В.К.П.(б.); ныне работает в органе Коминтерна «Коммунистический Интернационал». — 48, 88, 94, 96, 97, 102—104, 107, 110—113.

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — видный меньшевистский литератор-экономист, специалист по аграрному вопросу. В 1896 г. работал в «Самарском Вестнике», первой марксистской легальной газете. Участник Стокгольмского съезда Р.С.-Д.Р.П. в 1906 г., на котором была принята (с поправкой Плеханова) выдвинутая им оппортунистическая аграрная программа («муниципализация» земли) против отстаиваемой В. И. Лениным «национализации». В 1907 г. М. работал в социал-демократической фракции II Государственной Думы в качестве «сведущего лица». В годы реакции стоял на самом правом ликвидаторском крыле. Во время мировой войны занял империалистическую позицию, отстаивая при помощи якобы марксистских доводов необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией. Его книга «Аграрный вопрос» имеет явный ревизионистский уклон. — 325—334, 336.

МЕРИНГ, Ф. (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, сначала левый соц.-демократ, потом коммунист. Историк и журналист. С 90-х г.г. со времени возникновения ревизионизма в Германии вел резкую борьбу против оппортунизма, был редактором левой «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), вместе с Каутским редактировал «Die Neue Zeit». Задолго до начала империалистской войны в рядах германской социал-демократии наметилось «лево-радикальное» крыло, во главе с Ф. М., К. Цеткин, Розой Люксембург и К. Либкнехтом, которое вело энергичную борьбу с большинством партии, вступившим на путь оппортунизма и соглашательства. Во время империалистской войны М. примкнул к Циммервальду и принял деятельное участие в организации и руководстве союзом «Спартак». Вместе с Розой Люксембург М. организовал издание журнала «Internationale» (вышел только один №), ставившего себе задачей борьбу с шовинизмом и отстаивание тактики революционной классовой борьбы пролетариата. В разгар войны и крайнего шовинизма в Германии, М., вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург, опубликовал манифест с выражением братских чувств английским рабочим и всему рабочему Интернационалу. М., несмотря на свой 70-летний возраст, был арестован германским правительством и заключен в тюрьму. После Октябрьской революции в России приветствовал победу русских рабочих и неизменно выступал пламенным защитником советской системы. — 341.

МЕЩЕРЯКОВ, Н. Л. (р. 1865) — большевик, революционную деятельность начал в 80-х годах, как народоволец, в 1891 — 92 г. входил в петербургскую «Группу народовольцев», затем уехал в Бельгию, где под влиянием бельгийского рабочего движения порвал с народничеством и стал марксистом. Когда возникла «Искра», М. вошел в заграничную Лигу русской социал-демократии и был представителем «Искры» для Бельгии.

По возвращении в Россию был арестован и освобожден из тюрьмы только революцией 1905 года. В 1906 г. работал в Москве, вновь был арестован и после трехлетнего пребывания в тюрьме сослан в Сибирь на поселение. В 1913 — 1916 г.г. работал в Сибири инженером, а затем в кооперации. Незадолго до Октябрьской революции состоял председателем Московского Губернского Совета Рабочих Депутатов, работал в редакциях различных советских и партийных изданий, в том числе в редакции «Правды», а также по кооперации. В настоящее время работает в Крестинтерне. — 138.

МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1842 — 1904) — виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 80 — 90-х г.г., представитель т. н. субъективного метода в социологии. — Автор «формулы прогресса», заключающейся в идее всестороннего развития человеческой личности и борьбы за индивидуальность, подавляемую современными общественными условиями и разделением труда. В начале 80-х г.г. примыкал к народовольцам, редактировал их издания. Был одним из руководителей «Отечественных Записок» в 1869 — 1884 г.г., а с 1892 г. редактировал «Русское Богатство», на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают М. наряду с П. Л. Лавровым одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: «Литературные воспоминания и современная смута» и вошли в VII том его Собр. сочинений. (С. П. Б. 1909.) — 47, 203.

МЮЛЬБЕРГЕР — немецкий социал-демократ, последователь Прудона, автор вызвавших критику Энгельса статей в «Volksstaat'е» по жилищному вопросу, сотрудник издававшегося Хехбергом в 1877 г. журнала «Будущее», органа правых элементов соц.-дем. партии, подвергся резкой критике со стороны Бебеля. — 202.

Н.

НАПОЛЕОН III (ЛУИ БОНАПАРТ) (1808 — 1873). — 339.

НАДЕЖДИН, Л. (псевдоним Е. О. ЗЕЛЕНСКОГО) (у. 1905) — организатор и редактор изданий заграничной «революционно-социалистической группы» «Свобода» (1901 — 1903). В 1898 г. входил в Саратовскую социал-демократическую организацию, после ареста весной 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. Н. обладал незаурядным публицистическим талантом, резко высказывался против «легального» марксизма и бернштейнианства и обнаруживал несомненные симпатии к «политической» струе в рабочем движении против узкого «экономизма». Все это заставило «Искру» и в частности Ленина пытаться привлечь Н. к работе «Искры». Соглашение, однако, не состоялось, и вскоре после того Н. выступил с поддержкой антиискровских групп в России (в частности в связи с расколом СПБ. Союза борьбы). После II съезда Р. С.-Д. Р. П. сотрудничал в меньшевистских изданиях. Автор ряда брошюр: «Возрождение революционизма в России», «Канун революции» и др. — 68, 102, 114, 115, 118, 211.

НИКОЛАЙ II РОМАНОВ (1868 — 1918) — последний русский император (1894 — 1917), свергнутый Февральской революцией. Казнен в Екатеринбурге летом 1918 года. — 52, 194, 250 — 252, 268.

НИКОЛАЙ —ОН (псевдоним ДАНИЕЛЬСОНА, Н. Ф.) (1844—1918) — экономист 80-х и 90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. Николай —он сделал первый в России перевод «Капитала» Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Николаем —оном и Марксом и Энгельсом (см. «Письма К. Маркса и Фр. Энгельса к Николаю —ону», перевод Г. Лопатина 1908 г.). Вследствие этого в глазах широкой публики Николай —он долго считался представителем марксизма в России. В 1893 г. издал книгу «Очерки нашего пореформенного обще-

ственного хозяйства», которая вместе с работами В. В. (Воронцова) служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Николая—она неоднократно разбирались В. И. Лениным в различных произведениях. — 158, 203.

О.

ОБОЛЕНСКИЙ, И. М. — князь, херсонский и харьковский губернатор; в 1891 г., во время голода, всячески подавлял общественную инициативу и самодеятельность в деле оказания помощи голодающим; известен жестоким усмирением крестьянских восстаний на юге России в 1902 году. — 312.

П.

ПЛЕВЕ, В. К. (1846—1904) — министр внутренних дел после убийства Сипягина в апреле 1902 г. и шеф жандармов, после разгрома партии «Народной Воли» в 1881 г. был директором департамента полиции. Являясь фактически главой правительства, П. считал своей главной задачей борьбу с революционным и оппозиционным движением. Беспощадным подавлением крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях, свирепыми расправами со стачечниками и демонстрантами, разгромом ряда земств, усиленной руссификацией Финляндии, Кавказа и других окраин, организацией еврейских погромов П. пытался предотвратить надвигавшуюся революцию и во имя той же цели форсировал наступление русско-японской войны, рассчитывая войной на Востоке отвлечь внимание народных масс от внутренних задач. При П. правительственная политика репрессий по отношению к общественному движению достигла своего апогея, вызвав озлобление и недовольство во всех слоях общества. П. убит Сазоновым 15 июля 1904 года. — 150, 195, 196, 208.

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856—1918) — основоположник и крупнейший представитель марксизма в России до Ленина. Принимал вначале участие в партии «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде (1879 г.) стал во главе «Черного Передела». Эмигрировав за границу, порвал с народничеством и основал в 1883 г. совместно с П. Аксельродом, В. Засулич и др. первую русскую социал-демократическую организацию — Группу «Освобождение Труда». В 90-х годах вел энергичную борьбу с народничеством, «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х годах становится одним из редакторов «Искры» и «Зари», по поручению которых составил проект партийной программы, подвергнутый резкой критике со стороны Ленина и легший. после его исправления П., в основу принципиальной или теоретической части искровского проекта программы (аграрная часть в основном написана Лениным), который с небольшими изменениями и был принят II съездом партии. После раскола партии в 1903 г. примыкал первое время к большевикам, а затем к меньшевикам, но спустя некоторое время организационно отходит и от них, оставаясь все время идейно близок к меньшевикам. С нарождением ликвидаторства, в борьбе с ним, снова ненадолго сближается с большевиками. Во время империалистической войны становится во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжая ту же линию после Февральской революции («Единство») и являясь в то же время решительным сторонником поддержки Временного Правительства. После июльских дней занял совершенно контр-революционную позицию, отстаивая идею «твердой власти». К Октябрьской революции отнесся враждебно. Ленин высоко ценил теоретические и философские работы П., отмечая в то же время ряд крупных его ошибок (признание теории иероглифов, неправильное понимание существа диалектики и др.).— 11, 46, 47, 88.

ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П. (1827—1907)—обер-прокурор синода, вдохновитель дворянской реакции 80—90-х г. г., фактический глава правительства

Александра III, продолжавший играть крупную роль при Николае II и сметенный лишь революцией 1905 года. — 160.

ПОТАПОВ, А. И. — член Ц.К. партии социалистов-революционеров в 1903—1905 г.г., бывший народоволец, отбывший ссылку в Сибири по делу Г. Лопатина. Автор ряда статей по крестьянскому вопросу. Сотрудничал в эсеровских изданиях под псевдонимом Рудина и Крупова. Под псевдонимом Крупова поместил в № 3 «Вестника Русской Революции» статью против брошюры Ленина «Задачи русских социал-демократов». Умер во время войны. — 330, 333.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871)—экономист и общественный деятель; был некоторое время членом «Союза русских соц.-демократов», крайне правым «экономистом», ревизионистом, первым провозвестником бернштейнианства в России. От социал-демократии вскоре ушел к либералам и вступил в «Союз Освобождения». В 1906 г. — член Ц. К. кадетской партии, затем занял позицию «левее к.-д.». В 1906 г. издавал радикальный журнальчик «Без Заглавия». В 1917 г. — министр продовольствия в правительстве Керенского. Автор ряда работ по рабочему вопросу с буржуазно-демократической точки зрения: «Рабочее движение на Западе. 1. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (переизд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. В настоящее время эмигрант. — 58, 95.

Р.

РАДЧЕНКО, И. И. (р. 1874) — социал-демократ, один из энергичнейших агентов «Искры», в 1902 г. провел большую работу по привлечению на сторону «Искры» Петербургской организации, в которой было сильно влияние экономистов, вел по этому вопросу переписку с Лениным, принимал участие в Псковском (первом) совещании (XI. 1902 г.) Организационного Комитета по подготовке созыва 2-го съезда партии, вскоре был арестован и сослан на 5 лет в Сибирь, откуда бежал осенью 1905 г. По поручению Ленина поддерживал сношения с Гапоном. В 1906 г. легализовался, вел издательско-типографскую партийную работу. Во время февральской революции был председателем Богородского уездного Совета рабочих депутатов. В настоящее время член президиума В.С.Н.Х. Коммунист. — 135, 138—142.

Р. Н. С. — см. СТРУВЕ, П. Б.

РУГЕ, А. (1802—1880) — немецкий писатель; в 1848 — 49 г. принимал деятельное участие в революционном движении; эмигрировав в Лондон, стал вместе с Ледрю-Ролленом, Мадзини и др. во главе «Европейского революционного комитета». По возвращении в Германию перешел на сторону Бисмарка и его политики, вел литературную пропаганду за объединение Германии под главенством Пруссии. — 339, 340.

РУДИН — см. ПОТАПОВ, А. И.

С.

САЗОНОВ, Г. П. (р. 1857) — представитель реакционного народничества (один из «полицейских народников», по характеристике Ленина), видевший в общине, «воспитывавшей народ в истинно христианских началах», «мощную препону развитию пролетариата». Автор книг: «Неотчуждаемость крестьянских земель, в связи с государственно-экономической программой» (1889) и «Быть или не быть общине» (1894). В 1899—1902 г. г. редактировал умеренно-либеральную газету «Россия», издававшуюся на средства московских промышленников и закрытую за фельетон А. Амфитеатрова «Господа Обмановы». — 157, 158.

САМЫЛИН, М. И. (р. 1879) — сормовский рабочий, принимал деятельное участие в первомайской демонстрации в Нижнем-Новгороде, на

суде произнес яркую речь, в которой обрисовал тяжелое положение рабочих, был сослан в Сибирь на поселение. — 221.

СИПЯГИН, Д. С. (1853—1902) — министр внутренних дел (с 1899 г.), один из самых реакционных царских бюрократов, ставленник дворянства; вел беспощадную борьбу с рабочими (Обуховское дело), с голодающими крестьянами, студентами и с земством (изъятие продовольственного дела из земских рук и т. д.). Убит Балмашевым 2 апреля 1902 года. — 56, 76, 146, 147, 150, 208.

СЛЕПОВ, Ф. А. — московский рабочий, горячий сторонник Зубатова, вел монархическую пропаганду среди московских рабочих. — 220 — 224.

СЛУЧЕВСКИЙ, К. К. (1837—1904)—поэт и писатель, с 1891 по 1902 г. главный редактор «Правительственного Вестника», сторонник Зубатова. — 221.

СОКОЛОВ, П. С. — петербургский рабочий, агент Зубатова, один из деятельных участников основанного для содействия Зубатову «Русского Собрания» в Петербурге. — 221.

С. С. — сотрудник издававшегося Струве «Освобождения», примыкал к левому крылу земского движения. — 255, 257.

СТАРИЦКИЙ, А.—сотрудник издававшегося П. Струве «Освобождения». — 196.

СТЕПНЯК — см. **КРАВЧИНСКИЙ, С. М.**

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г. г., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии, участник Международного Социалистического конгресса в Лондоне в 1896 году. Участник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») признал, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции к социализму и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В конце 1900 — начале 1901 г. г. в качестве представителя «демократической оппозиции» вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в первых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и с социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов «Союза Освобождения» (1901—05 г. г.); редактировал его орган «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года — лидер самого правого крыла либералов, скатывается к черносотенному национализму. В 1909 г. участник реакционно-мистического сборника «Вехи». В годы войны — один из идеологов русского империализма. Редактор журнала «Русская Мысль», издававшегося в Петрограде. Во время гражданской войны принимал активное участие в деникинской контр-революции, а затем стал министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. до 1927 г. редактировал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение». — 78, 95, 145, 147, 154, 165, 174, 175, 197, 198, 255—260, 353, 356.

СЫРОМЯТНИКОВ, С. Н. (р. 1860) — журналист реакционного лагеря, постоянный сотрудник «Нового Времени» (псевдоним: Сигма), сторонник Зубатова. — 221.

Т.

Т. — земский гласный, принадлежал к левому крылу земского движения, сотрудничал в «Освобождении». — 196, 197.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1828 — 1910) — величайший русский писатель и художник-мыслитель. Мировое значение его гениальных произведений в истории революционного движения обрисовано В. И. Лениным в статьях:

«Л. Н. Толстой», «Толстой и пролетарская борьба» (см. т. XIV), «Л. Н. Толстой и его эпоха» (см. т. XV) и «Лев Толстой как зеркало русской революции» (см. т. XII). — 56.

ТОТОМИАНЦ, В. Ф. — экономист и кооператор. Во время революции 1905 г. был близок к меньшевикам, сотрудничал в меньшевистской газете «Начало». С 1907 г. отошел от социал-демократии. — 58, 158.

Т. П. — см. ЛЕНИН, В. И.

ТУРГЕНЕВ, П. С. (1818—1883) — знаменитый русский писатель-беллетрист, крупнейший художник и мастер русского слова. В своих романах создал образы «лишних людей», людей, не удовлетворенных окружающей их обстановкой дворянско-буржуазного быта, но неспособных претворить свое недовольство в практическое дело переустройства общества. Отражая рост революционного протеста в среде демократической интеллигенции, Т. в своем романе «Отцы и дети» нарисовал фигуру «нигилиста», а в «Нови» пытался изобразить революционную среду. В своих общественно-политических симпатиях Т. представлял образец последовательного «западника», не идущего, однако, дальше очень умеренной программы политических реформ — в духе монархической дворянской конституции. — 155.

ТЬЕР, Л. (1797 — 1877) — французский государственный деятель и историк, автор «Histoire de la révolution française» («История французской революции». 1881). В 1871 г. стоял во главе правительства, с необычайной жестокостью и кровожадностью подавил восстание Парижской Коммуны. Одна из самых отвратительных фигур в галлерее буржуазных государственных деятелей. Заклеймен Марксом в «Гражданской войне во Франции». — 256.

Ф.

ФОЛЛЬМАР, Г. (1850 — 1922) — немецкий социал-демократ, оппортунист, один из лидеров правого крыла партии. — 113.

ФРЕЙ — см. ЛЕНИН, В. И.

Ч.

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1873) — идеолог и вождь партии социалистов-революционеров. Бессменный член Ц. К. и редактор Ц. О. партии «Революционная Россия». Неоднократно выступал с «критикой» марксизма, в частности пытался доказать несостоятельность его в применении к сельскому хозяйству. В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством; участник Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста). После Февральской революции — ярый социал-оборонец. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. Вышел в отставку после июльских дней. Председатель Учредительного Собрания. Принимал деятельное участие в чехо-эс-эровском восстании на Волге в 1918 г. и возглавлял съезд членов Учредительного Собрания в Уфе. В январе 1921 г. участвовал в совещании бывших членов Учредительного Собрания в Париже, образовавшем комитет, составленный из эс-эров и кадетов. Пытался оказать содействие кронштадскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. В последние годы является одним из представителей так называемого «конструктивного социализма» — разновидности мелко-буржуазного реформизма. — 58, 63, 88, 111.

ЧЕРНЫШЕВ, П. В. — социал-демократ, в 1894—95 г.г. руководил в Петербурге группой «молодых», противопоставлявшей себя группе «стариков», которая возглавлялась Лениным и положила основание Петербургскому Союзу борьбы. Арестованный в начале 1897 г. Ч. был выслан на 3 года в Вологодскую губернию. Позднее примкнул к группе «Южного Рабочего» и принимал участие в попытках создать южно-областной центр с.-д. организаций. Осенью 1902 г. Ч. уехал за границу и некоторое время

был близок к искровской организации (через его посредство «Искра» вела переговоры с «Южным Рабочим» о совместных шагах по объединению партии), но затем перешел к «рабочедельцам». — 177.

Ш.

ШИПОВ, Д. Н. (р. 1851) — видный земский деятель, умеренный либерал, председатель Московской Губернской Земской Управы (1893 — 1904), один из организаторов ряда съездов земских деятелей, на ноябрьском съезде 1904 г. возглавлял правое крыло земцев. Политическая программа Ш., сложившаяся под влиянием славянофильства, не шла дальше созыва правительством совещательного представительного органа. Отрицательно относясь к более радикальным течениям в земском движении и ведя с ними борьбу, Ш. безуспешно пытался добиться некоторых уступок со стороны правительства в пользу земства путем лойяльной оппозиции. Оппортунистическая политика Ш., искавшего соглашения с Плеве, помогала последнему ослаблять земское движение, устраняя из него радикальные элементы. Во время революции 1905—7 г.г. Ш. примкнул сначала к октябристам, затем был членом Ц.К. партии мирного обновления. Умер в период гражданской войны. — 195, 196, 257.

ШТАКЕЛЬБЕРГ, А. Ф. (1808 — 1865) — член Совета министерства внутренних дел, председатель комиссии по пересмотру фабричного и ремесленного уставов в 1859 году. Предпринял специальную поездку в Западную Европу для изучения рабочего законодательства. По возвращении из-за границы помещал в «Северной Почте» статьи по рабочему вопросу, издав их затем в 1864 г. книгой под названием «Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе». — 170.

ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧ, ФРАНЦ (1808—1883) — видный немецкий буржуазный экономист и либеральный политический деятель, сторонник теории примирения классовых интересов пролетариата и буржуазии. Работал в Деличе в качестве судьи. В 1848 г. был депутатом в прусском национальном собрании, где примыкал к левому центру и председательствовал в комиссии по изучению нужд рабочих и ремесленников. С 1849 г. организует в Деличе первые кассы социального страхования и первые небольшие кооперации. С этого времени целиком отдался этой деятельности. Развил целую сеть кооперативных обществ и в 1859 г. провел первую конференцию коопераций в Веймаре. В 1861—75 г.г. депутат прусского национального собрания и потом парламента. Боролся за законодательное регулирование коопераций. Организовал «Немецкий Кооперативный Банк» и «Союз немецких коопераций». Автор многочисленных работ по вопросам кооперации. С 1861 г. издавал «Blätter für Genossenschaftswesen» («Листки по кооперации»). — 63.

Э.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820—1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным в 1895 г. (I т. Сочинений). — 19, 23, 29, 30, 32, 36, 39, 198, 316, 320, 321, 339.

Ю.

ЮЗОВ — псевдоним О. И. КАБЛИЦА (1848 — 1883). Вначале ярый бакунист и бунтарь, прошедший через «хождение в народ», Ю. вскоре затем становится идеологом реакционно-славянофильского народничества, скатываясь до антисемитизма. Сотрудничал в «Неделе». В главных своих работах: «Ум и чувство, как факторы прогресса» (вызвала полемику с Н. Михайловским) и «Основы народничества» противопоставляет «почвенный народ, стремящийся к правде», беспочвенной интеллигенции, притязающей «мудрить над народом». — 158.

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Январь 1902 — август 1903 г.г.)

1902 г

21 (8) января. Обсуждение в Мюнхене редакцией «Искры» выработанного Плехановым проекта программы партии. Вл. И. выступает с критикой плехановского проекта.

Конец января — начало февраля. Вл. И. работает над составлением нового проекта программы партии.

Конец февраля — начало марта. Вл. И. пишет критический отзыв о втором проекте программы Плеханова.

5 марта (20 февраля) Вл. И. составляет доклад редакции «Искры» Белостокской конференции Р. С.-Д. Р. П., набрасывает проект резолюции для внесения на конференцию и инструктирует уезжающего на конференцию делегата «Искры» Ф. Дана.

Первая половина марта. Вл. И. закончил статью «Аграрная программа русской социал-демократии».

Середина марта. Проекты программы партии Плеханова и Вл. И. переданы для согласования в комиссию (Мартов, Засулич и Дейч).

20-ые числа марта. Вышла в Штутгарте книга Вл. И. «Что делать?».

26 (13) марта. В связи со слежкой за организацией «Искры» редакция решает перенести издание «Искры» из Мюнхена в Лондон.

Начало апреля. Согласительная комиссия закончила выработку проекта программы партии.

12 апреля (30 марта). Вл. И. и Н. Крупская выезжают в Лондон из Мюнхена. В поезде Вл. И. пишет замечания на проект программы партии, выработанный согласительной комиссией.

14 (1) апреля. Вл. И. и Н. Крупская приезжают в Лондон и временно поселяются у Тахтаревых.

14 — 17 (1 — 4) апреля. Совещание редакции «Искры» в Цюрихе без Вл. И. Обсуждение проекта программы партии, выработанного согласительной комиссией. Чтение статьи Вл. И. «Аграрная программа русской социал-демократии».

Вторая половина апреля. Вл. И. ведет переговоры с Гарри Квелчем, лидером английской соц.-демократической федерации, о печатании «Искры» в ее типографии.

Конец апреля. Приезд Мартова в Лондон.

Середина мая. Обострение разногласий Вл. И. с Плехановым по поводу статьи Вл. И. «Аграрная программа русской социал-демократии», едва не приведшее к разрыву. Переписка по этому поводу членов редакции «Искры».

Вторая половина июня.	Ликвидация разногласий Вл. И. с Плехановым по поводу «Аграрной программы».
27 (14) июня	Реферат Вл. И. в Париже об аграрной программе Р. С.-Д. Р. П.
Конец июня — середина июля.	Вл. И. живет в Лёгиви (Loguivy), на северном берегу Франции, вместе с матерью М. А. Ульяновой и сестрой А. И. Елизаровой.
Август.	Вл. И. пишет статью «Революционный авантюризм».
	Вышел № 4 «Зари» со статьей Вл. И. «Аграрная программа русской социал-демократии».
	Вл. И. пишет предисловие ко 2 изданию брошюры «Задачи русских социал-демократов».
Сентябрь.	Вл. И. пишет «Письмо к товарищу о наших организационных задачах», распространенное в гектографированном издании.
С 10 ноября (28 октября) по 20 (7) ноября.	Вл. И. объезжает ряд городов в Швейцарии (Лозанна, Женева, Берн, Цюрих) и читает там рефераты.
Декабрь.	Образование при руководящем содействии Вл. И. Организационного комитета по созыву 2 съезда.

1903 г.

20-ые числа февраля.	Вл. И. выезжает в Париж для чтения лекций по аграрному вопросу в Русской Высшей Школе общественных наук, организованной М. Ковалевским, Ю. Гамбаровым и др. Приглашение Вл. И. состоялось по настоянию студентов.
23 — 26 (10 — 13) февраля	Вл. И. читает четыре лекции на тему «Марксистские воззрения на аграрный вопрос в Западной Европе и в России» в Русской Высшей Школе общественных наук.
3 — 6 марта (18 — 21 февраля).	Вл. И. читает реферат по аграрному вопросу для членов русской политической колонии в Париже. Прения, в которых приняли участие от группы «Борьба» Ю. Стеклов, от «Рабочего Дела» — Б. Кричевский, от социалистов-революционеров — Н. Чайковский, О. Минор и др., продолжались три дня.
9 марта (24 февраля).	Вл. И. возвращается в Лондон.
Первые числа мая.	Переезд Вл. И. в Женеву, куда переносится печатание «Искры».
Май.	Вышла брошюра Вл. И. «К деревенской бедноте».
Июль.	Вышла брошюра П. Маслова под псевдонимом Икс «Об аграрной программе» со статьей Вл. И. «Ответ на критику нашего проекта программы».
	Статья Вл. И. «Национальный вопрос в нашей программе» в № 44 «Искры».
30 (17) июля — 23 (10) августа.	Второй съезд Р. С.-Д. Р. П. в Брюсселе и Лондоне.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1902 г.

Экономический кризис. Рост стачечного движения и демонстраций. Крестьянские волнения на юге. Студенческое движение. Расцвет зубатовщины. Поход правительства на земство. Развитие либерального движения. Террористическая деятельность социалистов-революционеров.

«Искра» вырабатывает проект программы партии и подготовляет II-ой съезд. Борьба «Искры» с либералами, социалистами-революционерами и «экономистами».

Заявление ряда комитетов и организаций (Петербург, Москва, «Южный Рабочий» и др.) о своей солидарности с «Искрой».

4. II (22. I). Учреждение Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте.

15—16 (2—3). II. Демонстрация рабочих и студентов в Киеве. Столкновение с войсками.

15—19 (2—6). II. Стачка рабочих Брянского завода.

21 (8). II. Избиение студентов в Народном Доме в Петербурге.

22 (9). II. Студенческие движения в Москве и массовые аресты студентов.

22 (9). II. Арест ряда «искровцев» в Киеве.

27 (14). II. Утверждение устава «Московского Общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», организованного Зубатовым.

27 (14). II. Исключение 400 студентов из Московского университета.

II. Беспорядки в Финляндии в связи с призывом новобранцев по новому воинскому уставу.

Арест Южного Областного социал-демократического комитета.

II—III. Стачки в Батуме. Демонстрации и столкновения с войсками.

III. Исключение М. Горького из числа почетных членов Академии Наук.

4. III. (19. II). Патриотическая манифестация рабочих у памятника Александра II-го в Москве, организованная Зубатовым. Одновременная с.-д. демонстрация на Тверском бульваре.

4. III (19. II). Демонстрация в Ростове на Дону.

16 (3). III. Демонстрация рабочих и студентов в Петербурге. Избиение демонстрантов.

III (20-ые числа). Крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губерниях.

22. III. Демонстрации во всех крупных городах Финляндии.

22 (9). III. Арест кишиневской типографии «Искры».

25 (12). III. Совещания земских деятелей в Петербурге во время кустарно-промышленной выставки.

III. Первый всероссийский студенческий съезд.

IV. Начал выходить заграницей социал-демократический журнал «Жизнь» (Поссе, Бонч-Бруевич и др.).

IV. Арест членов Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П.

4. IV (22. III). Учреждение местных комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности.

5—10. IV (23—28. III). Белостокская конференция представителей комитетов и организаций Р. С.-Д. Р. П. Конференция выпускает прокламацию к 1-му Мая.

8. IV (26. III). Подписано соглашение между Россией и Китаем о выводе в течение полутора лет русских войск из Китая.

8. IV (26. III). Беспорядки на Воткинском заводе на Урале.

13. IV (31. III). «Пожарный съезд» в Москве. Решение земских деятелей созвать обще-земский съезд.

14 (1). IV. Новое положение о церковно-приходских школах.

15 (2). IV. Убийство министра внутренних дел Сипягина С. В. Балмашевым.

17 (4). IV. Назначение министром внутренних дел Плеве.

18. IV. Демонстрации в Финляндии против нового закона о воинской повинности.

15. 20. IV. Всеобщая стачка в Бельгии.

24 (11). IV. Отставка министра народного просвещения генерала Ванновского.

V. Первомайские демонстрации в Баку, Сормове, Н.-Новгороде, Саратове, Киеве, Одессе и др. городах.

V. Первый обще-земский съезд в Москве.

2. V (19. IV). Применение розог к участникам первомайской демонстрации в Вильне.

18 (5). V. Покушение рабочего Г. Леккерта на Виленского губернатора фон-Валя в ответ на порку участников первомайской демонстрации.

20 (7). V. Приезд французского президента Лубэ в Россию.

22 (9). V. «Беспорядки» на станции Тихорецкой, Владикавказской жел. дор.

24 (11). V. Указ о наложении на селения, участвовавшие в аграрных волнениях Харьковской и Полтавской губерниях, штрафа в размере 800.000 рублей для вознаграждения помещиков.

31. V. Прекращение англо-бурской войны.

VI. Опубликование проекта программы Р. С.-Д. Р. П., выработанного редакцией «Искры» и «Зари» («Искра» № 21).

VI. Вышел № 1 «Летучего Листка», изданного Группой «Борьба».

VI. Заявление С.-Петербургского социал-демократического комитета о своей солидарности с «Искрой».

12. VI (30. V). По распоряжению правительства приостановлено собирание земствами статистических сведений о земельных имуществах.

16. (3). VI. Закон о дворянских кассах взаимопомощи для предотвращения распродажи имений.

VII. Федеративное объединение партии социалистов-революционеров и «Аграрно-социалистической лиги».

1. VII. Начал выходить журнал «Освобождение», орган земцев-конституционалистов и либералов, под ред. П. Б. Струве.

6—9. VII (23—26. VI). Совещание представителей 25-ти земств в Москве. Принятие резолюции протеста против устранения земств от обсуждения нужд сельско-хозяйственной промышленности. Выражение «высочайшего неудовольствия» всем председателям земских управ.

19. VII. Введение русского языка в правительственных учреждениях Финляндии.

31. VII. Изменение правил службы чинов гражданского ведомства Финляндии. Предоставление русским уроженцам права занимать некоторые должности.

VII. Принятие оппозиционных резолюций рядом земств и уездных комитетов о нуждах сельско-хозяйственной промышленности. Репрессии против ряда руководителей земского движения.

Лето. Крестьянские волнения в Саратовской, Тамбовской, Новороссийской, Ставропольской губерниях и на Кавказе (Гурия).

5. VIII (23. VII). Стачка железнодорожников и рабочих машиностроительных заводов в Киеве.

11. VIII (29. VII). Покушение Ф. Качуры на харьковского губернатора кн. Оболенского, усмирявшего крестьянские восстания.

20 (7). VIII. Избиение политических заключенных в Одесской тюрьме.

31 (18). VIII. Побег из Киевской тюрьмы 11-ти «искровцев».

IX. Заявление Тверского социал-демократического комитета о солидарности с «Искрой».

IX. Раскол Петербургской соц.-дем. организации на «искровцев» и сторонников «экономизма».

8. IX. Изменение положения о финляндском Сенате; усиление власти генерал-губернатора.

8. IX (26. VIII). Воронежский комитет о нуждах сельско-хоз. промышленности высказывается за созыв «Земского Собора».

11. I 29. VIII). Речь Николая II курским дворянам, в которой дается обещание привлечь дворянство к выработке мер по укреплению поместного землевладения.

Речь Николая II к земцам.

14. (1). IX. Речь Николая II к волостным старшинам с призывом «слушаться предводителей дворянства и не верить вздорным слухам».

14—19. IX. Съезд германской социал-демократической партии в Мюнхене.

26 (13). IX. Стачка в железно-дорожных мастерских в Красноярске.

26 (13). IX Увеличение штатов и ассигновок департаменту полиции.

29 (16). IX. Суд над крестьянами, участвовавшими в аграрных волнениях в Харьковской и Полтавской губерниях.

X. Заявление Московского социал-демократического комитета о солидарности с «Искрой».

XI. Начал выходить журнал «Красное Знамя» — орган «экономистов» (Акимов-Махновец, Кричевский и др.).

XI. Заявление «Южного Рабочего», Харьковского и Орехово-зуевского комитетов о солидарности с «Искрой».

10—13. XI (28—31. X). Суд над нижегородскими и сормовскими рабочими, участвовавшими в первомайской демонстрации.

12. XI. В Гельсингфорсе состоялся съезд финляндских граждан, решивший проводить тактику «пассивного сопротивления».

15—16 (2—3). XI. Псковское совещание, на котором создан Организационный Комитет по созыву II-го съезда Р. С.-Д. Р. П.

15 (2). XI—6. XII (23. XI). Стачка в железнодорожных мастерских Владикавказской ж. д.

Стачки на фабриках и заводах в Ростове на Дону. Массовые митинги и демонстрации. Подавление стачки вооруженной силой.

16. (3). XI. В ряде высших учебных заведений демонстрации в память казненного С. Балмашева.

17 (4. XI). Арест нескольких членов Организационнаго Комитета по созыву 2-го Съезда (И. П. Радченко, П. Н. Лепешинский и др.).

17 (4)—20 (7). XI. Суд над участниками первомайской демонстрации в Саратове.

29 (16). XI. Стачки на всех крупных станциях Владикавказской ж. д.

30 (17). XI. Избиение рабочих на станции Тихорецкой.

XII. Заявление Нижегородского соц.-дем. комитета о солидарности с «Искрой».

4. XII (21. XI). Демонстрации в Тифлисе.

13. XII (28. XI). Арест в Москве ряда «искровцев», пытавшихся восстановить Московский комитет Р. С.-Д. Р. П.

22 (9). XII. Стачка в Батуме.

29. XII. Международная социалистическая конференция в Брюсселе.

1903 г.

Усиление стачечного движения. Ряд всеобщих стачек на юге России. Дальнейшее присоединение ряда социал-демократических комитетов к «Искре». Завершение подготовки 2-го съезда. Борьба «Искры» с организационным сепаратизмом Бунда.

I. Опубликование извещения об образовании Организационного Комитета по созыву 2-го Съезда Р. С.-Д. Р П. («Искра», № 32).

I. Заявление сибирскаго соц.-дем. союза, Саратовского, Тульского и Пермского с.-д. комитетов о солидарности с «Искрой».

10. I. Избрание Жореса вице-президентом французской Палаты Депутатов.

13. I (31. XII). Съезд учительских обществ взаимопомощи принимает ряд политических резолюций.

16 (3). I. 200-летний юбилей периодической печати.

25 (12). I. Ветеринарный съезд. Совещание земских деятелей.

28 (15). I. Рабочая демонстрация в Сувалках.

29 (16). I — : II (20. I). Стачка рабочих в Таганроге.

30 (17). I. Демонстрация железнодорожников в Одессе при отправке товарищей в ссылку.

II. Пленум Организационного Комитета в Орле; принятие устава, на основе которого был созван 2-ой съезд партии.

II. Заявление «Северно-русского Рабочего Союза» и Иркутского соц.-дем. комитета о солидарности с «Искрой».

II. Самоликвидация «Независимой еврейской рабочей партии» (Зубатовская организация).

5. II (23). I. Стачка на ниточной фабрике Штиглица в Петербурге. 3000 рабочих по требованию градоначальника уволены.

21 (8). II. Студенческая сходка в день университетской годовщины в Петербургском университете проходит под влиянием соц.-дем. и принимает резолюцию о готовности содействовать революционному движению.

III. Заявление Донского соц.-дем. комитета о солидарности с «Искрой».

III. Возникновение Казанского соц.-дем. комитета, объявляющего о своей солидарности с «Искрой».

III. Исключение Мильерана из французской социалистической партии.

3 и 5. III (18 и 20. II). Беспорядки в Томском университете.

8. III (23. II). Демонстрация рабочих в Тифлисе.

11. III (26. II). Манифест правительства, в котором констатируется наличие «смуты» в стране и дается обещание приступить к «усовершенствованию государственного строя».

15 (2). III. Демонстрация в Ростове на Дону.

15 (2). III. Демонстрация в Баку.

19. III. Увольнение бургомистров (городских голов) 11-ти крупных городов Финляндии.

24 (11). III. Закрытие Петербургского Женского Медицинского Института в результате студенческого движения.

25 (12). III. Указ об отмене круговой поруки.

26 (13). III. Расстрел рабочих в Златоусте.

IV. Вышел № 1 журнала «Студент».

IV. Заявление Одесского соц.-дем. комитета о солидарности с «Искрой».

1. IV (18. III). Сходка протеста в Петербургском университете против закрытия Женского Медицинского Института. Закрытие университета.

3. IV (21. III)—4. IV (22. III). Стачка в мастерских Варшавских жел.-дор. в Петербурге.

6. IV (24. III). Арест конспиративной типографии Петербургского «Союза Борьбы за освобождение рабочего класса».

6—10. IV. Всеобщая стачка в Голландии.

9. IV. Введение положения о чрезвычайной охране в Финляндии.

19—20 (6—7). IV. Кишиневский погром.

V. Первомайские демонстрации в Томске, Сормове, Смоленске, Николаеве, Туле, Баку, Батуме, Тифлисе и др. городах.

V. Заявление Екатеринославского соц.-дем. комитета и комитета соц.-дем. Союза горнорабочих Юга России о солидарности с «Искрой».

3. V (20. IV). На собрании петербургских литераторов и общественных деятелей поднят вопрос об организации «Союза Освобождения».

7—8. V (24—25. IV). Совещание председателей и членов земских управ в Петербурге.

18 (5). V. Введение института сельских стражников.

18 (5). V—21 (8). VI. Стачка на бумаготкацкой фабрике в Костроме. Избиение демонстрантов-рабочих.

19 (6). V. Убийство уфимского губернатора Богдановича за расстрел рабочих в Златоусте.

26 (13). V. Арест руководителя боевой организации с.-р. Гершуни. Во главе боевой организации становится Азеф.

VI. Пятый Съезд Бунда.

1. VI (19. V). Стачка в Поти.

1. VI (19. V). Демонстрация в Белостоке.

5. VI (23. V). Стачка Максвельских рабочих, вызванная отказом уплатить деньги за вынужденное празднование 200-летия Петербурга.

11. VI (29. V). Стачка на судо-строительном заводе в Николаеве.

12. VI (30. V). Издание закона, подчиняющего фабричную инспекцию губернаторам и полиции.

15 (2). VI. Закон об «ответственности» предпринимателя за увечие и смерть рабочего.

16. VI. При выборах в Германский парламент социал-демократы получили 81 место (2-ая по числу депутатов партия в парламенте).

20. VI. Заседание Международного Социалистического Бюро в Брюсселе.

23 (10). VI. Закон о фабричных старостах.

24 (11). VI. Избиение политических заключенных в «Крестах».

VII. Организация «Союза Освобождения».

VII. Стачка в Одессе, послужившая началом широкого движения рабочих масс всего юга России, принявшего резко-революционный характер.

3. VII (20. VI). Стачка рабочих в железно-дорожных мастерских в Борисоглебске.

14 (1). VII. Начало всеобщей стачки в Баку.

27 (14). VII. Начало всеобщей стачки в Тифлисе.

30 (17). VII. Начало всеобщей стачки в Батуме.

СОДЕРЖАНИЕ*).

*) Звездочкой отмечены статьи, не вошедшие в первое издание Сочинений.

1903 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

V ТОМ
СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
подготовлен к печати
В. Г. СОРИНЫМ

Редакционная комиссия:
Б. Г. СОРИН, Е. И. КОРОТКИЙ,
С. С. КРИВЦОВ

Техническая редакция:
Д. К. БОГОМИЛЬСКИЙ, И. Д. ГАЛАКТИОНОВ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДУЮЩЕГО НАБОРНЫМ ЦЕХОМ
К. В. ГРОШЕВА,
БРИГАДИРОВ:
Г. Л. ГОРОДКО, И. А. СЕЙЛЮСА, В. А. УГОДНИКОВА,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
И. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА, В. П. ФЕДОРОВА,
ЗАВЕДУЮЩЕГО КОРРЕКТОРСКИМ ЦЕХОМ
П. Н. ШТУРЦА,
КОРРЕКТОРА
Б. А. ГУРЕВИЧ,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
А. П. ИВАНОВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ТЕХНИЧ. РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПЕРЕПЛЕТНОГО ЦЕХА
И. С. БУХАРИНА И Р. Д. РОЖКИНОЙ

(55—74)

Подписано в печать с матриц 3/VIII 1932 г.
Инд. С, Партиздат № 882/м. Тираж 20 000. Ленгорлит № 51915. Зак. № 1072.
Формат бумаги 62 × 93 см., $28^3/_4$ печ. л. (88320 тип. знак. в 1 бум. л.).
Бум. л. $14^3/_8$. Вышла в свет — август 1932 г.

ЛЕНИН